

Алексей КАЛУГИН МЕЧТА НА ПОРАЖЕНИЕ

S.T.A.L.K.E.R. –



Алексей КАЛУГИН МЕЧТА НА ПОРАЖЕНИЕ

Аннотация

Только нелепая случайность, да еще ствол чужого автомата заставили сталкера-одиночку Гупи стать проводником странной группы, нацелившейся на самый центр Чернобыльской Зоны. В сердце Зоны находился загадочный Монолит, который, по слухам, мог выполнить самое сокровенное желание того, кто до него доберется. Но для того, чтобы его достигнуть, нужна была самая малость – пройти через Ад.

Глава 1

Счастье для всех сталкеров одинаково. Сделал ходку в Зону, удачно миновав ловушки – счастье. Не попался на зуб вконец сбрендившему монстру – снова счастье. Набил полный контейнер бирюльками, за которые барыги, в Зоне осевшие, готовы тебе карманы тугриками набить – счастье вдвойне. Ну, а коли еще после этого целым, с руками и ногами, и соображалкой работающей из Зоны выбрался – великое счастье. Зона далеко не каждого принимает, а уж отпускает – и того реже.

А вот несчастье у каждого свое. Потому что изобретательна Зона на всякие мерзости да пакости. И для каждого у нее свой сюрприз имеется. Особенный. На другие не похожий.

Зона – она повторяться не любит. Одного она напугает до смерти, но после все равно отпустит. А другого пришибет там, где до него десятки, а то и сотни прошли, даже не споткнувшись. И после будут идти и дивиться – это ж надо, на ровном месте...

Сталкер по прозвищу Гупи знал, что такое счастье. Он уже пятый год ходил в Зону, и до сих пор оставался жив-здоров. А вот в удачу он не верил. Он был знаком со многими молодцами, свято верившими в свою удачу, которых Зона пережевала, проглотила и даже костей не выплюнула. Гупи точно знал, если хочешь остаться живым в Зоне, полагаться нужно не на везение или удачу, а на точное знание местности и повадок тварей, на ней обитающих. А самое главное – доверяй лишь себе одному. Ведь, как ни крути, для каждого человека самая большая ценность – его собственная шкура. Он может совершенно искренне клясться в вечной дружбе и собачьей верности, но, когда смерть за горло схватит, миг обо всем забудет. И только одна мысль будет направлять все его действия: Жить хочется! Ой, как хочется! Так хочется, что любому глотку перерву!

Помня об этом, Гупи всегда ходил в Зону один.

Может быть, поэтому и жив до сих пор оставался.

Он не присоединился ни к одному из сталкерских кланов – хотя знакомые у него среди ветеранов имелись и даже предложения поступали, – и никогда не брал с собой «отмычек» – начинающих сталкеров, которых на скользкой тропинке можно впереди себя пустить. Точно так же отказывался Гупи работать проводником у любителей экстремального туризма, лезущих в Зону, чтобы нервы себе пощекотать. Даже если маршрут был несложный, а деньги предлагали хорошие. Он и заказы у барыг не брал. Просто шел в Зону сразу после очередного выброса, забирался в такие места, куда не всякий сунется, набивал полный контейнер бирюлек, а, вернувшись, сбывал товар, кому придется. При этом цену своим бирюлькам Гупи знал и торговаться не любил. Ежели барыга отказывался заплатить правильную, по мнению сталкера, сумму, он молча забирал товар и шел к другому. А сбыв бирюльки, исчезал куда-то на месяц-другой.

Ни в пьянстве, ни в разврате Гупи замечен не был. Деньгами сорить привычки не имел. Играть, даже по маленькой, не садился. Если и заходил в какой из баров, облюбованных сталкерами, так только по делу – оружие, амуницию или флэшку со свежей картой прикупить.

...Откуда он взялся – никто не знает. И мало осталось тех, кто помнит, как Гупи впервые завалился в бар к Крысу. В растоптанных кирзовых сапогах, в широченных солдатских штанах и затасканном армейском бушлате, подпоясанным ремнем со звездастой бляхой. На голове бейсболка с засаленным козырьком и непонятной надписью GSC. За поясом обрез ижевской вертикалки шестнадцатого калибра. В руках здоровенная хозяйственная сумка из сине-зеленого стеклопластика – в таких в былые времена «челноки» из Китая и Турции шмотки таскали. Гупи молча прошел через зал, мимо столиков с удивленно таращимися на такое диво сталкерами, остановился возле стойки, поставил сумку на пол, проникновенно посмотрел на бармена и тихо поинтересовался:

– Кому здесь можно предложить артефакты?

Услышав такое, Крыс – а в этот момент за стойкой стоял сам хозяин, – только усмехнулся презрительно. Что может притащить такой доходяга? Копну «Ржавых волос»? «Ведьмины слезы»? Пяток разряженных пустышек? Но когда Гупи поставил свой баул на стол и принялся выкладывать из него бирюльки, у Крыса глаза на лоб полезли. А вскоре, почуяв, что происходит что-то необычное, к стойке начали подтягиваться находившиеся в баре сталкеры. А Гупи, между тем, спокойно, будто и не было никого вокруг, выкладывал перед ошалевшим Крысом принесенные бирюльки. Сначала над стойкой, не касаясь ее, повисли два «Райских яблока».

– Это как же он их допер-то, без контейнера? – изумленно произнес один из сталкеров.

А из сумки появились три «Грустных свистка», просто засунутые в презервативы, чтобы не свистели почем зря. Затем – два брикета дум-мумие, каждый размером с кирпич. Горсть «Колец Мебиуса», пяток «Тупых зажигалок», с десяток «Осколков неба» – пара

размером почти что с кулак! – один «Глаз дракона» и странный предмет, похожий на полуабстрактную фигурку с плавными линиями, напоминающую сидящего в задумчивости человека, будто бы отлитую из материала, похожего на камень, стекло и металл одновременно. До появления в этом баре никому тогда еще неизвестного Гупи таких фигурок существовало всего пять. Его стала шестой. Позже он притащил еще три штуки. Пройдя через многочисленные руки перекупщиков и посредников, одна из фигурок была куплена Британским музеем. Вторую приобрел Лувр. Остальные осели в частных коллекциях. Непонятно, по какой причине фигурки эти стали называть «Коростелиными богами». Хотя, при чем тут коростель? Что они представляли собой на самом деле, никто объяснить не мог. Ученые сходились лишь в одном – материал, из которого были выполнены «Коростелиные боги», невозможно получить в земных условиях. Фонили фигурки по-черному, поэтому выставляли их под колпаками из толстого освинцованного стекла. Оно и понятно, находили «Коростелиных богов» только за Ржавым лесом, в зоне действия второго радара, куда не всякий опытный сталкер забредет. Потому что, ежели вовремя оттуда убираться не успеешь и попадешь под психотропное излучение, то этот дятел так по башке шарахнет, что мозги во фрикасе превратятся. Добраться туда без детектора аномалий и специального защитного снаряжения Гупи в первую свою ходку никак не мог. Выходит, нашел другое место. Но молчал о том, сколько его ни расспрашивали.

Но ведь и это было не все!

Под конец Гупи достал из баула закрытую пластиковой крышкой трехлитровую банку, а в ней – два гомункулуса!

Тут уж, точно, все рты пораззевали.

А Крыс сразу за тугриками полез – как бы новичок свои бирюльки кому другому не предложил. И, надо сказать, рассчитался он с Гупи по-честному. Большую часть отвалил тугриками, а остальное – оружием и снаряжением.

Хотя потом, когда выпив чашку кофе, Гупи из бара ушел, Крыс, глядя ему вслед, головой покачал сочувственно.

– Удачливый, поганец, да только долго не протянет. Зона особо удачливых-то не любит.

В тот раз не только Крыс, но, пожалуй, и все, кто находился в баре, решили, что новичку просто несказанно повезло. Такое порой случается. Сходит новичок в Зону, залезет туда, где никто не бывал, притащит бирюлек дорогих, напьется на радостях, покутит во всю душу, а во вторую ходку сгинет без следа. К тому же, даже приодевшись, как подобает, Гупи мало походил на сталкера. Ростом он был под два метра, но при этом тощий, как сталинский зэк, с плечами, на вид такими немощными, что странно было, как с них лямки рюкзака не сваливаются. Лицо у Гупи было узкое – кто-то даже пошутил, что у него, мол, только профиль и есть, – с острым подбородком, длинным, крючковатым носом, чуть раскосыми, близко посаженными глазами и большими, будто приклеенными к черепу ушами. А в довершение всего – тоненькая ниточка черных усов на губе. Не сталкер, жизнью тертый, а сутенер средиземноморский. Однако ж, ходил Гупи раз за разом в Зону и возвращался целым и невредимым. А за бирюльки, что он приносил, торговцы едва не с ножами друг на друга кидались. Каждый знал, любая такая бирюлька, хоть и стоит будет дорого, но окупится втрое. Это как минимум.

Привычки у Гупи были тоже странные. Для сталкера странные. Во-первых, он не курил. Во-вторых, не потреблял спиртного. То есть абсолютно! Ни капли в рот не брал. Даже за компанию. Может, потому и компаний ни с кем не водил. В-третьих, в азартные игры не играл и денежных ставок ни на что не делал.

Впрочем, была у него своя слабость. Гупи жить не мог без кофе. Причем кофе ему требовался настоящий, свежесваренный, а не полуостывшая бурда из термоса и, уж ни в коем случае, не растворимый порошок. Поэтому, куда бы ни шел Гупи, у него при себе всегда имелся пакетик молотого кофе и старый жестяной кофейник, который можно было ставить прямо на угли.

Комар не раз предупреждал Гупи:

– Кончай ты эту дребедень, старина! Не доведет она тебя до добра! Когда ты себе кофе варишь, запах по всей Зоне идет!

– Ну и что? – делал вид, что не понимает, о чем речь, Гупи.

– А то, что выследить тебя по нему – плевое дело!

В ответ на это Гупи недоумевающе кривил губы.

– Когда ты куришь, табаком тоже здорово воняет.

– Так то ж табаком. Ты много некурящих сталкеров видел? А кофе на костре ты один себе варишь.

– А кровососу все равно, что кофе, что табак. Почует запах и выйдет на тебя.

– Я что, про кровососов с тобой толкую? – возмущенно бухтел Комар.

– Про кого ж тогда? – удивленно поднимал брови Гупи.

– В Зоне есть тварь пострашнее кровососа, – при этих словах Комар чуть понижал голос.

– Человеком зовется. И все вокруг знают, что тебе на бирюльки везет, как никому другому.

– Мне не везет, я просто умею искать.

– Да какая разница! Смотри, Гупи, нарвешься на мародеров. А то и из молодняка кто на твое добро позарится.

– Я буду осторожен, – обещал Комару Гупи.

И он, действительно, был осторожен. Чертовски осторожен.

Но кофе продолжал варить.

То ли, из принципа, то ли, действительно, не мог от него отказаться.

В конце концов, без слабостей – это и не человек даже. А та, что у Гупи, – не самая плохая...

Привстав, Гупи снял крышку с кофейника и помешал закипающий кофе ложкой. Вырвавшийся из-под крышки горьковатый аромат, сразу перекрыл запах болотной прели с металлическим привкусом, которым тянуло с берега озера.

Где-то вдалеке гулко ухнула ночная птица. словно в ответ ей завыл, протяжно и грустно, так, что душу наизнанку выворачивало, чернобыльский пес.

Гупи довольно улыбнулся, натянул на руку плотную кухарскую рукавицу с золотой рыбкой и снял кофейник с огня. Схрон, в котором он собирался коротать эту ночь, был надежным. Почти как сейф, в котором Крыс хранил свои тугрики. Впервые обнаружив это местечко пару лет назад, Гупи с тех пор регулярно им пользовался. Схрон находился неподалеку от озера Янтарь, причем в таком удачном месте, что его стороной обходила волна психотропного излучения, накрывающая берега озера всякий раз, когда под его дном начинал работать радар. Пакостная штука – психотропный радар. Пакостная, потому что непонятная. Мозги вышибает на раз. Гупи доводилось видеть людей, тупо топающих по гулким крышам затопленных в озере машин к самому его центру. Зачем? Да кто ж его знает! Назад уже никто не возвращается. Поэтому даже зомби стараются обходить эти места стороной. От грешка, что называется, подальше. Когда-то облюбованный Гупи схрон, был, по всей видимости, входом в систему военных бункеров, переходы между которыми, как говорят, тянутся под Янтарем. Должно быть, рвануло в этом бункере что-то капитально, так что стены и потолок обрушились. Если пройти вглубь схрона, то метров через семь упруешься в завал. Хороший завал, капитальный. Можно не опасаться, что какая-нибудь тварь из-под земли выползет. Те же бюреры в оставленных военными подземных коммуникациях кишмя кишат, плодятся и размножаются, в полном соответствии с божьим наказом. А перед входом в схрон костерок горит. Снаружи его не видно – Гупи проверял, – но, ежели кто сунется, сразу силуэт на фоне огня высветится. А у Гупи под рукой автомат с подствольником – шарахнешь в упор, так и кровососа наружу вынесет.

Место было удобно еще и тем, что находилось неподалеку от деревеньки в одиннадцать дворов, от которой даже названия не сохранилось. Но зато после выброса артефактов в

ней было, как грибов в июле после дождя. Правда, аномалии тоже вылезали повсюду, будто мухоморы. Но на то она и Зона, чтобы зубы показывать. И на то он и сталкер, чтобы эти зубы вышибать. Или обходить – это уж как придется. Гупи обычно подгадывал так, чтобы очутиться возле этой замечательной деревеньки как раз перед выбросом. Переждав выброс в схроне, он первым оказывался в ягодном местечке и задолго до подхода основной группы охотников за артефактами собирал все самое дорогое и интересное.

И как это называется?

Везенье?

Не-е-ет!

Грамотный, квалифицированный подход к делу – вот как это называется!

Удача здесь совершенно ни при чем.

А собрав бирюльки, Гупи отправлялся в лагерь ученых, находившийся на другом конце озера. «Ботаники» мало того, что платили хорошо не только за редкие бирюльки, но и за вполне обыденные, которые им срочно для экспериментов требовались, так у них еще и полезными вещами разжиться можно было, теми же капсулами и контейнерами для артефактов или программным обновлением для детектора аномалий. А то и узнать что новенькое на тему, почему так Зону корежит. Вообще-то, «ботаники» сами ничего толком не понимали, но очень любили с умным видом порассуждать о том, в чем простым людям ни в жизнь не разобраться. Даже после ста граммов.

Гупи достал из рюкзака большую эмалированную кружку, аккуратно протер изнутри чистым платком и только после этого налил в нее дымящийся кофе. Для начала он прикрыл глаза и осторожно втянул ноздрями витающий над кружкой аромат. Запах кофе – очень важная составляющая того удовольствия, что получает настоящий знаток от этого величественного напитка. Если бы кофе не имел запаха, его, наверное, и пить было бы невкусно.

Гупи сложил губы трубочкой и осторожно пригубил обжигающе горячий напиток.

Божественно!

Гупи откинул голову назад. Блаженная улыбка рассекла его лицо от уха и до уха.

Именно за эту улыбку один из зеленых сталкеров, сгинувший в четвертую ходку, за глаза назвал его Гуинплем. Должно быть, из образованных был. Прозвище всем понравилось, особенно, когда парень объяснил, что оно означает. Но для повседневного использования оказалось слишком длинным. Прозвище у сталкера должно быть коротким, на один выдох, чтобы легко было окликнуть. Или на один выстрел – чтобы быстро положить. Вот и получился из Гуинплена Гупи. Впрочем, теперь эта история тоже отошла в область сталкерской мифологии, и большинство неофитов искренне полагают, что прозвище Гупи врастает своими корнями в название известной всякому начинающему аквариумисту рыбки.

А пусть думают что хотят! Самому Гупи до этого дела не было. Привалившись боком к старой тракторной крышке, он не спеша, с чувством потягивал свой замечательный кофе и получал от этого колоссальное удовольствие.

Впрочем, не только кофе являлось причиной блаженного душевного состояния сталкера. Неподалеку стояли два контейнера, в один из которых были загружены полтора десятка «поющих пружинок» и два «Цепня», длиной около метра каждый. Вообще-то, изначально это был один «Цепень», но, пытаясь затолкать его в контейнер, Гупи неосторожно подцепил «Цепня» палкой, и тот развалился надвое. Понятное дело, один длинный «Цепень» лучше, чем два коротких. Но тут уж ничего не поделаешь, «Цепни» – они такие, рвутся на раз. Во втором контейнере находились два «Глаза дракона» и средних размеров брикет дум-мумие. А в рюкзаке, аккуратно завернутая в байковую тряпицу, лежала капсула с мертвой водой. Это из-за нее Гупи задержался в деревне дольше, чем планировал. Обычно он еще засветло добирался до лагеря ученых, где и ночевал в маленьком вагончике для технического персонала. Но, наткнувшись на куст, листья которого, будто черной росой, были усыпаны капельками мертвой воды, Гупи

понял, что не сможет оставить такую замечательную находку кому-то другому. Он долго, старательно и аккуратно собирал капельки мертвой воды автоматическим дозатором. Трижды Гупи отвлекался от этого занятия, требующего абсолютного внимания и полной концентрации, чтобы шугануть шуршавшую по кустам плоть. Да уже под вечер пришлось взяться за автомат, когда на него вышел зомби, довольно свежий, со здоровенной базукой на плече. Судя по оружию и форме, это был солдат из германского корпуса международных вооруженных сил, охраняющих периметр Зоны. По счастью, бывший солдатик, видно, успел позабыть, как пользоваться оружием, которое он по привычке все еще таскал за собой. Гупи сначала перебил ему ноги в коленях короткой очередью из автомата, а затем мачете отрубил голову. В целом, день выдался спокойный. Выброс произошел перед самым рассветом, и основная масса тварей еще не успела добраться сюда из центра Зоны. Вот завтра, а особенно послезавтра, сталкерам, являющимся добирать то, что оставил Гупи, тут найдется в кого пострелять.

Базука, что тащил на себе немецкий зомби, оказалась поврежденной. Да и зарядов к ней не было. Но Гупи все равно отволоч ее в свой схрон. Кто знает, может, когда и пригодится. Он решил пересидеть ночь в схроне. Не спать – спать нельзя! – а только разве что подремать самую малость. А ранним утречком, что называется, по росе, только никак уж не босиком, можно будет добежать до лагеря ученых, скинуть им часть бирюлек и поспать несколько часиков. Если выйти с Янтаря часа в два, то засветло еще можно успеть до бара «Сталкер» добраться. Ежели, конечно, ничего по дороге не случится. А случится могло очень даже запросто. Причем все, что угодно. Это ведь Зона, а не Диснейленд. И даже не Парк культуры и отдыха имени Алексея Пешкова.

«Ботаникам» предназначалось то, что находилось в первом контейнере – «Поющие пружинки» и распавшийся надвое «Цепень». «Глаза драконов» и дум-мумие Гупи собирался скинуть Драге – серьезному барыге, не берущему все подряд, а только то, что за воротами Зоны раз в десять подскакивает в цене. «Глаза дракона» пользовались популярностью у мистиков, оккультистов, спиритов и экстрасенсов, считавших артефакт сей значительно улучшенным вариантом классического хрустального шара. А дум-мумие ценилось за то, что якобы способно излечить от любой болезни, включая перуанскую окопную лихорадку, полтора года назад повергшую в страх и трепет весь цивилизованный мир, как некогда СПИД. «Ботаники» с Янтаря ничего толком об этих двух бирюльках не говорили. Хотя брали охотно. Но платили значительно меньше Драги. Поэтому им редко что перепало. А сам Гупи считал, что, если б с помощью «Глаз дракона» можно было будущее предсказывать, а дум-мумие от любой хвори спасало, так сталкеры были бы самыми счастливыми, здоровыми и осведомленными мужиками на всем белом свете.

Гупи усмехнулся и сделал большой глоток из кружки с кофе.

– Эй, сталкер!.. – донесся протяжный стон со стороны озера. – Сталкер! Брат!.. Помогите!

Вот же напасть! Гупи едва не выругался. Мертвый сталкер снова завел свою песню! Значит, так и будет теперь ходить полночи вокруг, подвывая и стеная, будто тень отца Гамлета, пока сам в озере не сгинет.

– Сталкер!.. Скорее, сталкер!.. Нет больше мочи!.. Помогите, братишка!

Ну до чего же пакостные людишки бывают! Мало того, что сами окочурились, так еще и других хотят за собой утащить!.. Мерзляки недоделанные!

Гупи презрительно сплюнул в сторону и залпом допил остававшийся в кружке кофе.

Поставив пустую кружку на небольшой плоский камень, сталкер потянулся за стоявшим у огня кофейником, чтобы снова ее наполнить. И в тот момент, когда он взялся за горячую металлическую ручку, в открытом проеме схрона мелькнула тень. Гупи не успел даже понять, кто это такой, как плотный, упругий удар в грудь откинул его к стене. По счастью, недалеко. Упав набок, Гупи дотянулся до автомата.

Зашипел пролившийся в костерок кофе. Свет померк, а под сводами схрона поплыл одуряющий аромат.

Гупи включил подствольный фонарик.

Луч света, скользнув по камням у входа, зацепился за нечто серое и бесформенное, чего там прежде не было.

Не раздумывая долго, Гупи нажал на спусковой крючок.

Короткая, сухая очередь разорвала ночную тишину.

Прятавшийся среди камней бюерер вскочил на ноги и потешно-страшно вскинув над головой короткие, кривые ручонки с растопыренными пальцами, кинулся на stalkера.

Несмотря на свой забавный вид, карлики-телекинетики были одними из самых опасных существ Зоны. Главным образом потому, что, в отличие от прочих тварей, были разумными. Но разум их был иного порядка, нежели у людей, – так говорили о бюерерах «ботаники», – извращенным до предела, настолько, что никогда невозможно понять, что у бюерера на уме.

Проникший в схрон бюерер раскинул руки в стороны, пытаясь поднять лежавший перед ним обломок бетонной балки. Обычно бюереры легко проделывают подобные трюки, но этому совладать с глыбой почему-то не удалось. Едва приподнявшись, бетонный блок снова упал на землю. Что-то недовольно пропищав, бюерер направил руки с растопыренными пальцами на stalkера. Гупи почувствовал, как его прижало к стене. Но, не сильно. При желании он даже смог бы подняться и пойти навстречу бюереру. Но зачем было это делать, когда в руках у stalkера был автомат.

Гупи как следует прицелился, нажал на спусковой крючок и не отпускал его до тех пор, пока сухой щелчок затвора не дал знать, что патроны в обойме закончились. Быстро отщелкнув пустой рожок, Гупи вставил на его место новый, поднялся на ноги и осторожно, держа на прицеле похожее на ком старого тряпья неподвижное тело бюерера, приблизился к нему.

В отличие от тех же кровососов, особой живучестью бюереры не отличались. Гупи осторожно ткнул маленького уродца носком ботинка в бок. Карлик тихо простонал. Пальцы откинутой в сторону руки сжались в кулак.

Вот это номер! Бюерер все еще был жив!

Вообще-то, самым разумным в данной ситуации было бы добить бюерера и выкинуть в озеро. Но Гупи вдруг захотелось понять, что происходит? Бывает же такая напасть – хочется так, что аж не вмоготу. Как если до зудящего места дотянуться не можешь.

Происходило, и в самом деле, нечто странное. Или, лучше сказать, необычное. Начать хотя бы с того, что бюереры никогда прежде не заглядывали в схрон Гупи. Они вообще никогда не показывались на берегу, хотя и копошились где-то неподалеку в старых армейских бункерах. Да и вел себя этот полумертвый бюерер странно. Какого черта на свет полез? Как будто спрятаться больше негде было. Может, он больной? Даже первый его кинетический удар сбил Гупи с ног только в силу неожиданности. А потом карлик и камень поднять не смог.

Подцепив носком ноги, Гупи перевернул тело бюерера на спину.

Уродливый карлик смотрел на него широко раскрытыми глазами. Губы его шевелились, как будто он пытался и не мог что-то сказать, только кровь в углах рта пузырилась. В левом виске бюерера зияло пулевое отверстие диаметром с палец, окруженное коркой запекшейся крови.

Выходит, его еще до меня подстрелили, понял Гупи. И он, действительно, залез в схрон, чтобы спрятаться. Или...

Бюерер обхватил себя обеими руками, а левую еще и под драный балахон запустил. Как будто что-то спрятать пытался.

Точно! Гупи все понял. Бюерер забрался в схрон, чтобы что-то здесь спрятать. Про это место, кроме Гупи, никто не знает, и большую часть времени оно остается пустым. Что и говорить, хорошее место. Только что бюереру прятать?

И кто на него охотился?

Гупи присел на корточки рядом с умирающим бюерером, положил автомат на колени и двумя пальцами растянул рану у него на голове. С момента, когда в лоб бюереру угодила

пуля, прошло, самое большое, часа три. Как далеко может уйти тяжело раненый бюрер?.. То-то и оно – выходит его преследователь где-то неподалеку...

Бред какой-то!

Кто станет гонять по Зоне смертельно раненого бюрера?

– Ну-ка, покажи, что там у тебя? – Гупи попытался отвести левую руку бюрера в сторону.

Но тот все еще пытался сопротивляться.

Гупи поднял автомат и коротко, почти без замаха, ударил бюрера прикладом в простреленный висок.

Карлик дернулся всем телом и затих.

Может, сдох, наконец.

Гупи развел руки бюрера в стороны, достал нож и осторожно поворошил его одежду. Хотя, какая это, к лешему, одежда – тряпье, старое и драное, черт знает где найденное и затасканное до полного «не могу». Тряпья этого на бюрере было, как на капусте листьев. И с каждым новым слоем вонь от него становилась все нестерпимее.

Гупи уж было решил, что все, хватит, пусть этот вонючка катится ко всем чертям в ад вместе со всеми своими зловонными секретами. Надо хватать его за ноги и тащить вон из схрона. Как вдруг острие ножа уперлось во что-то твердое.

– Брат!.. – снова затянул в темноте свою заунывную песню мертвый сталкер. – Спаси, брат-сталкер!.. Пропадаю!..

– Ага, жди, уже бегу, – недовольно буркнул себе под нос Гупи.

Распоров очередную тряпку, заменявшую бюреру одежду, Гупи подцепил ножом и вытянул из-под нее ПДА. Не такой, как носят сталкеры, а армейский. И – неработающий. К расколотому дисплею на веки, вечные прилипла надпись: «18-07/13:32. Болото 2-12. Погиб сталкер Семецкий. Причина смерти: укус клопа-венома». Вчерашняя новость. Гупи перевернул ПДА. Сделано, как и полагается, в Китае. Судя по инвентарному номеру, собственность бельгийского корпуса из подразделения международных вооруженных сил.

Ну, теперь все более или менее ясно. Бюреры – всем известные клептоманы. Тянут, как сороки, не то, что нужно, а что блестит. Видно, и этот умыкнул у солдатики ПДА, но тот все же успел ему в голову пулю всадить. Перепуганный в усмерть бюрер кинулся прятаться, а заодно и барахлишко решил захватить... Неужели, даже схлопотав пулю в лоб, он не понял, что умирает?.. Гупи снова перевернул ПДА. Бюрер с дыркой в голове не мог уйти далеко от места преступления. А вояки просто так по зоне не шарятся. Поэтому можно смело предположить, что принадлежал ПДА кому-то из бойцов, охраняющих научный лагерь. Другого места расположения военных поблизости нет.

– Сталкер!.. Брат!.. Не могу больше ждать!.. – снова завыл мертвый сталкер.

– Умолкни, зараза, – недовольно буркнул Гупи.

Он щелкнул ногтем по дисплею.

Семецкий умер. Эка невидаль! Ему не впервой. А вот бюрер, долбень недоделанный, отдал свою скотскую жизнь за сломанный ПДА. На всех ПДА, используемых в Зоне, что сталкерских, что военных, стоит милая программа, именуемая «Камикадзе». Как только мини-комп теряет контакт со своим владельцем, «Камикадзе» лихо, словно самурайским мечом, рубит всю имеющуюся на нем информацию. А как иначе? Информация порой дороже бирюлек стоит. Так что пытаться стянуть что-то со встроенного информационного накопителя сворованного бюрером ПДА нечего было и думать. Вместо информации можно разве что только вирус-шпион подцепить, который тут же все данные с твоего собственного мини-компа на чужой адрес перекинет.

Глянув на незадачливого, а потому сильно мертвого бюрера, Гупи усмехнулся почти сочувственно и кинул ПДА в костер. Упав одним краем на угли, другим ПДА ударился о камень. Раздался негромкий щелчок, и из открывшейся приемной ячейки показался край флэшки.

А вот это уже могло оказаться интересным!

Гупи быстро выхватил флэшку из начавшего коробиться от жара углей корпуса. Повертел в пальцах. Вроде бы, в порядке. По крайней мере, без видимых дефектов. Обдур на всякий случай чужую флэшку и помахав ею в воздухе, как будто она была горячая, Гупи сунул ее в приемник своего ПДА и сразу запустил антивирусную программу.

Флэшка оказалось чистой. В смысле – неинфицированной. А записан на ней был только один графический файл.

Прежде чем открыть неизвестный файл, Гупи поставил на камень кружку, поднял опрокинутый кофейник и слил из него остатки кофе. Получилось чуть меньше половины кружки. И то хорошо. Гупи сделал глоток. Кофе остыл. Но, в отличие от иных гурманов, Гупи любил как горячий, так и остывший кофе. Главное, чтобы он был сварен как следует. И без единой крупинки сахара. Тогда – все нормально. А с сахаром остывший кофе – это помой.

Гупи допил кофе и поставил кружку на камень.

Ладно, решил Гупи, файл с флэшки никуда не денется, а от мертвого бюрера нужно избавиться. А то воняет так, будто уже неделя, как сдох.

Гупи поднялся на ноги, закинул на плечо автомат и, ухватив бюрера за край хламиды, в которую тот был завернут, поволок к выходу.

Оказавшись под открытым небом, Гупи первым делом прислушался. Ночь была тихая. Звезды отражались в черной воде озера. Где-то далеко, в направлении болота, протяжно ухала какая-то тварь. То ли жрать хотела, то ли просто не знала, чем себя занять. Гупи включил детектор жизненных форм. В радиусе десяти метров вокруг схрона никто не прятался, поджидая добычу.

– Брат!.. – снова слышалось со стороны берега. – Сталкер!.. Мочи больше нет! Помоги!

Гупи выдернул из-под локтя автомат и посветил подствольным фонариком туда, откуда доносился голос. Неясная, расплывающаяся по контуру фигура стояла неподалеку от кромки воды, покачиваясь, будто лист от дуновений ветра. Если мертвый сталкер ходит по берегу, значит, туда сейчас лучше не соваться – затянет, как муравья, в канализацию.

Гупи опустил автомат, снова ухватился за обноски бюрера и поволок его в сторону от берега. Днем он уже проверил эту дорогу, так что риска вляпаться в аномалию не было. Вообще-то, неплохо бы было сунуть мертвого бюрера в «Жарку», чтобы вонючий труп не привлекал зверье поганое. Но ближайшая, отмеченная Гупи «Жарка» была метрах в ста. А сто метров в темноте – это вам не хе-хе в маковом дыму. Можно и не дойти. Или – дойти, но не вернуться. Нет уж, пусть лучше бюрера крысы сгрызут да воронье расклюет.

Поднатужившись, Гупи кинул бюрера подальше в кусты, вытер руки о влажную траву и пошел назад.

– Сталкер!.. Дружище!.. Помоги!.. Я своих потерял!..

– Надоел, зараза, – Гупи выпустил короткую очередь по мертвому сталкеру, и тот исчез. Хотя, скорее всего, не надолго.

Забравшись в схрон, Гупи подкинул дровишек в костер, налил в кофейник воды из фляги и поставил к огню – пусть греется.

Отдернув до локтя рукав камуфляжной куртки, чтобы весь дисплей было видно, Гупи в задумчивости посмотрел на окошко меню, выплывшее в правом нижнем углу.

А стоит ли вообще смотреть, что там на флэшке, мелькнула мысль в голове у сталкера. Есть секреты, которые лучше не знать. Хотя, с другой стороны, ну, что мог загнать на флэшку вояка, у которого бюрер мини-комп умыкнул? Скорее всего, порнуха... Или фотографии семьи... Нет, девяносто девять процентов – порнуха!

Гупи усмехнулся и ткнул пальцем в светящуюся полоску «Открыть».

То, что появилось на дисплее, не было похоже на порнографию. Это был план, на котором пересекающиеся линии сплетались в причудливый узор. Отдельные места на плане были отмечены красными либо зелеными точками. В пяти узлах, где пересекались три, а то и сразу четыре линии, стояли вопросительные знаки. Примерно в центре всей

этой паутины был изображен черный квадрат. С первого взгляда, картинка здорово напоминала детскую головоломку, в которой нужно было, минуя опасные места, отыскать путь к центру лабиринта. Входы в лабиринт были обозначены цифрами – три, восемнадцать, сорок четыре, шестьдесят девять и сто два. Гупи, забавы ради, попробовал отследить взглядом одну из дорожек, которая вскоре завела его в тупик. Вторая дорожка также потерялась среди красных точек, которые Гупи расценивал, как запретительные знаки. А вот третья, поплутав какое-то время, вывела сталкера к черному квадрату.

Гупи довольно улыбнулся, отключил изображение и вытащил флэшку из приемника. Видно, военным делать нефига, если они такой ерундой балуются. Тупая игрушка – даже бегунка нет. Буржуи хреновы... Им пипифакс ароматизированный в Зону подавай. Вот и дуреют от того, что не знают, чего бы еще захотеть. Говорят, пару лет назад на Западе, непонятно с чего вдруг, вошли в моду резиновые китайские кеды, что в советские времена у нас, почитай, вся страна носила. Не потому, что стильно, а поелику другой спортивной обуви не было. И зачем, спрашивается, им эти кеды?.. Все дело в том, что нет ни у одного из них большой, настоящей мечты. Такой, за которую и жизнь отдать не жалко. А без мечты – разве ж это жизнь!

Крутанув флэшку меж пальцев, как престижиджигатор монетку, которая в любую секунду может пропасть прямо на глазах у изумленной публики, Гупи кинул ее в огонь.

У озера снова завыл восставший из небытия мертвый сталкер. Только теперь он завел другую песню на тот же мотив.

– Приятель!.. А, приятель!.. Дай водички попить!.. Помираю, как пить хочется!.. Приятель!.. У меня тут еще двое раненых!.. Помоги, брат-сталкер!..

– Иди ты в жопу! – не сдержавшись, рявкнул в ответ Гупи. – Пень обоссанный!

Глава 2

Мертвый сталкер так и ходил всю ночь вокруг схрона. Всю плешь проел Гупи своими причитаниями. Если бы в базукe немецкого зомби оставался хотя бы один заряд, сталкер непременно шарахнул бы по надоедливому призраку. Толку от этого, понятное дело, никакого. Однако моральное удовольствие Гупи получил бы. И на душе у него после этого стало бы потише. А душевное спокойствие – оно, между прочим, немалого стоит. И в Зоне, и за ее периметром. Ежели душа у человека спокойна, а разум чист, то ни одна тварь ему не страшна.

Только под утро призрак угомонился.

Гупи даже не стал выглядывать из схрона, чтобы посмотреть, как мертвый сталкер пройдет по крышам затопленных в Янтаре машин, аки Иисус, шагающий по водной глади, и, добравшись до середины озера, исчезнет. Не раз уже это видел. Так себе представление, особо не впечатляет.

Собрав вещи и загасив как следует костер, Гупи выбрался из схрона. Снаружи он прибрал следы, оставшиеся после того, как он тащил бюрера, и привалил вход в схрон старой корягой. Можно в двух шагах пройти и не заметить, что за корягой есть лаз. К тому же, ни одному умному человеку не стукнет в голову просто так лезть в незнакомую дыру. А дураки до Янтаря обычно не добираются – еще на подходах приносят себя в жертву Черному сталкеру.

Гупи дураков не любил, а потому сплюнул в сторону и выругался вполголоса – на всякий случай, чтобы на пути не встретить. Оно, конечно, пустое суеверие. Работает или нет – никто точно не знает. Все равно, лучше не пренебрегать мелочами, которые, быть может, жизнь тебе спасут.

Однако на этот раз примета не помогла. Не протопал Гупи и пары километров в сторону научного лагеря, как на пути ему встретился дурак. Дурак – в полном смысле этого слова. Дурак расхаживал невдалеке от воды и, как спятившая Офелия, с бездумно-счастливой улыбкой на лице собирал травинки. Поскольку одет дурак был в легкий бледно-голубой

костюмчик, которые обычно «ботаники» надевают, прежде чем в стерильный бокс забраться, нетрудно было догадаться, из какого приюта он сбежал.

Глядя на дурака, Гупи обреченно вздохнул и покачал головой.

Психотропное излучение озера, неподалеку от которого располагался научный лагерь, странным образом воздействовало на «ботаников». Обычно после выброса у некоторых из них начинала ехать крыша, причем весьма своеобразно. Если сталкеров в озеро пытался заманить вызывающий о помощи призрак мертвого собрата, то за «ботаниками» являлись их родные и близкие, как правило, успевшие почить в бозе.

– Эй! Приятель! – окликнул дурака Гупи.

Тот вздрогнул от неожиданности, посмотрел в его сторону и словно в испуге прижал к груди букет.

Гупи улыбнулся поприветливее и махнул «ботанику» рукой.

Тот робко приподнял руку и осторожно махнул в ответ.

Отлично – есть контакт. Значит, еще не до конца спятил.

– По-русски понимаешь? – спросил Гупи, приближаясь к «ботанику».

Тот утвердительно кивнул.

Ну, еще бы он не понимал. Рабочими материалами «ботаников» обеспечивали сталкеры. А среди них девяносто процентов – славяне. Буржуи даже своих военных, прежде чем отправить охранять Зону, заставляют русский выучить. И учат ведь – им за знание языка надбавка к зарплате полагается.

– Давно гуляешь? – спросил Гупи.

Гупи частенько наведывался в научный лагерь, но лицо спятившего «ботаника» было ему незнакомо. Должно быть, из новичков. На вид – лет тридцать пять. На самом деле, пожалуй, больше – буржуи, они все моложаво выглядят. И ведут себя, по большей части, как дети. Наверное, женат уже, и детей выводок. Глупо лезть под радиацию, если не уверен, что род твой на тебе не оборвется.

– Не знаю, – растерянно улыбнувшись, пожал плечами «ботаник». – Темно было, когда я пришел.

– А цветы кому? – сталкер взглядом указал на букет из засохших хворостинок.

– Цветы для Денниз.

Улыбка «ботаника» расплылась до ушей. Так мог улыбаться либо безмерно счастливый человек, либо полный идиот.

– Для Денниз, – понимающе кивнул Гупи. – Это она тебя позвала?

– Да... Я услышал ее голос среди ночи... Она сказала, приходи к озеру...

– А когда умерла Денниз? – резко, почти грубо перебил счастливое «ботаника» сталкер. Лицо ученого сразу помрачнело. Но ненадолго.

– Денниз жива, – снова улыбнулся он. – Она говорила со мной...

– Когда она умерла? – повторил свой вопрос Гупи.

– Три года назад, – ответил «ботаник». – Но она жива!

– Понятное дело, – Гупи перекинул ремень автомата на другое плечо, взял «ботаника» под локоть и деликатно, но настойчиво, повлек за собой. – Мы ведь в Стране чудес, и здесь нет ничего невозможного.

– Да! – счастливо улыбнулся «ботаник» и внимательно посмотрел на сталкера. – А куда мы идем?

– Встречать Денниз конечно же! – уверенно заявил Гупи. – А ты что подумал?

– Но Денниз велела мне прийти на берег озера.

– Она передумала. И послала меня, чтобы я привел тебя к ней.

– Это очень мило с вашей стороны, – с благодарностью поклонился сталкеру «ботаник».

– А, ерунда...

Гупи бросил взгляд на детектор аномалий. Дорога впереди чистая. Вот только лежавшее поперек тропы бревно, разломанное пополам, будто на него наступил кто-то

невообразимо огромный, так, что щепки во все стороны полетели, внушало сталкеру опасение. Последний раз, когда он проходил здесь, бревно было целым.

– Тебя самого как зовут-то? – спросил Гупи у «ботаника».

– Феликс, – ответил тот. – Феликс Штраух.

– Откуда?

– Что? – не понял Феликс.

– Откуда, спрашиваю, родом?

Не дойдя метров пять до раздавленного бревна, Гупи остановился и снова посмотрел на дисплей детектора аномалий. Чисто. Ни дыры, ни зазоринки. Выходит, либо он зря осторожничает, либо дисплей врет, либо это какой-то новый вид аномалии, на которую прибор не реагирует. Каждый из вариантов был одинаково возможен. Но устраивал Гупи только первый. Значит, ставка один к двум.

– Я из Биаррица, – ответил Феликс.

– Из Биа-арри-и-ица, – многозначительно протянул Гупи. – Это где ж такое?

– Во Франции.

– А, точно, – криво, одними губами усмехнулся Гупи. Смотрел он при этом не на француза, а на раздавленное бревно. – То-то, я смотрю, акцент у тебя...

Не закончив фразу, сталкер помахал в воздухе растопыренными пальцами.

– Я плохо говорю по-русски? – удивился Феликс.

– Отлично говоришь, – ободряюще похлопал его по плечу Гупи. – Денниз мне так и сказала, мой Феликс говорит по-русски почище иного русака.

– Но... – француз растерянно хлопнул глазами. – Я выучил русский уже после того, как Денниз умерла.

– Подумаешь, дело какое, – пренебрежительно дернул плечом Гупи. – Мы же сейчас к ней, к Денниз твоей идем, забыл, что ли?

– Да-да! – быстро затряс головой француз. – Идем! Конечно, идем!

– Тогда, значаща, давай вперед, – Гупи указал пальцем на раздавленное дерево.

– А вы? – чуть удивленно посмотрел на сталкера Феликс. – Я же без вас не найду Денниз.

– А я следом за тобой, – успокоил его сталкер. – Так надо, Феликс. Понимаешь?

– Я понимаю, – кивнул «ботаник» и потопал вперед.

– Да постой ты! – едва успел схватить его за локоть Гупи.

Покопавшись в большом кармане на животе, сталкер достал тяжелый, стальной, с налетом ржавчины болт и, прицелившись, кинул его точно туда, где неведомой силой был раздавлен ствол поваленного дерева.

Болт пролетел на полметра дальше ствола, ударился о землю, подпрыгнул и снова упал. Вроде бы, все в порядке.

– Давай, – тихонько хлопнул «ботаника» по плечу Гупи. – Точно туда, где упал болт.

Помахивая букетом, собранным для мертвой Денниз, Феликс дошел до раздавленного ствола, прошел мимо, поднял с земли болт и, обернувшись, показал его сталкеру.

Гупи хмыкнул – повезло дураку. Выиграл в русскую рулетку, при том что в барабане только одного патрона не доставало.

Собственно, Гупи не было никакого дела до безумного Феликса. Он прихватил «ботаника» с собой только потому, что все равно направлялся в научный лагерь. Было бы не по пути – оставил бы француза цветочки собирать. И гулял бы тот с этим букетиком по бережку, до тех пор, пока снова не явился бы ему призрак дорогой Денниз, который и завел бы его на глубину. Бонус, что полагался за спятившего «ботаника», был небольшим. К тому же, случалось, они впадали в буйство.

Поравнявшись с Феликсом, Гупи забрал у него болт – еще пригодится, – и подтолкнул француза вперед.

В отличие от других, Гупи в Зоне полагался не на научную аппаратуру и не на пресловутое сталкерское чутье, а на свою феноменальную память. Пройдя раз по тропе,

он запоминал каждый камень на ее обочине, каждую сломанную ветку на кусте, росшем неподалеку. И, если реальная картина хотя бы в чем-то не совпадала с той, что хранилась в памяти, Гупи, не раздумывая, сворачивал в сторону. А то и вовсе уходил назад. Болт же хорош только, когда можно послать кого-то впереди себя.

С этим, похоже, проблем не возникнет, думал Гупи, глядя Феликсу в спину. Будет топтать, пока не поймет, что его обманули. А мозги у него сейчас в таком состоянии, что поймет он это не прежде, чем коллеги пристегнут его к креслу с длинной прямой спинкой, а к голове прилепят холодные электроды. Хотя, может, и тогда он все еще будет думать лишь о своей мертвой Денниз. Гупи знал, что «ботаники», прежде чем отправить спятивших коллег в госпиталь за пределами Зоны, проводили над ними какие-то эксперименты. Но ему-то что за дело до этого? Издохнет ли господин Штраух с дыркой в голове, просверленной во имя науки, или отдаст душу Черному сталкеру, захлебнувшись радиоактивной водицей, – Гупи без разницы. У Гупи своих забот хватает.

– Стой! – крикнул Гупи, когда Феликс неожиданно метнулся в сторону от тропы. Прямоком через кусты, ломая ветки. – Вот же зараза! – сталкер сорвал с плеча автомат и обежал стороной куст с сухими, колючими ветками, на которых лепились скрученные, будто рахитичные листочки.

Феликс стоял на коленях перед огромным, ярко-алым цветком. Полуоткрытый бутон, размером с голову ребенка, сидел на толстом, мясистом, покрытом серебристыми ворсинками стебле. Ничего подобного Гупи прежде не видел. А все новое в Зоне – это потенциальная угроза.

– Не трогай цветок, Феликс!

«Ботаник» глянул на сталкера через плечо.

– Я подарю его Денниз.

– Хорошо, – сделал успокаивающий жест рукой Гупи. – Мы приведем Денниз сюда и покажем ей этот чудный цветок.

Француз в задумчивости потерел кончик носа.

– Ты забыл, что это Страна чудес, Феликс. Здесь нельзя рвать цветы.

– Почему?

– Потому что они живые... В смысле, разумные.

– Правда? – наклонив голову, Феликс с интересом посмотрел на цветок сбоку.

– Конечно!.. Они даже разговаривать умеют!

– А этот почему молчит?

– У него плохое настроение. Потом, когда мы вернемся с Денниз...

– Здравствуй, цветок. Меня зовут Феликс.

«Ботаник» протянул руку...

– Не трогай, идиот!..

...и кончиком пальца коснулся лепестка.

Будто обжегшись или испугавшись чего-то, он сразу же отдернул руку. Но было поздно. Чаша бутона качнулась в сторону француз, лепестки раскрылись, и в лицо ошалевшему Феликсу выплеснулась добрая порция вязкой, молочно-белой массы. Француз дернулся и попытался закричать, но клейкая масса залепила ему рот. Он попытался содрать ее с лица ногтями, но бутон цветка снова качнулся в его сторону, и лепестки, к которым тянулись клейкие, белесые нити, обхватили голову несчастного безумца.

Гупи понимал – нет, он точно знал! – что самым разумным в данной ситуации было бы уйти. Но ему было до соплей обидно терять бонус, который должны заплатить за сбежавшего «ботаника», когда идти-то оставалось всего ничего.

Гупи опустил на одно колено, тщательно прицелился и короткой очередью срезал стебель цветка возле самой земли.

Феликс, стоявший до этого на коленях, прижал ладони к обхватившим его голову лепесткам и, как был, так и завалился набок.

Гупи, пригибаясь, подбежал к французу, быстро глянул по сторонам и, не заметив никакой опасности, закинул автомат за спину. Другой бы на его месте, скорее всего, тут же попытался бы как-то помочь бедолаге, едва не ставшему добычей хищного цветка. Но Гупи поступал не как все – потому и жил долго. Он схватил Феликса за ноги и поволок его к тропе. Подальше от того места, где рос проклятый цветок. Который, скорее всего, и не цветком был вовсе, а притворщиком, прикинувшимся растением. Водились в Зоне мутанты, умевшие принимать облик всего, что сопоставимо с ними по размерам. По счастью, встречались они нечасто, иначе бы никакого житья от них не было. Гупи всего третьего на своем долгом сталкерском веку увидал. Первые двое успели сожрать тех, кого обманули. На глазах у Гупи, который в тех случаях решил не вмешиваться. По разным, но веским причинам. Гупи еще сомневался в том, что на «ботаника» напал именно притворщик, потому что обычно эти твари принимали облик чего-то, находящегося поблизости. Но таких цветков, как тот, что пытался откусить французу голову, Гупи никогда не видел. В Зоне вообще не было цветов. Если не считать уродливых мутантов, похожих на поделки из цветной гофрированной бумаги, вплетенные в похоронный венок и год-полтора пролежавшие на могильной плите, под снегом и дождем. Если тварь, все еще сидевшая на голове Феликса, была притворщиком, выходило совсем погано... То есть абсолютно... Выходило, что притворщик может принимать образы, которые вытягивал из головы находящегося поблизости человека. Феликс ведь всю дорогу только о цветах для своей мертвой Денниз и думал... В самом деле, погано.

Вытащив француза на тропу, Гупи снова глянул по сторонам. Все тихо. Однако на самом краю дисплея детектора жизненных форм маячила небольшая отметка, которую прибор определял как плоть. Ежели так, то порядок. Плоть – тварь хитрая, но трусливая. Выстрелы она слышала, значит, будет держаться в стороне.

Присев на корточки, Гупи взял «ботаника» за запястье. Пульс прощупывался отчетливо. Уже хорошо. Однако лепестки притворщика – пожалуй, это все же был он, – как и прежде, плотно охватывали голову француза. А это уже было плохо. Потому что вязкая масса, которую выплюнул мутант в лицо Феликсу, была пищеварительным соком гнусной твари. А значит, плоть на голове француза сейчас медленно истончалась. Боли он не чувствовал, даже, скорее, наоборот, пребывал в блаженной эйфории – пищеварительный сок притворщика, как слюна пиявки, содержал анестетик. Если бы не это, мерзкий мутант не смог бы удержать активно сопротивляющуюся жертву, которая значительно превосходила его в размерах. Любопытно, на кого охотится притворщик, когда рядом нет людей? Или же эта тварь именно на людях специализируется?..

Положив автомат на землю, Гупи достал нож и острием осторожно подцепил один из лепестков, которые начали менять цвет и на глазах чернели. Под лепестком скрывалась клейкая масса, бледно-розовая с алыми прожилками. Осторожно, чтобы не влезть в нее руками, Гупи отодрал лепесток от лица француза и откинул в сторону. Затем – другой лепесток... Третий...

Гупи не торопился. Он знал, что Феликсу теперь только пластическая операция вернет человеческий облик. Он надеялся, что успеет дотащить «ботаника» до научного лагеря, прежде чем тот начнет орать благим матом и корчиться от боли. Остальное – не его забота.

Когда лицо француза открылось, Гупи щедро плеснул на него водой из фляги. Воды оставалось совсем немного, но сталкер рассчитывал пополнить запас в научном лагере. Воды у «ботаников» было в избытке. А вот мозгов им, как правило, не доставало. От того и гибли глупо и бессмысленно. Хотя, казалось бы, сидят за бетонной стеной, по верху которой колючка под током пропущена, и по всему периметру противопехотные фугасы заложены. Да еще и под охраной военных. А все равно, дохнут, как мухи. Или с ума сходят. После чего сами становятся объектами научных исследований недавних коллег. Не жизнь, а скотство какое-то. Даже кровососы своих не жрут.

Гупи плеснул на лицо французу еще немного воды.

Картинка была та еще. Кожа с головы слезла полностью. На скулах и лобных частях черепа сквозь разъеденные ткани белели кости. Губы и щеки превратились в лохмотья. От глаз остались кровавые провалы.

Гупи тяжело вздохнул, достал из бокового кармашка рюкзака резиновую хозяйственную перчатку, натянул на руку и очистил ротовую полость француза от клейкой слизи.

– Ну, ты как? Жив?

Феликс приподнял голову и что-то промычал. Понятное дело, говорить без щек и губ не очень-то удобно.

Гупи стянул с руки перчатку так, чтобы она вывернулась наизнанку, скомкал и кинул в кусты. Посмотрел на детектор жизненных форм. Неподалеку от пасшейся на краю дисплея плоти объявилась вторая. Ну и черт с ними!

Гупи поднялся на ноги, поправил лямки рюкзака, повесил на плечо автомат.

– Ну что, долго еще отдыхать будем?

Феликс начал что-то бубнить, разводя руками, с которых лоскутами слезала кожа.

– Хорош болтать-то. – Гупи ухватил «ботаника» за воротник и рывком поднял на ноги. – Идем, а то Денниз зажалась. – И подтолкнул слепого идиота в спину.

Расставив руки, француз медленно пошел в ту сторону, куда направлял его сталкер.

– Э, мы так и к вечеру не доберемся, – Гупи ткнул «ботаника» стволом автомата в спину.

– Шевелись, доходяга! Не бойся, я тебе скажу, когда будут ступеньки.

Феликс зашагал чуть быстрее. Гупи то и дело приходилось подталкивать бедолагу в спину.

Две плоти, крутившиеся на краю дисплея ДЖФ, двинулись следом за людьми. Не иначе, как смерть почуяли, твари. От «ботаника» сейчас разило смертью. Разило так, что Гупи казалось, он сам это чувствует. Если бросить раненого француза, то скоро он превратится в центр притяжения для всех плотоядных монстров, находящихся достаточно близко, чтобы не полениться пробежать и посмотреть, чем это так разит. Им еще повезло, что рядом оказалась плоть – эти твари трусливые, в открытую нападать не рискнут. Вот если б свора слепых псов объявилась где-нибудь неподалеку – эти бы долго раздумывать не стали... А вот еще кто-то объявился справа. Крупный. Возможно, кровосос. Двигается со стороны ЧАЭС – видно, из передовых. Новый призыв. Молодой еще, неопытный, потому и не торопится атаковать. Не эта ночь, так следующая для вояк из оцепления выдастся горячей. Это уж точно. А завтра с утра авиация начнет бить гадов на подходе.

Как-то один вояка, крепко подвыпивший в кабаке, куда по чистой случайности как раз в это же время зашел и Гупи кофе выпить, сообщил сталкеру под большим секретом страшную военную тайну – во сколько обходится ведущим мировым державам отражение всего лишь одной волны монстров, прущих из Зоны после выброса. Причем в расчет принимался только расход боеприпасов. Если даже вояка приврал на пару нулей, то цифра все равно получалась впечатляющая. И все ведь без толку. Зона новых тварей родит быстрее, чем их убивать успевают. И сколько это продолжаться будет – одному Черному сталкеру известно. Гупи же для себя давно сделал вывод: Зону если и можно уничтожить – еще раз: ЕСЛИ!!! – так только изнутри. Снаружи ее не возьмешь. С таким же успехом можно пытаться мир от комаров избавить, собрав на краю болота толпу народа с мухобойками.

Феликс то и дело пытался что-то сказать, но выдавал только нечто нечленораздельное – мычание да хрипы. Хорошо, что он спятил еще до того, как притворщик ему лицо объел – так он, по крайней мере, спокойно перенес то, что случилось. А что с ним будет потом – никто не знал. Наверное, гуманнее было бы пристрелить француза. Гупи так и сделал бы, находишься они вдалеке от лагеря. Но сейчас, когда до «ботаников» оставалось рукой подать, сталкер не хотел терять свой законный бонус.

Вскоре впереди показался пятиметровый бетонный забор. В двух метрах от забора – невысокое ограждение из колючей проволоки. Это чтобы кто-то из «ботаников» по рассеянности на заминированную полосу не влез. Через каждые десять метров – вышка со

смотровой площадкой. На вышке все, как полагается: прожектор, пара тяжелых станковых пулеметов, огнемёт и два бойца в голубых касках с противотанковыми ружьями. Одному из охранников, приметившему их издали, Гупи рукой помахал. На всякий случай, чтобы палить не начал. А то у Феликса вид такой, что запросто можно за зомби принять. Вояка в ответ махнул рукой в направлении шлюза, через который только и можно попасть на территорию научного лагеря.

Когда Гупи и Феликс подошли к шлюзу, «ботаник» начал гортанно вскрикивать и хлопать кровоточащими руками по обезображенному лицу. Действие анестетика притворщика закончилось, и француз начал чувствовать боль. Оставалось только надеяться, что при этом он все еще не соображает, что с ним произошло. У Гупи в аптечке лежали три шприц-ампулы с кодерфином, но переводить дорогостоящий синтетический наркотик на «ботаника», которого он видел в первый и последний раз в жизни, сталкер не собирался. Он только похлопал Феликса по плечу:

– Потерпи, приятель, сейчас тобой специалисты займутся...

Француз слепо метнулся в сторону и заревел, разинув, разорванный рот – видно, боль сделалась невыносимой. Гупи поймал его за воротник куртки и ткнул лбом в дверь шлюза.

– Открывайте, мутанты чернобыльские! – крикнул он, непонятно к кому обращаясь.

Над зрачком видеосенсора мигнул красный индикатор.

– Гупи?..

– Он самый!

– Кого это ты приволок?

– Ваш клиент!

– Зомби?

– Пока еще нет. Феликс Штраух из Биаррица. Знаешь такого?

– А... А что это у него с лицом?

– Это его притворщик пожевал. Не бойся, не заразно. Давай, открывай шлюз!

– Две минуты. Как только медики подойдут...

Феликс заорал громче прежнего и принялся колотиться лбом в дверь шлюза, оставляя на ней кровавые отметины.

Вояки, находившиеся на смотровой площадке над шлюзом, перегнулись через ограждение, чтобы глянуть, что там внизу происходит.

– Я-то подожду, а вот Феликс, боюсь, ждать не станет! – крикнул обращаясь к ним, а не к катарактному зрачку видеосенсора, Гупи. – Наплевать на человека, так пристрелите хотя бы из сострадания!

– А сам чего ж? – усмехнулся с вышки один из вояк.

– А у меня патроны не казенные, – ответил сталкер. – Вот кинь мне обойму, тогда пристрелю.

– Хрена тебе!

Надо же, как быстро они все русские идиомы схватывают! Наверное, потому что у самих язык не настолько богат.

Гупи посмотрел на детектор жизненных форм.

Ну, вот, дождались! На их след вышла стая слепых псов. С десяток, а то и больше. Уверенно движется в их сторону. И обе плоти уже совсем рядом, по кустам прячутся, надеются при случае урвать кусок мяса.

Индикатор над дверью мигнул, сменил цвет на зеленый, и дверь шлюзовой камеры плавно откатилась в сторону.

В шлюзе гостей уже ждали двое в ярко-желтых скафандрах биологической защиты.

– Давай! – Гупи в последний раз толкнул в спину Феликса.

«Ботаник» слепо шагнул вперед, зацепился ногой за порожек и упал в объятия нарядившихся цыплятами коллег. Те будто только этого и ждали – тут же накинули на него полупрозрачную синтетическую пленку и, несмотря на сопротивление, быстро упаковали, как мумию.

– А он там не задохнется? – поинтересовался, заходя в шлюз, Гупи.

Вопрос остался без ответа.

Один из наряженных в скафандр «ботаников» повернулся к сталкеру и, будто оглаживая, принялся водить вокруг него универсальным детектором, смахивающим на детскую пластмассовую лопатку. Закончив проверку, «ботаник» что-то неслышно произнес – Гупи видел, как двигаются его губы, но внешний динамик скафандра был отключен. Внутренняя дверь шлюза откатила в сторону, открывая проход во двор научного лагеря.

К «ботаникам» в желтых скафандрах, присоединились еще двое, уложили спеленатого француза на санитарную каталку, зафиксировали двумя дугообразными скобами и покатали в сторону клинического корпуса.

Что характерно, ни один из них даже не поблагодарил сталкера за то, что тот подобрал и привел в лагерь их сбрендившего товарища. А ведь каждый из них мог оказаться на его месте. Непонятно только, как они выбираются из-за этих украшенных электрифицированной колючкой стен? Да еще так, что их охранники на вышках не замечают?

Ну, да ладно, с этим пускай местное начальство разбирается. Гупи же интересовал только бонус, причитающийся за возвращенного беглеца.

Глава 3

Место, где под защитой роты военных жили и работали ученые, называли научным лагерем только в силу укоренившейся привычки. Когда-то это действительно был лагерь – несколько сборных домиков и палаток, окруженных изгородью из колючей проволоки. Со временем лагерь разросся и прочно обосновался на месте. Теперь это был поселок или даже небольшой городок со своей инфраструктурой. А если посмотреть на него с точки зрения военного – надежно укрепленный форт, способный выдержать долговременную осаду.

– Привет, Гупи, – к сталкеру, о котором, казалось, все забыли, подошел невысокий светловолосый человечек в голубом лабораторном комбинезоне.

На вид – лет тридцать пять. Очки на кончике непропорционально длинного носа – как, пожалуй, у половины гражданских обитателей лагеря. Заместитель научного руководителя лагеря. Звали его Стивен. С ним можно договориться о продаже или обмене бирюлек. И это все, что нужно было знать о нем Гупи.

– Здорово, Стивен, – вместо рукопожатия Гупи помахал контейнером с бирюльками.

– Что-нибудь особенное? – прищурился «ботаник».

Стивен уже полтора года работал в научном лагере и знал, что если Гупи явился на другой день после выброса, то уж точно не с пустым контейнером.

– «Пружинки» и «Цепни».

Стивен недовольно оттопырил нижнюю губу.

– И все?

– А что, мало? Кто тебе последний раз «Цепня» приносил? А у меня их пара!

– Большие?

– По метру каждый.

– Маловато будет, – с сомнением покачал головой Стивен.

– Облучай как следует, так они у тебя за неделю вдвое вырастут.

Стивен наклонил голову к плечу и, прищурившись, молча посмотрел на Гупи.

– Что?

– Да не верю я, что сразу после выброса ты только пару «Цепней» да «Пружинки» нашел.

– Остальное не для тебя.

– Ах, вот оно как! И что же там у тебя?

– Ты все равно не купишь.

– Ну, просто так скажи.

Гупи искоса бросил взгляд на пару вояк в голубых касках, пристроившихся неподалеку, вроде бы, покурить, а на самом деле внимательно прислушивающихся к разговору гражданского зама со сталкером. У обоих сержантские нашивки на рукавах.

– Пойдем к тебе, там и переговорим, – кивнул Стивену Гупи.

– Идем, – не стал возражать тот.

И первым пошел по дорожке, ведущей мимо лабораторного корпуса к жилым пристройкам.

– Ты мне еще за француза должен, – на ходу, не откладывая в долгий ящик, напомнил Гупи.

– За какого такого француза? – Стивен сделал вид, что не понимает, о чем идет речь.

На самом-то деле он все отлично понимал. И по-русски говорил почти без акцента.

– За Феликса, – уточнил Гупи.

– А ну да, конечно, – быстро кивнул несколько раз Стивен. – Где ты его нашел?

– У озера, где ж еще, – усмехнулся Гупи. – Он там цветы для какой-то Денниз собирал.

– А с лицом у него что?

– Это уже, когда я его обратно вел, он голову в пасть притворщику сунул. Кстати, притворщик был необычный.

– В каком смысле?

– Он был похож на цветок, вроде подснежника. Только очень большой.

Стивен замедлил шаг и с интересом посмотрел на сталкера.

– Серьезно?

– Я тебе врал когда?

– Очень интересно, – Стивен озадаченно прикусил губу. – Выходит, он может сканировать память?

– Да в Зоне это каждая вторая тварь умеет, – усмехнулся Гупи.

– Да, конечно... – Стивен поднял руку и поскреб ногтем крошечную проплешинку на затылке. – Проблема в том, что к нам эти существа попадают, как правило, в мертвом виде.

– А ты бы хотел, чтобы вам живого контролера притащили? – насмешливо скривился сталкер.

– Было бы замечательно, – меланхолично кивнул Стивен. – Нужно только прежде решить вопрос с его содержанием.

– Ты сумасшедший, Стивен, – объявил, как диагноз, Гупи.

– Можно подумать, что ты – нет, – с невозмутимым спокойствием парировал «ботаник».

– Сходи к Доктору на болото, – посоветовал Гупи. – Он, если захочет, покажет тебе живого контролера.

– Не захочет, – уверенно качнул головой Стивен. – Мы уже пробовали с ним договориться.

– И что?

– А ничего, – «ботаник» развел руками, будто что-то потерял. – Пошли вы, говорит...

– В задницу?

– Именно так.

– Выходит, чем-то вы ему не глянулись.

– Я даже знаю чем.

– Seriously?

– Мы не настолько безумны, как он. Мы с ним сошлись во мнении о том, что Зона – это преддверие Ада. Вот только мы полагаем, что врата в Ад находятся где-то в самом ее центре, возле станции, откуда после выбросов прут эти чертовы твари. Доктор же уверен, что Ад начинается за охраняемым периметром.

Гупи одобрительно хмыкнул. Не всякий так сразу понимает болотного Доктора. А Стивен, гляди ж ты, раскусил его на раз.

Они прошли мимо научного корпуса и обогнули столовую. Теперь по левую руку от них находился виварий и казарма с небольшим плацем, над которым развевалось голубое знамя ООН, а справа – сборные жилые домики научного и обслуживающего персонала.

– Слушай, а женщины у вас тут есть? – неожиданно для себя самого спросил Гупи.

– Женщины? – Стивен непонимающе посмотрел на сталкера. – Какие женщины?

– Обыкновенные, – пожал плечами Гупи. – Сколько раз тут у вас бывал, ни разу женщины не видел.

– В лагере нет женщин.

По пристенной лестнице они поднялись на второй этаж административного корпуса и по открытой галерее прошли в дальний его конец, где находился отдельный вход в кабинет Стивена. В него можно было попасть и пройдя по внутренней лестнице, но самому Стивену нравилось идти по галерее. Во-первых, приятно смотреть на всех сверху вниз. Во-вторых, отдельный вход придавал дополнительное ощущение свободы и независимости. По мнению Гупи – весьма иллюзорное.

– Что, ни одной? – недоверчиво переспросил сталкер.

Стивен провел пластиковой карточкой по щели магнитного замка, распахнул дверь и жестом предложил Гупи войти первым.

– А что тут делать женщинам?

Войдя в кабинет, Гупи скинул с плеч рюкзак и бросил его на пол. Рядом поставил автомат и контейнеры с бирюльками. Сверху кинул разгрузочный жилет – в карманах дополнительные обоймы, гранаты и мелкие гаджеты.

– Без женщин жизнь не та, – с истомой вздохнул Гупи, сел на небольшой кожаный диванчик и похлопал ладонью по гладкой, туго набитой жестким конским волосом подушке.

Всякий раз, усаживаясь на этот диван, Гупи удивлялся, и как только его сюда затащили? Неужто вместе с остальным барахлом вертолетом закинули? А как иначе? Да, буржуи себе ни в чем не отказывают. Любой из них даже возле жерла вулкана, который вот-вот рванет, пипефакс потребует, причем непременно в цветочек и с розовым ароматом. А наши... Мысленно Гупи безнадежно рукой махнул. Наверное, уже за сотню перевалил счет новичков, что, отправляясь в Зону, не подумали туалетную бумагу с собой прихватить. Элементарно, казалось бы. Ан нет! И с тем сгинули.

– Вот скажи, Стивен, кто тебе носки стирает? – вернулся к прежней теме Гупи.

– Нам тюк одноразовых каждую неделю сбрасывают.

– Ну, тогда ясно, в чем твоя проблема, – многозначительно хмыкнул сталкер.

Стивен оставил реплику без ответа. Он уселся за большой двухтумбовый стол, отодвинул на угол коробочку с флэшками, глянув на дисплей ноутбука, пару раз ткнул пальцем в клавиатуру, то ли, завершая программу, то ли, разрешая продолжить, после чего сложил руки перед собой и посмотрел на Гупи.

– Показывай, что принес.

Гупи поднялся с дивана и, прихватив по дороге один из контейнеров, пересел на стул по другую сторону стола.

– Прямо на стол вытрясать?

В ответ на дежурную сталкерскую шутку, «ботаник» так же дежурно усмехнулся и достал из-под стола большой круглый цилиндр из толстого освинцованного стекла. На крышке цилиндра имелся металлический переходник с двумя зажимами, соответствующими таким же зажимам на днище научного контейнера. Сталкер присоединил контейнер к переходнику и повернул барашек, удерживающий днище. В стеклянный цилиндр высыпалось с полтора десятка поющих «Пружинок» и два «Цепня», бывшие некогда одним целым. «Пружинки» почему-то остались безмолвными, что несколько озадачило сталкера.

– Не хотят они петь для тебя, Стивен, – Гупи постучал пальцем по стеклу, надеясь пробудить «Пружинки». В ответ только одна из них слегка дернулась и издала короткий, отрывистый звук, похожий на треск лопнувшего триплекса. – Догадываются, наверное, что ты с ними собираешься сделать.

– У меня запоют, – многозначительно пообещал зам по науке.

А вот «Цепни» вели себя молодцом. Гупи опасался, что в контейнере каждый из них развалится еще на несколько кусков. А они, ничего, целехоньки.

Склонившись над стеклянным приемником, Стивен принялся пересчитывать «Пружинки», поочередно указывая на каждую концом авторучки.

– «Пружинки» последнее время редко попадают, – на всякий случай заметил Гупи. – Я знал, что ты ими занимаешься, поэтому и прихватил. Специально для тебя.

– «Пружинки» ведь и неактивные бывают, – как бы между прочим заметил Стивен.

– Я тебе неактивные приносил? – обиделся Гупи.

– Все равно проверить надо, – вяло стоял на своем зам по науке.

Разговаривать с такими людьми все равно, что колотить кулаками набитый ватой мешок – сколько ни старайся, хоть весь потом изойди, все без толку.

– Ладно, проверяй, – махнул рукой Гупи.

– А с «Цепнями» что? – Стивен склонился над приемником так, что очками едва не коснулся стекла.

– А что с «Цепнями»? – совершенно искренне удивился Гупи.

– Да вялые они какие-то.

– Что? – изумленно вытаращился на «ботаника» сталкер.

– Я пошутил, – сказал Стивен и при этом даже не улыбнулся.

Гупи в ответ только ладонями себя по коленкам хлопнул.

– Пока ты проверять будешь, я бы часика три-четыре вздремнул где-нибудь, – сталкер прикрыл кулаком зевок. – Ночка была бессонная.

– Шел бы к нам работать, спал бы спокойно по ночам, – назидательно заметил Стивен.

– Знаю я вас, – криво усмехнулся Гупи. – Для вас сталкеры такие же подопытные, как все остальные обитатели зоны.

– Ну и что с того? Мы же платим. И хорошо платим.

– А, пустой разговор, – махнул рукой Гупи.

Стивен уже не первый раз предлагал ему поработать на науку. Но Гупи подобная перспектива не прельщала. Если подпишешь контракт, придется делать все, что тебе скажут. А этим шибздикам порой такое в голову приходит, что и Говарду Лавкрафту не снилось и Эдгару По в опиумном бреду не виделось.

– Ладно, я скажу, чтобы в казарме тебе койку выделили.

– Да я и здесь могу, – кивнул на диван Гупи.

– В казарме будет удобнее, – отрезал Стивен.

В казарме, так в казарме, в принципе, Гупи было все равно. Лишь бы только вояки не лезли со своими дурацкими расспросами. Они ведь, по большей части, Зону только со сторожевых вышек видят. Вот и интересуются, что там да как. Чтобы дома было, что рассказать позабористее.

Стивен постучал пальцами по стеклянному приемнику.

– На много это не потянет, – сказал он и многозначительно посмотрел на второй контейнер сталкера.

– Новые программы для детекторов есть?

– Ждем.

– А про сканеры слухок ходил.

– Сканеры прислали. Но они глючат со страшной силой. Должно быть, Зона их из себя выводит.

– Что, совсем работать нельзя?

– Абсолютно.

– Тогда скажи сам, что у тебя хорошего есть?.. И не забудь, – Гупи поднял длинный, кривой указательный палец, – ты мне еще за француза должен!

– Есть одна интересная вещица.

Стивен достал из ящика стола круглую, почти плоскую никелированную коробочку. Подержав коробочку в руках несколько секунд, будто колеблясь, стоит ли вообще показывать, «ботаник» положил ее на стол и быстрым движением пододвинул к Гупи.

Щелчком сталкер отправил коробку обратно. Незнакомые и непонятные вещи внушали ему опасение. Если не знаешь, что перед тобой, лучше не трогай, гласит одна из главных заповедей сталкера.

Улыбнувшись с чувством собственного превосходства, Стивен осторожно взял круглую коробочку в руку и повернул верхнюю крышку. Открытую коробочку он снова положил на стол. Внутри лежал черный диск, судя по виду, сделанный из упругого полумягкого пластика. С десятков серых индикаторов на диске загорелись, едва Стивен коснулся пальцем его центра.

– Нравится? – посмотрел он на Гупи.

– У нас что, Новый год на носу? – недовольно буркнул в ответ сталкер.

Стивен тяжело и безнадежно вздохнул, подцепил диск двумя пальцами и вытащил его из коробки. С другой стороны диск был покрыт множеством небольших пупырышков, как массажная щетка.

– Это HL-22, новая, усовершенствованная модель диагностической аптечки с инъектором HL-13, – объяснил зам по науке. – Незаменимая вещь в случае, когда человек находится в тяжелом шоковом состоянии, или при отравлении неизвестным веществом. От старой отличается тем, что благодаря встроенному чипу искусственного интеллекта может сама поставить диагноз и назначить медикаментозное лечение. Достаточно активировать инъектор и на несколько секунд прижать его к открытому участку кожи больного, желательно в районе груди, – Стивен показал, как это должно выглядеть, правда, через халат. – Инъектор сам снимет все необходимые показатели жизнедеятельности организма, сделает экспресс-анализ крови, после чего поставит диагноз, и, что самое замечательное, – повторяя недавний жест Гупи, «ботаник» поднял указательный палец, – с помощью миниатюрных пневмокапсул сам сделает инъекцию всех необходимых лекарств. Вот, смотри. – Стивен поднес прибор поближе к Гупи и щелкнул кнопкой на боку. Из узкой щели выскользнула тонкая полимерная мембрана, покрытая множеством крошечных пузырьков. – Это картридж с медицинскими препаратами. Один картридж можно использовать от трех до шести раз, в зависимости от тяжести состояния больного. Для того, чтобы вновь задействовать аптечку, достаточно сменить картридж.

Гупи взял картридж из рук Стивена и посмотрел сквозь него на свет. Просто так, чтобы что-то сделать.

– Любопытная вещица, – произнес он намеренно безразличным голосом.

Именно так следовало начинать торговаться. Особенно, когда имеешь дело с таким неумелым, но прижимистым торговцем, как зам по науке.

– Любопытная? – Стивен возмущенно вскинул брови. – Да это новейшая армейская разработка! Гражданских аналогов нет! Для сталкера, особенно для такого, как ты, одиночки, вещь незаменимая!

– Полезная, – поправил Гупи.

– Незаменимая! – стоял на своем «ботаник». – Между прочим, нам всего двадцать пять штук прислали!

– А картриджи?

– Картриджей много.

– Сколько дашь к прибору?

– Десяток.

– Мало.

– У них срок годности всего полгода. Потом придешь, я еще дам.

– Договорились, – Гупи улыбнулся и протянул Стивену картридж.

– О чем? – растерялся тот.

– Один прибор и десять запасных картриджей за «Пружинки» и «Цепней».

У Стивена едва подбородок не отвалился.

– Ты смеешься, Гупи!

– Разве? – изобразил недоумение сталкер.

– Я даже говорить об этом не желаю! – Стивен положил прибор в коробку и решительно хлопнул ладонью по крышке.

– Тогда зачем ты вообще показал мне эту игрушку?

– Чтобы ты был в курсе, – Стивен сделал движение, как будто собрался убрать прибор в стол.

– Поймай! – проворно выбросил руку вперед Гупи. – Что ты за нее хочешь?

– А что у тебя в другом контейнере?

– Это не для тебя, – Гупи сделал отрицательный жест рукой. Очень решительный, но слишком поспешный.

– Я просто спросил. – Как ни в чем не бывало Стивен откинулся на спинку кресла и сцепил пальцы на животе.

Аптечка-инъектор осталась лежать на столе.

– «Глаза дракона» и дум-мумие, – с неохотой признался Гупи.

– Дум-мумие, – Стивен постучал пальцами по краю стола. – Сколько?

– Я уже обещал это Жабе.

– Нет, – уверенно покачал головой Стивен – Жабе ты ничего не обещал. Просто ты тащишь эти артефакты ему, потому что он за них хорошо заплатит.

– И что в этом плохого? – криво усмехнулся Гупи.

– То, что потом дум-мумие перепродается по цене в десять, а то и в двадцать раз больше той, что платит тебе за него барыга. А покупают его отчаявшиеся люди, которые считают его спасением от убивающих их болезней.

– Ну и что? – пожал плечами Гупи. – Я же не заставляю их эту дрянь принимать. Я честно зарабатываю свои тугрики.

– Добавь к «Пружинкам» и «Цепням» еще полкило дум-мумие и забирай инъектор, – сделал красивый жест рукой Стивен.

– А тебе оно зачем? – подозрительно прищурился Гупи.

– Для научных целей, – многозначительно изрек «ботаник».

– Я понимаю, что ты не в кашу его добавляешь. Я спрашиваю, какие свойства дум-мумие тебя интересуют?

– Это не для меня, а для доктора Фредриксона. Он в свое время начал заниматься изучением физико-химических свойств дум-мумие, но у него вскоре закончился материал для исследований.

– Но что-то любопытное он все же обнаружил? Ведь так?

– Наверное.

Стивен поднялся из кресла и подошел к окну.

С улицы доносились дружные выкрики храбрых вояк – по плацу вышагивало отделение, свободное от несения караульной службы. Без строевой подготовки в армии нельзя.

– Что доктор Фредриксон нашел в дум-мумие? – повторил свой вопрос сталкер.

– Зачем тебе это? – обернувшись, поправил очки Стивен. – Жаба ведь тебе не за знания платит, а за товар.

– Мы все от природы любопытны, – Гупи попытался обратить все в шутку.

– И у нас у всех есть секреты, – в тон ему добавил Стивен.

– Значит, не договоримся? – Гупи сделал последнюю попытку выторговать по дешевке заинтересовавший его прибор.

Вещица-то, конечно, занятная, да и пригодиться может. В самый неожиданный момент. Но, если отдать дум-мумие, пусть даже не все, то денег, что заплатит за оставшееся Жаба, хватит лишь на то, чтобы закупить боеприпасов с консервами, обновить амуницию и снова в Зону топать. Какой в этом смысл? Абсолютно никакого.

– Ты просишь о невозможном, – медленно и, вроде как, с разочарованием, покачал головой Стивен.

– Хорошо, – решительно хлопнул ладонью по столу Гупи. – Давай тугриками. А за француза – дюжину армейских сухпайков.

Изображая задумчивость, Стивен обхватил пальцами подбородок, наклонил голову и прошелся по комнате.

– Что теперь не так? – удивленно развел руками сталкер.

– Есть другой вариант, – Стивен искоса глянул на сталкера.

– Ты подаришь мне новенький инъектор! – счастливо хлопнул в ладоши Гупи.

– Нет, – едва заметно качнул головой Стивен. – У меня есть для тебя работа.

– Проехали!

– Серьезная работа.

– Я сказал – нет!

– Не связанная с научными исследованиями.

После такого заявления зама по науке, Гупи счел возможным изобразить интерес.

– Слушаю.

– Мы хотим отключить установку, создающую пси-поле вокруг озера.

– А я тут при чем?

– Ты мог бы провести группу к радару.

– Ты спятил, Стивен! – Гупи сразу обеими руками стукнул себя по лбу. – Видел своего приятеля Феликса? Хочешь, чтобы я тоже стал таким?

– Мы разработали специальный шлем, защищающий мозг от воздействия пси-поля.

– И насколько надежна защита?

– Теоретически...

– Нет, практически!

– Мы проводили стендовые испытания...

– Знаешь, что я тебе скажу, Стивен! Если все так здорово, почему бы тебе самому не нацепить этот чертов шлем и не отключить радар?

– Радар находится в катакомбах, вырытых под озером.

– И что тебя в этом смущает?

– Бюреры.

– А! – с показным удивлением вскинул брови Гупи. – Ты, оказывается, в курсе, что в катакомбах живут бюреры!

– Мы дадим тебе в сопровождение группу военных.

– Ты думаешь, им по силам справиться с бюрерами?

– Самим – нет. Но, если с ними будешь ты...

– Меня с ними не будет! – Гупи стукнул ладонью по столу, будто муху прихлопнул. – Все! Точка! Абзац! Алес!.. Как тебе еще сказать, чтобы ты, наконец, понял – я ни на кого не работаю?

– Тебе хорошо заплатят.

– Нет!

– Очень хорошо...

– Нихт!

– А как насчет амнистии?

– Мертвому амнистия ни к чему. А забраться в кишачье бюрерами подземелье, имея за спиной полтора десятка вышколенных кретинов, умеющих только стрелять да орать во всю глотку «Йес! Сэр!», это все равно что просунуть голову в дырку гильотины, а потом самому же дернуть за веревочку. Если бы мне нужно было выполнить эту работу, я бы

пошел туда один. Но! – Упреждая все новые доводы, что готов был привести Стивен, Гупи выставил перед собой ладонь. – Мне это не нужно!

– Зря.

Гупи зевнул в весь рот.

– В общем так, Стивен, пока я спать буду, ты мне расчетец подготовь. За француза, как и договаривались, дюжину сухпайков, а «Пружинки» и «Цепни» пойдут по обычной цене. Годится?

«Ботаник» в ответ скроил такую физиономию, что Гупи едва не рассмеялся.

– Вещички я у тебя оставлю, а то как бы служивые не растащили, – сталкер подмигнул Стивену, мол, не расстраивайся, приятель, глядишь, еще найдешь дурака для своих опытов.

Тоже мне, Джимми Хендрикс выискался.

Глава 4

В Зоне нигде и никогда нельзя чувствовать себя абсолютно защищенным. Расслабиться ненадолго – можно. Но стоит только решить, что ты в полной безопасности, и – пиши пропало. Закон Мэрфи действует безотказно: если есть хоть малейший шанс, что может случиться какая-нибудь пакость, она случится непременно. И если ты лег спать, то, как самурай, должен отдавать себе отчет, что у тебя есть все шансы больше не проснуться.

Научный лагерь оставался одним из тех немногих мест, где спать можно было спокойно. Не опасаясь ни чудовищных порождений Зоны, для большинства из которых человек – это редкое лакомство, ни случайных попутчиков, готовых перерезать тебе глотку за контейнер с артефактами, за рюкзак с амуницией, за заряженный автомат, а то и просто за флягу с чистой водой. Поэтому, будь у Гупи такая возможность, он проспал бы не четыре, а все десять часов.

Сталкер уснул, едва забравшись под колючее армейское одеяло, на койке, что отвели ему в дальнем углу казармы. Он даже раздеваться не стал, только ботинки скинул. И, не полагаясь на природное чувство времени, которое в условиях тотального недосыпания могло и подвести, выставил таймер на ПДА.

Дежурный офицер еще что-то долго объяснял Стивену по-английски, недовольно косясь на укрывшегося с головой сталкера. Заму по науке до речей вояки не было никакого дела. Стивен слушал его только из вежливости, кивая время от времени и со скучающим видом поглядывая в окно, на марширующих по плацу солдат. Он не хуже лейтенанта Гранта знал, что вольные сталкеры – это, по сути, люди, объявленные вне закона. Но кому было до этого дело в Зоне, где не существует законов? Вернее, закон был один: чей автомат быстрее, тот и прав. И еще зам по науке знал, что, если они собираются продолжать изучение Зоны, им без сталкеров не обойтись.

Проснулся Гупи ровно за минуту до того, как начал вибрировать ПДА.

Прежде чем подняться, он включил дисплей и просмотрел свежую информацию. Ничего из ряда вон выходящего. На территории заброшенных армейских складов, контролируемой кланом «Грех», три дня назад в результате перестрелки погибли двое «грешников». Что ж, внутренние разборки среди этих фанатиков не редкость. Других таких ненормальных еще поискать. Поэтому и нет ничего странного в том, что информация пришла с опозданием – не с личных ПДА погибших поступила, а кто-то рассказал в баре. Обосновавшийся в Припяти клан «Монолит» сообщал о двух без вести пропавших в Темной Долине. Пропавший – еще не значит погибший. Хотя, скорее всего, так оно и есть. Бывает, что ПДА почему-то не срабатывает, когда нужно фиксировать момент смерти хозяина. Зона – всякое случается. На группу, что вел к Агропрому Шимон, напала стая слепых псов. Погиб один из отмычек. Ну, и как водится, Семяцкий, попавший под пси-излучение в Ржавом лесу. И чего его, спрашивается, туда понесло? Будто в Зоне других мест мало, где можно достойно помереть.

Обувшись, Гупи заправил постель – нужно уважать дом, в котором тебя приютили, пусть даже, как бедного родственника, – посетил туалет, умылся, пригладил мокрыми ладонями волосы и даже зубы почистил, благо зубной пасты тут было навалом. Странно, что при таком изобилии чистящего средства, солдатики местные все какие-то неулыбчивые. Или они уже здесь перестают улыбаться, чуя смерть за каждой кочкой?

Вот тоже странное дело: чувство Зоны есть у всех, только у каждого оно свое. Одному кажется, что за ним непрестанно кто-то наблюдает, другого постоянно, даже когда, казалось бы, не с чего, нервная дрожь бьет, третий вдруг в бога верить начинает и каждому встречному в грехах кается, четвертый становится до одури самоуверенным... Впрочем, последние долго не живут. В Зоне лучше быть последним трусом, чем верить в собственную неуязвимость.

Перейдя через плац, Гупи поднялся по лестнице на галерею административного корпуса. Дверь в кабинет Стивена оказалась запертой. Облокотившись на перила, Гупи окинул взглядом территорию лагеря. Плац в это время дня был пуст. Зато возле столовой наблюдалось оживление. Видно, зам по науке тоже решил отобедать.

Часы, вписанные в уголок дисплея ПДА, показывали тринадцать часов двадцать одну минуту. Чтобы засветло добраться до бара «Сталкер», Гупи следовало отправиться в путь не позже двух часов пополудни. В противном случае – еще одна ночь в лесу. А времечко сейчас самое что ни на есть препротивное – монстры, вырвавшиеся из центра Зоны, как раз к окраинам приходят. Голодные и злые. До человечинки охочие.

Гупи решил подождать еще пять минут, а после отправиться на поиски Стивена. Но «ботаник» объявился прежде, чем истек отмеренный сталкером срок. Он быстро взбежал по лестнице, сунул Гупи в руки блестящий алюминиевый судок и большой картонный стакан с пластиковой крышкой и полез в карман за ключом.

Гупи посмотрел на «ботаника» с уважением – не забыл, однако, о госте.

На кожаном диванчике уже лежали плоские вакуумные пакеты с армейским сухпайком. Внутри каждого было еще несколько пакетиков с сублимированной пищей. Чтобы приготовить обед, содержимое маленьких пакетиков достаточно было залить водой, пусть даже холодной, и дать постоять пару минут. А в случае крайней необходимости, можно было и так есть – невкусно, зато питательно. Один большой пакет – суточный рацион одного человека. А весит всего ничего – чуть больше двухсот граммов.

Пристроившись на уголке хозяйского стола, Гупи снял крышку с судка. Голова пошла кругом от теплого, вкусного запаха почти домашней еды. Мясной гуляш с бобами – нормально! В «Сталкере» такого не подают. Там все больше консервы и чипсы, да сушеная рыба к пиву. А в стакане оказался свежесваренный кофе. Настоящий! Стивен знал, что Гупи не пьет растворимый.

Пока сталкер быстро орудовал ложкой, зам по науке устроился на диване. Одну руку положил на спинку, другой поднял пакет с сухпайком, внимательно осмотрел, понюхал, скривился презрительно и кинул в общую кучу.

– Слушай, Гупи, ты Феликса на берегу озера нашел?

– Угу, – кивнул, не поднимая головы, сталкер.

– Он один был?

Гупи перестал есть и поднял взгляд на Стивена.

– А что?

– Один? – повторил свой вопрос Стивен.

– Один, – Гупи вытер губы ладонью и взял в руку стакан. – Правда, он мне всю дорогу про какую-то Денниз рассказывал. Она, мол, ему встречу где-то здесь назначила. Так я это за бред принял.

– Конечно, бред, – согласился Стивен. Он снова взял в руку пакет с сухпайком, покрутил его, помял, как воблу. – И больше никого?

– А ты что, гостей ждешь? – усмехнулся сталкер.

– Гостей не гостей, – «ботаник» подался вперед, уперся локтями в колени. – У нас двое солдат пропали.

– Когда?

– День назад.

Гупи озадаченно почесал голову.

– Я вчера в деревне одного зомби подстрелил. Свежего, с базуккой. Но он, вроде как, немец был. У вас же тут нет немцев?

– Нас охраняет рота американских морских пехотинцев.

– Не, – тряхнул головой Гупи. – Американцев не встречал.

– Ну, если вдруг встретишь...

– Если вдруг встречу, то пристрелю, – Гупи одним большим глотком допил оставшийся в стакане кофе и встал из-за стола. – Обратно к вам не потащу, потому как не по пути мне.

– Понятно, – Стивен тоже поднялся на ноги. – Вот, держи, – он протянул Гупи конверт с деньгами.

Сталкер достал из конверта зеленые купюры, аккуратно пересчитал, кивнул удовлетворенно и спрятал за пазуху.

– Ты не обессудь, Стивен, – сказал он, упаковывая сухпайки в рюкзак. – В следующий раз я тебе непременно что-нибудь жутко интересное принесу. Такое, что прежде вообще никто не видел. А это, – он показал «ботанику» контейнер с дум-мумие, после чего пристегнул его к рюкзаку, – это я Жабе должен отдать. А то ведь, если с пустыми руками приду, то не видать мне больше кредитов. А Жаба, все же, как ни крути, мой главный инвестор. – Гупи застегнул карабин, стягивающий лямки рюкзака, поправил пояс с пистолетами, попрыгал, проверяя, как сидит амуниция, и закончил начатую перед этим фразу: – Хотя сволочь порядочная.

– Понимаю, – грустно улыбнулся Стивен. – Но, если вдруг наших солдат встретишь...

– Напишу тебе письмо, – Гупи показал пристегнутый чуть выше запястья ПДА. – Обещаю, – он быстро глянул по сторонам, чтобы убедиться, что ничего не забыл. – Проводить меня не надо, дорогу сам найду. Только позвони на шлюзовую, чтобы выпустили. За угощение спасибо, – повернувшись к «ботанику» спиной, сталкер взял со стола пустой судок, кинул в него ложку, стакан с пластиковой упаковкой и, звонко брякнув, прикрыл металлической крышкой. – Посуду я по дороге в столовую закину.

Не поднимаясь с дивана, Стивен поднял руку с открытой ладонью.

– Будь здоров, Гупи.

– Хау, вождь! – Повторил его жест сталкер.

Все, визит закончен.

На часах без трех минут два.

Только-только, чтобы до «Сталкера» добежать.

Гупи выскользнул за дверь, аккуратно прикрыл ее за собой, сбежал вниз по лестнице и трусцой побежал через плац.

Свернув за угол казармы, он быстро и незаметно приоткрыл крышку судка и вытащил из него новенькую аптечку-инъектор HL-22, которую смахнул со стола заодно с грязной посудой. Вещица дельная, может пригодиться. А у Стивена еще есть. Жаль только картридж один. Ну, да ладно. Совесть Гупи была чиста, как вздох младенца. Он не украл, а взял то, что ему нужно. Стивен сам был не прав, заломив за приборчик непомерную цену. Надо ж, чего удумал – лезть в подземелья к бюерам с каким-то там защитным шлемаком на голове, который еще неизвестно – работает ли. Не, тут он пусть другую жертву ищет! Чай, дураков-то в Зоне хватает. Впрочем, как и везде.

Пробегаючи мимо столовой, Гупи кинул судок в окно мойки и ободряюще подмигнул удивленно глянувшему на него посудомою.

– Мистер! Мистер! – замахал вдруг ему рукой «ботаник» в голубом комбинезоне. Волосы рыжие, всклокоченные. Молоденький совсем, почти мальчишка. Его-то какого черта сюда занесло? – Вы сталкер?

– Тебе чего, пацан? – на ходу недружелюбно глянул в сторону паренька Гупи.

– Вот! Вот! – «ботаник» говорил на ломаном русском. – Прошу вас! – догнав Гупи, он показал маленький цифровой фотоаппарат. – Фото! На память! Для моя семья!

– Я что тебе, мутант чернобыльский? – Гупи продемонстрировал американцу самую милую из своих улыбок.

Увидав такое, рыжий аж назад отшатнулся. Но тут же снова кинулся вдогонку.

– Фото со сталкер! На память! Зона!..

Понятное дело, где еще живого сталкера увидишь? Домой вернется, продаст фотографию в какой-нибудь «Нейшнл Джоиграфик».

Гупи внезапно остановился, обернулся и еще раз улыбнулся.

Парню бы сейчас как раз камерой щелкнуть, но он так оторопел, что, наверное, забыл, зачем гнался за сталкером.

– Хочешь фото? – громким полусшепотом, с придыханием спросил Гупи.

– Йес... Да! Мистер! – Парень поднял руку с фотоаппаратом. – Мемори!.. На память!

– Хорошо. – Гупи взял «ботаника» за запястье, заставил его опустить руку и кивнул в сторону шлюза. – За воротами.

– Как?.. – опешил рыжий.

– А вот так. На фоне Зоны.

Рыжий сначала улыбнулся растерянно – должно быть, решил, что сталкер шутит. Но Гупи смотрел на него все с тем же странным выражением лица, которому трудно дать однозначное определение. Такое выражение может быть у человека, однажды заглянувшего за грань, после чего его уже не касались вопросы относительно смысла жизни и неизбежности смерти. Он знал, что ждет его на той стороне. Но от этого ему не становилось легче.

– Нет! – быстро-быстро затряс головой рыжий американец. – Там опасно... Туда нельзя... Там очень опасно!

– Но ведь я же иду.

Рыжий больше ничего не сказал. Он посмотрел на сталкера, как на идиота, и побежал прочь. Быть может, ему просто не хватило знания языка, чтобы выложить сталкеру все, что он о нем думает?

Гупи скользнул языком по верхней губе, слизывая с усиков остатки вкуса совсем неплохого кофе, и снова зашагал к шлюзу.

Через шлюз его пропустили без проблем. Дежуривший у пульта сержант поворачивал тумблеры, даже не глядя в сторону стоявшего рядом с ним сталкера, как будто того не существовало. Оно и понятно, сталкер для него – пустое место. Мясо Зоны. Одно из странных существ, от которых неизвестно чего можно ожидать. Военные не упускали случая продемонстрировать сталкерам свое пренебрежительное отношение.

Впрочем, не все.

– Эй, сталкер! – махнул рукой солдат с вышки. – Будь осторожен! Жгучий пух полетел!

– Спасибо! – махнул рукой в ответ Гупи.

Хотя, ему ли было не знать, что на следующий день после выброса непременно жгучий пух будет летать повсюду.

В шлюзе Гупи застегнул ремешок шлема и накинул поверх него густую сетку, вроде тех, которыми пользуются пчеловоды. На руки он натянул резиновые хозяйственные перчатки с длинными раструбами и плотно зафиксировал их чуть ниже локтей круглыми резинками – намного удобнее и практичнее плотных армейских перчаток, в которых даже курок пальцем плохо чувствуешь, а попасть в нужную кнопку на ПДА или детекторе так и вовсе почти невыполнимая задача.

Ком жгучего пуха ударил в прикрывающую лицо сетку, едва только Гупи переступил порог шлюза. Смахнув пух ладонью, сталкер сверился с детектором жизненных форм. Как и следовало ожидать, местность вокруг кишела живностью. Но пока ничего опасного поблизости не было. Группа из десяти-двенадцати особей на востоке – скорее всего, слепые псы. С ними встречаться не стоит, но Гупи и идти в другую сторону. Семь разрозненных особей, хаотично перемещающихся с места на место на юго-юго-востоке – плоть, ищущая, чем поживиться. И с дюжину зомби, рассеянных по площади. Зомби опасны, если при оружии и еще соображают, как им пользоваться. Но на то, чтобы спрятаться и устроить засаду, соображалки у них уже не хватает. На открытой местности их можно расстреливать, как мишени в тире.

Поправив автомат, Гупи осторожно обошел кусты, увешанные длинными плетями рыжего мочала, будто новогодние елки мишурой, и медленно, не спеша пересек проплешину, поросшую спутанной травой серебристо-серого цвета.

Один «ботаник» из научного лагеря объяснил Гупи, что в цветах растений, заполонивших Зону, нет ничего необычного. С научной точки зрения, понятное дело. Обычные растения имеют зеленый цвет благодаря хлорофиллу, поглощающему солнечный свет. Зеленый же он потому, что именно эту часть светового спектра хлорофилл не использует. Если же растение имеет другой цвет – синий, красный, оранжевый, да какой угодно! – значит, в его клетках содержится вещество, использующее другую часть светового спектра, нежели привычные нам земные растения. Вот и вся хитрость. Так-то оно, конечно, так, а все равно странно ступать по траве, поблескивающей, будто металлическая стружка.

Схрон, в котором на Гупи набросился раненый бюрер, остался за спиной. Пройдя два дня назад по северному берегу Янтара, Гупи собирался теперь обогнуть озеро с юга. В Зоне нельзя возвращаться тем же путем, каким пришел. Да и до «Сталкера» по южному берегу быстрее. Если Зона плутать не заставит. Заблудиться в трех соснах за пределами Зоны можно только иносказательно. Здесь же, говорят, встречается аномалия, которая так и называется «Три сосны». Попадешь в нее и напрочь потеряешь ориентацию в пространстве. Рассказывают истории о сталкерах, так и не сумевших найти выход из «Трех сосен» и умерших среди них от истощения. Может, и трепотня все это. Сам Гупи с «Тремя соснами» не сталкивался. Хотя, если ты еще чего-то не видел, то сие вовсе не означает, что этого не существует в природе. Тем более – в Зоне.

Вскоре Гупи вышел на тропу, которую он на пару с Комаром контролировал уже несколько лет. Комар так же, как Гупи, работал в одиночку и частенько наведывался в научный лагерь. Как-то раз, сверяя свои карты аномалий, Гупи и Комар обратили внимание на интересную особенность – на их обычном маршруте имелись небольшие участки, на которых никогда не появлялись новые ловушки. Работая на пару, сталкеры постепенно отметили только им двоим приметными знаками маршрут, который сами они называли «тропой». Никакой реальной тропы, понятное дело, не существовало, но по обозначенному этим именем маршруту можно было идти, почти не опасаясь вляпаться в новообразование. Почти, потому что, хотя за последние семь месяцев ни Комар, ни Гупи не отметили здесь ни одной новой аномалии, в Зоне ни в чем нельзя быть уверенным до конца. Зона умела обходить любые законы и ломать даже железные правила. Мир, расположенный за пределами Зоны, держится на нескольких константах, таких, как гравитационная постоянная, скорость света и число «пи». Отклонение любой из них в ту или иную сторону, пусть даже на исчезающе малую величину, привело бы к катастрофе. В Зоне действовал лишь один закон: нет никаких законов.

Все знаки, оставленные им и Комаром, были на месте, и Гупи уверенно шагнул вперед. Пройдя километра три и не напоравшись ни на одну новую аномалию, Гупи уже почти уверовал в то, что засветло доберется до «Сталкера». «Тропа» поможет быстро пройти по южному берегу озера. Дальше единственным опасным местом оставался заброшенный карьер. Среди глубоких рытвин и старой, проржавевшей техники детектор жизненных

форм работал нечетко. Там и кровососы порой пережидали выброс, и зомби, которым полусгнившие машины и автоматы, должно быть, напоминали о прошлой жизни, если забредали, то оставались надолго. Выхухоль рассказывал, что как-то раз видел в карьере зомби, совсем уже гнилого, у которого вместо головы только череп с пустыми глазницами остался. Так зомби тот сидел в раздолбанной «копейке» без колес, крутил руль и сам же изображал, как мотор работает. Хотя Гупи не очень-то доверял рассказу Выхухоля – если зомби весь гнилой, как же он тогда звуки издает?

Ладно, хрен с ним, с Выхухолем.

Перебравшись на другую сторону карьера, дальше можно идти по узкоколейке. Местность там открытая, так что ни одна тварь незаметно не подберется. Да и большинство ловушек издалека видны. «Жарка», даже если в неактивном состоянии, все равно траву подпаливает, гравиконцентрат ее к земле приминает, «Карусель» концы винтом закручивает. Ну, а «Разрядник» даже самый примитивный детектор аномалий берет.

Гупи спускался по пологому склону, поросшему колючими кустами – налипший на ветки жгучий пух делал их похожими на гигантские соцветия переспелых одуванчиков, – и низкорослыми деревьями со скрюченными, изуродованными Зоной стволами и торчащими во все стороны, словно сломанные пальцы, ветками. Названия этих растений Гупи не знал. Да и кому нужны названия? Для сталкера куст – просто куст, а дерево – дерево. «Ботаники» пытались систематизировать местную растительность, но быстро запутались. Вот странно, растительность в Зоне постоянно видоизменяется, будто с ума сошла, а мутанты новые появляются не так уж часто. Почему? Как будто на флору Зоне наплевать – пусть что хочет, то и творит в своих владениях, – а вот с фауной они договорились и проводят целенаправленную селекцию живых и полуживых организмов. Знать бы еще, куда она направлена? И что за цель у этих мило спевшихся подружек? А, может, правы те, кто говорит, что мутанты – это и не мутанты вовсе, а существа, лезущие в наш мир из дыры в иное измерение, образовавшейся после того, как Чернобыль во второй раз рванул? То есть там, у себя дома, они, может быть, вполне добродушные и милые существа, а переход в другое измерение корежит их, превращая в монстров.

Как бы там ни было, вскорости Гупи предстояло столкнуться не с inferнальными порождениями Зоны, а с существами, можно сказать, близкими по происхождению. Судя по показаниям детектора, на пути у Гупи расположились три зомби. И еще два примостились чуть в сторонке.

Гупи зомби не боялся. Он, можно даже сказать, жалел их. И убивал только в случае крайней необходимости, когда не оставалось иного выбора, только, либо ты его, либо он тебя. Зомби, они ведь прежде тоже людьми были, до того как им Зона мозги выжгла. Глупо говорить – не повезло. Лучше – как сложится. Сегодня ты Зону топчешь, а завтра она тебя раздавит. И хорошо, если сразу в лепешку, чтобы не превратиться в полуразложившийся труп.

В Зоне лучше встретиться с зомби, чем с иными из людей. Зомби не таится и сразу дает понять, что ему нужно. Если еду кланчит, так руку вперед протягивает и бубнит что-то нечленораздельно. А если сожрать тебя собирается, так скалится и рычит по-звериному. Человек же врет искусно, полагая, что правду только дурак говорит. А то и в спину подло стреляет, чтобы, значит, по-простому, без разговоров.

На всякий случай Гупи перехватил автомат поудобнее и очистил лицевую сетку от налипшего на нее пуха.

Заметив движение впереди, Гупи приостановился и поднял автомат.

– Эй! – негромко окликнул он того, кто прятался за деревьями.

– Опусть автомат, сталкер! – раздалось в ответ. – Сделаешь еще шаг, и тебе конец!

Глава 5

Гупи совершил непростительную оплошность, доверившись бездумному прибору, неспособному отличить живого человека от зомби. Ясно ведь видел на дисплее – пять отметок. Стандартная схема – проводник, помощник и три отмычки. Странно было только то, что они не держались вместе, а разошлись в стороны. Как будто засаду готовили. Хотя, почему «как будто»? Так оно и есть! Он угодил в классическую засаду. Глупо, по-дурацки – но сейчас не об этом следовало думать, а о том, как выбраться из передраги. Кто это может быть?.. Мародеры так глубоко в зону не забираются... Зелень, решившая потрясти бывалого сталкера, возвращающегося после ходки с бирюльками?.. Тоже глупо – чтобы новички за сутки после выброса до Янтаря добрались, с ними должен идти опытный проводник. А кто из проводников не знает Гупи?.. Или же они его лицо под сеткой рассмотреть не могут?

– Я – Гупи! – представился сталкер.

– Брось автомат, Гупи, – ответил ему все тот же голос.

Прятавшийся за деревьями незнакомец говорил явно с иностранным акцентом.

Спорить, когда на тебя с разных сторон направлены пять стволов, было глупо. Но вот просто так взять и кинуть автомат на землю – было бы тоже не очень-то умно.

– А в чем проблема? – спросил Гупи.

– Брось автомат, тогда поговорим.

В словах незнакомца имелся определенный смысл. Если бы сталкера хотели только ограбить, его бы пристрелили без лишних разговоров. Тогда, что же им нужно?

– Кто вы такие? – решил продолжить переговоры Гупи.

Приглушенно хлопнул выстрел.

Пуля, выпущенная не спереди, а слева, из-за кустов, взрыла землю у ног сталкера.

Ясно, ребята предпочитают говорить с позиции силы.

Не сказать, что очень уж умно, но убедительно. Во всяком случае, спорить с подобными доводами глупо, бессмысленно и для здоровья вредно.

Гупи поставил автомат на предохранитель и сделал движение плечом, позволившее автоматному ремню соскользнуть сначала на сгиб локтя, затем на запястье. Зажав ремень в кулаке, Гупи вытянул руку в сторону и не бросил, а, чуть присев, аккуратно положил автомат на землю.

– Теперь пистолеты!

Гупи расстегнул поясной ремень с двумя кобурами и кинул его к ногам.

– Гранаты!

– Для этого мне рюкзак надо снять.

– Ну, так снимай!

Гупи нарочно медленно принялся расстегивать карабин на груди. Два раза позволил ему сорваться, но на третий все же расстегнул. Снял рюкзак со спины, поставил справа от себя. Сверху кинул разгрузочный жилет с гранатами и запасными обоймами. При этом, осторожно косясь по сторонам, Гупи пытался определить, где прячутся остальные. Но те не торопились раскрывать свое присутствие.

– Еще оружие есть?

– А ты проверь, – язвительно усмехнулся Гупи.

Жгучий пух летел уже не такими плотными клубами, как прежде. Страхнув налипший на сетку пух, сталкер откинул ее на шлем. Гупи и сам порой любил посмотреть на себя в зеркало, а потому мог представить, какое впечатление производит на других его ухмылка, похожая на себельный удар, разрубивший лицо пополам. Особенно на тех, кто видел ее впервые.

Сработало и на этот раз – прячущийся за деревьями охотник на время затих.

– Ну, и о чем ты там задумался? – окликнул его Гупи. – Что за проблемы у вас, мужики?

Вот так он повернул ситуацию! Проблемы – у них. А он всего лишь собирается помочь им решить эти проблемы.

Заметив скользящую за спиной тень, Гупи машинально попытался оглянуться.

– Не оборачивайся, – свистящий шепот сзади. – И руки вверх подними.

Гупи неспешно, вроде как с ленцой, выполнил команду.

Тот, что оказался за спиной, быстро и умело обыскал сталкера. Вытащил охотничий нож из ножен на узком поясном ремне, кинул его рядом с автоматом. Затем отыскал узкий стилет в потайной вставке на правой голени.

– Теперь – три шага назад. И руки не опускай.

Скривив рот в усмешке, Гупи отошел от своей амуниции.

Из-за дерева вышел человек. В армейском маскхалате, в каске, затянутой маскировочной сеткой. На лице – защитная маска, похожая на шлем имперского боевика из «Звездных войн». В руках – автоматическая винтовка «М-21».

С другой стороны появился еще один точно так же экипированный вояка.

– Мальчики! – улыбка Гупи сделалась еще шире. – Вы тут шалите, а вас ведь дома ждут!

Однако тут же мелькнуло в голове, Стивен говорил о двух пропавших солдатах.

Гупи оглянулся.

За спиной у него стоял сталкер с нашивкой клана «Монолит» на груди.

Ничего себе!

Встретить возле Янтаря сталкера из клана, обосновавшегося в Припяти – такое кому расскажешь, так не поверят же! Парни из «Монолита» по Зоне не лазают, бирюльки не собирают. Они, в отличие от прочих, идейные. Монолит охраняют. Штуку такую, что, вроде как, в самом центре Зоны находится. Все про нее знают, только никто ее не видел. Даже сами «монолитчики». Но человек, наверное, так устроен, что ему непременно во что-нибудь верить надо. И не так, чтобы в общем, а истово и всей душой. Ребята из «Монолита» верят в душу Зоны, прячущуюся где-то под саркофагом четвертого энергоблока Чернобыльской АЭС.

Из-за кустов вышел еще один «монолитчик».

А где же пятый?

Или пятым, все же, был зомби, случайно оказавшийся поблизости?

А, вот и он!

Мать честная!

Гупи едва не выругался в полный голос.

Пятым оказался сталкер в сером, затасканном комбинезоне, со старым танкистским шлемом на голове и большими очками-консервами, надетыми поверх него. Ему только «ППШ» в руках не доставало, чтобы сойти за партизана Второй мировой. Однако вместо модернизированного отечественным Военпромом автомата Томпсона в руках сталкер держал помповый дробовик. А из-за плеча у него выглядывал ствол «калашника». Знаков клана на одежде сталкера не наблюдалось, но и без того было ясно, что он из «Греха». Эти фанатики в приливе религиозного экстаза нередко режут себе ножами лица. А у сталкера в танкистском шлеме все щеки и лоб были исполосованы шрамами.

В итоге получалась весьма пестрая компания. Двое солдат из американского корпуса Международных вооруженных сил – по всей видимости, те самые, о ком Стивен беспокоился, – два «монолитчика» и один «грешник». Не хватает еще одного «грешника», а то бы получилось точно, как было у старика Ноя – каждой твари по паре. Вопрос: ради какой такой благородной цели собрались они вместе?

– Я вижу, ты удивлен, – обратился к Гупи один из военных.

Даже русские слова он произносил чисто по-американски – как будто у него во рту ложка с горячей кашей.

– Я удивлен? – Гупи помахал руками перед собой, словно ему вдруг стало жарко. – Удивлен, дружище, это не подходящее к данной ситуации слово! Я, скорее, офигеваю!.. Понимаешь, о чем я?

– Понимаю.

Американец явно не отличался многословностью. Либо русский словарный запас у него был невелик. Как бы там ни было, вместо того чтобы продолжить беседу, которая, по

мнению Гупи, только-только начала входить в нормальное русло, он кинул к ногам сталкера искореженный и расплавленный почти до неузнаваемости остов ПДА. Гупи и не понял бы, что это за штука такая, если бы ночью сам не бросил ее в костер.

– Выходит, бюрер у тебя умыкнул ПДА! – Гупи улыбнулся счастливо, как будто ему подарили на день рождения именно то, о чем он весь год мечтал. Со стороны, однако, это смотрелось почти как злобный оскал. – Выходит, вы, болваны, залезли-таки в мой схрон!

– Ты, тварь, Сало угробил, – процедил сквозь зубы и зло сплюнул на землю «грешник». – Моего другана закадычного.

– А не фигу по чужим схронам лазать, – все так же с улыбкой кинул в ответ Гупи. – Это ж надо полным идиотом быть, чтобы лезть куда ни попадя. Ясно ведь, что, ежели в каждую дырку голову совать, то рано или поздно ее оторвут. Твоему приятелю еще повезло – раз напоровшись, в другой раз умнее будет.

– Умнее он уже не будет, – мрачно изрек «грешник» и цыкнул слюной под ноги.

– Любишь ты, однако, своего дружка, – усмехнулся Гупи.

– Любил, когда он жив был, – отозвался «грешник».

– А что с ним приключилось?

– Так на твою же растяжку налетел.

– И что с того? К растяжке пустой взрывпакет подвешен был. Чтобы дураков пугать.

– А кто сверху на взрывпакет «Студня» навалил?

– Ну, я...

– Вот и выжег студень глаза моему дружку, – «грешник» снова сплюнул и палец в нос засунул.

– Надо же... – Гупи сделал вид, что расстроился. – И куда ж вы его дели, дружка твоего?

– Куда, куда?.. Пристрелили, трендеть твою... Не таскать же с собой слепого.

– Добрые вы ребята, – с уважением посмотрел на каждого из странной пятерки Гупи. – Как, говоришь, звали дружка-то?

Один из «монолитчиков» хохотнул негромко в кулак. Другой отвернулся и, вроде как, закашлялся.

– А так и звали – Сало! – с вызовом сообщил Гупи «грешник».

– Да-а уж... – не зная, что сказать, протянул Гупи. – Ирония судьбы. Студень да Сало – чем не закуска.

– Ага, – неожиданно согласился «грешник».

– Так вы что, ребята, – Гупи перевел взгляд на военных. – За сломанный ПДА мне счет предъявить хотите? Так он уже не работал, когда я его у бюрера забрал! Стал бы я хороший комп в костер кидать!

– В ПДА была флэшка.

– Была, – не стал отпираться Гупи. – Так это из-за нее весь сыр-бор?.. Слушайте, давайте я вам три отдам и разойдемся с миром!

– Нам нужна именно та флэшка, что была в ПДА.

– Так я ее тоже в костер кинул.

– Не тренди! – прикрикнул на Гупи «грешник».

– Ей-богу, сжег! – Гупи хотел было даже перекреститься для убедительности, но потом передумал. Американцы не поймут, а остальным все равно. Да он и сам не то что неверующий, а не крещеный даже. – На фигу мне неизвестно чья флэшка? Вирус цапанешь какой-нибудь...

Молчаливый американец меланхолично передернул затвор, поднял винтовку и прицелился Гупи промеж глаз.

– Эй! Ребята! Да вы что! – машинально поднял руки Гупи. – Из-за флэшки в людей стрелять?.. Кончайте дурака валять, родные!

– Нам нужна не флэшка, а то, что на ней было, – сзади тихо прошептал Гупи в ухо «монолитчик».

– Игра, что ли? – вконец уж растерялся Гупи. – Да дурацкая ведь игра! Для детей от двух до четырех и взрослых с капитальным отставанием в умственном развитии...

Гупи сообразил, что проговорился, но было уже поздно.

– А! – радостно хлопнул его по плечу «монолитчик». – Так, значит, просмотрел флэшку!

– Ну, было дело, – признался Гупи. – Было... Но, мужики, я же у вас это ПДА не крал.

Мне его бюрер притащил...

– А флэшку ты все-таки сжег? – перебил его другой «монолитчик».

– Сжег, – подтвердил Гупи.

– И игру, что на ней была, у себя не сохранил?

– Да на фиг она мне нужна! Я вообще в игры не играю!..

– Давай сюда свой ПДА, – махнул кончиками пальцев «монолитчик».

Жалко было отдавать, да делать нечего. Снял Гупи ПДА с запястья и кинул

«монолитчику».

Тот быстро просмотрел список последних сохраненных файлов и вернул ПДА Гупи. На что тот, честно говоря, уже и не рассчитывал.

– Ничего, – сообщил «монолитчик» остальным.

– Сволочь, – спокойно, очень спокойно произнес «грешник». Так спокойно, что Гупи не по себе стало. – За эту флэшку трое моих дружков головы сложили.

– Ты ж про одного говорил, – удивился Гупи.

– Это был Сало, последний, его мы в твоём схроне пристрелили. Двоих других еще в нашем лагере на складах охранники прикончили.

Точно, отметил про себя Гупи, было сообщение о двух погибших «грешниках». И о двух без вести пропавших «монолитчиках», кстати, тоже сообщалось. А вслух спросил:

– Вы свое Сало-то из схрона вытащили?

– Ага, – криво усмехнулся «грешник». – Нам больше заняться было нечем.

– Значит, скоро завоняет, – с досадой цокнул языком Гупи.

– Ты что ж, надеешься еще в свой схрон вернуться? – «грешник» сделал шаг вперед и передернул затвор дробовика.

– Постой! – поднял руку один из «монолитчиков».

– Иди ты, – не глядя на него, сплюнул под ноги «грешник».

Другой «монолитчик» как бы невзначай положил палец на спусковой крючок замечательной бельгийской штучки «F2005», висевшей у него на плече.

– Стой я тебе говорю!

– Чего? – зло вытаращился на него «грешник». – Чего стоят-то теперь?.. Все! Кирдык!

Провалилось все к едреням из-за этого вот... – он небритым подбородком махнул в сторону Гупи.

– Ты все сказал? – спокойно спросил «монолитчик».

– Все, – как будто устало кивнул «грешник».

И весь сразу как-то сник. Будто шарик, из которого воздух вышел.

– Во-первых, все пошло прахом не из-за него, – «монолитчик» стволом указал на Гупи. – А из-за американоса тупого, у которого бюрер ПДА из-под носа спер. А, во-вторых, этого сталкера зовут Гупи... Понял, дубина?

– Ну и что? – вскинул подбородок «грешник». – А меня зовут Вервольф!

«Не, – подумал, глядя на «грешника», Гупи. – Не так тебя зовут. Совсем не так. Это имечко ты сам себе придумал. Для пущей важности».

«Монолитчик» посмотрел на своего приятеля и сокрушенно качнул головой.

– Не понял.

– Мы тоже не понимаем, в чем дело, – подал голос американец, тот, что поразговорчивее. – Нам пока ясно только то, что флэшка с планом пропала безвозвратно. И что нам теперь делать?

«Монолитчик» вышел на середину, так, чтобы всем, включая Гупи, было его хорошо видно.

– Объясняю для особо тупых. Перед вами, – жест профессионального конференсье в сторону безоружного сталкера, – сталкер-одиночка, известный под именем Гупи. Одиночка, ходит в Зону без помощников и без отмычек. Его козырь – феноменальная память. Он ориентируется не только по собственным отметкам, оставленным на маршруте. Он запоминает любую деталь, каждый камешек, каждую сломанную веточку, встретившуюся на пути. И именно это позволяет ему избегать ловушек. На сегодняшний день, насколько мне известно, в Зоне работают пятеро одиночек. И один из них – наш новый знакомый.

Интонации голоса «монолитчика» и то, как он его охарактеризовал – «наш новый знакомый», – внушили Гупи надежду, что ситуация, возможно, разрешится мирным путем. Но ему все равно было жутко интересно, чего ради собралась вместе эта странная компания?

– Все сказал? – неприязненно поинтересовался «грешник». – Теперь я могу его пристрелить?

– Еще раз, уже для совсем бестолковых, – «монолитчик» обращался персонально к Вервольфу. – Гупи обладает феноменальной памятью. Он запоминает все, что видел хотя бы мельком. Я лично с ним в карты играть не сяду. И если ты, Вервольф, совсем тупой, что ж, давай, пристрели его! И тогда уж мы точно останемся без карты!

– Так ты хочешь сказать... – «грешник» положил дробовик на плечо и с интересом, прежде не проявлявшимся, посмотрел на Гупи. – Ты хочешь сказать...

– Да, кивнул «монолитчик», устав дожидаться, когда же наконец Вервольф сформулирует нежданно посетившую его мысль. – Гупи видел карту, и он помнит ее до мельчайших подробностей.

– Это верно, господин Гупи? – обратился к сталкеру разговорчивый американец.

Прикинув и так, и эдак, Гупи решил, что в сложившейся ситуации лучше сказать правду. Картинка с изображением лабиринта, которую он принял за игру, на самом деле была какой-то картой. Отлично. Сам он понятия не имел, что это за карта. Минус, конечно, но дело поправимое. Зато эта карта была позарез нужна все еще держащей его на прицеле пятерке. Замечательно! Значит, пока эта карта при нем, они будут заботиться, чтобы с ним, не дай бог, чего-нибудь не приключилось. Таким образом, он, конечно, не брал ситуацию под свой контроль, но получал возможность влиять на нее в определенной степени... Нет, лучше не забегать вперед и сказать несколько иначе – в неопределенной степени. Хотя бы потому, что ситуация все еще была ему непонятна.

– Да! – уверенно ответил на вопрос американца Гупи.

– И вы можете нарисовать ее?

– Вот только за идиота держать меня не надо! – протестующе взмахнул руками Гупи.

– В чем проблема, господин Гупи? – не понял американец. – Вы рисуете карту, и мы мирно расходимся в разные стороны.

– Ага, – насмешливо кивнул Гупи. – Вот этот, – указал он на Вервольфа, – горит желанием всадить мне в спину заряд картечи. И я очень сомневаюсь в том, что вы сумеете его переубедить...

С отвратительным хрюканьем из-за кустов вылетела плоть. То ли она бежала за каким-то мелким зверьком и, увлекшись, не сразу заметила людей, то ли делала ставку на неожиданность и наглость своего явления. Как бы там ни было, тварь повернула свою уродливую голову так, что больший из ее глаз оказался наверху, и, растопырив передние конечности с острыми, рубящими плоскостями, кинулась на Вервольфа. Почему именно «грешника» она сочла самой легкой добычей, сказать трудно. Однако вместо ожидаемого плоть получила заряд картечи в морду и тут же, проявив редкостное для нее здравомыслие, ретировалась.

– Во-вторых, – продолжил прерванную появлением плоти речь Гупи, – если эта карта действительно чего-то стоит, любой из вас будет думать о том, а нужно ли отпускать меня

с нею. Ведь я могу и сам ею воспользоваться или продать информацию какому-то третьему лицу.

– Верно излагаешь, Гупи, – поддержал сталкера «монолитчик» с «F2005». – Добавь к этому еще и то, что мы не можем быть уверенными в том, что ты нарисуешь нам правильную карту.

– Точно, – согласился Гупи.

– А раз так, у нас остается единственная возможность разрешить эту ситуацию без жертв. Гупи идет с нами.

– С какого?.. – снова положил ладонь на затвор дробовика Вервольф.

– С такого! – не дослушав, перебил его «монолитчик». – Гупи – опытный сталкер. Мы должны только радоваться тому, что он будет в нашей команде. От него толку раз в десять больше, чем от тебя.

– Я достал эту карту! – рыкнул Вервольф.

– Верно, – не стал спорить «монолитчик». – Поэтому ты здесь, а не гниешь на болоте.

– Это следует расценивать как предложение? – спросил Гупи у «монолитчика».

– Нет, – качнул головой тот. – У тебя просто нет выбора, Гупи. Ты идешь с нами.

– Я не работаю в группе, – возразил на всякий случай Гупи.

– У тебя нет выбора, – напомнил «монолитчик».

– Допустим, – Гупи решил пока не спорить. – И куда же мы направляемся?

– К станции.

– К станции? – переспросил Гупи. – Ты имеешь в виду Чернобыльскую атомную электростанцию? Я правильно понял?

– Да.

– Вы знаете, ребята, за американцев говорить не стану, они себе на уме, а из троих оставшихся на идиота только Вервольф смахивает. Не знаю, что вам там понадобилось, но, поверьте, есть множество более простых способов свести счеты с жизнью. Если хотите, я могу прямо сейчас набросать с десятков. Взять, к примеру, вашего приятеля с замечательным именем Сало...

– Гупи, – прервал поток словоизлияний сталкера «монолитчик» с «калашниковым». – Давай говорить серьезно.

– Серьезно – я с вами не иду, – Гупи сложил руки на груди. – Если вас не устраивает мое решение, можете пристрелить меня прямо здесь.

И это была вовсе не поза и не попытка играть в героя. Если кто из сталкеров и заходил в Зону дальше Припяти, так мало кто назад живым вернулся. Говорят, Черный сталкер некогда был человеком, добравшимся до центра Зоны и отыскавшим Монолит. Может быть, так оно и было. А может, и нет. Потому что самого Черного сталкера мало кто видел, а разговоров за жизнь он, уж точно, ни с кем не вел. Так что, черт его знает, кто он такой, этот Черный сталкер. Есть еще, правда, вечно живой покойник Семецкий, и есть даже люди, которые помнят его живым, до того, как он к Монолиту рванул. Да только что сейчас осталось от Семецкого? Лишь ежедневные сообщения об очередной его гибели. А уж сколько людей – и сталкеров, и ученых, и военных, пытавшихся добраться до сердца Зоны, – полегло на подступах к ЧАЭС, о том «монолитчики» лучше других знать должны. Определенно, Гупи не собирался далеко за смертью ходить. Если сегодня она сам его нашла, что ж, пусть забирает. Так будет проще для всех.

– Постой, Гупи, – «монолитчик» с «калашниковым» достал пачку сигарет и протянул сталкеру.

– Не курю, – отказался Гупи.

– Правильно, – кивнул «монолитчик» и сам закурил. – Меня зовут Рикошет, – сообщил он как бы между прочим. – А моего друга – Муха. Ну, Вервольфа ты уже знаешь... Эй, ребята, – махнул он рукой американцам. – Идите сюда. У нас тут серьезный разговор, всех касается... И маски снимите – пух уже пролетел.

Американцы послушно подошли и убрали маски в подшлемники. Оба оказались далеко уже не мальчиками-новобранцами со стриженными затылками – каждому лет по тридцать с гаком. Здоровенные, курносые, розовощекие, крепкозубые, что твой щелкунчик. И куда их, спрашивается, несет? Сидели бы дома, детей бы плодили. А то, вот, в газетах пишут, что численность белой расы на глазах сокращается. Не иначе, из-за таких дурней, как эти двое.

– Это Шрек и Гейтс, – указал на американцев недокуренной сигаретой Рикошет.

– Кто ж вам такие погонялова придумал? – с жалостью посмотрел на вояк Гупи.

– Погонялова? – непонимающе переспросил молчаливый.

– У тебя настоящее имя есть?

– Да. Макс Шрек.

– Серьезно? – недоверчиво сдвинул брови Гупи.

Солдат, явно не понимавший, чего добивается от него сталкер, посмотрел на Рикошета. Тот коротко кивнул. Американец расстегнул маскхалат и показал оранжевую нашивку на кармане форменной куртки.

Так и есть – сержант Шрек.

– Ну, а тебя, – перевел взгляд на другого Гупи, – надеюсь, не Биллом зовут?

– Уильям, сэр! – по-военному четко ответил вояка.

Он, похоже, уже забыл, что не так давно держал сталкера на прицеле.

– И тому самому, Биллу?.. – отставленным большим пальцем Гупи указал куда-то себе за плечо, – ты...

– Нет, сэр! Как говорят в России, однофамильцы.

– Ну, со знакомством!

Вервольф отсалютовал всем плоской фляжкой, неведь откуда появившейся у него в руке, и выпил. После чего спрятал фляжку за пазуху. Предлагать выпивку другим «грешник» посчитал излишним. Логика его была проста: кому требуется – должен свою иметь, а кому не требуется – тот сам козел.

– Слушай, Гупи, – Рикошет докурил сигарету до фильтра и щелчком запустил окурочок далеко в сторону. – Ты сам сказал, что на дурака я не похож. А что это значит?..

– Значит, что я мог ошибиться, – ответил Гупи.

Рикошет усмехнулся, показывая, что оценил шутку. Но он ждал не такого ответа.

– Это значит, я уверен в том, что мы сможем добраться до Монолита. Мы долго готовились к этой экспедиции. И, если ты пойдешь с нами, то и тебе жирный кусок удачи перепадет. У нас есть все – оружие, экипировка, защитное снаряжение, – и, что самое главное, у тебя, – Рикошет нацелил палец Гупи в лоб, – есть план, как добраться до Монолита, используя подземные коммуникации. Прорваться силой в четвертый энергоблок практически невозможно. Смертельная радиация, пси-излучение и мутанты на каждом шагу, озверевшие зомби...

– Рассказывают еще про военных сталкеров, которые отстреливают всех, кто пытается приблизиться к саркофагу, – добавил Муха.

– Но мы пойдем другим путем! – щелкнул пальцами Рикошет. – И станем грести счастье обеими руками.

– Монолит – это легенда Зоны, – уверенно заявил Гупи. – Сталкеры рассказывают ее друг другу, чтобы веселее было жить.

– Нет! Это не легенда! – часто, будто припадочный, затряс головой Вервольф. – Были сталкеры, которые находили Монолит! Были!

– Были, да все вышли, – махнул на него рукой Гупи. – В смысле, где они теперь?

– Тому, кто нашел Монолит, нет смысла возвращаться в Зону, – ответил Муха. – Потому что он и без того сможет получить все, что пожелает.

– Взрослые, а в сказки верите, – презрительно скривился Гупи.

– Ты не хочешь верить очевидному, Гупи, потому что замкнулся в своем маленьком мирке, – Рикошет сжал руку в кулак. – Превратился в куколку, высохшую снаружи и

сгнившую внутри. Если даже все то, что рассказывают о Монолите, это всего лишь легенды, в центре Зоны должно находиться что-то, что так старательно скрывают от всех спецслужбы.

– Да брось ты...

– А какого черта, по-твоему, делают возле реактора военные сталкеры? На контролеров охотятся? Почему вольные сталкеры объявлены вне закона? Официально говорится, что они могут вынести из Зоны какую-нибудь заразу, но на самом деле те, кто причастен к произошедшему в Чернобыле, боятся, как бы кто-нибудь из сталкеров не наткнулся случайно на разгадку причин Катастрофы.

– Так ты за этим идешь к четвертому энергоблоку?

– Не имеет значения, – Рикошет достал сигареты, автоматически протянул пачку Гупи, вспомнив, что тот не курит, махнул, и закурил сам. – Каждый из нас ищет что-то свое. Одному нужны ответы на все вопросы, другому – все блага мира, третьему – счастье для всех и даром. Но фокус в том, Гупи, что вместе у нас есть реальный шанс добраться до цели. И, может быть, это первый и последний шанс за всю историю Зоны.

Гупи скептически хмыкнул и отмахнулся от подлетевшей к самому носу жгучей пушинки.

– Знаешь, Рикошет, почему мне не внушает доверия ваша затея? Потому что вы сразу начали делать глупости. Сначала позволили бюреру стащить у вас ПДА с картой. Потом этот ваш Сало на моей растяжке подорвался. Если так будет продолжаться, до Припяти никто не дойдет.

– Согласен, были некоторые организационные трудности, – пристыженно опустил взгляд «монолитчик». – Команда у нас разношерстная, мы еще до конца не притерлись друг к другу...

– Это пустая затея, Рикошет.

– А по-моему, стоит попробовать, – подал голос американец по фамилии Гейтс.

А тебя, салага, не спрашивают, хотел осадить его Гупи, но вовремя сообразил, что он пока еще даже не член отряда, а потому выпендриваться лишний раз не стоит.

– Где вы раздобыли этот план? – поинтересовался Гупи. – Меня не интересуют детали, но где гарантия, что это не фальшивка?

– «Грешники» случайно наткнулись на старый армейский бункер. Черт знает, что там произошло, но бункер был наглухо заперт изнутри, а в нем десятка полтора покойников. Вернее, то, что от них осталось. Там «грешники» и нашли кучу документации, относящейся к работам, которые велись на станции после первого взрыва. В том числе и чертежи подземных коммуникаций под четвертым энергоблоком.

– Кому пришло в голову рыть подземные ходы под энергоблоком, накрытым бетонным саркофагом?

– А кто, по-твоему, отрыл катакомбы под Янтарем? Военные, Гупи, военные! Пользуясь тем, что после первого взрыва огромная территория вокруг Чернобыльской станции была объявлена запретной, они организовали здесь полигон и занимались какими-то своими дьявольскими исследованиями.

– Проект назывался «О-сознание», – вставил Вервольф, недовольный тем, что о его подвигах рассказывает не он сам, а кто-то другой.

– Осознание – чего? – просто так спросил Гупи.

– Нет. Не «Осознание», а «О – тире – сознание», – уточнил «грешник».

– То, что ты видел на флэшке, – копия, которую удалось умыкнуть Вервольфу с Салом. На оригинале имелись печати и подписи, удостоверяющие подлинность документов.

– А видел их только Вервольф, – догадался Гупи.

– Не, – мотнул головой «грешник». – Я оригиналов не видел.

– А откуда про проект «О-сознание» знаешь? – спросил Гупи.

– На других бумагах видел. Которые мы на растопку пустили... Ну, и для прочих разных целей тоже использовали.

– Хорошо, – с неохотой кивнул Гупи. – Пусть существует система подземных туннелей, ведущих внутрь саркофага. Но до входа в нее еще добраться нужно, – сталкер посмотрел на «монолитчика». – Через Припять пойдете?

– А тебе не все равно? – сделав вид, что его заинтересовал странный нарост на стволе дерева, Рикошет посмотрел в сторону. – Мы дорогу знаем.

– Да сдается мне, – подозрительно прищурился Гупи, – что я видел тебя в баре у Керзача. – Это он только так сказал – «сдается», на самом деле Гупи точно знал, что видел Рикошета, мог даже назвать дату и время. – Скорее всего, вы двое из подготовительного лагеря «Монолита», что в Темной Долине.

– Молодец, – одобрительно кивнул Муха. – Догадливый. Мы там подготовкой новичков занимаемся.

– А в Припяти бывать приходилось?

– Четыре раза туда ходили, – гордо приосанился Муха. И, покосившись на приятеля, нерешительно начал: – Вот, только...

– Мы пойдем через Ржавый лес! – не дал договорить ему Рикошет.

Но Гупи и без того уже все понял. Каждый «грешник» считает делом чести прикончить ренегата Вервольфа. И «монолитчики» не станут церемониться, если в руки к ним попадут Муха и Рикошет. Законы клана следует уважать.

– И как же ты собираешься через Ржавый лес идти? – поинтересовался Гупи.

Поначалу он хотел, чтобы вопрос звучал насмешливо, но потом передумал. Не время еще.

– На этот случай у нас братья-американцы имеются, – кивнул на вояк Рикошет.

– А что они умеют? – с сомнением глянул на американцев Гупи.

– У нас есть экспериментальная модель нового пси-стабилизатора, защищающего мозг от психотропного излучения, – сообщил Шрек.

– Наверное, про него мне Стивен говорил, – догадался Гупи. – Предлагал в бункер под озером слазать. Тоже, между прочим, разные блага обещал, – это уже было сказано для Рикошета. – Даже амнистию организовать грозился. Я отказался.

– Но от нашего предложения тебе будет трудно отказаться, – очень добро, почти ласково улыбнулся Рикошет. – Так ведь, Гупи?

Теперь Гупи превосходно видел весь расклад. Компания неудачников собралась поправить свои дела за счет легендарного Монолита, который, если верить сталкерским легендам, способен исполнить любое желание. И сейчас эти ребята одержимы своей мечтой настолько, что готовы пойти на все ради ее осуществления. Трудно так сразу сказать, что они сделают с Гупи, если он наотрез откажется с ними идти. Но, по всей видимости, они найдут способ сделать так, чтобы он перед смертью очень сильно пожалел о неправильно принятом решении. Но, если Гупи сможет убедить этих ребят в том, что он тоже хочет урвать свой кусочек дармового счастья, то не исключено, что по дороге ему удастся по-тихому от них улизнуть. Путь-то им предстоит неблизкий.

Кстати, сказочка о Монолите – древняя, еще в прошлом веке придуманная, когда никакой Зоны и в помине не было. И речь в ней шла не о Монолите, а о Машине Желаний. Но, в конце концов, дело не в названии, а в том, что в той старой сказке Машина Желания так и не осуществила ничьей мечты. Видно, тот, кто придумал легенду о Монолите, не дочитал эту историю до конца. Или же решил изменить финал на более оптимистичный. По его мнению.

Глава 6

Гупи потянулся за автоматом.

– Э нет, братишка! – Рикошет выхватил «калашников» у него из-под руки. – С этим пока повременим!

– Да вы совсем сдурели! – Гупи от возмущения едва на месте не подпрыгнул. – Хотите, чтобы я шел с вами к саркофагу без оружия?

– Не кипятись, братишка, не кипятись, – помахал перед его носом рукой Рикошет. – Оружие свое ты получишь, когда мы убедимся в чистоте твоих помыслов.

– А что вас в этом убедит? Черный пес, который перегрызет мне глотку?

– Ну зачем же так? – вроде как с укоризной посмотрел на Гупи Рикошет. – У нас хорошая команда. Вокруг все пока тихо. Случится что – мы тебя прикроем.

– Я предпочитаю сам себя прикрывать. Так, знаешь ли, оно надежнее.

– Понимаю, – Рикошет повесил автомат Гупи себе на плечо. Затем поднял его разгрузочный жилет и пояс с пистолетами, оценивающе взвесил на руке и кинул своему приятелю Мухе. – Но пойми и ты нас. У тебя есть отличная гарантия собственной неприкосновенности. Твоя жизнь для нас, можно сказать, дороже собственной. А что помешает тебе, воспользовавшись случаем, расстрелять нас из автомата? – Рикошет щелкнул пальцами. – Вот то-то и оно! Так что, бери, братишка, рюкзачок...

– Хорошо, давай договоримся, когда ты вернешь мне оружие.

Гупи уже уяснил, что Рикошет в этой пестрой команде главный. Ну, или, по крайней мере, считает себя таковым. Так что любые переговоры следовало вести с ним лично.

– Когда доберемся до Дэд-Сити.

– Вы собрались идти к Ржавому лесу через Дэд-Сити?.. Так оно, конечно, быстрее, но через Милитари будет спокойнее.

– Через Милитари нас «грешники» не пропустят. Уж очень их Вервольф со своим приятелем разозлил. Так что, идем через Дэд-Сити. И этот вопрос не обсуждается.

– А что, если раньше?..

– Если раньше станет горячо настолько, что потребуется еще один ствол, я отдам тебе оружие. Все?

Гупи поднял с земли рюкзак и закинул его на спину.

– Муха! Вперед!

Второй «монолитчик» сверился с показаниями датчиков, кивнул сам себе и уверенно зашагал вперед, прокладывая путь остальным. В хвост ему тут же пристроился Вервольф. За «грешником» – двое вояк, которым, видно, уже успели втолковать, что по Зоне иначе не ходят. Рикошет повел стволом автомата, предлагая Гупи занять место за американцами. Сам «монолитчик» встал замыкающим.

– Ты Мухе доверяешь? – негромко спросил у своего конвоира Гупи.

– Я три года его знаю, – ответил Рикошет.

– Я не о том. Насколько он хорош как проводник?

– А в чем проблема?

– Я бы обогнул Янтарь по другому берегу. Он чище.

– Муха все правильно делает. Нам на этом берегу еще троих человек прихватить надо.

– Кто такие?

– Отмычки. Мы их неподалеку от твоего схрона оставили. Чтобы под ногами не путались... Кстати, Гупи, отмычкам совсем не обязательно знать о цели нашего путешествия. Они ведь все равно, скорее всего, не дойдут.

– Что ты им сказал?

– Сказал, что идем в Ржавый лес за дорогими бирюльками.

– А они что?

– Обрадовались.

– Что, совсем глупые?

– Первая ходка.

Да, эти точно до конца не дойдут. Хорошо, если кто хотя бы до Припяти дотопает... Впрочем, Гупи-то что до этого? Он собирался слинять еще раньше. Как только оружие получит. Мысленно он уже выстроил совсем неплохой план. Перед Дэд-Сити Рикошет вернет ему автомат. В городе начнется перестрелка – это и к гадалке не ходи. Во время

суматохи можно будет затеряться среди развалин. А потом потихоньку, остороженько выбраться к окраине и рвануть на Милитари. «Грешникам» был нужен Вервольф с приятелями – отлично! Гупи расскажет, куда они направляются. А сам даст задний ход. И через «Агропром» – к бару «Сталкер».

Отмычки оказались хуже, чем представлял себе Гупи. Он услышал их еще до того, как увидел. Трое молодых ребят стояли на прогалинке, беззаботно покуривали и травили анекдоты, хохоча во всю глотку. Автоматы у двоих были за спинами. Третий вообще додумался поставить под дерево, точно подпорку, свою новенькую, ладненькую, как будто еще в заводской смазке, «Эмсфилд». Хорошая, кстати, винтовка, только патронов для нее не найдешь. Одеты отмычки тоже с иголочки. Маскхалаты-невидимки, каски, как у американцев, с убирающейся в подшлемник защитной маской, ботинки с грязеотталкивающим нанопокрывом и шнуровкой едва не до колена – все чин чинном. И все трое самоуверенные до идиотизма.

А Муха молодцом оказался. Подошел и, не говоря ни слова, первому отмычке в зубы дал так, что тот скопытился. С разворота второму в челюсть заехал. Третий попытался убежать, но и ему Муха дал пинка под задницу. Молодец. Этих если прямо сейчас не начать учить, так они и до Дэд-Сити не дойдут.

– Встали, придурки! – рявкнул Муха. – Построились!

Отмычки проворно поднялись на ноги и, утирая кровь, встали плечом к плечу.

– Оружие где? – рявкнул Муха на того, что винтовку у дерева оставил.

И снова – в морду.

Отмычка схватил винтовку и, хлюпая расквашенным носом, встал в строй.

– Почему оружие на предохранителях? Вы что, решили тут пикник устроить?

– Пикник на обочине, – усмехнулся сталкер.

Отмычки защелкали предохранителями.

– Ты где таких сыскал? – тихо спросил Гупи у Рикошета.

– В баре у Карапета. Мы там всегда новичков в свой клан вербуем. Этих я едва увидел, сразу понял – то, что надо. Они, прикинь, Гупи, собирались сами в Зону за бирюльками идти. Прикупили у какого-то ловкача карту Агропрома месячной давности и решили туда отправиться.

– Таких и не жалко даже, – согласился Гупи. – Все равно сдохли бы.

– Так, господа балбесы, – Муха встал перед отмычками, как сержант перед новобранцами. – Представляю вам нового члена нашей команды, заслуженного сталкера Гупи. Относиться к нему следует со всем уважением, которое заслуживает старший товарищ. Каждое его слово для вас – закон. Каждый приказ подлежит немедленному исполнению. – Это Гупи понравилось. – А теперь, Гупи, – повернулся Муха к сталкеру, – позволь представить тебе наших салаг. Трепло, – Муха начал с того, что с «Эмсфилдом», – Слоник и Фондю.

– А почему Фондю? – поинтересовался Гупи, догадавшийся, что окрестил новообращенных сталкеров не кто иной, как все тот же Муха.

– На «фуфло» похоже, но звучит интеллигентнее, – ответил Муха. И снова, обращаясь к отмычкам: – Так! Быстро похватали шмотки! Дальше двигаемся!

Гупи посмотрел на ПДА.

Десять минут пятого. Через три часа темнеть начнет.

Отряд снова выстроился в колонну. Теперь следом за Мухой шел Слоник. Затем – Вервольф и Фондю. Трепло занял место в хвосте.

Муха вел группу грамотно. Он взял левее того места, где находился схрон Гупи. Так и от озера дальше, и можно деревню обогнуть, в которой Гупи накануне бирюльки собирал. Сегодня там в каждом дворе по три-четыре злобных твари, не считая всякой мелочи. Большинство встречающихся на пути ловушек Муха определял на глаз, когда возникали сомнения, сверялся с датчиком аномалий. В крайнем случае, посылал вперед Слоника.

Особенно Гупи понравилось то, что Муха ни разу не начал кидать перед собой болты. Толку от этого мало – те аномалии, что можно зафиксировать с помощью брошенного болта, как правило, и невооруженным глазом видно. Неофитам страшно нравится прощупывать путь, кидая перед собой болты да гайки. «Гравитационная линза» очень эффективно отстреливает брошенный болт в сторону. «Жарка» бросается на кусок железа и еще в полете превращает его в расплавленную каплю металла. «Разрядник» может красиво ударить в болт молнией. Опытные проводники, как правило, кидают болты только для того, чтобы произвести впечатление на туристов.

Живность на пути им, по счастью, попадалась пока неопасная. Плоть похрюкала и пристроилась было в хвост отряда, но после короткой очереди, отвязалась. Чуть больше пострелять пришлось, когда штук пять слепых псов из леса выскочили. ДЖФы заранее предупредили о приближении собак, и встретили их дружным огнем из восьми стволов. Четырех собак уложили на месте. Одна уползла в кусты, волоча задние ноги, и там, скорее всего, издохла. Последней собаке удалось уйти.

– Они пока без хозяина, – сказал, перезаряжая дробовик, Вервольф.

– Разве у слепых псов бывают хозяева? – удивился Гейтс.

– А вас этому не учили? – усмехнулся, глянув на американца, «грешник». – Бывает, что стаю слепых собак чернобыльский пес под контроль берет. Вот тогда с ними трудно сладить. Черный пес в сторонке стоит и, как генерал, всеми действиями слепых собак управляет. Мало того, он еще прицел сбивать умеет.

– Как это? – спросил Шрек.

– А вот так. Ты, вроде бы, поймал пса на мушку, нажал на курок, а в последний момент рука дернулась, и пуля в сторону ушла.

– Сказки это, – усмехнулся Фондю.

– Будут тебе сказки, когда пес за яйца схватит, – мрачно пообещал Вервольф.

Перезарядив оружие, двинулись дальше.

– Где ночевать думаешь? – не оборачиваясь, спросил у Рикошета Гупи.

– За деревней есть поле. До первого взрыва на нем коноплю выращивали.

– Врешь! – не поверил Гупи.

– Поселок, который тут при советской власти был, назывался Совхоз «Красный коноплевод». Честно, я сам на карте видел... Теперь там поляна какая-то красно-синяя, по пояс. На другом конце поля в перелеске стоит старенький автобус. Черт знает сколько стоит, а такое впечатление, что с каждым годом только новее становится. Краска на нем блестит, все стекла на месте, сиденья кожей скрипучей обтянуты. И травка вокруг него, как полагается, зелененькая. Кто-то из ребят говорил, что автобус этот находится на участке, где действует эффект обратного времени. Так или нет, не знаю, но только место это безопасное... Я сам в нем пару раз ночевал... В первый раз нарочно стекло разбил и сиденье ножом изрезал. Через полгода вернулся – никаких следов.

– Все равно – аномалия, – многозначительно изрек Гупи.

В его представлении любая аномалия таила в себе опасность, ежели не явную, так, значит, тайную, ежели не смертельную, так зловредную.

– Аномалия аномалии рознь, – не согласился Рикошет. – Монолит – он ведь тоже аномалия.

– Ты мне про Монолит лучше и не говори, – обреченно вздохнул Гупи. – А в автобус этот я все равно не полезу.

– Как хочешь, – безразлично пожал плечами Рикошет. – Можешь под кустом уснуть. А я поставлю Вервольфа тебя охранять.

Знаешь, как он после этого будет тебе признателен?

Гупи только засопел в ответ. Рикошет, зараза, прав – не в том он сейчас положении, чтобы еще и врагов себе наживать.

Они уже обогнули злосчастную деревеньку, кишашую монстрами, когда следом за ними увязалась пара зомби. Гупи видел, как, по-обезьяньи согнув спины и опустив руки едва не

к самой земле, мертвяки перебежали от куста к кусту, следуя параллельным с ними курсом. Так зомби ведут себя, когда напасть собираются.

Зомби прятались так неумело, что заметить их мог даже слепой. Однако никто не поднимал тревогу. Гупи тоже не стал кричать о своем открытии. Оружие у него отобрали, пообещав позаботиться о его безопасности. Ну, так пускай заботятся! А сам Гупи с парой безоружных зомби мог справиться даже голыми руками.

Зомби сопровождали отряд с полкилометра. Наконец один из них решился атаковать. Он пристроился к хвосту колонны, быстро догнал идущего последним Трепло и, прыгнув на спину, повалил отмычку на землю.

Парень заорал так, будто ему шило в зад воткнули и, с дуру надавив на гашетку, выпустил разом пол-обоймы. Едва не уложив при этом Рикошета с Гупи.

– Ты что творишь, мать твою! – зло выругался Рикошет. – Совсем охренел!

И, подбежав к Треплу, которого старательно драл зомби, как следует наподдал ему ногой по ребрам.

Отмычка, видно, решил, что ему точно конец пришел, и заорал еще громче.

– Нет, ты видел такого дурня? – спокойно спросил Рикошет у Гупи. – Позволил зомби со спины напасть!

Мертвяк тем временем разорвал на отмычке маскхалат, под которым оказался новенький бронежилет. Парень был отлично экипирован, и пока, при том что бой проходил с явным преимуществом мертвяка, единственной травмой, которую получил Трепло, была прокушенная щека. Но парень орал не столько от боли, сколько от страха. А, может быть, и от омерзения. Действительно неприятно видеть прямо перед собой гниющую морду зомби, с облезшей кожей, торчащими зубами и провалившимися глазницами, из которых сочится сукровица.

– Идите-ка сюда, – махнул Рикошет двум другим отмычкам. И, когда те подошли, указал на борцов. – Смотрите. Вот что бывает с теми, кто на маршруте хлопает ушами по щекам.

– А... Может, ему помочь? – не очень уверенно спросил Фондю.

– Думаешь, стоит? – изображая неуверенность, наморщил лоб Рикошет.

Ясно, догадался Гупи, Муха и Рикошет устроили это представление в педагогических целях. Видно, так же они натаскивали своих учеников в лагере в Темной долине.

– Ладно, ребята, мы тут сами разберемся, – сказал отмычкам Муха. – А вы найдите и пристрелите второго мертвяка. Задача ясна? Пять минут на выполнение.

Отмычки выставили стволы перед собой и, настороженно оглядываясь по сторонам, двинулись вперед.

– Страхуй меня, – серьезно сказал приятелю Фондю.

Тот так же серьезно кивнул в ответ.

Гупи едва не рассмеялся, глядя на них, – отмычки шли в сторону прямо противоположную той, где за кустом притаился мертвяк.

Рикошет присел на корточки и щелкнул пальцами, чтобы обратить на себя внимание Трепла.

– Ну, как себя чувствуешь?

Трепло только что-то невнятно промычал в ответ. Взгляд у него был настолько безумный, что его трудно было назвать человеческим.

– Эй!

Рикошет ткнул зомби пальцем в глазницу и, как только тот повернулся к нему, ударил прикладом автомата. Затем еще раз. Еще. Еще.

С сухим треском сломались остистые отростки позвонков. Голова зомби слетела с позвоночника, ударилась о ствол дерева и, продолжая скалиться и скрипеть зубами, упала на оранжевую траву.

Рикошет поднялся, тщательно вытер приклад о траву и с тоской посмотрел вслед уходившим все дальше отмычкам.

– Вервольф! Верни этих недоумков и покажи, где сидит зомби.

Каждый охотник желает знать...

«Грешник» сплюнул под ноги, сунул сигарету в зубы, передернул затвор дробовика и пошел за отмычками.

Все верно, отметил про себя Гупи, отмычками разбрасываться не стоит, они еще пригодятся.

– Ну, а ты долго еще лежать собираешься? – склонился Рикошет над Треплом.

Отмычка, тихо поскуливая, стал вылезать из-под мертвяка, скрюченными, поломанными пальцами вцепившегося в обрывки его маскхалата. Освободившись, он перевернулся на живот и быстро-быстро пополз. Потом вдруг вскочил на ноги и принялся хлопывать себя ладонями, как будто сбивал пламя.

– Да что с тобой, Трепло? – недоумевающе уставился на него Муха.

– Мерзость... – сдавленно пробормотал отмычка. – Какая мерзость...

– А чего ты тогда в Зону полез, чистоплюй, – презрительно бросил Муха и отвернулся.

Вервольф тем временем вернул назад увлекшихся охотой отмычек, подвел их к прятавшемуся за кустом зомби и красивым выстрелом от бедра снес мертвяку голову.

К удивлению Гупи, Рикошет не поставил Трепло в середину колонны, а оставил его в хвосте. Видно, «монолитчик» был уверен, что теперь-то отмычка будет глядеть в оба.

– Гупи... А, Гупи... – негромко окликнул сталкера Трепло.

– Чего тебе? – не оборачиваясь, буркнул Гупи.

– Меня мертвяк покусал... Щеку прокусил...

– И что?

– Я теперь тоже зомби стану?

– С какого?..

– Ну... Ведь если зомби укусит... Вирус в кровь попадет...

– Ромеро посмотрелся?

– Ну, видел, конечно... Классика...

– Дурак.

– В каком смысле?

– Ромеро выдавал сказки для взрослых.

– Да?..

– Тех зомби, что он в кино снимал, на самом деле не существует.

– А как же тот, что на меня напал?

– Это то, что Зона может сделать с человеком... Кстати, не худший вариант... Их называют зомби просто потому, что надо же как-то называть. А кто они такие на самом деле?.. Да черт их знает... В любом случае, самое плохое, что тебе грозит после укуса мертвяка, это заражение. Так что, когда остановимся, как следует обработай рану антисептиком. Да и зашить бы не мешало... И лучше больше не попадайся зомби на зуб. А то ведь в другой раз рядом Рикошета может и не оказаться.

– Он напал неожиданно!.. Откуда я мог знать, что он у меня за спиной?..

На этот по-детски глупый вопрос Гупи отвечать не стал. Потому что ответ мог быть только один – ежели человек не чувствует, что у него за спиной происходит, значит, он уже не жилец. В отличие от Трепла, Гупи точно знал, что этот парень из Зоны уже не вернется. Двое других, скорее всего, тоже здесь останутся. Но этот – сто процентов.

До поля, к которому вел отряд Муха, Гупи никогда не добирался. Нечего там делать, подсказывала ему интуиция. А когда они наконец вышли на окраину поля, Гупи смог воочию убедиться в том, насколько был прав, доверяя своему шестому чувству. Может быть, Рикошет не трендел, и в былые времена на поле, действительно, росла конопля, из семян которой масло давили, а из сухих стеблей вязали веники. Ныне же вся огромная площадь окруженной редким перелеском некогда возделываемой земли была оккупирована невиданной растительностью с широкими листьями темно-пурпурного цвета с зубчиками по краям, будто у крапивы, с мясистыми, извивающимися стеблями и длинными, гибкими усами, которыми они цеплялись друг за друга, чтобы подтянуться

повыше. Вся эта огромная растительная масса постоянно двигалась, вздымалась и шуршала, словно гигантское, бесформенное тело обожравшегося монстра, которого мучили скопившиеся в кишечнике газы.

Заброшенные поля, заросшие мутировавшей растительностью, были едва ли не самыми опасными местами. Среди буйства обезумевшей растительности не всякую аномалию заметишь. «Гравиконцентрат» или «Жарка» – те, наоборот, отмечают свое присутствие поломанными стеблями и сожженными листьями, а, скажем, в «Разрядник» или в «Чертову паутину» влететь можно за милую душу. В зарослях любая тварь могла поджидать в меру беспечную жертву. А кроме того, и сами растения, то ли изменившиеся под воздействием радиации и еще бог знает каких мутагенных факторов, то ли и вовсе занесенные в Зону из других пространств и миров, могли представлять собой немалую опасность. Даже если забыть о плотоядных растениях, листья и стебли мутантов могли оказаться покрытыми стрекательными клетками, вырабатывающими кислоту, а то и, того хуже, быстродействующий токсин. Ну, и в довершение прочего, пыльца таких растений могла вызвать тяжелейший приступ аллергии. Диггер рассказывал, что как-то раз, спасаясь от невесты с какого перепугу забредшего на Агропром псевдогиганта, вышел с тремя отмычками на край поля, заросшего мутировавшими подсолнухами. Знал, что не стоит это делать, но выбора не оставалось. И, как назло, сильный ветер подул со стороны поля. Такой сильный, что видно было, как красноватая пыльца летит, ухватившись за его космы, завиваясь петлями. Один из отмычек весь багровыми пятнами пошел, а другой начал волдырями покрываться и дышать тяжело, со свистом, как астматик. У самого Диггера глаза стали слезиться так, будто он мешок самого ядерного лука перечистил и мелко нашинковал. От псевдогиганта они в тот раз ушли, а вот отмычка, что опухать начал, умер прежде, чем группа до схрона добралась. Как рассказывал Диггер, у парня гортань распухла так, что он задохнулся.

Муха повел отряд в обход поля. Он шел уверенно, будто не раз уже ходил этим маршрутом. Но мелкие, едва уловимые признаки подсказывали опытному наблюдателю, что «монолитчик» здесь впервые и выбирает дорогу, основываясь на чьем-то очень подробном рассказе. Тогда выходит, Рикошет тоже соврал, когда сказал, что ему уже доводилось ночевать в застрявшем во временно#й аномалии автобусе?.. Ладно, посмотрим, что это за чудо такое невиданное.

В данный момент Гупи беспокоило другое. Он словно кожей чувствовал, что из фиолетовых зарослей за ними кто-то наблюдает. Детектор жизненных форм, на который то и дело поглядывал Гупи, уверял, что поблизости нет никаких тварей. Но сталкер отказывался ему верить. Что-то тут было не так. Он был убежден, что в зарослях кто-то притаился, хотя и сам не понимал, откуда взялось это чувство. Быть может, растительность была не только странной на вид, но и обладала странными свойствами? Например, экранировала ДЖФ-сканер.

Ощущение реальной опасности, само по себе мерзопакостное, усугублялось тем, что у Гупи не было оружия. Если в лесу, когда следом за ними шли зомби, сталкер не боялся нападения, будучи уверен, что даже без ножа справится с мертвяками, то сейчас он чувствовал себя будто голым перед тем, кто внимательно наблюдал за ним, сам при этом оставаясь невидимым.

Конечно, это могло оказаться иллюзией, игрой воображения, подстегнутой ощущением незащищенности. Но от таких мыслей Гупи, почему-то, не становилось легче.

– Эй, Рикошет, – негромко окликнул «монолитчика» Гупи. Почти так же, как не так давно позвал его Трепло.

– Чего тебе? – на ходу быстро глянул назад Рикошет.

– Дай автомат.

– Я же сказал...

– В зарослях кто-то есть.

– Да ну? – Рикошет посмотрел на дисплей портативного ДЖФ. – Ничего не видно... Он погладил пальцем кнопку настройки и пожал плечами. – Должно быть, у тебя детектор барахлит, Гупи.

– Детектор тут ни при чем, – недовольно скривился Гупи. – Я знаю, слышишь, знаю, там кто-то есть.

– Нет там никого! – уверенно заявил Рикошет.

Как будто забыл, а может, и вовсе не знал, что в Зоне никогда, ни в чем нельзя быть абсолютно уверенным.

– Дай автомат, Рикошет! – Гупи повысил голос настолько, что даже шедший впереди Вервольф оглянулся. – Боишься, что я убегу?.. Куда? Ночь на носу! Я что, похож на идиота?

– Не паникуй, Гупи...

– Иди ты к черту! Ты еще не знаешь, что такое паника!

– Отдай ему автомат, Рикошет, – неожиданно встал на сторону Гупи Вервольф.

– Я разве просил у тебя совета? – изобразил недоумение «монолитчик». – Вервольф, твое дело стрелять, а думать я буду.

«Грешник» недовольно сплюнул и отвернулся.

– Слушай, Рикошет, не будь дураком...

– Отвяжись, Гупи!

Гупи понял, что продолжать спор бессмысленно. Рикошет относился к трудному в общении типу людей, которые, приняв однажды решение, уже никогда от него не отступаются. Даже если сами понимают, что ведет оно их к могиле. Такое качество хорошо, должно быть, в учебном лагере. Но в Зоне необходимо быть гибким, в десятый, в двадцатый раз менять решение, если того требует ситуация. Там, где гибкий согнется, крепкий сломается. «Ладно, – подумал Гупи, глядя Рикошету в спину, – я тебе это твоё «отвяжись» еще припомню. Случай представится, а я не забуду».

И не успел он мысленно пригрозить Рикошету, как живая стена фиолетовых зарослей, вдоль которых они шли, сначала всколыхнулась, будто глубоко и нервно вздохнула, а потом вдруг лопнула и словно выпростала из себя огромного, злобно ошетилившегося, черного, с коричневатыми подпалинами на боках зверюгу.

В отличие от прочих обживших Зону тварей, чернобыльский кабан-мутант не отличался никакими сверхспособностями. Если, конечно, не считать таковыми мощь, скорость и фантастическую живучесть, помноженную на регенеративные функции всего организма. Шкура у кабана-мутанта такая толстая и плотная, что даже пули рикошетят от нее, словно от бронежилета. А острые, раздвоенные копыта и шесть крепких, торчащих из пасти клыков, превращали его в идеальную машину убийства, отключить которую было не так-то просто.

Кабан выскочил из зарослей всего в двух шагах от Рикошета и, понятное дело, именно его зверь избрал своей первой жертвой. Если бы «монолитчик» в страхе кинулся бежать, тут бы ему и пришел конец. Но Рикошет, видимо, имел опыт встреч с кабанами-мутантами. Сталкер даже не стал стрелять, прекрасно понимая, что за то время, которое потребуется зверю, чтобы преодолеть разделяющее их расстояние, он успеет выпустить пол-обоймы. Сам Мюнхгаузен был бы объявлен гнусным лжецом, если бы только посмел заявить, что ему удалось уложить чернобыльского кабана-мутанта всадив в него из автомата пятнадцать пуль. Для кабана это все равно, что пятнадцать вишневых косточек. Если даже какая-то из них зацепит один из жизненно важных органов, тот успеет регенерировать прежде, чем зверюга издохнет. Однако кабан летел на Рикошета, пригнув к земле голову, чтобы снизу поддеть человека изогнутыми, как ятаганы, клыками, а потому почти ничего перед собой не видел. Расстегнув карабин на груди, Рикошет сбросил на землю рюкзак и в тот момент, когда кабан уже готов был вскинуть голову, чтобы насадить его на клыки, прыгнул в сторону.

Мотнув головой, кабан пробежал мимо.

Сообразив, что промахнулся, зверь резко развернулся, всхрапнул и копнул передним копытом землю.

Рикошет отбежал к кустам и сунул в подствольник гранату.

Вервольф и Муха тоже заняли боевые позиции.

Из отмычек, только Слоник догадался нырнуть в фиолетовые заросли – сейчас это было, пожалуй, наилучшим решением, – а двое других продолжали стоять, где стояли, и непонимающе глядели на сталкеров. Судя по всему, кабан не казался им очень уж опасным противником. Их обманывало внешнее сходство чернобыльского кабана-мутанта с теми секачами, что обитают за пределами зоны. С шестью стволами не уложить одного кабана – тем, кто не знал Зону, в такое трудно было поверить.

Но не Гупи.

Гупи знал, что с кабанами-мутантами шутки плохи. Про себя ругая на чем свет стоит Рикошета, который отобрал у него оружие, Гупи быстро перебежал на тот край, где находились Муха и Вервольф. Во-первых, их позиция казалась более защищенной по сравнению с той, что занимал Рикошет, которого прикрывал, нет, не прикрывал, а должен был прикрывать Трепло. Во-вторых, Муха кинул на землю рюкзак, под верхним клапаном которого были пристегнуты пояс с пистолетами и разгрузочный жилет Гупи – если дело примет совсем поганый оборот, можно будет попытаться до них дотянуться.

Всхрапнув еще разок, кабан снова пригнул голову к земле и кинулся на Рикошета.

Неожиданно навстречу ему выбежал Вервольф и, один за другим, всадил три заряда картечи кабану в морду.

Кабан остановился, будто налетел на невидимую преграду, подался назад и почти сел на задние лапы. Картечь посекала шкуру зверя, разорвала уши и, возможно, зацепила глаза.

На какое-то время неудержимый мутант потерял ориентацию.

Всего на секунду-другую.

Но этого оказалось достаточно для того, чтобы Вервольф отпрыгнул в сторону, а Рикошет выстрелил по кабану из подствольного гранатомета.

Взрывом зверюгу откинуло назад. Он пронзительно завизжал, вскинул передние лапы и опрокинулся на спину.

Гупи с досадой покачал головой – не так, совсем не так надо валить кабана-мутанта. Гупи и в одиночку с кабаном справился бы, будь при нем его оружие.

Рикошет, Вервольф и Муха, паля на ходу, кинулись добивать мутанта. Чуть погодя к ним присоединились вояки-американцы и Трепло. Фондю закинул автомат за спину и грыз травинку, наблюдая за происходящим. Вдвойне идиот – мало того, что оружие поставил на предохранитель, так еще и всякую дрянь в рот тащит.

Гупи быстро глянул по сторонам.

Рюкзак Мухи с притороченным к нему снаряжением Гупи стоял в пяти шагах от него. Возле рюкзака Муха и автомат бросил. Обойму, конечно, вытащил. Но выдернуть запасной рожок из жилетного кармана и прицелкнуть его к автомату – дело на один выдох. Всех одной очередью положить не удастся. Значит, самое лучшее – нырнуть в фиолетовые заросли. Да, опасно, но идти с этими дураками к четвертому энергоблоку – так и вовсе верная смерть.

Слоника видно не было. Наверное, все еще сидел в зарослях мутировавшей конопли. Не напороться бы. А то еще начнет сдуру стрелять.

Плавнo ступая, Гупи подобрался к рюкзаку Мухи. И собирался уже нагнуться, как вдруг из темно-пурпурных зарослей с диким криком вылетел Слоник. А следом за ним – еще один кабан. Такой же здоровенный, как первый. Если не больше.

Споткнувшись, Слоник упал. Видно, решив, что подняться он уже не успеет, отмычка закрыл голову руками и заорал благим матом.

Услышав его, обернулись и открыли огонь охотники, добивавшие первого кабана.

Только это и спасло отмычку.

Теперь он был неинтересен кабану. Мутант только пробежался по нему и бросился на оцетинившихся стволами охотников.

Те – врассыпную.

Сейчас бы самое время схватить оружие и рвануть куда подальше.

Гупи выругался едва не в полный голос, сорвал с жилета гранату и кинул ее вслед кабану.

Еще не долетев до зверя, граната с приглушенным хлопком разорвалась. Пластиковая оболочка разлетелась в стороны. Находившийся под ней комок серой, клейкой массы, размером с кулак, под воздействием кислорода вспух, раздулся и лопнул, как мыльный пузырь, накрыв кабана обрывками оболочки.

Мутант, будто споткнувшись, ткнулся рылом в землю.

Всхрапнув, он тут же попытался снова подняться на ноги. Но, чем интенсивнее он двигался, тем плотнее становилась облепившая его клейкая пленка.

Гупи, не спеша, наклонился, выдернул из ножен мачете и направился к кабану.

Когда сталкер подошел к нему, зверь уже не мог двигаться. Он только всхрапывал яростно и злобно пялился на человека маленькими, подслеповатыми глазками.

Гупи схватил кабана за один из клыков, рывком запрокинул его голову и одним движением перерезал зверю горло.

Отойдя в сторону, он вытер мачете об оранжевый лопух. Хотя, может, это и не лопух был вовсе.

– Силен, бродяга! – с уважением посмотрел на Гупи вышедший из-за кустов Вервольф.

Муха подошел к мертвому кабану и потрогал пальцем облепившую его серую массу. Она уже была не клейкой, а плотной, как резина. Муха потер пальцы, понюхал их и пожал плечами.

– Что это было?

– У них узнай, – кивнул на американцев Гупи.

Муха перевел вопросительный взгляд на Шрека.

Американец потрогал запекшуюся на теле кабана оболочку. Ногтем попытался отковырнуть кусочек.

– Похоже на гранату «G-8»... Разновидность нелетального оружия, – объяснил он «монолитчику». – Липкое содержимое гранаты сковывает движения солдат противника и таким образом выводит их из строя. Только, мне кажется странным...

Не закончив фразу, Шрек снова наклонился и потрогал застывшее вещество.

– Что тебе кажется странным? – Рикошет ухватил вояку за рукав и потянул на себя. – Что?

– Состав застыл, – кивнул на мертвого кабана Шрек. – А он должен оставаться вязким.

– Вязкий состав удержит человека, но не кабана, – усмехнулся Гупи. – Это ваша граната, «G-8». Только ее Гильза усовершенствовал – поставил дополнительный запал.

– Кто такой Гильза? – недоверчиво покосился на Гупи Рикошет. – Не слышал о таком.

– Он из темных.

Рикошет понимающе кивнул – «монолитчики» с темными не общались.

Гупи повернулся к Рикошету спиной и пошел к краю фиолетового поля.

– Ну, как? – хлопнул он по плечу уже поднявшегося на ноги Слоника. – Живой?

– А что мне будет? – задиристо глянул на сталкера отмычка и костяшками пальцев постучал по бронежилету на груди.

Несмотря на показную браваду, Слоник заметно прихрамывал на левую ногу и время от времени как-то странно дергал головой.

– Как думаешь, оклемается? – негромко спросил у Гупи Муха.

Сталкер только плечами пожал – откуда ему знать, по каким местам на теле Слоника пробежался кабан. Если колено здорово разбил, то завтра отмычка ногу разогнуть не сможет. Придется бросить его. А один он назад не вернется. Сам виноват, дурила, нельзя от кабанов бегать – все равно догонят.

Гупи выдернул из-под клапана Мухино рюкзака свой жилет, надел его, одернул и застегнул. Затем затянул пояс. Проверил пистолеты. Под конец поднял с земли автомат.

Гупи все ждал, что кто-нибудь его остановит. Но все молчали. Даже Рикошет. А когда Гупи взял в руки автомат, Муха протянул ему две перетянутые изолентой обоймы.

Глава 7

Гупи почувствовал – что-то не так, когда проводник начал дергаться из стороны в сторону. Новички – отмычки и вояки – этого не замечали. Но Рикошет среагировал на маневры Мухи так же, как Гупи. Он жестом велел Вервольфу переместиться в конец колонны и наблюдать за тылами, а сам побежал вперед. Догнав Муху, он о чем-то негромко спросил его. Проводник нервно дернул головой.

– Недоноски, – зло прошипел за спиной у Гупи Вервольф и сплюнул в траву.

Нет, Муха не сбился с пути – случись такое, он бы непременно доложил об этом старшему в группе, – но что-то мешало ему вести отряд прямой дорогой к намеченной цели.

К этому времени они уже обогнули темно-пурпурное поле, некогда бывшее конопляным, миновали узкую лесополосу и вышли к территории бывшего плодового питомника. Деревья, высаженные аккуратными рядками, на равном расстоянии друг от друга, стояли с раскинутыми в стороны ветками, обвисшими концами касающимися земли, похожие на вставших на дыбы гигантских каракатиц. На некоторых даже были плоды – желто-зеленые ягоды, размером со спелую черешню, собранные в виноградные грозди. Видно, очень ядовитые или противные на вкус были эти ягодки, если даже вороны, нескладно гомонящей стаей кружившие над головой, их не клевали. То там, то здесь виднелись зияющие проплешины со старыми, поросшими синим люминесцирующим мхом воронками – не иначе как по местности прошлась авиация.

Муха махнул рукой влево, потому указал вперед.

– ...Почем мне знать, – донесся до слуха Гупи обрывок фразы проводника.

Рикошет хлопнул Муху по плечу, обернулся к остальным и поднял руку, приказывая остановиться. Взмахом руки Рикошет подозвал всех ближе. Строй рассыпался. Сделав шаг в сторону, Гейтс едва не наступил в лужу живой слизи, затянутую сверху зеленоватой пленкой.

Гупи недоумевающе хмыкнул, но ничего не сказал.

Проходя мимо лужи, Вервольф плюнул в нее. Выдернувшаяся из лужи ложноножка на лету поймала плевок.

Вервольф подмигнул обернувшемуся на него сталкеру. «Грешник» понял, что Гупи, в отличие от остальных, тоже заметил живую слизь.

– У нас небольшая проблема, – Рикошет не говорил, а выдавал информацию, как будто выступал перед строем. – Автобус, в котором мы собирались переночевать, исчез.

– Это как же так? – недобро прищурился Вервольф. – Просто, вот взял и исчез?

Рикошет проигнорировал вопрос «грешника».

– Эй! – Вервольф щелкнул пальцами у «монолитчика» под носом. – Я задал тебе вопрос!

– Слушай, не до тебя сейчас, – недовольно поморщился Рикошет.

Вервольф выбросил обе руки вперед и сгреб Рикошета за грудки, при этом локтем умело блокировал ствол его автомата.

– Я спрашиваю, где автобус?

Муха сделал шаг в сторону, вскинул автомат и взял «грешника» на прицел.

Остальные не предпринимали никаких действий. Им, похоже, было все равно. Или они вообще не понимали, о чем спор.

– Осторожно, – поднял руку Гупи. – У тебя за спиной мухоловка.

Муха машинально оглянулся.

В ту же секунду Гупи оказался возле него и поднял ствол автомата кверху. У сталкера не было ни малейших сомнений в том, что физическая подготовка «монолитчика» лучше, чем его, поэтому он на всякий случай сунул под край Мухиной каски ствол пистолета.

– Все! Хватит! – махнул свободной рукой Рикошет.

Вервольф оттолкнул его так, что «монолитчик» едва не упал, и плюнул в сторону.

Гупи, словно извиняясь, улыбнулся Мухе. Тот понимающе улыбнулся в ответ. Гупи убрал пистолет. Муха опустил автомат.

– Ну, и где ночевать будем? – широко махнул рукой Вервольф. – Под деревом?

Обращался он, в первую очередь, к Рикошету. Хотя и остальных должен был интересоваться этот вопрос. Край неба уже начал багроветь, значит, до темноты оставалось минут сорок. А то и меньше, если солнце, как порой случается после выброса, сразу, в один миг, скатится за горизонт.

– У нас был план, – начал не оправдываться, а объяснять, Рикошет. – Хороший план...

– Покажи, где был автобус, – перебил его Гупи.

– Где-то здесь, – сделал весьма неопределенный жест рукой «монолитчик».

Гупи вопросительно посмотрел на Муху.

Тот пожал плечами и отвернулся.

Гупи наконец все стало ясно. «Монолитчики» работали инструкторами в лагере подготовки новичков. Стрельба, рукопашный бой, умение ориентироваться на месте и работать с детекторами. В Зоне они бывали и даже доходили до Припяти, где находится основная база их клана. Но, не в одиночку, а в сопровождении опытных проводников. И совершив пару-тройку таких вот глубоких рейдов в Зону, они возомнили себя бывалыми сталкерами. Такое случается. Стрелять эти ребята умели. Командовать – умели очень хорошо, особенно Рикошет. Но для того чтобы выжить в Зоне, этого мало. Но они это не понимали.

Ни Муха, ни Рикошет, скорее всего, в глаза не видели автобус, в котором собирались переночевать. Им о нем кто-то рассказал. И они уверенно топали к нему, да еще и тащили с собой шестерых человек, свято веря в то, что удача на их стороне.

Недоноски – это Вервольф верно подметил.

Как ни странно, именно Вервольф, поначалу показавшийся Гупи самым отвязным, а потому и самым бесполезным и даже опасным членом команды, на деле оказался наиболее вменяемым из всех. Непонятно только: чего ради он ввязался в эту затею с походом к четвертому энергоблоку?

То, во что Гупи, помимо собственной воли, был втянут, оказалось банальнейшей авантюрой, густо замешанной на ложной самоуверенности и откровенной глупости. Впрочем, как и следовало ожидать. Кому еще могло прийти в голову отправиться на поиски мифического Монолита, вооружившись картой, подлинность которой вызывала очень большие сомнения? Во всяком случае, у всех здравомыслящих людей, к каковым относил себя и Гупи.

Лучшее, что можно было бы сделать в такой ситуации, это повернуться и уйти. И черт с ними, со всеми этими идиотами, пусть стреляют в спину! В Зоне легко можно найти множество значительно более неприятных способов расстаться с жизнью, чем пуля. Гупи с ходу мог назвать дюжину. А если подумать, то и пару десятков. Но идти одному, в ночь, не зная места, так же глупо, как и топать к АЭС. Сейчас нужно думать не о побеге и не о дураках, которые могли ему помешать, а о том, как организовать максимально безопасное место для ночевки. Именно организовать – искать уже было поздно.

– Какие-нибудь идеи есть? – обратился Гупи к Рикошету, который все еще оставался старшим в группе.

– Ну... – «монолитчик» глянул по сторонам, как будто надеялся, что кто-то или что-то подскажет ему ответ. – Надо осмотреться на местности...

– Двадцать минут до темноты, – напомнил Вервольф.

– Я не знаю, – всплеснул руками Рикошет. Не с отчаянием, а возмущенно, так, будто к нему обращались за консультацией, как к врачу-гинекологу.

В принципе, его можно было добить. Расплющить в лепешку весь его дутый авторитет. Но Гупи делать этого не стал. Вервольфу это, похоже, тоже не требовалось.

– У нас проблема? – наконец-то подал голос Шрек.

Чисто по-американски. У него петля на шее, а он удивленно смотрит на взявшегося за рычаг палача и спрашивает: какие проблемы? А ежели его приятель Гейтс сверзнется с одиннадцатого этажа прямехонько на асфальтовую мостовую, он, подбежав к нему, первым делом поинтересуется: ну, как ты, ОК?

– Проблема? – Гупи с озадаченным видом поскреб ногтями заросшую щетиной щеку. – Да, вроде бы, нет. Если не считать того, что хотелось бы как-то дожить до рассвета.

– Я полагаю, вы знаете, что нужно делать, господин Гупи, – уверенно посмотрел на сталкера Гейтс.

Гупи запустил руку назад и поймал за рукоятку пристегнутую сбоку к рюкзаку саперную лопатку.

– У кого-нибудь еще есть такая штукавина?

Лопатки нашлись у обоих вояк, у Вервольфа и Фондю. Итого – пять штук. Лучше, чем ожидал Гупи.

Лопаткой Гупи указал на ближайшую воронку и велел отмычкам оттащить подальше поваленные деревья. Сам же, забравшись в воронку, принялся осторожно снимать лопаткой пласты дерна, поросшего люминесцирующим мхом. Вояки выкладывали мох широким кольцом на расстоянии примерно пяти метров от воронки, по краю свободного от деревьев пространства. Очистив воронку от мха, Гупи вручил свою лопатку Фондю. Теперь отмычки и вояки принялись углублять яму, одновременно возводя вокруг нее невысокий бруствер. Муха бегал по краю, утрамбовывая выброшенную из воронки землю. Рикошет, как обычно, командовал. Хотя сейчас в этом не было никакой необходимости – и отмычки, и американцы, похоже, вружились, что от того, насколько быстро и хорошо они работают, вскоре будет зависеть жизнь каждого из них. Вервольф стоял в стороне, покуривал и сплевывал, наблюдая, как работают другие.

– Слыхал, – подошел к нему Гупи, – есть три вещи, на которые можно смотреть без конца.

– Да ну? – скосился на него «грешник». – Только три?

– Три, – кивнул Гупи. – Как падает снег, как горит огонь и как кто-то другой работает.

– А еще – голые бабы, – добавил Вервольф.

– Что ж ты в Зону полез, ежели баб так любишь?

– Я-то их люблю, да они меня нет. И еще... – Вервольф ногтем стрельнул окурочек под куст.

Гупи подождал, но Вервольф так и не закончил начатую фразу.

– Думаешь, пересидим ночь в яме? – спросил он вместо этого.

– Все лучше, чем на открытом месте, – ушел от прямого ответа Гупи. Потому что и сам его не знал.

Вервольф достал пачку сигарет. Протянул ее Гупи. Тот сделал отрицательный жест рукой.

– А, забыл, ты ж не куришь, – Вервольф вытянул сигарету и щелкнул дешевой пластиковой зажигалкой. – А я вот без курева не могу.

– У каждого из нас есть свои слабости, – согласился Гупи.

– А у тебя?

– Что – у меня?

– У тебя какая слабость?

– Люблю поговорить о слабостях других.

Вервольф криво усмехнулся и выпустил струйку дыма из уголка рта.

– А мне сначала показалось, что ты простой, как пятак.

– Ты мне тоже с первого раза не глянулся.

Ну вот, контакт установлен.

– Думаешь утром сбежать? – спросил Вервольф.

– А ты сам-то, что думаешь? – прищурившись, посмотрел на него Гупи. – Полагаешь, с этими, – он кивнул в сторону воронки, ставшей похожей на небольшой редут, – до АЭС можно дойти?

Вервольф поднял одной рукой лежавший на плече дробовик и, не целясь, выстрелил в сторону подкрадывающейся со стороны кустов плоти. Та, взвизгнув, кинулась наутек.

– С ними – нет. Они все – отмычки. А с тобой – дойдем.

Услыхав такое, Гупи совершенно по-новому посмотрел на Вервольфа.

– Я полагал, что это Рикошет собрал отряд для похода к Монолиту.

Ни один мускул не дрогнул на лице Вервольфа, когда он сказал:

– Рикошет и сам так думает.

Ох, недооценил Гупи «грешника». Крепко недооценил. Вервольф держался на заднем плане только потому, что ему это было выгодно. На самом же деле, если кто и контролировал ситуацию, так это он.

– Ты веришь в Монолит? – спросил Гупи.

– Я ни во что не верю.

– Зачем же тогда идешь?

– А просто так... Надоело на одном месте сидеть... Да и выбора у меня не было.

Вервольф сказал вполне достаточно для того чтобы Гупи понял, что «грешник» ему доверяет. И одновременно слишком мало для того, чтобы можно было задавать личные вопросы.

– А карта? – спросил Гупи. – Ведь это ты ее нашел?

– Карта подлинная. Из закрытого военного архива... После того, как четвертый энергоблок во второй раз рванул, военные улепетывали отсюда без оглядки. Включили в бункере систему самоуничтожения, а сами кинулись прочь. Про сейф с документами, видно, впопыхах забыли... Я сам листал эти бумаги... Там все больше про проект «Осознание»... Но и Монолит пару раз упоминался. Вроде бы он – суть всего проекта.

– А в чем эта суть? – поинтересовался Гупи.

– А черт его знает! – недовольно скривился Вервольф. – Там все с такой заумью написано было... Вроде как, по-русски, а ни черта не понять. Слова все иностранные... Но карта – верная, Гупи. Это уж точно. Не знаю, что за хрень этот самый Монолит, но карта нас к нему выведет.

– И что потом?

– Когда? – не понял «грешник».

– Когда найдем Монолит?

– Ну, там, на месте и сориентируемся. А если он и взаправду желания исполняет... Короче, там посмотрим.

Из разговора с «грешником» Гупи сделал вывод, что Вервольф один из тех, кого в Зоне называют конченым. Это были люди, обладавшие редким качеством – везде и всюду они создавали себе проблемы. Они уходили в Зону, полагая, что таким образом смогут решить или хотя бы скрыться от проблем, возникших у них по другую сторону кордона. Проблемы, загнавшие их в Зону, могли быть самые разные, но настолько серьезные, что путь назад для беглецов был заказан. Однако и в Зоне они рано или поздно умудрялись создать конфликтную ситуацию, разрешить которую мирным путем уже не представлялось возможным. Никому. Ни один клан сталкеров не принимал изгоя. Если при встрече в него не стреляли, то лишь потому, что было жалко пули. Обычно информация о конченных быстро разносилась среди сталкеров. О Вервольфе Гупи ничего не слышал только потому, что клан «Грех» мало с кем поддерживал отношения. И все свои проблемы «грешники» предпочитали решать сами. Не потому, что боялись вынести сор из избы, а потому, что всех остальных считали порочными до мозга костей.

Стемнело уже настолько, что в двух шагах ничего не было видно. На небе – ни луны, ни звездочки. Только огонек сигареты Вервольфа тлеет во тьме.

Пора было занимать позицию.

Муха с Рикошетом растянули над окопом маскировочную сеть да еще накидали сверху веток и травы. Вертолеты такое укрытие, скорее всего, не заметили бы, но для большинства местных уродов, обладающих способностями, которые у обычных людей принято называть паранормальными, визуальная маскировка ничего не значила. Гупи не стал объяснять это «монолитчикам» – сделали дело, и ладно. Если от этого они будут чувствовать себя спокойнее и увереннее – уже хорошо.

– Так, слушайте меня внимательно, – Гупи держал в руке единственный зажженный фонарик, направив вниз узкий, почти не рассеивающийся лучик света. – Свет не зажигать, не разговаривать, лучше вообще не шевелиться и ни о чем не думать...

Фондю ухмыльнулся, решив, что сталкер пошутил.

И тут же получил по ребрам от Вервольфа.

– Придурок, твои поганые мысли для здешних тварей все равно, что запах твоих вонючих носков для гончей.

– Тебе, Вервольф, придется потерпеть без курева.

«Грешник» согласно кивнул.

– Дежурить будем по трое. Первыми – Рикошет, Вервольф и Трепло. После них – я, Шрек и Фондю. Под утро – Муха, Гейтс и Слоник.

– А чо делать-то? – шепотом спросил Трепло. – Ничего ж не видно...

– Следите за полоской светящегося мха. И не просто следите, а все время держите свой участок на прицеле. Как только заметите какую тень, стреляйте, не раздумывая.

– А если померещилось? – спросил Гейтс. – Выстрелы не привлекут других тварей?

– Они к выстрелам привычные. В Зоне часто стреляют. А вот если кто незаметно подберется к нашему окопу, тут нам и крантец. Видали, как кабан по Слоннику пробежался? А теперь представьте, что такое вот чудище к нам в яму прыгнет. Гранатой его тут не возьмешь, а начнем стрелять, так друг друга перестреляем. Фонари, – лучиком света Гупи указал поочередно на пять мощных рефлекторных фонарей, врытых в землю по окружности окопа на равном расстоянии друг от друга, – включать только в случае крайней необходимости. И лишь по команде старшего. На свет уроды слетятся сюда, как мотыльки. И тогда останется только молиться, чтобы у нас боеприпасов хватило... Кстати, – лучиком света Гупи пощекотал Рикошету нос. – Как у нас с боеприпасами? Лично я на себе арсенал не таскаю.

– Нормально, – уверенно кивнул «монолитчик». – Хватит, даже если будем палить всю ночь без передыху. А под Припятью еще разживемся. Там у нас есть схрон с закладкой.

– Такой же надежный, как пропавший автобус? – съехидничал Фондю.

И получил от Мухи по зубам.

– Ну, это ваши проблемы, – Гупи мазнул лучиком по лицам остальных. – Муха, что у тебя на ДЖФ?

– На семь-двенадцать два слабых сигнала. Плоть.

Гупи глянул на свой детектор жизненных форм. Все верно, два объекта, идентифицированных, как плоть.

– Вопросы?

– Каковы наши шансы? – спросил Шрек.

– Шансы на что? – уточнил Гупи.

– Дожить до рассвета.

– Если только об этом и будешь думать, тогда, точно, не доживешь.

– И все же? – проявил настойчивость американец.

– Если контролер на нас не выйдет, тогда все будет нормально.

– О-кей, – кивнул Шрек.

Гупи удивленно посмотрел на кончик уха американца, выхваченный из темноты крошечным пятнышком света. Если с остальными ему все более или менее было ясно, то воюки оставались для Гупи загадкой. Они-то какого черта в это дело ввязались? Что им в жизни не доставало? Или же, как раз наоборот, потянуло на остренькое, потому что все пресное да сладкое обрыло?

– Все. Рикошет, разбудишь меня через три часа.

«Монолитчик» ничего не ответил.

Но Гупи и не требовался его ответ. Он даже был рад, что в темноте не видит лица Рикошета, который почти наверняка зубами скрежещет и жалеет, что не может сам себя за ухо укусить. Еще бы! Ему, считавшему себя командиром группы, отдает распоряжения сталкер-одиночка, который недавно был его пленником! Но, будучи человеком далеко не глупым, поднимать шум по этому поводу он не станет. Найдет другое время для выяснения отношений. Непременно найдет.

Но Гупи-то что до этого?

Гупи привалился спиной к земляной стенке окопа, положил локоть левой руки на стоявший рядом рюкзак, правой приобнял автомат, уткнулся носом в поднятый воротник и выбросил из головы все дурные мысли. Потому что иначе не заснешь. А не выпавшийся сталкер – плохой сталкер. Плохой сталкер – считай, что покойник. Гупи же еще собирался пожить. Хотя бы немного.

С этой мыслью он и уснул.

Разбудила его короткая автоматная очередь.

Еще не до конца проснувшись, Гупи опустил на лицо заранее надетую маску с инфравизором, перехватил обеими руками автомат, перекинул планку предохранителя и дернул затвор.

– Что?

– Собаки, – отозвался из темноты Муха.

– Много?

– Штук тридцать.

Гупи посмотрел на свой ДЖФ.

Так и есть, три десятка слепых собак, сбившихся в плотную стаю за пределами круга из светящегося мха. Не двигаются. Будто ждут чего.

– В кого стреляли?

– Одна собака прыгнула в круг, – ответил Рикошет. – Остальные за ней не пошли.

Плохо. Очень плохо.

– Буди всех, – скомандовал Гупи.

А сам осторожно выглянул из окопа.

В темноте была видна только тускло светящаяся полоска мха.

– Почему они не нападают? – прошептал Гейтс.

– Ждут команду, – ответил Гупи. – У этой стаи есть вожак.

И этот вожак знает, что делать. Он не просто так привел сюда свою стаю. Он пришел, чтобы убивать. Он знает, сколько человек прячется в окопе. И сейчас решает, как их лучше взять. Он ненавидит людей.

Тихо пискнул ПДА.

Сообщение. Просил помощи Стоматолог из клана «Свобода». Его команда на Милитари отбивала нападение группы крайне агрессивных мутантов. Зомби, кровососы и кабаны, по всей видимости, направляемые контролером. Двое человек уже погибли. Среди ночи даже самый отчаянный псих на Милитари не ломается. Даже ради того, чтобы спасти ребят из «Свободы», у которых в Зоне много друзей. Да поможет им Черный сталкер.

А вот и здесь началось!

Точки, обозначавшие местоположение собак, вытянулись в дугу и пошли по кругу против часовой стрелки.

– Что они делают?

– Будут кружить. А в какой-то момент все разом кинутся.

– Так, может, ударить по ним из гранатометов? – предложил Слоник.

– Дурак, – коротко бросил в ответ Вервольф. – Они убегут с того места, куда ты целишься, прежде, чем ты успеешь нажать на курок.

– Верно, – Гупи подобрал обломанный сучок, приподнял им сеть, чтобы не мешала, а другой конец воткнул в землю. – Лучше всего стрелять, не думая, в кого целишься.

– Как это? – удивился Фондю.

– А вот так. Увидел морду – жми на курок. Вожак считывает наши мысли и уводит собак с линии огня. Если бы не это, расстрелять стаю слепых псов было бы плевым делом.

– Так, может, надо сначала жоака пристрелить?

Гупи услышал, как хохотнул во тьме Вервольф.

– Оно бы, конечно, хорошо было. Да только, где ж ты его найдешь? Черный пес в стороне держится, так что его даже ДЖФ не фиксирует. Вот, если он ближе подойдет...

– Началось!

Собаки все разом развернулись и кинулись на окоп.

Увидев тени, скользящие по полосе светящегося мха, Гупи нажал на спусковой крючок. Слева от него заработал автомат Трепла. Справа давил на курок и что-то орал при этом по-английски Шрек. Другие, наверное тоже стреляли, только куда и во что, мало кто понимал.

Высадив, не отпуская курка, всю обойму, Гупи быстро отщелкнул ее, перевернул стянутую изолентой пару и присоединил к автомату другую.

Он не увидел, а почувствовал смрадное дыхание слепого пса, прорвавшегося к брустверу. Выставив автомат на вытянутых руках перед собой, Гупи дал короткую очередь. Раздался визг и тяжелое, мертвое тело шлепнулось о землю.

Со всех сторон доносилась беспорядочная стрельба. Казалось, каждый поставил перед собой задачу выпустить как можно больше пуль.

Еще один пес прорвался к окопу и, прыгнув на Фондю, запутался в сетке. Вскочив на ноги, Муха принялся молотить его прикладом, в темноте порой попадая не по собаке, а по отмычке. Перепуганный до смерти Фондю орал протяжно и громко.

Перехватив автомат под мышку, Вервольф другой рукой выхватил из ножен штык-нож. Чтобы не промахнуться в темноте, он включил подствольный фонарик и с размаху всадил широкое лезвие в покрытый мокрыми язвами собачий бок.

Муха ударил собаку ногой. Та перевернулась на спину и, щелкнув челюстями, едва не поймала «монолитчика» за лодыжку. Вервольф прижал горло собаки каблуком и одним взмахом распорол ей брюхо.

Сунув окровавленный нож за пояс, «грешник» снова поднял автомат и развернулся к брустверу. Но стрелять уже было не в кого – получив отпор, собаки отошли за линию огня.

Гупи включил фонарик, чтобы оценить ситуацию.

– Все целы.

– Да, вроде бы, – Муха протянул Фондю руку, чтобы помочь подняться.

Отмычка что-то бессвязно бормотал и делал резкие движения руками, как будто пытаясь счистить с себя налипшую грязь.

– Убери падаль, – кивнул на мертвую собаку Рикошет.

Гупи посмотрел на дисплей детектора. Им удалось уложить шестерых псов. Неплохо. Но осталось еще более двух десятков злобных тварей. Собаки снова сбились в плотную стаю. А в стороне от них, на самом краю зоны охвата ДЖФа, появилась новая отметина. Вожак подошел ближе. А это значит, что целиться и попадать в слепых собак станет еще труднее.

– Надо включить свет! – громко и нервно произнес Рикошет.

Пока это был не приказ и даже не требование – он всего лишь высказывал свое мнение.

– Нет, – Гупи вставил в автомат два новых магазина. – Дай гранаты для подствольника.

– Сколько?

– Три.

Рикошет достал из рюкзака три гранаты и через Слоника передал их Гупи.

– Надо включить свет! – снова повторил он. – Собакам это по барабану – они и без того слепые. А мы их хотя бы видеть будем!

– Никогда слепых собак не видел? – рассеянно поинтересовался Гупи.

Он был занят тем, что переносил показания детектора жизненных форм в ПДА. Когда ему это удалось, он переключил ПДА в режим автономной работы по азимуту и включил звуковое оповещение об отклонении от курса.

– Слушай, Гупи, если мы не включим свет, нас всех тут сожрут!

– При свете, в темноте – какая разница, – Гупи коснулся ногтем виртуальной кнопки «Выполнить», поднял голову и улыбнулся. Он вообще любил улыбаться в темноте, когда никто не видел его улыбку.

Гранаты, что передал ему Рикошет, Гупи прицепил к петлям разгрузочного жилета, под левую руку, на самоотстегивающихся карабинах.

– Собаки снова пошли кругом, – сообщил Муха.

– К черту все! Включайте фонари! – крикнул Рикошет и первым включил тот, что был ближе.

Широкий конус мервенно-белого света, вспоров темноту, не столько осветил пространство вокруг, сколько ослепил людей. А темнота сделалась еще более плотной, густой и даже, как будто, жирной, точно разлившаяся нефть.

Коротко, почти без замаха, Гупи прикладом автомата ударил Рикошета сзади по шлему. «Монолитчик» не вырубился, но ткнулся лицом в земляной бруствер. Чего, собственно, и хотел Гупи – не больно, но унижительно.

– Выключи фонарь, – велел Гупи Слоннику.

Отмычка тут же выполнил распоряжение.

– Муха, следи за ДЖФом. Собаки используют теперь другую тактику. Скорее всего, стая будет двигаться по спирали, постепенно стягивая кольцо. Отдельные твари станут неожиданно бросаться на нас. И, если хотя бы одной из них удастся прорваться, следом за ней рванет вся стая...

– Пошла! – крикнул Муха. – Трепло! Прямо на тебя идет!

– Где? – растерянно вскрикнул отмычка.

Оттолкнув его, на бруствер окопа упал Шрек. Рядом с ним – Гейтс. Оба вояки разом открыли шквальный огонь. Не целясь, в темноту. Во вспышках изрыгающих пули винтовок мелькнуло подброшенное выстрелами тело с раскинутыми в стороны лапами.

Молодцы, ребята, мысленно похвалил американцев Гупи. Мыслят конкретно, действуют прямолинейно, но выучка у них отличная. И снова, уже в который раз, – они-то какого лешего в это ввязались?

– С другой стороны! Рикошет!..

– Есть!

Рикошет смог подстрелить собаку, только когда ее оскаленная, брызжущая слюной морда возникла перед самым дулом автомата.

Прикладом столкнув мертвую собаку с бруствера, «монолитчик» перезарядил автомат и протер перчаткой забрызганный кровью объектив инфравизора.

– Мы их перебьем! – азартно выкрикнул он. – Всех, до последней!

– Этих, может, и перебьем, – более трезво оценил ситуацию Гупи. – Но вожак позовет другого черного пса, и тот пригонит новую свору. А до рассвета еще ох как далеко!

– Хочешь сказать, с рассветом они уйдут?

– Нет. Но по свету мы сможем от них смотаться.

– А сейчас? Что сейчас нам делать?

– Следующей собаке нужно позволить запрыгнуть в окоп...

– Сдурел совсем!

Гупи будто и не услышал возглас «монолитчика».

– Вервольф, ты возьмешь собаку на себя. Накинь на нее сетку, что ли... Ткни разок-другой ножом. Но сразу не убивай. Прoderжи хотя бы секунд сорок. Остальные в это время – на бруствер и бить по стае, которая рванет следом. Можно будет использовать гранатометы. Перебить всех собак все равно не удастся, значит, нужно их рассеять. Я в это время доберусь до вожака – он близко подошел.

– Думаешь, у тебя получится? – спросил Вервольф. Не с сомнением, а так, для порядка.

– Черный пес будет занят управлением стаей.

– Тебя он все равно заметит.

– Нюх у черного пса плохой, реагирует он только на мысли и чувства. Если все его внимание будет сосредоточенно на стае слепых собак, то, освободив собственный мозг от мыслей и эмоций, можно попытаться подобраться к нему незаметно.

– Это как же так? – озадаченно почесал шею «грешник». – Я, вот, к примеру, не академик, а все равно не могу ни о чем не думать. Все время в голове какие-то мысли крутятся.

– Вот, когда научишься, тогда тебя местные твари трогать не будут. Не все, но многие. Они просто будут принимать тебя за неодушевленный предмет.

– Что, серьезно?

– Меня этому болотный Доктор научил.

– Ну, если Доктор...

– Господин Гупи, я пойду с вами, – решительно заявил Шрек. – Я тоже умею держать свой разум в чистоте.

– Уверен?

– Я занимался йогой.

– Ну, хорошо. Будешь прикрывать меня. Но черного пса, даже если увидишь, не трогай, мне оставь. Его бить наверняка надо. Сам он с нами драться не полезет, а если заметит, то убежит, чтобы позже вернуться с новой стаей.

– Да, господин Гупи.

– Просто Гупи, дружище. Тут у нас без господ.

– Пошла собака! – сообщил Муха.

Гупи посмотрел на дисплей ДЖФа.

Отлично, собака заходит так, что сторона, где притаился вожак, остается почти открытой.

– Вервольф, этого пса нужно брать.

– Возьмем, – «грешник» зашуршал сеткой.

– Рикошет!..

– А, дьявол!..

«Монолитчик» открыл огонь.

Конечно, Рикошет был показушником, но трусом он при этом не был. Поэтому, даже заметив длинное, темное тело несущейся прямо на него собаки, он продолжал старательно и точно вбивать пули ей под лапы, а когда собака взметнулась вверх в последнем прыжке, упал на землю и, как при взрыве, прикрыл голову руками.

Как только собака оказалась в окопе, Вервольф накинул на нее сеть и пнул пару раз по ребрам.

То, что заставило бы обычную собаку завизжать и начать метаться в поисках спасения, только разозлило черномобыльского мутанта. Собака выпростала тяжелую голову из-под сети и, обдав «грешника» трупной вонью из пасти, щелкнула страшными челюстями. Вервольф схватил автомат, сунул его, как палку, зверю в пасть и, навалившись сверху всем телом, прижал его голову к земле.

«Грешник» даже не обернулся, чтобы посмотреть на то, что творилось в той стороне окопа, откуда доносилась непрерывная стрельба и временами ухали разрывы гранат – он делал свою работу. И надеялся, что другие так же добросовестно выполняют свою.

Гупи выбрался из-под накрывавшей окоп сетки, перекатился через бруствер, поднялся на ноги и, пригибаясь, побежал в ту сторону, куда указывал курсор. В зеленоватом полумраке яркой лентой выделялась полоса светящегося мха. За ней – деревья, раскинувшие тонкие ветки, будто пауки, расставившие лапы. Перепрыгнув через светящуюся полосу, сталкер окунулся во мрак и переплетение веток. Теперь даже с инфравизором мало что можно было разглядеть. Гупи забросил автомат на спину и упал на четвереньки.

Слева метнулась серая тень – собака, отбившаяся от стаи.

Гупи упал на бок и сдернул с плеча автомат.

Но еще раньше Шрек располосовал собаку автоматной очередью.

Гупи пополз дальше.

Он все делал автоматически, не задумываясь над тем, зачем это нужно. Сзади доносились звуки боя, но он и на них не обращал внимания. Мир для него превратился в плоскую картинку, звуки обтекали его, будто прохладные воздушные потоки, слегка щекоча открытые участки кожи. Мысли, не успев оставить заметного следа, раскатывались в стороны, точно бильярдные шары на зеленом сукне. Ощущение невесомости. Детского полета во сне. Свободного падения в небытие.

Льнущие к земле ветки хлестали по каске, скребли по спине. Ночная мошкара, реагируя на тепло, липла к губам. Но для Гупи ничего этого не существовало. Был только он, погруженный в тишину и покой, окрашенные в бледно-зеленые цвета. Если Гупи отклонялся от правильного курса, ПДА у него на руке начинал тихо вибрировать, и сталкер механически вносил коррективы в направление движения.

Он что-то искал?

Или бежал от кого-то?..

Что он вообще делает в этом странном, незнакомом месте?

Реальность начала меняться.

Тишина вытеснила все звуки за границы чувственного восприятия. Серебристое марево застило взгляд. Нужно было решать, остаться здесь или провалиться на иной уровень бытия.

Низкий, протяжный, выворачивающий душу вой поплыл над приникшей к земле травой.

Гупи перехватил автомат и перевернулся на спину.

Три медленных, глубоких вдоха, чтобы прийти в себя.

Так.

Теперь он был готов идти дальше.

Вожак находился где-то неподалеку.

Подобраться к собаке нужно так, чтобы не она, а ты заметил ее первым. В отличие от слепых собак, черный пес слишком умен для того, чтобы атаковать вооруженного человека – а других в Зоне не бывает. Он затаится и натравит на врага свою стаю.

Внезапно в голове мелькнула странная мысль, а что, если попросить его просто уйти и увести слепых собак?..

Какого черта!

Получив пинка, мысль свалилась в лузу подсознания.

Пусть лежит там, пока не понадобится.

Вот он!

Гупи замер, прижавшись щекой к сухой, морщинистой коре дерева.

Сейчас он не только не думал, но и не дышал.

Черный пес сидел на задних лапах, всего в каких-то семи-восьми шагах от него. Задняя часть его туловища была закрыта стволом дерева, но голову, грудь и передние лапы, Гупи видел отчетливо. Морда у чернобыльского пса была тупая, срезанная, словно у боксера,

но уши стояли торчком. Казалось, пес внимательно прислушивается к тому, что происходит вдали от него. Сейчас он весь был там. Он руководил своей стаей. Его сознание было растворено в сознании слепых собак. Он чувствовал их ярость и злость. Он так же, как и они – нет, сильнее, значительно сильнее! – хотел добраться до людей. Чтобы разорвать им глотки, а потом пожрать их плоть. Если не потревожить его прежде времени, он так и сдохнет, не успев понять, что произошло.

Гупи на секунду прикрыл глаза.

Он был один. В полной тишине и пустоте. Не было ничего. Даже время умерло. Его никто не мог побеспокоить или помешать ему. Он был один.

Гупи тихонько дернул гранату, подвешенную на пружинном карабинчике. Кольцо беззвучно разогнулось, и граната оказалась у сталкера в руке. Он поднес ее к подствольнику, опустил нижний конец в трубу и медленно разжал пальцы. С едва слышным шорохом заряд ушел в подствольник.

Гупи как следует вытер ладони о штаны, чтобы не скользили. Взял автомат. Наклонился в сторону, чтобы лучше видеть собаку.

И в этот миг черный пес дернул головой. Как будто почуял что-то.

Гупи замер и закусил верхнюю губу.

Пес вскочил на все четыре лапы и поднял тупую, как башмак, морду к темному, затянутому частой сеткой переплетающихся веток небу.

Гупи решил, что пес сейчас завоюет. Но вожак только челюстями клацнул. Сухо и страшно.

Сталкер понял, что еще секунда-другая – и пес уйдет. Почуял он что или просто решил перебежать на другое место, теперь уже не важно.

Гупи встал на одно колено, вскинул автомат и, почти не целясь, выстрелил в пса из гранатомета.

Почти одновременно с ним ухнул подствольник винтовки Шрека.

За миг до того, как обе гранаты разорвались, черный пес сорвался с места. Собаку не разорвало в клочья, но взрывная волна подбросила ее, перевернула в воздухе и ударила о ствол.

Гупи вскочил на ноги и с криком:

– Мочи его, Шрек! Мочи! – бросился вперед.

Пес-мутант попытался было подняться на ноги, но автоматная очередь сбила его с ног.

Пес снова вскочил – и снова упал.

Гупи и Шрек поливали его свинцом в два ствола.

Любая нормальная собака давно бы уже издохла, но черный пес все еще пытался уйти.

Сухо щелкнул ударивший в пустоту боек.

Шрек сорвал с карабина гранату, кинул ее в подствольник и почти в упор выстрелил в черного пса.

Взрывом мутанту снесло полчерепа.

Пес заскрежетал зубами и забился в конвульсиях.

Странно, но за все это время он не издал ни звука.

Гупи сменил обойму в автомате. Посмотрел на стоявшего рядом с ним Шрека.

– Ну, как?

– Нормально, – кивнул вояка.

Шрек достал пистолет, подошел ко все еще скребущему по земле лапами изуродованному телу черного пса и всадил в него всю обойму.

– Теперь-то сдох? – спросил он у Гупи.

– Хочется в это верить, – улыбнулся сталкер.

Шрек сунул пистолет в кобуру, положил винтовку на плечо, зубами сдернул со свободной руки перчатку, достал из кармана пачку жвачки и протянул ее сталкеру. Гупи сделал отрицательный жест рукой. Вояка сунул пластинку в рот и довольно зачавкал.

– Пойдем назад?

Гупи настороженно глянул по сторонам.

Странно, почему незадолго перед выстрелом, пес поднялся на ноги? Гупи был уверен, что его пес учуять не мог. Нюх у чернобыльской псины такой, что старые портянки не учует. Разум у сталкера был чист, будто у новорожденного младенца. Двигался он бесшумно. Шрек, вроде, тоже все правильно делал. На что же тогда среагировал пес?..

Со стороны окопа все еще доносилась стрельба, но уже не столь интенсивная, как прежде.

– Пошли своему приятелю сообщение, что все в порядке.

Шрек кивнул, отдернул рукав и тихонько зашуршал пальцами по виртуальной клавиатуре на дисплее ПДА.

– Надо возвращаться, – Гупи держал автомат на изготовку, как будто ждал нападения. – Только осторожно.

Шрек коснулся пальцем кнопки «отправить».

– А что?..

Гупи так и не узнал, что хотел сказать ему Шрек.

За спиной у вояки возникла двухметровая мускулистая фигура, словно в латекс, натянутая в блестящую кожу. Голова без ушей, будто продолговатая дыня, глаза-блюдца и щупальцы, мерзко шевелящиеся вокруг рта, словно кровосос подавился, пытается проглотить осьминога.

Гупи вскинул автомат, почти положил ствол на левое плечо Шрека, нажал на курок и не отпускал, пока патроны в обойме не закончились.

То, что американец теперь одним ухом ничего слышать не будет – это уж точно. Если бы он еще и дернулся не в ту сторону, то остался бы без головы. Но Шрек среагировал правильно, и весь заряд ушел в морду кровососу.

Монстроид заревел, мазнул по окровавленной морде широкой ладонью со здоровенными, когтистыми пальцами, а другой рукой попытался достать Гупи. Сталкер отшатнулся назад, одновременно выдергивая из автомата пустую обойму.

Упав на землю, Шрек перевернулся на спину, ткнул ствол винтовки кровососу в живот и нажал на курок.

Кровосос взвыл, выхватил из рук вояки винтовку и шарахнул ее о дерево так, что железки в стороны полетели. Но все же, досталось ему крепко. И кровосос исчез, будто растворился в воздухе. Какое-то время, скорее всего, очень непродолжительное, пока не регенерируют поврежденные ткани, кровосос будет неактивен.

Гупи схватил Шрека за руку и рывком поднял его на ноги.

– А теперь, кто быстрее добежит до окопа. Последнего съест кровосос.

Шрек сорвался с места прежде, чем Гупи успел закончить фразу.

Сталкеру это понравилось – толковый парень.

Глава 8

Оставшись без вожака, стая слепых собак утратила былую слаженность и непредсказуемость действий. Да и от пуль они уворачивались уже не так ловко. Какое-то время собаки еще кидались на бруствер окопа, но, потеряв большую часть стаи, оставшиеся в живых, разбежались.

– Гупи, с тебя новая куртка, – объявил Вервольф, едва только сталкер скатился на дно окопа.

– С какого?.. – удивился Гупи.

– Обоссала меня твоя псина.

– Это почему же моя?

– Потому что ты велел мне ее держать.

– А я-то думаю, что так воняет? – хохотнул Муха.

– Видно, плохо ты ее держал, – сказал Гупи.

– Неуверенно, – добавил Рикошет.

– Когда дойдем до Монолита... – начал Гейтс, явно собираясь пошутить.

Но Муха в темноте ударил его пяткой в коленку, и американец умолк.

– Разве мы идем к Монолиту? – спросил удивленный Фондю.

– Это присказка такая, – быстро ответил Рикошет. – Сталкерская.

– Мы кровососа подстрелили, – гордо сообщил Шрек, очень к месту сменив тему.

– Серьезно? – удивился Муха.

– Точно, – подтвердил Гупи. – Еле отбились от гада.

– А к нам сюда он не приползет, когда очухается?

– Нет. Кровосос – тварь умная. Он понимает, что нас здесь много и оружие у нас есть.

Он завтречка на нас охоту начнет, когда мы сами из окопчика выберемся.

– И что же нам завтра делать? – растерянно произнес Слоник.

– Завтра и поглядим, – Гупи поплотнее задернул полы маскхалата.

Ночь была нехолодная, но сырая, промозглая. Сидеть в такую ночь на мокрой земле, да под открытым небом, – удовольствие на два с минусом.

В окопе воцарила тишина. То ли говорить было не о чем, то ли просто не хотелось.

Гупи, так точно, хотел лишь дождаться рассвета. А перед рассветом немного покемарить.

– Чья сейчас очередь дежурить? – спросил Рикошет.

– Моя, – ответил Гупи. – Со мной – Шрек и Фондю.

– Так чего ж мы все сидим?

– А я почему знаю, – усмехнулся Гупи. – Слоник, отдай Шреку автомат. А то у него кровосос винтовку отобрал.

До утра все было тихо. Только собачьей мочой сильно воняло.

Время от времени появлялись бродячие зомби. Если какой из них особо настойчиво лез в окоп – получал прикладом по черепу. Три плоти ходили кругами, то приближаясь к окопу, то снова убегая. В конце концов одна из них пропала – Гупи только визг услышал. То ли кровосос ее прихватил, то ли зомби кучей навалились.

Шрек сидел молча на своем месте и сосредоточенно наблюдал за вверенным ему участком – сказывалась армейская выучка. Фондю начал было приставать к сталкеру с дурацкими вопросами – как черный пес управляет слепыми псами? можно ли в одиночку справиться с кровососом? зачем зомби жрут, ежели у них все внутренности сгнили? Но Гупи велел ему заткнуться. Ему самому было о чем подумать.

Кровосос, объявившийся поблизости от окопчика, спутал все его планы. Гупи рассчитывал утречком, как только рассветет, смотаться от этих сумасшедших. Он намеренно назначил Муху в третью смену – насколько Гупи успел понять «монолитчика», тот не будет возражать, когда проснувшийся раньше остальных сталкер вылезет из окопа, чтобы нужду справить. А если и почует измену, все равно стрелять в спину не станет. Пока Муха растолкает сонных Рикошета с Вервольфом, пока объяснит им, что к чему, – Гупи уже далеко уйдет. Автомат он, естественно, с собой прихватит – это ж Зона, здесь даже писают с оружием в руках и со снятым предохранителем. В жилетных кармашках у Гупи имелось шесть запасных обойм. Еще два пистолета с дополнительными обоймами и пять гранат – три противопехотные и две нелетальные. Пакет сухпайка, чудо-инъектор, что он у Стивена умыкнул, баллончик с антисептическим и анестезирующим спреем «Зум» и прочую необходимую в дороге мелочь Гупи успел незаметно рассовать по карманам. Рюкзак и контейнеры с бирюльками придется этим волкам оставить – жалко, конечно, но жизнь дороже. Добравшись до схрона на Янтаре, Гупи экипируется как следует – Рикошет со своими дружками не нашли все сталкерские заначки, – и двинет в бар Крыса. Явится он туда без бирюлек, зато посмешит ребят историей о безумцах, отправившихся на поиски Монолита. А может, кому и карту, что в памяти накрепко отпечаталась, толкнуть удастся. Дураков-то в мире полно. В Зоне их, понятное дело, меньше. Просто потому, что дураки здесь недолго живут. Но все равно встречаются.

Вот такой замечательный план был у Гупи.

Теперь же, когда поблизости бродил кровосос, от плана остались только воспоминания. Кровосос был хитер. Кровосос был коварен. И, сверх того, он был зол на ранивших его людей. К утру он полностью восстановит силы и, не раздумывая, нападет на брошенного всеми одиночку – ему ведь не объяснишь, что Гупи сам решил от всех сбежать. А отбиться от кровососа, имея только автомат и пару боевых гранат – задача почти нереальная. Единственный вариант – завести его в ловушку и, не дав опомниться, добить. Но Гупи здешних мест не знал, и подходящей ловушки на примете у него не было.

Так и не придумав выход из создавшейся ситуации, Гупи сдал дежурство Мухе, завернулся в маскхалат, улегся поплотнее к стенке и моментально заснул. Была у него такая замечательная особенность – когда появлялась возможность поспать, он все проблемы и заботы из головы выкидывал. Как будто и не было их. И спал после этого, как младенец, легко и без сновидений.

Его разбудил усилившийся дождик. Противный, холодный – аж скулы сводило. Если бы не тучи, плотной, сплошной пеленой затянувшие небо, было бы уже светло. А так лишь серый сумрак плыл над землей.

Помимо дежурных, не спал только Вервольф. «Грешник» сидел у стенки окопа, поджав под себя ноги, и, пряча в кулак, смолил сигарету.

Гупи закинул автомат за спину и вылез из окопа.

Черт, как же ему хотелось сейчас нырнуть под ветки изуродованных Зоной вишневых деревьев и рвануть к перелеску! И окажись на месте Гупи менее опытный сталкер, он так бы и поступил. Ведь даже погода была на его стороне! Но кровосос – тварь поганая! – сидел где-то неподалеку и ждал. Гупи ни секунды в этом не сомневался. Хотя детектор жизненных форм монстра не фиксировал. Но Гупи знал, что этот урод здесь! Он будто запах его чувствовал. А потому, справив нужду, Гупи вернулся в окоп.

– Не пора остальных будить? – спросил его Муха.

– Погоди малость, – Гупи посмотрел на часы. – Еще с полчаса. Пусть как следует рассветет.

– А может, и распогодится заодно, – недовольно буркнул Вервольф.

Гупи тоже не нравился дождь. Но поскольку на сей процесс он никак повлиять не мог, то принимал дождь как должное. Льет себе – и пусть льет. Когда-нибудь да перестанет.

Гупи достал из рюкзака банку саморазогревающихся консервов – кролик с рисом и сладким перцем – и дернул за кольцо на крышке. Выждав, как полагалось, минуту, сталкер снял крышку и достал из кармана ложку.

В отличие от большинства взрослого населения, Гупи нравилась консервированная пища. Может, потому, что он вообще ничего не понимал в хорошей еде. Ел без особого разбора что под руку подворачивалось. И только удивлялся, когда слышал от других, что от еды можно еще и удовольствие получать. Вот кофе – это да! Но сейчас для кофе не время. Да и не место. От Вервольфа так разило собачьей мочой, что даже запах свежесваренного кофе вряд ли перебил бы эту вонь.

До блеска выскоблив консервную банку изнутри, Гупи кинул ее за бруствер. Вытер ложку носовым платком – не очень чистым, зато своим, – и спрятал в карман рюкзака.

– Ну, как? – покосился на сталкера Вервольф.

– Нормально, – ответил Гупи, хотя и не понял, что именно имел в виду «грешник».

Проснулся Рикошет. И первым делом принялся распахивать отмычек. Из-за поднятого им шума проснулись и американцы. Но ежели вояки выглядели хоть куда, то отмычки – хуже некуда.

У Трепла воспалилась и начала гноиться прокушенная зомби щека. Да так, что бедняга даже есть не мог. С трудом высосал из пакетика жидкий мясной концентрат.

– Ты вчера антисептиком рану обработал? – спросил у отмычки Муха.

– Да, – не глядя на «монолитчика», кивнул тот.

Муха подошел к Треплу, подцепил ногтем пленку биоклея на его раненой щеке и резко дернул. Трепло заорал, будто ему зубы пассатижами рвали. Из-под сорванной пленки потек гной.

– Врешь, зараза, – зло процедил сквозь зубы Муха и не сильно, но больно ударил отмычку носком ноги по голени.

Трепло снова завыл от боли.

– Сдохнуть хочешь, придурок?

– Нет... Нет... – испуганно затряс головой Трепло, решивший, должно быть, что «монолитчик» его прямо сейчас и пристрелит. – Я не успел... Честное слово, просто не успел... Думал, и так все заживет...

– Фондю, займись-ка приятелем, – Муха кинул отмычке аптечку. – Обработай все раны как следует и зашей. А будет скулить, врежь по носу. Морда у него от этого уродливее не сделается.

Хуже обстояли дела у Слоника. Парень старался не показывать, как ему плохо, но все и без того было ясно. Поднимался он медленно, скрипя зубами и держась руками за бок. А когда ему понадобилось вылезти из окопа, то без помощи приятелей не обошлось. Стычка с кабаном не прошла для Слоника даром – два, а то и три ребра у парня были сломаны. А поглядев на то, как отмычка ходит, морщась и припадая на левую ногу, Гупи понял, что далеко он с разбитым коленом не уйдет.

Заметив, что Гупи наблюдает за Слоником, Рикошет подсел к сталкеру и тихо спросил.

– Ну, что скажешь?

– Ты планируешь сегодня добраться до окраины Дэд-Сити? – спросил в ответ Гупи.

– Точно, – кивнул Рикошет. – Отсидимся в подвале на окраине, а часа за два до рассвета рванем напрямки через город.

– А снайперы?

– Под утро даже снайперы дремать начинают. Если повезет...

– А если нет? – перебил, не дослушав, Гупи.

Взгляд Рикошета сделался холодным и серым, будто ноготь мертвеца.

– Что ты думаешь о Слонике?

– С ним мы и к утру до Дэд-Сити не дотопаем.

– Точно, – кивнул Рикошет. Как будто Гупи требовалось его согласие. – И что ты предлагаешь?

– Я? – демонстративно удивился Гупи. – Если бы я вел группу, я бы повернул назад.

– Из-за отмычки?

– Потому что не вижу смысла в движении вперед.

– Ну, это не тебе решать.

– Ну, так и иди к черту.

Усмешка, будто трещина на льду, рассекла лицо Гупи наискосок.

– Я спросил, что ты думаешь о Слонике? – напомнил Рикошет.

– Это твоя отмычка.

– Теперь и твоя тоже, – Рикошет сделал паузу. – Если ты идешь вместе с нами.

– А у меня есть выбор? – искоса глянул на «монолитчика» Гупи.

– Нет.

– Тогда от Слоника нужно избавиться.

– Как?

– Это уж тебе решать.

Рикошет быстро и незаметно глянул на Слоника.

– Назад он один не дойдет...

Гупи подождал. Но Рикошет, видно, решил, что неоконченная фраза звучит более внушительно и весомо.

– Ну, тогда пристрели его, – посоветовал Гупи.

– Почему я? – возмущенно прошипел Рикошет.

– А кто? Ты – старший, тебе и ствол в руки.

– Нельзя нам брать его с собой.

– Согласен. Дальше что?

Рикошет погладил мокрую коленку.

– Надо как-то этот вопрос решать.

– Ладно, не напрягайся, – усмехнулся Гупи. – Просто, когда дальше пойдем, поставь Слоника в конец колонны. Принесем жертву Черному сталкеру.

– В каком смысле? – не понял Рикошет.

– Кровосос, которого мы со Шреком ночью видели, наверняка за нами увяжется. С таким попутчиком хлопот не оберешься. А так, если Слоника утащит, глядишь, и успокоится.

– Ну, ты, Гупи, и голова! – восхищенно вскинул брови Рикошет. – Я бы до такого не додумался!

Он произнес это так громко, что все посмотрели в его сторону.

«Монолитчик» сделал успокаивающий жест рукой – все, мол, нормально.

– Поэтому-то я по Зоне хожу, а ты в своем тренировочном лагере сидишь, – усмехнулся сталкер. – В Зоне всякую вещь, даже ту, что на первый взгляд никчемной кажется, нужно с умом использовать.

Откинув маскировочную сетку, Гупи поднялся во весь рост и посмотрел по сторонам. В пяти шагах от бруствера, опершись согнутыми руками о голые коленки, сидел зомби в драной гражданской одежде и с тоской смотрел на сталкера. Гупи наклонился, вытянул из рюкзака полпачки галет и кинул зомби.

– На, похрусти!

Зомби схватил упаковку и принялся крутить ее в руках, соображая, как бы добраться до содержимого.

– Тебе нравятся зомби? – спросил, посмотрев на мертвяка, Шрек.

Гупи не нравились зомби. Но он испытывал к ним странное, болезненное сострадание. Почему? Об этом Гупи никому не рассказывал.

– Вот доберемся до Дэд-Сити, там этих зомби столько, что стреляй – не хочу, – сказал Гупи.

И сам удивился. Из его слов следовало, что он вместе со всеми идет в Дэд-Сити.

А что? Конечно же, идет.

Можно подумать, кто-нибудь его отпустит.

Дэд-Сити был для Гупи точкой невозврата. Оттуда он еще мог один, рассчитывая лишь на собственные ресурсы, добраться до знакомых мест. После – уже нет. После у него останется только одна дорога – вместе со всеми к Монолиту. А там слезно просить эту черную громадину, чтобы она вернула его назад, в бар Крыса. Ну, и если нетрудно, пусть еще контейнеры всякими разными бирюльками набьет. Но для начала – кофе. Настоящего, крепкого, свежесваренного кофе. Ему ведь это, наверное, ничего не стоит.

Гупи усмехнулся глупым мыслям.

– Почему зомби собираются в Дэд-Сити? – спросил Шрек.

Тем временем мертвяк, которому Гупи кинул галету, вытянул одну штуку из пачки. Но пальцы его были настолько неловкими, что галета разломилась на несколько кусочков, упавших на землю. Зомби принялся щепотью собирать кусочки галеты с мокрой земли и вместе с грязью запихивать в рот.

– Кто их знает, – пожал плечами Гупи. – Может быть, на них «дятел» воздействует?

– Дятел? – непонимающе переспросил Шрек.

– Так называют радар, работающий в Ржавом лесу, – объяснил Гупи.

– Для чего нужны эти радары?

– Кто бы мне объяснил, – усмехнулся Гупи. – Говорят, это какие-то секретные военные разработки.

– И они до сих пор работают?

– Выходит, что так... На Янтаре радар точно людей по башке бьет.
– Янтарь, Ржавый лес... Сколько всего радаров в Зоне?
– Есть еще один, в районе атомной станции.
– Может быть, это защита? – задумчиво произнес Шрек.
– От кого? – не понял Гупи.
– От таких, как мы, кто хочет до Монолита добраться.
– Да ну тебя, Шрек, – кисло скривился Гупи. – Я думал, ты поумнее других будешь. А по-твоему выходит, что Монолит тоже военные создали. Так, что ли?.. Изобрели машину, исполняющую желания, и ничего лучше не придумали, как только засунуть ее на территорию взорвавшейся атомной станции!

Шрек озадаченно потер пальцем переносицу.

– Вот именно! – показал ему палец Гупи. – Подумай над этим как следует!

– Эй, Гупи! – окликнул сталкера Рикошет. – Хорошо мне бойцов разлагать!

– Да ну вас к черту! – раздраженно махнул рукой сталкер. И зло, витиевато выругался в довесок.

Рикошет дал команду вылезать из окопа и строиться.

Гейтс выдал всем противорадиационные пилюли. У Гупи свои имелись, но он и от дармовой отказываться не стал.

Место впереди колонны, как и накануне, занял Муха. Следом за ним Рикошет поставил Трепло с перекошенной рожей. За ним – Гупи. А сам встал позади сталкера. Гупи так и не понял, то ли «монолитчик» не доверяет ему и хочет все время держать на прицеле, то ли решил, что сталкер-одиночка может оказаться полезен как помощник проводника. Замыкали колонну Фондю, Вервольф и отчаянно хромающий Слоник.

Шедший последним, Слоник изо всех сил старался не отставать. Зубы его были крепко стиснуты, глаза прищурены, на висках выступал пот; глядя на отмычку, можно было представить себе, насколько ему больно. Перед выходом Муха хотел сделать Слонику инъекцию тетракордона, но Рикошет запретил, сославшись на наркотический эффект обезболивающего. На самом же деле он решил, что не стоит переводить дорогостоящее лекарство на смертника. Исходя из тех же соображений, а вовсе не движимый заботой о ближнем, Рикошет велел двум другим отмычкам и воякам перераспределить между собой груз, что тащил Слоник. А автомат Слоники так и остался с ночи у Шрека.

Муха оглянулся на Гупи и показал ДЖФ.

Сталкер глянул на дисплей своего детектора. А вот и объявился старый знакомый! И не один, а приятеля с собой приволок. Это уже плохо. Один кровосос мог бы удовольствоваться одной жертвой. Двое будут преследовать отряд, выхватывая людей одного за другим. Кровососы вообще очень здорово работают в паре – пока один, имитируя атаку, отвлекает на себя внимание, другой в режиме невидимости хватается намеченную жертву и сворачивает ей шею. Или ломает позвоночник. Нужно было срочно что-то придумать, чтобы отделаться от этих тварей, иначе очень скоро от отряда мало что останется.

Муха заложил широкую петлю, чтобы обогнуть скопление аномалий, среди которых искрились, переливались радужными цветами сразу четыре «Разрядника», и вывел группу к заброшенному хутору. От изгороди, некогда отделявшей хозяйский огород от невозделанных земель, осталось только несколько покосившихся столбиков. Дом с провалившейся крышей смотрел на путников тремя большими окнами с выбитыми стеклами. Рядом чернел сруб колодца с чудом сохранившимся воротом.

– Хутор лучше стороной обойти, – посоветовал Мухе Гупи.

– Тогда придется назад возвращаться, – возразил тот.

В самом деле, свернуть было некуда. Слева тянулись заросли кустов, в человеческий рост высотой, затянутые странной голубоватой паутиной. Справа детектор фиксировал ползучую плесень. Если бы пришлось выбирать, Гупи предпочел бы плесень – с ней ему уже приходилось сталкиваться. А вот паутину, что налипла на ветки кустов, сталкер видел

впервые. Но по плесени можно в одиночку быстро пробежать. Даже без противогаза, просто зажав нос и рот ладонью. Если же рвануть толпой, то плесень, помимо спор, проникающих в организм через дыхательные пути, начнет выстреливать в воздух микроскопические иглы. Ты даже не заметишь, как такая крошечная иголка, прошив несколько слоев одежды, воткнется в кожу, зато поймешь, что к чему, когда через три-четыре дня плесень попрет у тебя изо всех пор.

– Аномалий нет, – быстро, через плечо глянул на Гупи Муха. – Чисто.

Все верно, детектор не фиксировал аномалий вблизи заброшенного дома. Но это вовсе не означало, что путь свободен. Чем-то не нравился Гупи этот дом с провалившейся крышей и покосившимися стенами. Что-то в нем было не так. А вот что именно, он пока и сам понять не мог.

Стекла в окнах, как и полагается, выбиты. Венцы на углах дома мхом поросли. Обвалившаяся по краю печная труба торчала, будто поднятый большой палец лоящего попутку автостопщика. А попутчик, как известно, мог и маньяком оказаться.

– Ну, чего там у вас? – подал недовольный голос Рикошет. – Почему стоим?

Муха выжидающе смотрел на Гупи. Ждал, что скажет сталкер.

Гупи еще раз обвел взглядом двор.

Крыльцо с провалившимися ступенями и почерневшими от дождей балясинами...

Входная дверь, висят на одной петле...

Брошенный кем-то давным-давно игрушечный грузовичок. Простенький, из досочек сколоченный. Сейчас такие не делают...

Колодец с чудом уцелевшим воротом...

Вот оно!

Гупи вдруг понял, что его настораживало.

Металлическая рукоятка ворота блестела, словно отполированная. Будто за нее каждый день по несколько раз брались руками и крутили туда-сюда, то опуская пустое ведро, то снова поднимая водой наполненное.

– Слоник! – окликнул Гупи отмычку. – Поди, загляни в колодец.

– Зачем? – удивился парень.

– Не «зачем», а быстро!

– Давай делай, что говорят! – скомандовал Рикошет.

Заметно хромая, но при этом отчаянно стараясь не показывать, как ему плохо, Слоник подошел к Гупи.

– А автомат?

– Не нужен тебе автомат, – сказал, будто отрубил, сталкер. – Иди вон к тому камню, что впереди, на краю канавы. Видишь?

– Ага, – кивнул Слоник.

– Иди не спеша. Скомандую «назад» – сразу назад бежишь. «Ложись» – на землю падаешь. И не думаешь, а выполняешь. Ясно?

– Ясно.

– Давай!

– А когда дойду?

– Сначала дойди.

Гупи ободряюще хопнул отмычку по плечу.

Слоник медленно пошел вперед.

Шаг. Другой. Третий...

Он шел, безвольно опустив руки, сгорбив спину, глядя не вперед и не по сторонам, а под ноги. Казалось, он уже знал, что предопределено ему судьбой. И, более того, уже смирился с участью жертвы.

Гупи положил ствол автомата на сгиб левой руки. Пальцами правой коснулся висющей на карабине гранаты для подствольника.

Гупи знал это мерзкое ощущение, возникающее в коленках, перед тем, как что-то должно случиться. Как будто сидишь в тесном ящике и страшно хочешь выпрямить ноги. А – некуда.

Что-то должно произойти. Что-то очень нехорошее. Поганое. Что-то непременно случится...

Слоник остановился возле указанного камня и оглянулся.

– Через канаву! – рукой указал направление Гупи.

Прежде, когда эта полузатопленная, заросшая высокой широколистой травой канава отделяла хозяйский двор от дороги, через нее были переброшены мостки. От которых остался только низенький, полусгнивший столбик на другом краю канавы.

Слоник посмотрел на этот столбик. Залянул на дно канавы.

– Я не могу...

– Что значит «не могу»? – рявкнул во всю глотку Рикошет. – Я не знаю такого слова «не могу»!

– Я не могу перепрыгнуть канаву, – спокойно ответил Слоник. – Бок болит.

– Ну, так лезь в нее!

– Нет! – поднял руку Гупи. – Этого делать не стоит.

– А что тогда?

– Надо послать другого.

– Трепло! – махнул рукой Рикошет. – Быстро – к Слонику!

Двумя руками, по-армейски перехватив автомат с откидным прикладом, Трепло затрусил к тому месту, где стоял Слоник.

– Не торопись, – осадил его Гупи.

Трепло с трусцы перешел на быстрый шаг.

– И рюкзак оставь.

– Он мне не мешает.

– Я говорю – оставь.

Трепло остановился, снял с плеч рюкзак и положил его в траву.

– Автомат взять можно?

– Бери, – махнул рукой Гупи.

Он думает, автомат ему поможет.

Нет.

Случись что, спасти его сможет только быстрота реакции и точность исполнения приказов. А автомат при этом будет только мешать. Вот так. Только у Гупи сейчас не было ни малейшего желания объяснять все это отмычке. Это должен был сделать Рикошет, еще до того как все они вышли на маршрут. Не сделал?... Что ж, это его отмычки.

– Мне через канаву? – спросил Трепло.

– Давай, – махнул рукой Гупи.

Трепло без разбега перепрыгнул на другую сторону канавы и настороженно присел на корточки.

– Что? – спросил Гупи.

– А что должно быть? – отозвался Трепло.

– Все нормально?

– Да, вроде...

– Подойди к колодцу... Медленно!

Трепло медленно двинулся вперед. И автомат перед собой выставил, дубина.

Подойдя к колодцу, отмычка протянул руку к барабану ворота.

– Ничего не трогай! – крикнул Гупи.

– Ладно. – Трепло обернулся и дурашливо раскинул руки в стороны. – Да здесь все нормально!

– На колодец смотри!.. Назад! Назад!

Трепло начал поворачиваться к колодцу, когда Гупи закричал «Назад!», поэтому, должно быть, он не сразу понял, что означает это слово.

Над устьем колодца поднялось нечто бесформенное и почти прозрачное. Форму неведомой субстанции, а может быть, и существа, можно было определить только по тому, как преломлялся свет, проходя сквозь его тело: в одних местах искажались контуры предметов, ломались прямые линии, в других вспыхивали крошечные радужные пятна, как на растекшейся по луже маслянистой пленке.

Когда Трепло увидел это и понял, что нужно бежать, было уже поздно. Прозрачная, бесформенная масса резко взлетела вверх, метра на три, а затем так же стремительно упала вниз, поймала пытавшегося убежать от нее человека и проглотила, будто гигантская амеба. Трепло был еще жив и даже пытался сопротивляться. Зависнув в полуторах метрах над землей и медленно переворачиваясь кверху ногами, он отчаянно дергал конечностями и даже что-то кричал, но слов его не было слышно. Тогда он надавил на спусковой крючок. Почему-то зеленоватые огоньки вспыхивали на конце ствола его автомата, после чего от дула, как трещинки по стеклу, протягивались прямые линии.

Прозрачная стекловидная субстанция меж тем продолжала вытекать из колодца, заполняя собой двор до канавы, на другом краю которой, будто парализованный, стоял Слоник и смотрел, как, перевернувшись вниз головой, тело его приятеля нырнуло в колодец.

Замерев ненадолго на краю канавы, прозрачная масса – или, все же, существо? – приподняла край, будто волна, готовая выплеснуться на берег, и изогнутым, горбатым мостом перекинулась через оказавшуюся на пути преграду.

– Да какого хрена! – иступленно заорал, не двигаясь с места, Слоник.

– Бежим! – крикнул Гупи и первым рванул вперед.

В какой-то момент он даже Муху обогнал, но «монолитчик» быстро наверстал упущенное.

На бегу Гупи успел заметить примятую траву на месте залегания гравиконцентра, резко взял влево, перепрыгнул через канаву, пробежал несколько шагов по ее бровке, краем глаза следя, как ползет следом за ним, выбрасывая длинные языки, стекловидная масса, снова прыгнул на другую сторону и едва не свалился, столкнувшись плечами с Гейтсом.

Сзади раздался протяжный вопль. Так мог кричать только человек, у которого живьем вытягивали кишки. Но Гупи даже не оглянулся, чтобы посмотреть, кто это был.

Какого лешего! У мертвецов свои проблемы, а Гупи пока что был жив.

Или ему это только казалось?

Как бы там ни было, Гупи бежал вперед, срывая дыхание, чувствуя, как жжет легкие воздух, кружится голова и ноги не то отрываются от земли, не то заплетаются, будто у пьяного.

Он перепрыгнул через заросший полынью пригорок – чернобыль хренов! – споткнулся, в падении перевернулся через плечо и замер, выставив автомат перед собой.

Спустя пару секунд на него свалился Муха.

Гупи оттолкнул «монолитчика» в сторону и сел на траву.

– Где остальные?

Муха только головой затряс.

Гупи выполз на пригорок и раздвинул стебли полыни.

На дороге, по которой они бежали, лежало расплющенное тело с неестественно вывернутыми конечностями – кто-то все же влетел в гравитационную аномалию. Гупи дотянулся до бинокля. Мертвый лежал лицом вниз. Но, судя по тому, что ни автомата, ни рюкзака рядом с ним не было, это умер Слоник.

Гупи задумчиво почесал щеку.

– Как думаешь, Муха, что лучше, оказаться расплющенным гравитационной аномалией или быть съеденным кровососом?

– Не знаю, – пожал плечами «монолитчик».

– Ну, а сам бы, что выбрал?

Муха задумался.

– Наверное, аномалию. Хлоп – и все! А кровосос, говорят, может своей жертве ноги переломать и бросить, чтобы потом прийти и сожрать.

– Я видел человека, которому удалось выбраться из гравитационной аномалии.

– Серьезно?

– Да. И ты знаешь, он сказал, что предпочел бы кровососа.

– Ну, каждому свое, – философски изрек Муха. – Одного не хватает.

– Что, – оглянулся на Муху Гупи.

– Кроме нас, только пять человек, – Муха постучал пальцем по дисплею. – А должно быть шесть. Не считая Трепла.

– Вон он, шестой, на дороге лежит, – мотнул головой Гупи. – Я, что, тебя просто так про аномалию расспрашиваю?

– Кто?

– Похоже, что Слоник.

– Ясно, – Муха сделал отметку в памяти ПДА.

– А остальные где?

– Рядом ползают... Я обозначу здесь место сбора?

– Обозначай...

Муха ввел данные в ПДА и отослал информацию по заранее отмеченным адресам.

– А что это было?

– Что именно?

– Ну, та штука, что Трепло схватила.

– Понятия не имею.

– Я никогда прежде даже не слышал о такой.

Последнюю реплику Мухи Гупи оставил без ответа. Мало ли, кто о чем не слышал. В Зоне всякого дерьма полно. И если ты о нем не слышал, это еще не значит, что вляпаться в него тебе не суждено.

Сталкер внимательно осмотрел местность. Нигде не было видно даже следов выбравшейся из колодца стекловидной субстанции. А вот кровососа одного он приметил. Тварь сидела в заросшей кустами яме, неподалеку от брошенного дома, и, вроде как, тоже проводила рекогносцировку.

Сзади зашуршали кусты.

Гупи резко развернулся, вскинул автомат.

– Свои...

Из кустов выползли Рикошет и Фондю. Через несколько минут появился Вервольф и почти сразу за ним – Шрек.

– Какого лешего, Гупи!.. – заорал на сталкера Рикошет.

Он не понимал, что произошло, но, по сложившейся привычке, первым делом собирался назначить ответственного за случившееся.

– Заткнись, – не отрываясь от бинокля приглушенно буркнул Гупи.

– Ч-ии-иво?! – Рикошет набычился и положил руку на автомат.

– Кровососа живого когда-нибудь видел? – спросил Гупи у Мухи.

«Монолитчик» отрицательно затряс головой.

Гупи знаком велел ему лечь рядом и взять в руки бинокль.

– Смотри, – осторожно раздвинув траву, Гупи указал направление. – Вон там... За изгородью...

– Не... Не вижу... Где?

– А я вижу, – полупшепотом произнес Гейтс. – Серо-зеленый такой... Блестящий, будто мокрый.

– Он самый, – кивнул Гупи. – Смотри, Муха, внимательнее. За изгородью, где кусты... Рядом с тем местом, где Слоник в аномалию влез.

– А, вижу! – обрадовался Муха.

– Тихо, – шикнул на него Гупи. – Кровосос, он тоже не глухой. Этот сейчас делом занят. Но где-то неподалеку другой бродит.

– А чем этот занят? – шепотом спросил Фондю.

– Обедать собирается.

Кровосос медленно, пригибаясь так, что щупальцы, окольцовывающие рот, едва не волочили по земле, выбрался из кустов на открытое место. Замер. Быстро, настороженно осмотрелся по сторонам.

– Как? – глянул на Шрека Гупи. – Тот, которого мы ночью встретили?

Вояка с сомнением прикусил губу.

– Нет... Тот, вроде, покрупнее был.

– И мне так показалось, – согласился Гупи.

Привстав на полусогнутые ноги, кровосос сделал плавный, скользящий шаг по направлению к раздавленному гравиконцентратом труп отмычки. Затем – еще один. Снова быстрый взгляд по сторонам.

– Чего он боится? – тихо спросил Шрек.

– Конкурента, – ответил Гупи. – Кровососы работают в паре, только когда жертву загоняют. А после – каждый сам за себя.

Кровосос быстро сделал еще два шага вперед и, оказавшись рядом с трупом, протянул длиннопалую лапу, собираясь схватить его за ногу.

Гупи показалось, что даже на расстоянии, отделявшем его от кровососа, он услышал хруст сломавшейся кости, когда лапа кровососа, угодив в искаженное гравитационное поле, изогнулась под прямым углом. Кровосос взвыл от боли и, прижимая сломанную лапу к груди, кинулся в кусты.

– Во, дурила-то, – сдавленно хохотнул Фондю.

– Молодой еще, – уточнил Гупи. – Поэтому – глупый. В другой раз он уже не полезет в гравитационную ловушку. Кровососы быстро учатся, им не надо одно и то же по несколько раз повторять.

– Ладно, полюбовались и – будет. – Рикошет по-деловому поднялся на ноги, поправил на плече лямку рюкзака. – Дальше идти пора. И без того задержались.

Гупи насмешливо посмотрел на «монолитчика», но ничего говорить не стал. Хотя мог бы.

За него сказал Муха.

– Мы потеряли двоих, – не совсем то, что собирался сказать Гупи, но все же, в тему.

– Слоник и без того был уже не жилец, – не глядя на Муху, ответил Рикошет.

– Как это? – удивился Фондю.

– А вот так, – зло оскалился «монолитчик». – Есть такое слово – «не жилец». Понятно? – Дабы не провоцировать новый приступ злобы, отмычка быстро кивнул. – А Трепло к колодцу отправил Гупи. – Рикошет нашел взглядом сталкера. – Какого хрена?

– А ты хотел, чтобы нас всех накрыло? – криво усмехнулся Гупи. – Разом?

– Может, и не накрыло бы, – отведя взгляд в сторону, буркнул Рикошет. – Может, мимо прошли бы.

– Может, – не то согласился, не то передразнил Гупи.

– А та штука, из колодца, это что было? – спросил у Гупи Билл Гейтс.

– А черт ее знает, – пожал плечами сталкер. – Знаешь, поговорка такая есть: «Чем дальше в Зону, тем страньше». Погоди, еще и не такое увидишь. Будет что детям рассказать... Если они у тебя, конечно, будут.

Глава 9

Кровосос, сдуру сунувший лапу в гравитационную ловушку, остался где-то позади. Но другой упорно шел по следам отряда. Он то появлялся на самом краю дисплея ДЖФ, то снова исчезал.

– Вот же, зараза какая, – потрянул головой Муха, в очередной раз отметив присутствие незваного спутника. – Тащится за нами, будто привязанный. Можно подумать, в Зоне больше жрать нечего.

– Он отомстить хочет, – объяснил Гупи. – Видно, ночью мы со Шреком здорово его разозлили.

– Отомстить? – скептически хмыкнул у него за спиной Рикошет. – Не слишком ли круто для кровососа?

– Кровосос, он, может, и не шибко умный, зато – злопамятный, – невесело усмехнулся Гупи.

– Может, мину поставить? – предложил Шрек.

– Можно было бы, если бы он точно по нашим следам шел.

– Так что же делать?

– Ничего. Он ведь нас пока не трогает. Дойдем до Дэд-Сити, там он от нас отвяжется.

– Почему?

– В Дэд-Сити мертвяков много. Кровососы их не любят.

– Кровососы боятся зомби?

– Я сказал не «боятся», а «не любят». Зомби невкусные.

Гупи только успел облегченно вздохнуть, когда они выбрались из странного, очень нехорошего леса, деревья в котором были похожи на пораженные проказой елки, как с юго-востока из-за горизонта с грозным, нарастающим стрекотом вынырнули три черных армейских вертолета.

– Эти-то что тут делают? – недовольно буркнул Рикошет и махнул шедшим впереди. – Назад поворачивай!

– Нет! – протестующе замахал автоматом Гупи. – Нельзя назад!

– Еще одно сталкерское суеверие, – презрительно скривился Рикошет.

– Может быть, и суеверие, – неожиданно встал на сторону Гупи Вервольф. – Но я видел тех, кто наплевал на это правило, и не пойду назад, в этот гнилой лес!

Вертолеты быстро приближались.

– Наши, – негромко определил Шрек. – «Апачи».

– Это хорошо или плохо? – спросил его Фондю.

– Скорее всего, плохо. Стрелять будут.

– Так! – Рикошет рванул автомат. – Все назад!

– Иди ты в жопу! – показал ему кукиш Вервольф. – Хочешь сдохнуть – вали!

– Вперед! – махнул рукой Гупи. – Идем, как шли!

А впереди стоял местами завалившийся бетонный забор, за которым виднелось длинное строение под двускатной крышей, похожее на коровью ферму.

– Сдурели! Они летят сюда не за тем, чтобы гуманитарную помощь скинуть!

Рокот вертолетных винтов нарастал, превращаясь в давящий на уши звук, похожий на гул отдаленного грома.

– А! Делайте, что хотите! – махнул рукой Гупи.

Гупи положил руки на висевший на уровне груди автомат и зашагал в сторону фермы.

Вервольф, не задумываясь, пошел следом за сталкером.

Шрек вопросительно глянул на Рикошета.

– Что? – развел руками тот.

Шрек пожал плечами, сделал некий неопределенный жест рукой, дернул за рукав Гейтса, и оба американца побежали догонять Гупи с Вервольфом.

Муха глянул на плывущие по небу черные тени, похожие на акулы тела, зябко повел плечами и втянул голову.

– Ну, все, кирдык...

Шум вращающихся лопастей бил по барабанным перепонкам так, что хотелось закрыть уши ладонями...

И вдруг исчез.

Тишина.

Вертолеты пропали, будто растворились в облачном, дождливом небе.

Гупи посмотрел вверх и довольно хмыкнул.

– Я сразу понял, что ты прав, – сказал Вервольф. – Знаешь, почему?

– Потому что вертолеты обычно сюда не залетают.

– Не только. Под ними трава к земле не прижималась и кусты не шевелились.

– Серьезно? Я и не заметил.

– Гупи! – заорал, нагнав сталкера, Рикошет.

– Чего? – не оглядываясь, спросил тот.

– Отрядом командую я!

– Ну, так командуй, – Гупи неожиданно остановился и обернулся. – Командуй, Рикошет... Только имей в виду, если твои приказы будут противоречить элементарному здравому смыслу... Лучше пристрели меня сразу.

– Что случилось с вертолетами?

– Понятия не имею. Может быть, временная аномалия – мы видели то, что было когда-то давно или только еще случится в будущем. Может быть, фата-моргана, как в пустыне, – вертолеты пролетели по периметру Зоны, а мы их здесь увидели. Может быть, что-то совсем другое. Я не знаю, Рикошет, – Гупи широко раскинул руки в стороны. – Не знаю, что, как и почему происходит в этой проклятой Зоне. Но я знаю правила, нарушать которые нельзя. Нарушить – значит умереть. Или еще чего похуже. Если бы ты вернулся в лес по своим следам, то сейчас бы мы с тобой не разговаривали. Понимаешь?

– Нет, – мрачно покачал головой Рикошет.

– Вот и я тоже, – улыбнулся неожиданно Гупи, да так, что всем показалось, будто верхняя часть головы его сейчас отвалится назад. – Ничего не понимаю. В этом мы с тобой, дружище, схожи.

Наклонив голову, Рикошет искоса глянул на Гупи и тоже улыбнулся.

– Ты знаешь, Гупи, я почти уверен, что с тобой мы до Монолита дойдем.

– Вот чего бы мне хотелось меньше всего, – недовольно скривился Гупи.

Территорию фермы экранировали бетонный забор и стены. Вокруг было разбросано несколько аномалий – небольшая «Жарка», пара «Разрядников», россыпь гравиконцентраторов. С десятков точек на ПДА указывали места, где могли находиться неопознанные аномалии. Хотя, с точно такой же степенью вероятности, там могло и ничего не быть. Ну, то есть что-то, на что реагировал датчик, там непременно имелось, но на человека это никак не воздействовало. Хотя, может быть, и воздействовало, только воздействие это было не явным, а опосредованным и проявлялось не сразу, а спустя какое-то время. Многим доводилось слышать истории о сталкерах, вернувшихся из Зоны живыми и здоровыми, веселыми и с полными контейнерами бирюлек, а спустя какое-то время ни с того ни с сего вдруг отправляющихся на тот свет, причем весьма непростым маршрутом.

Справа к территории фермы прилегал небольшой пруд, заросший бурой травой и мутировавшим камышом. Нехорошее место. Случись что, и бежать будет некуда. Справа проход был свободен. Или, по крайней мере, казался таким.

Приблизившись к забору, странники увидели, что бетонные плиты покрыты частой сеткой неглубоких трещин, из которых выползали тонкие, извивающиеся, полупрозрачные нити. Когда люди проходили мимо, стекловидные нити вытягивались в их сторону, принимая почти горизонтальное положение. При этом из щелей начинала сочиться похожая на ртуть серебристая жидкость.

Гупи эта растительность сразу не понравилась. Но еще больше не нравилось ему то, что вокруг царил странная, пугающая тишина. Ветер не шелестел травой. Стихло даже

привычное воронье карканье. Быть может, в природе просто наступило временное затишье. Но, спрашивается, почему именно сейчас?

– Черт!

Шедший первым Муха внезапно остановился, как будто обо что-то споткнулся, и со странным выражением на лице уставился себе под ноги.

– Что там еще? – выкрикнул недовольно Рикошет.

– Скелет!

– Боже ж ты мой! – с притворным ужасом закатил глаза Рикошет. – Можно подумать, никто из нас никогда скелетов не видел!

– Он... – Муха запнулся. – Станный...

– В каком смысле?

– Лежит необычно... Для мертвеца.

Гупи подошел к Мухе.

Следом за ним подтянулся и Рикошет.

Положение скелета и в самом деле было необычным. Скалясь беззубыми деснами и глядя в небо пустым глазницами, скелет лежал, вытянув ноги и забросив руки за голову. Как будто указывал на что-то. На костях скелета местами сохранились обрывки полуистлевшей одежды. Поворошив лохмотья стволом автомата, Рикошет вытянул бандану клана «Долг».

– Сталкер, – сказал «монолитчик».

– А ты кого надеялся здесь увидеть? – лицо Вервольфа скривилось в саркастической усмешке. – Епископа?

Гупи внимательно посмотрел в ту сторону, куда указывали костлявые руки мертвеца. И ничего не увидел. Только горизонт. Голый горизонт, изогнутый дугой. Вот только линия этого горизонта изгибалась не вниз, а вверх, будто чаша, в которую налито небо.

– Идем назад, – тихо произнес Гупи и медленно попятился.

– Ты же говорил, что возвращаться нельзя, – насмешливо глянул на него Рикошет.

– Говорил, – не стал отпираться Гупи. – А теперь говорю, идем назад.

Сталкер развернулся и быстро зашагал в обратную сторону, вдоль забора с тянущимися от него прозрачными нитями.

– Чего это он? – непонимающе посмотрел на спутников Рикошет.

Вервольф молча пожал плечами, положил дробовик на плечо и пошел следом за Гупи.

Тему напугавшего Гупи скелета обсуждать не стали. А на то, что горизонт вел себя совершенно неподобающим образом, никто, кроме сталкера, внимания не обратил. Гупи, как шел первым, так и остался ведущим. Муха пристроился позади него и шел, поглядывая на детекторы, как будто с самого начала так и было. Рикошет же решил не напоминать, кто в отряде проводник.

А Гупи думал вовсе не о тех, кто шел за ним следом. По большому счету, ему было глубоко наплевать на всю эту компанию безумцев. Каждый из них интересовал сталкера ровно в той степени, насколько мог помочь или помешать ему остаться в живых. Для него все они были только отмычками – и не более того. Но для того чтобы выбраться с проклятой фермы, куда завел их Муха, отмычек было недостаточно. Тут нужна была удача сталкера. Та самая удача, в которую нужно верить, но которую нельзя звать и, уж тем более, приманивать, иначе она непременно обманет и обернется таким кошмаром, какой ты и вообразить себе не мог.

Гупи был почти уверен, что обойти ферму по узкой дорожке, тянущейся вдоль берега пруда, им не удастся. Если какое дерьмо может случиться, так оно непременно случается. Закон Зоны нумер уно – как говорил Санчес, непонятно как затесавшийся в клан «Чистое небо» латинос. Говорил до тех пор, пока не изжарился заживо, пытаясь спастись бегством от контролера. И ведь знал, что не убежит, а все равно... До чего же человек свою ничтожненькую жизнь любит! Или не столько жизнь, как таковую – ведь бывает жизнь

такая препоганая, что лучше сразу помереть, – сколько себя самого, к этой жизни намертво привязанного?

Если обойти ферму никак нельзя, значит, нужно идти через скотный двор.

Гупи посмотрел на бетонный забор, поросший стекловидными полипами. Ежели даже наружу такая пакость прет, можно представить, что там внутри делается. Хотя, это только так говорится, что можно представить. На самом деле реальность может оказаться кошмарнее любых бредовых фантазий.

Гадостное место. Определенно – гадостное.

Метрах в десяти от пруда две секции бетонного забора были повалены. Заглянув в пролом, Гупи не увидел ничего неожиданного. И это ему особенно не понравилась. Ежели в дурном месте все тихо да спокойно, значит – жди беды. Или какого другого дерьма.

Длинный корпус фермы располагался левее пролома. А прямо напротив того места, где остановился Гупи с компанией, находился скотный двор, заросший полынью высотой едва не по грудь. Поперек двора лежала поваленная водонапорная башня. А немного правее, ближе к пруду, вырисовывались контуры старой навозной ямы.

Гупи вспомнил деревеньку с вялым, невыразительным названием, куда его в детстве вывозили каждое лето. Там тоже была ферма, очень похожая на эту. Только – живая. И пруд рядом с навозной ямой тоже имелся. А в пруду том караси водились огромные – с две ладони. Окрестные мужики говорили, что это они от дерьма, из ямы в пруд стекающего, такие вымахали. А мальчишкам было все равно, они ловили карасей бредешком и жарили на костре.

К чему это он вдруг вспомнил?..

Ах, ну да, конечно! В Зоне на дерьме любое дерьмо могло вырасти.

– Ну, что? – нетерпеливо напомнил о своем присутствии Рикошет.

– Здесь не пройти, – ответил негромко Гупи.

– Почему?

– Сам посмотри, – Гупи сделал шаг в сторону.

– И чего стоим? – развел руками «монолитчик». – Двор чистый!

– Ладно, первым пойдешь, – Гупи достал из нагрудного кармана болт.

– Почему я? – как-то сразу сник Рикошет.

– Потому что ты со мной не согласен.

– Послушай, Гупи, – примирительно поднял руку Рикошет. – Мы ведь не просто так, с дуру ума, сюда ломанулись. Тот, кто дал нам карту, как-то проходил здесь.

– А как именно, он не объяснил?

Рикошет взглядом переадресовал вопрос Мухе.

Тот отрицательно покачал головой.

– И что будем делать? – Рикошет снова перевел взгляд на Гупи. И на всякий случай напомнил: – Возвращаться назад нельзя!

– Ладно, – Гупи подкинул болт на ладони и, махнув двумя пальцами, подозвал отмычку.

– Будь внимателен, Фондю. От этого твоя жизнь зависит. Усек? – Фондю судорожно сглотнул и коротко кивнул. – Я кидаю болт. Ты глаз неводишь с того места, где он упал. Если я говорю: «Давай!» – идешь туда. Идешь медленно, не торопясь. Прежде, чем шаг сделать, раздвинь кусты и внимательно посмотри на землю. Если хоть что-то тебя насторожит или хотя бы покажется странным, остаешься на месте и ждешь меня. Ясно?

Фондю снова кивнул.

Гупи заглянул парню в глаза и не увидел в них уверенности. В них были только страх и безнадежность. Как будто Фондю заранее готов умереть. Сталкеру это не понравилось. Если бы была такая возможность, он бы послал вперед другого. Но у него осталась только одна отмычка. Поэтому он улыбнулся и ободряюще потрепал Фондю по плечу.

Гупи показал Фондю болт и кинул его в полынь. Специально недалеко, метров на десять. Хотя пройти по заросшему полынью скотному двору им предстояло не менее ста метров.

Как только болт упал, в кустах началась непонятная возня, послышался шорох, треск ломающихся сучьев. Дернулись метелки полыни возле того места, где болт приземлился.

– Чего это? – испуганно глянул на сталкера Фондю.

– Смотри на болт! – Гупи влепил парню звонкую пощечину.

Отмычка устался на то место, где упал болт.

– Крысы, кто же еще, – более миролюбиво добавил Гупи. Хотя вовсе не был в этом уверен. – Давай! Пошел!

Отмычка медленно развел руками в перчатках стебли полыни. С перезревших соцветий тут же посыпалась пыльца.

– Стой! – остановил отмычку Гупи. – Респиратор надень.

И сам сделал то, что сказал.

Натянув на лицо белый новенький респиратор, Фондю медленно, внимательно глядя под ноги, будто золотую монету искал, двинулся дальше.

– А правда говорят, что взрыв Чернобыльской АЭС еще в Библии был предсказан? – спросил Гейтс у Мухи.

– Точно, – кивнул Муха. – Я сам читал. Там прямо так и написано, рванет Чернобыльская АЭС, и будет это одним из предвестий грядущего страшного суда.

– Долго что-то мы этого суда ждем, – усмехнулся Вервольф. – Станция когда рванула?

– В восемьдесят шестом, кажется.

– Во! Столько лет прошло. И никакого тебе суда – ни страшного, ни смешного.

– Ты сам, выходит, Библию не читал? – спросил у Гейтса Рикошет. – А в кино показывают, что она у вас в каждом доме на прикроватном столике лежит.

– Лежит, – кивнул Гейтс. – Просто, как дань традиции. А на сон грядущий обычно Стивена Кинга читают.

Фондю остановился, медленно присел на корточки, поднял с земли болт и, обернувшись, показал его Гупи.

– Молодец, – похвалил отмычку сталкер.

И пошел по проложенной им тропе.

Серо-коричневые, перезревшие метелки полыни терлись о плечи. Мелкая пыль взлетала дымными облачками и оседала на рукавах, перчатках и автоматных стволах, придавая всему, чего касалась, отстраненно-нереальный вид, как на картинах импрессионистов.

Остановившись рядом с Фондю, Гупи протянул руку:

– Давай.

– А, можно, я кину? – с тоской почему-то посмотрел на сталкера отмычка.

– Нет, – Гупи решительно забрал у него болт и плечом отодвинул отмычку за спину.

– Почему? – обиделся Фондю.

– Потому что ты не знаешь, куда кидать.

– Так вы мне покажите!

Сталкер через плечо насмешливо глянул на ничего не понимающего молокососа.

– Ты думаешь, я знаю?

Фондю растерянно хлопнул глазами.

– Респиратор поправь. – Гупи пальцем подцепил прошитый изогнутой спицей край чужого респиратора, неплотно прилегающий к лицу. – А то нахватаешься всякой дряни.

Сталкер отвернулся и, стараясь не думать о том, что он делает, кинул болт метров на двадцать вперед. Болт упал, не долетев трех-четырёх шагов до опоры поваленной водонапорной башни.

– Видел? – снова посмотрел он на отмычку.

– Ага, – кивнул Фондю.

– Ну, так чего стоишь?

Отмычка недовольно засопел, обошел сталкера и пошел туда, где упал болт.

Плохо пошел, отметил про себя сталкер, расхлябанно. Как будто по набережной прогуливается. Только что руки в карманы не засунул. Должно быть, решил показать, какой он весь из себя удалец.

– Радиация повышается, – сообщил Муха.

– Что, вот прямо так и повышается? – буркнул недовольно Вервольф. – Сама по себе?

– Сама по себе, – подтвердил Муха. – Уже вдвое норму перекрыла. И все растет... Даже, когда я на месте стою.

– Врет твой счетчик, – поставил диагноз Вервольф.

– А хоть бы и врет...

– Тихо! – вскинул руку Гупи.

Фондю замер на месте, боясь поставить на землю поднятую ногу и посмотрел на сталкера взглядом человека, случайно переступившего черту между жизнью и смертью и теперь суетно пытающегося сообразить, как это его угораздило.

Гупи знаком дал понять, что стоять на одной ноге необязательно. Опасность исходила не с той стороны, где находился Фондю. За разверстым зевом развалившихся ворот, в темной глубине скотного двора сталкеру померещилось движение.

Гупи пригнулся, чтобы голова не торчала над метелками полыни, поудобнее перехватил автомат одной рукой и поднес к глазам бинокль.

– Что там? – шепотом спросил Вервольф, присев на корточки рядом с Гупи.

– Пока не вижу...

Сервопривод, наводящий оптику бинокля на резкость, шипел слишком долго – в глубине скотного двора было темно, и автоматика никак не могла выбрать цель. Гупи нажал пальцем кнопку инфравизора.

Увиденное настолько ему не понравилось, что сталкер едва не приказал отряду поворачивать назад. Но, второй раз за день возвращаться по своим следам – это уже слишком. Удача, о которой не принято говорить вслух, могла изменить сталкеру. А отмычка – всего одна. Значит – нужно искать иное решение.

Гупи жестом велел всем опуститься еще ниже, сесть на землю.

– Что? – тихо, почти беззвучно спросил Рикошет.

– Псевдогигант, – так же тихо ответил Гупи.

– Будем валить?

Судя по реакции «монолитчика», он слышал о таком звере, но совершенно не представлял, какую опасность тот представляет.

Ничего не сказав в ответ на изумительно глупый вопрос «монолитчика», Гупи тяжело вздохнул и снова посмотрел в бинокль.

Что там делает, на скотном дворе, в темноте, сырости и вони эта гора мяса? Псевдогигант не спал – хотя, видел ли вообще кто-нибудь эту тварь спящей? – он стоял почти у самой стены и совершал непонятные движения. Вперед-назад, вперед-назад... Как будто... Гупи сначала и сам удивился пришедшему в голову сравнению. Но, черт возьми, похоже что так оно и было! Псевдогигант дергался, как будто пытался вырвать лапу из капкана! Неужели это чудище влетело в ловушку-захват, такой мощный, что не может с ним справиться?..

Нет!

Нет, тут же осадил себя Гупи. Это было бы слишком здорово, чтобы оказаться правдой. У псевдогиганта имелось множество других причин, раскачиваясь, стоять на месте.

– Так что будем делать, Гупи? – это снова неумный Рикошет.

Вот же человек! Так и распирает его от жажды деятельности. Нет бы, посидеть, подумать...

Гупи поправил респиратор и посмотрел назад.

Вернуться?

И что потом? Идти в обход скотного двора, по берегу пруда? Надеяться, что все обитающие в нем твари недавно плотно поужинали, легли на дно, зарылись в ил и заснули

глубоким сном?.. Или в ту сторону, куда указывает вытянутыми руками уложенный кем-то под бетонной стенкой скелет?..

Нет, это плохо.

Совсем плохо.

Чтобы понять это, не нужно институтов кончать, достаточно представить себе, какой силищей должна обладать аномалия, способная выгнуть в обратную сторону линию горизонта. И не имеет значения, какова ее природа. Жопы – она и есть жопа. И ничего с этим не поделаешь.

Другой вариант – продолжать двигаться в ту же сторону, куда они и шли. Вот только кидать перед собой болт – это верный способ привлечь внимание псевдогиганта. Странно вообще, как он их до сих пор не заметил?

Так, что остается?

Пустить впереди отмычку и ползти за ним, пытаясь отследить аномалии по детектору. Пока дурак не влетит в ловушку. А после – рвануть напропалую, надеясь только на скорость и на удачу...

Эх, опять это гадостное словечко!

Плохой день, очень плохой сегодня день. Еще хуже, чем вчера.

А совсем плохо то, что поперек их пути лежит старая водонапорная башня. Поначалу-то Гупи рассчитывал осторожно, не спеша, прощупать ее детекторами, а если потребуются, то болтами, чтобы найти по-настоящему безопасное место для форсирования преграды. Любой мало-мальски опытный сталкер знает, что самые опасные места в зоне – это старые, полуразрушенные постройки и конструкции, давно не используемые по назначению.

– Гупи, он выходит...

Сталкер перевел взгляд на площадку перед скотным двором.

Из разбитых ворот появилась округлая, мускулистая громадина на тяжелых, трехпалых ногах, выгнутых коленками назад. Передние конечности псевдогиганта напоминали оципаннные недоразвитые крылышки бройлера. На передней части тела, похожего на кое-как слепленный из пластилина шар, поблескивали большие и невообразимо глупые глаза-блюдца. Черный треугольный провал на месте носа, никаких признаков ушных раковин и рот, здорово смахивающий на расплюснутый молотом клюв – подобное мерзкое создание могло появиться на свет только в гигантской, зловонной клоаке, именуемой Зоной.

Гупи так и не успел принять решение. Но теперь это было уже не важно. Псевдогигант знал о их присутствии. Значит – оставалось только отбиваться. И отступать назад, до тех пор, пока это будет возможно.

– Стреляем вместе, по моей команде. Сначала – залп из подствольников. Целиться не в корпус, а в колени. Если удастся перебить этой твари ноги – считайте, что в рубашках родились. Затем – короткими очередями по глазам, до пустых обоем. После этого отходим назад и на ходу перезаряжаемся.

План был самоубийственный.

Но что еще можно было изобразить в подобной ситуации?

Однако, выйдя на свет, псевдогигант повел себя странно. Более, чем странно – неадекватно. Сделав два коротких шага вперед, он тут же попятился назад. Затем – снова вперед. И – назад. Очень похоже на то, что он вытворял, спрятавшись в глубине скотного двора.

Гупи понял, что происходит, когда из-за спины псевдогиганта появились три плоти, так же неуверенно держащиеся на ногах. А следом из темноты показались штук пять или шесть довольно свеженьких мертвецов. Двое даже держали в руках автоматы, хотя, судя по тому, как зомби ими размахивали, бывшие вояки помнили только то, для чего предназначено оружие, но напрочь забыли, как следует с ним обращаться.

Всех этих тварей держал на ментальном поводке контролер – одно из самых загадочных и опасных существ зоны. Обладающий мощной пси-энергетикой контролер способен

подчинять себе сознание любых других существ. За исключением, разве что, только «Излома» и «Химеры». Стаю подконтрольных существ контролер подбирает с умом. Та, что выбралась на свет из полумрака скотного двора, представляла собой, пожалуй, классический вариант «свиты» контролера. Мощный, почти несокрушимый таран в виде псевдогиганта, тупые, но быстрые плоти, способные отвлекать на себя внимание противника, и кучка зомби в качестве основной ударной силы. Сталкеры были уверены в том, что контролер обладает разумом. Кое-кто даже рассказывал, что ему удавалось с ним потолковать. Но разум контролера настолько извращен по сравнению с человеческим, что понять логику его действий еще никому не удавалось. Контролер не убивал просто ради развлечения. У него была какая-то своя цель. «Ботаники» из научного лагеря поговаривали, что контролеры – это особая раса, занимающаяся изучением человеческого разума. С этой целью они и стараются не убивать людей, а брать их под свой контроль. По мнению Гупи, чушь это была несусветная, но весьма характерная для «ботаников». Для них ведь что главное – придумать теорию. А потом можно тратить годы и десятилетия на ее доказательство или опровержение. Главное – финансирование не потерять. А поэтому теория должна быть проста, понятна, но при этом забориста, как выдержанное домашнее вино, такая, чтобы ее любой олух без диплома, но с тугим кошельком, смог не только понять, но еще и кому-то другому пересказать; и при этом он должен чувствовать себя невероятно умным. Вот почему, «ботаники» и несли ахинею про контролеров. А еще потому, что сами в них ни черта не понимали.

Медленно, будто пританцовывая – вперед-назад, вперед-назад, – псевдогигант двинулся в ту сторону, где среди зарослей полыни притаились люди. Остальные твари потянулись за ним. Контролер, судя по всему, находился где-то в стороне и не очень близко. Оттуда ему была отлично видна площадка перед скотным двором, но управлять на таком расстоянии своей сворой ему было непросто. Что ж, по крайней мере, можно не опасаться, что контролер зацепит своим ментальным арканом кого-то из людей.

– Ах ты, мать твою... Ах ты, мать твою... – быстро-быстро, полусшепотом, будто «Отче наш», бормотал Муха.

Вервольф крепко держал свой дробовик и тщательно пережевывал губами погасший окурок.

– Гупи! – быстро, нервно глянул на сталкера Рикошет.

– Рано...

Нужно было ударить по псевдогиганту так, чтобы с ног сбить. Тогда у них будет шанс уйти. Крошечный, честно говоря, шанс, но все же лучше, чем совсем ничего.

Шаг псевдогиганта сделался увереннее – с чего бы вдруг? – он быстро зашагал вперед, хотя, похоже, еще не видел цели. Мощные, выгнутые коленками назад ноги упруго, как тугие рессоры, подкидывали вверх тяжелое тело. Будто не живое существо, а машина – металлический каркас, кое-как облепленный сверху кусками сырой плоти.

– Залп по моей команде, – Гупи поднял автомат. – Три.. Два...

Позже, анализируя случившееся, Гупи понял, что допустил серьезный просчет, сосредоточив все внимание – не только свое, но и остальных членов группы – на псевдогиганте и его окружении. В Зоне опасность таилась повсюду. И если ты видишь врага, приближающегося к тебе спереди, это вовсе не означает, что кто-то другой не подкрадывается к тебе со спины. Вроде бы, прописная истина, повторять которую так же глупо, как мыть шею перед тем, как положить голову под нож гильотины. Гупи мог объяснить свою невнимательность только тем, что впервые столкнулся с управляемым контролером псевдогигантом, а потому не знал, не догадывался даже, что от него можно ожидать. Ну, то есть не от самого псевдогиганта, а от контролера, который вел его... Куда и зачем? Охотился он или защищал свою территорию от вторгшихся чужаков?.. В какой-то момент у Гупи появилась глупая мысль, встать и громко, во весь голос, обратиться к контролеру. Сказать, что они оказались здесь по чистой случайности и немедленно уйдут,

если он им позволит. В конце концов, у них оставалась еще одна отмычка, которую можно было предложить контролеру в качестве жертвы.

Кровосос подкрался к ним, используя эффект невидимости. Но они ведь находились не на открытой местности, а в зарослях полыни, а значит, должны, обязаны были обратить внимание на странный шелест и покачивание метелок, совсем не похожие на то, что происходит, когда траву колышет ветер.

Мерзкая тварь материализовалась в шаге перед Вервольфом в тот самый момент, когда Гупи собирался скомандовать «огонь». Они взревели одновременно – кровосос и «грешник», – и чей рев был более жутким, отчаянным и диким, можно еще поспорить.

Все, что произошло в дальнейшем, слилось в сознании Гупи воедино, превратившись в пестрый калейдоскоп, набор картинок из разоренной коллекции открыток.

Широко раскинув в стороны длинные, жилистые лапы и всеором взметнув щупальцы на морде, кровосос кинулся на «грешника». Продолжая надсадно орать, Вервольф почти в упор всадил в грудь твари заряд картечи. Но кровосос будто и не заметил этого и, прежде, чем «грешник» успел передернуть затвор дробовика, прыгнул на него, повалил и прижал к земле.

Готовясь оплести ротовыми щупальцами искаженное ужасом лицо «грешника», кровосос на мгновение вскинул голову. И в тот же миг, оказавшийся каким-то образом рядом Гейтс ударил его в морду прикладом винтовки. А поднырнувший под локоть монстра Рикошет полоснул его ножом по горлу.

Кровосос захрипел, зажал одной лапой разрезанное горло, а другой наотмашь ударил Рикошета. Да так, что, отлетев на пару метров и хлопнувшись спиной о землю, «монолитчик» не сразу смог подняться.

Вервольф принялся отчаянно отплевываться, когда в лицо ему плеснула темная, почти черная, вонючая кровь монстра.

Кровь пузырилась на щупальцах омерзительной твари, но это был еще не конец. Кровосос и не думал сдаваться. Ему лишь требовалось время, чтобы прийти в себя и восстановить функции ротового аппарата. Придавив лапой с растопыренными пальцами лицо Вервольфа, монстр и сам плотно прижался к нему всем телом, как будто понимал, что так в него не станут стрелять.

Шрек попытался сбоку ударить кровососа по хребту, но нарвался на ответный удар задней лапы. Разорвав маскхалат и куртку на груди бойца, острые когти царапнули по бронежилету.

– Режь его! – заорал Рикошет и кинул Мухе широкий охотничий нож с тяжелой роговой рукояткой.

Все это время Фондю лежал на земле, скорчившись и зажав голову руками. Возможно, он что-то орал, но в общем гвалте его голос был неразличим.

Среди всей этой дурацкой суматохи один только Гупи следил за псевдогигантом приблизившимся к ним уже на крайне опасное расстояние. Тянуть далее было невозможно. Да, и что, собственно, тянуть? Гупи выстрелил в псевдогиганта из подствольника, но тот даже не покачнулся. Кинув в подствольник другую гранату, Гупи снова прицелился. Но палец его замер на спусковом крючке. Он вдруг понял, что псевдогиганту нет до него никакого дела. И изначально монстр направлялся не к нему, а туда, где затаился превратившийся в невидимку кровосос.

– Назад! Назад! Отходим! – замахал рукой Гупи.

Зажав приклад автомата под мышкой, сталкер схватил за ворот сдуревшего от того, что творилось вокруг, Фондю, и поволок его за собой – глупо разбрасываться вещами, которые еще могут пригодиться.

– Вервольф! – крикнул, обращаясь к Гупи, Муха.

Должно быть, он имел в виду, что не гоже оставлять «грешника» в объятиях кровососа. Если уж спасти его невозможно, так надо хотя бы пристрелить.

– Назад! – снова махнул рукой Гупи.

Как ни странно, все, кроме пребывающего в полуобморочном состоянии Фондю, выполнили его команду. Должно быть, уже привыкли, что все приказы сталкера должны выполняться мгновенно и беспрекословно. Потому что жить или умереть – теперь он за всех решает.

Псевдогигант подошел к распластавшемуся на «грешнике» кровососу, рыкнул негромко, как курица, приподнял четырехпалую лапу, сжав все пальцы в кулак, и выставив средний, осторожно, коготком, ткнул кровососа в бок. Со стороны могло показаться, что псевдогигант играет с кровососом. Однако кровосос взвыл от боли и, забыв о добыче, которую ему так и не удалось отведать, вскочил на ноги. Раскинув передние лапищи в стороны, кровосос агрессивно выставил вперед щупальцы и громко зашипел. Псевдогигант попытался ударить его ногой, но кровосос ловко отпрыгнул в сторону да еще успел царапнуть когтистой лапой по морде здорового мутанта. Псевдогиганту когти кровососа, что слону дробина, но поведение противника монстру явно не понравилось и он перешел к более активным атакующим действиям.

Какое-то время кровососу удавалось уворачиваться от псевдогиганта. Раны, нанесенные людьми, почти затянулись, и злобный урод чувствовал себя уверенно. Между делом он даже придавил двух зомби и так шуганул попытавшуюся укусить его за ногу плоть, что та с пронзительным свинячьим визгом бросилась к скотному двору, но на полпути остановилась, будто налетела на невидимую стену и принялась раскачиваться из стороны в сторону, блея, точно овца; страх не давал ей снова броситься в атаку, а ментальный аркан контролера не позволял убежать. Но один из внезапных выпадов псевдогиганта все же достиг цели. Кровосос увернулся от смертоносного удара огромной ноги и попытался контратаковать, но псевдогигант поймал его на противоходе и, ударив корпусом, сбил с ног. Кровосос проворно поднялся и тут же угодил псевдогиганту в пасть. Вцепившись ороговелыми, похожими на треугольный клюв челюстями в живот жертвы, псевдогигант принялся трепать кровососа, раскачиваясь всем корпусом из стороны в сторону. Воя от боли, кровосос все же еще пытался сопротивляться. Понимая, что ему не удастся вырваться из челюстей огромного монстра, не оставив в них куса своей плоти, кровосос продолжал наносить удары когтистыми лапами, стараясь добраться до глаз псевдогиганта. Окружившие сцепившихся монстров зомби с интересом наблюдали за битвой.

Между тем Вервольф, как только кровосос оставил его в покое, тут же перевернулся на брюхо, встал на четвереньки и быстро-быстро пополз к своим. И, кстати, дробовик прихватить не забыл. Добравшись до группы, он первым делом достал сигарету и закурил. Затянувшись глубоко, будто в последний раз, «грешник» блаженно закатил глаза, улыбнулся и ладонью размазал кровь монстра по лицу.

– Ну, мужики, скажу я вам... – начал он.

И умолк, не закончив. Только головой качнул.

– Ага, – ехидно усмехнулся Муха. – Видали, видали, как ты под кровососом корячился.

Вервольф в ответ улыбнулся так добро, будто ему о самых счастливых днях детства напомнили.

Гупи посмотрел назад, где в смертельной схватке сошлись два чудовищных монстра. Если бы рядом была букмекерская контора, сталкер, не задумываясь, поставил бы все, что у него есть, на псевдогиганта. Не потому, что на все сто был уверен в его победе – кровосос – тварь живучая и зловредная к тому ж, – а потому, что был искренне благодарен псевдогиганту за то, что он не их избрал в качестве жертвы. Да и судя по тому, как вели себя зомби и плоть, почти не участвовавшие в драке, но при этом и не искавшие другой добычи, люди контролера в данный момент не интересовали. Почему? Да кто ж его разберет! Может, у него с этим кровососом какие-то свои давние счеты. А, может, просто решил свою команду на более сильном противнике потренировать. Одно ясно – ни черта «ботаники» в контролерах не смыслят. Что, в общем, и не мудрено. Они с зомби-то до сих пор разобраться не могут. А контролер любому зомби тысячу очков вперед даст.

Дождаться, чем все это закончится, ни у Гупи, ни у кого другого желания не было.

Дернув Фондю за ворот, Гупи заставил его подняться на ноги.

– Толай! Живо! – стволом автомата сталкер толкнул отмычку вперед, в направлении поваленной водонапорной башни.

Пройти под ней, потом перемахнуть через забор – вот и весь план Гупи. Что дальше – там видно будет.

– Болт кинь, – жалостливо, как босоногий оборванец, просящий подаяния, посмотрел на Гупи Фондю.

– Обойдешься. – Сталкер еще раз, посильнее ткнул отмычку в спину. И внезапно гаркнул: – Давай, мать твою!..

Испугавшись, Фондю едва не вприпрыжку кинулся сквозь заросли полыни.

– Не так быстро! – осадил его Гупи.

Грех отмычками разбрасываться. Тем более, что осталась последняя.

И тут Гупи увидел контролера.

Здоровенный человекоподобный монстр, с темно-коричневой шкурой, угловатый, будто вырезанный из мореной дубовой колоды, сидел на корточках, положив согнутые в локтях руки на колени, на одной из опор поваленной водонапорной башни. В том самом месте, где Гупи собирался провести отряд. И ведь не просто так сидел, зараза, а смотрел вниз, на людей.

– Ну! Что тебе надо?! – с обреченным отчаянием крикнул контролеру Гупи.

Монстр наклонился пониже, как будто стараясь лучше разглядеть того, кто к нему обращался. Затем чуть приподнялся и сделал странное движение рукой, как будто дал отмашку – проходи!

– Вперед! – кулаком ударил в спину отмычку Гупи.

И тот рванул вперед.

А следом за ним Гупи и остальные.

Черт его знает, что у контролера на уме!

Быть может, в следующую секунду он передумает и решит, что интереснее поиграть не с кровососом, а с людьми, и накинёт на них свой ментальный аркан. Всех, конечно, не удержит, но троих-четверых подцепит запросто. И пополнится его команда новыми, свеженьким зомби. При оружии, к тому ж.

Кому хотелось на службу к контролеру?

Никому!

Поэтому и бежали без оглядки.

Думая не об аномалиях, в которые запросто можно было угодить, а о том, как бы убраться поскорее да подальше.

И когда бежавший впереди Фондю исчез – только воздух следом за ним всколыхнулся, как над раскаленной жаровней, – Гупи не успел даже подумать, что происходит? А остановиться – и подавно. На миг ему показалось, что мир переворачивается кверху ногами – крайне неприятное, надо сказать, ощущение, особенно для тех, у кого проблемы с вестибулярным аппаратом, – но в следующую секунду он снова бежал по земле. Только теперь это уже был не заросший полынью скотный двор, а большая, полукруглая поляна с ярко-оранжевой травой, окруженная мертвыми – а может, только кажущимися мертвыми, – деревьями, на ветвях которых висели клочья ржавого мочала и паутинные коконы.

– Стой! – окликнул Гупи чешущего во все лопатки Фондю и обернулся назад.

Шрек, Гейтс, Муха, Рикошет и Вервольф с перемазанной кровью рожей и окурком, прилипшим в углу рта, – все были здесь.

Удивительно даже.

– Где мы? – спросил растерянно Гейтс.

– Понятия не имею, – Гупи расстегнул карабин на груди и позволил лямкам рюкзака соскользнуть с опущенных плеч. – К черту все... Не выпив кофе, я больше шага не сделаю.

Глава 10

Гупи сидел на оранжевой травке возле догорающего костерка и с наслаждением потягивал из эмалированной кружки обжигающий, только что сваренный кофе. На душе у него было не сказать, что легко и радостно, но почему-то спокойно. Бывает спокойно, когда ты точно знаешь, что находишься в безопасности и с тобой ничего не случится. А Гупи было спокойно от того, что теперь ему все было абсолютно по фигу. Путь назад отрезан. Если прежде Гупи хотя бы примерно представлял, куда нужно идти, сорвавшись с крючка Рикошета и компании, то теперь обратный путь пришлось бы искать наугад. Одному. На ощупь. Без отмычек. Что, в общем, смерти подобно. А может, и чему похуже. Поэтому сталкеру не оставалось ничего иного, как только идти дальше с командой полоумных, мечтающих об исполнении всех своих идиотских желаний. У Гупи еще оставался крошечный, полупризрачный шанс выбраться из Зоны живым и невредимым. Со сталкерами из клана «Свобода», обосновавшимися в Дэд-Сити, говорить о чем-либо было бесполезно. Они сначала стреляли в чужаков, а после, вроде уже, и говорить не с кем. Но если все же удастся добраться до Припяти, там можно будет попытаться уйти к «монолитчикам». Сталкеры из «Монолита» внимательно следили за тем, чтобы никто не перся в сторону ЧАЭС, и особо настойчивых запросто могли порешить. А вот дорогу в обратную сторону они покажут обязательно. Может, еще и провожатого дадут, и с харчишками помогут – у Гупи ведь было чем расплатиться. Но – сначала нужно дойти до Припяти.

Допив то, что оставалось в кружке, Гупи заново ее наполнил.

– Не слыхал, что кофе для сердца вредно? – угрюмо глянул на сталкера Рикошет.

Недоволен он был тем, что Гупи напрочь отказался о чем-либо разговаривать до тех пор, пока не выпьет кофе. А выпить он собирался, судя по всему, весь кофейник.

Сам Рикошет ковырял вилкой в банке с тушенкой. Вояки сосредоточенно жевали свой американский продукт, безвкусный, но полезный. Муха палочками таскал лапшу из саморазогревающегося пакетика, зажатого между колен. При этом другой рукой он перебирал кнопки курсопрокладчика, пытаясь привести в чувство будто спятивший прибор, для которого все системы координат в один миг стали ничего не значащей абстракцией. Фондю уныло сидел в стороне. Голодный и злой. Есть ему хотелось страшно, но после всего пережитого еда не лезла в горло. Такое бывает – хочешь, а не можешь.

– Готово! – радостно воскликнул Муха.

Облизав палочки, он убрал их в клеенчатый чехольчик и спрятал во внутренний карман, пустой пакет скомкал и бросил в сторону псевдоамебы, которая тут же выпустила ложноножку в сторону потенциальной добычи.

– Мы оказались гораздо западнее, чем я предполагал. Но одновременно и ближе к Дэд-Сити. При хорошем темпе минут за сорок выйдем к окраине.

– Кто бы мне еще объяснил, как мы тут оказались? – мрачно произнес Рикошет и снова, уже в который раз покосился на Гупи, явно давая понять, что именно от него ждет ответа.

– Пространственная аномалия, – произнес Гупи, глядя в кружку с кофе так, будто видел там будущее.

– И все? – вроде как разочарованно развел руками «монолитчик».

Гупи отпил кофе и посмотрел на Рикошета поверх края кружки.

– Что еще ты хочешь услышать?

– Ну, например: откуда взялась эта пространственная аномалия? Каким образом она действует?..

– Ты что, совсем дурак? – взгляд Гупи сделался очень серьезным, а углы рта поползли вниз, словно у грустного клоуна.

– А что? – непонимающе посмотрел на него Рикошет.

– Ты думаешь, кто-то может ответить на эти вопросы?

– Ладно... Почему ты ее не заметил?

– А разве я у вас проводник?
– Ты шел первым!
– Во-первых, не я, а Фондю. Во-вторых, все мы не шли, а бежали...
– Ты заставил нас всех подчиниться тебе, а сам не контролировал ситуацию!
– А кто ее контролировал? – Гупи выплеснул остатки кофе в костер.
– Слушай, что ты к нему привязался? – осадил Рикошета Вервольф. – Ушли живыми – и ладно.

– Ты так считаешь? – недовольно глянул на «грешника» Рикошет.
– Я в этом уверен, – усмехнулся Вервольф. – До конца жизни не забуду, как меня кровосос оседлал. Казалось, еще секунда – и все...

«Грешник» сделал жест рукой, как будто затянул петлю у себя на шее.

– Плохое было место, – подал голос Билл Гейтс. – Очень плохое... Не стоило туда ходить.

– Тебя вообще не спрашивают, – мрачно буркнул в ответ «монолитчик».

– Слушай, Рикошет, я понимаю, тебе хочется держать под контролем все происходящее. Но в Зоне это невозможно. Здесь все время происходит что-то, чего никак нельзя было ожидать.

– Ты мне еще расскажи про Зону... – Рикошет кинул банку из-под консервов в костер. – Хватит расслаиваться. Пошли.

С этим никто спорить не стал. Нужно было засветло добраться до Дэд-Сити, чтобы осмотреться и решить, как лучше пройти через город. Муха считал, что стоит воспользоваться канализационной системой – это защитит от снайперов. От снайперов, быть может, и защитит – соглашался с ним Гупи. Но парни из «Свободы» не дураки, чтобы оставлять такой путь без присмотра. Наверняка там либо заминировано все, что можно, либо ходы завалены. В любом случае Гупи считал, что не стоит забираться в замкнутое пространство, – это все равно, что добровольно залезть в мышеловку. Достаточно будет двум стрелкам залечь спереди и сзади, и – все, никто уже и не вспомнит о их группе. Нет, канализация – это на самый крайний случай. Нужно искать безопасный путь поверху. Не может быть, чтобы все, ну абсолютно все улицы, улочки и переулки простреливались снайперами. Канализация – если вообще некуда будет податься.

К окраине города они вышли, когда уже начало смеркаться. Судя по часам, которые, как ни странно, у все показывали одно и то же время, до темноты еще оставалось часа два. Но это ровным счетом ничего не значило. Темнота могла свалиться в любую минуту. Хотя с таким же успехом сумерки могли плавно перетечь в белую ночь, тянущуюся до самого утра.

Пристроившись между спущенными колесами проржавевшего бензовоза и вооружившись, кто смартвизором, кто обыкновенным биноклем, сталкеры и бойцы принялись изучать подходы к ближайшим домам. Один Фондю сидел, прислонившись к покосившейся бетонной опоре и с отрешенным видом жевал фиолетовую травинку. Казалось, ему ни до чего нет дела, как будто он вообще забыл, где находится.

– Хана отмычке, – тихо шепнул Гупи Вервольф.

Гупи согласно кивнул. Он и сам видел, что парень спекся. Разок его, пожалуй, еще можно использовать. А после нужно будет от него избавиться. Иначе он всех угробит.

– Есть один, – сказал Гейтс. – Желтый пятиэтажный дом на одиннадцать часов.

Гупи присмотрелся к дому, на который указывал вояка, и, действительно, заметил в крайнем окне верхнего этажа ствол снайперской винтовки. Ствол торчал вверх, так, будто винтовка стояла, прислоненная к подоконнику.

– Он что, отлить пошел? – прошептал Вервольф, мысливший примерно так же, как Гупи.

– Отлить, – усмехнулся Рикошет. – Только сунься, он тебе так отольет.

– Классическая снайперская засада, – объяснил Гейтс. – Два, а скорее всего, три снайпера расположились с разных сторон так, чтобы простреливать всю открытую площадь. Один следит за тем, что происходит, другие – отдыхают. Как только появляются

чужаки, наблюдатель делает выстрел. Если чужаков несколько, они, естественно, ищут укрытия и вступают в перестрелку с одиноким, как считают они, снайпером. Тот, не высовываясь, потихоньку постреливает в их сторону. Ну, а когда олухи окончательно уверятся в том, что точно определили местонахождение противника, они откроются для других стрелков. И – все. Остальное – дело техники... Вон, на три часа, видите, металлический лист на крыше стоит, к ограждению прислоненный. Спорим, за ним тоже снайпер.

– Ну, и как ты предлагаешь идти? – посмотрел на «монолитчика» Вервольф.

– Как только стемнеет, делаем бросок вон к той трехэтажке с обрушенным углом. А дальше расчищаем себе дорогу.

– Что значит «расчищаем»? – непонимающе сдвинул брови «грешник».

– А то и значит, – криво усмехнулся Рикошет. – Отстреливаем держащих нас на прицеле снайперов.

– Совсем сдурел! – возмущенно фыркнул Вервольф. – Мы там все поляжем!

– Не бойсь, – по-отечески потрепал «грешника» по плечу Рикошет. – Тебя с дробовиком против «свободных» снайперов выставить не станем. У нас свой суперснайпер имеется. Верно я говорю, Билли?

– Верно, – скупно кивнул Гейтс.

Настроив смартвизор, американец изучал не покореженные временем дома, каждый из которых мог служить укрытием для снайпера, а бродящих по пустым улицам зомби. Это было небезынтересное и, в какой-то степени, познавательное занятие.

Мертвяков в городе оказалось огромное множество. Как будто они стекались сюда со всей Зоны. Гражданские, военные, с оружием и без, свеженькие, еще похожие на людей, и полуразложившиеся, с отвалившимися конечностями, с торчащими из-под драной одежды ребрами, с черепными осками под пустыми глазницами и провалившимися носами. Попадались даже женщины и, что совсем уж странно, дети – эти-то как здесь оказались?

– Зомби тоже могут создать проблемы, – заметил Шрек.

– Не волнуйся, – усмехнулся Рикошет. – Зомби здесь тихие. Каждый своим делом занят.

С первого взгляда могло показаться, что зомби бесцельно бродят по улицам. Но, присмотревшись, можно было уловить в их перемещениях вполне определенную закономерность.

Вот мертвяк в драной телогрейке и заячьей шапке-ушанке, косо сидящей на черепе, привлекая левую ногу, медленно движется вдоль тротуара. Зажав в кулаке ремень, он зачем-то тащит за собой по выщербленному, разломанному проросшей травой асфальту громохочущий автомат. А в другой руке у него хозяйственная авоська. Зомби подходит к разбитой витрине магазина и начинает медленно двигать головой из стороны в сторону, как будто изучает ассортимент. Затем, опершись коленями о край рамы, он начинает выгребать из витрины всевозможный мусор – осколки камней, обрывки картонных коробок, пустые консервные банки, – и аккуратно складывает все это в авоську. Берет наполненную сумку в руку и тащится вместе с ней куда-то дальше.

Еще зомби, шедшие навстречу друг другу и едва не столкнувшиеся лбами, вдруг останавливаются и начинают как-то странно разводить руками. Со стороны может показаться, что мертвяки разговаривают – один спросил дорогу, а другой объясняет ему, как пройти.

Женщина-зомби в зеленой болоньевой куртке, почти новой, присаживается на край упавшей балконной плиты, ставит между ног большую хозяйственную сумку и принимается вынимать из нее одежду. Полосатый носок, синий галстук с красным якорем, одна штанина, оставшаяся от джинсов, обгоревшая розовая кофточка, мятый крапчатый берет – все это она раскладывает перед собой на асфальте. Возле нее останавливаются двое крепко потрепанных зомби – у одного культи вместо левой руки, у другого отсутствует нижняя челюсть и скальп с головы снят. Мертвяки рассматривают – или только делают вид? – то, что достает из сумки женщина-зомби. Та косо поглядывает на

них и порой предостерегающе вскрикивает. Тот, что без руки, цепляет непослушными, негнушимися пальцами красный детский ботиночек и, что-то невнятно бубня, начинает размахивать им перед провалившимся носом своего приятеля. Тот в ответ кивает головой, да так интенсивно, что, кажется, вот сейчас она отвалится и покатится по тротуару. Женщина-зомби тоже как будто что-то говорит, разводя руками. Она берет перепачканную кровью клетчатую рубашку без одного рукава и протягивает ее однорукому.

– Не может быть, – глядя на зомби, тихо прошептал Шрек.

– Может, – заверил его Вервольф. – Еще как может.

– Но они... – оторвавшись от тяжелого полевого бинокля со встроенным инфравизором, Шрек растерянно посмотрел на спутников. – Они же...

– Они имитируют жизнь нормальных людей, – помог ему Рикошет.

– Да, – согласился с таким определением Шрек. – Но, почему?

– А черт их знает, – безразлично пожал плечами «монолитчик». – В Дэд-Сити они все время себя так ведут.

– Говорят, это радар из Ржавого леса на них так действует, – заметил Муха.

– Только не забывай, парень, то, что эти мертвяки людьми прикидываются, вовсе не означает, что, оказавшись рядом, один из них не свернет тебе башку, – добавил Вервольф.

– Это понятно, – кивнул Шрек.

Тьма накрыла землю внезапно. Как будто кто-то всемогущий дернул вниз рукоятку рубильника. И света не стало.

– Так, отключили все ПДА.

– Тебе сказали – отключить! – Муха влепил Фондю звонкую оплеуху. – А не в ждущий режим перевести!

– А, как же... – заныл отмычка.

– А – никак! – Муха сорвал с его руки ПДА и кинул Рикошету.

Вервольф первым выбрался из-под бензовоза. Присел на корточки, опустил на лицо маску с инфравизором. До обозначенного дома им предстояло преодолеть около сотни метров. Половину этого пути можно пройти, укрываясь за остовами раскуроченных машин и редкими кустами. Дальше, метров двадцать проползти по канаве – мокро, грязно и противно, зато снайпер не достанет. Оставшиеся тридцать метров придется бежать, надеясь на удачу и на то, что снайпер не сразу среагирует на появление чужаков. Однако ствол в окне пятого этажа, что прежде указывал в небо, теперь внимательно присматривался к бродящим по улицам зомби, как будто перебирал их, чтобы не упустить живых.

– Поднимайся, – Рикошет пнул уставившегося в беззвездное небо Фондю.

– Мне снова первым идти? – угрюмо спросил отмычка.

– Угадал, – бодро хлопнул его по плечу Рикошет.

– А что, если...

– Если останешься в живых, получишь шоколадную конфету.

Проверив первый отрезок пути на наличие аномалий, Муха одобрительно махнул рукой. Пригибаясь, Фондю добежал до перевернутого кверху колесами грузовика и упал на живот. За ним – остальные.

Следующим ориентиром стал колючий куст, на ветках которого болтались куски непонятного образования, как будто на них выплеснули расплавленное стекло, которое так и застыло странными потеками.

– Вплотную к кусту не подходи, – шепотом велел отмычке Гупи. – Остановись где-нибудь в метре от него.

– Почему? – спросил Фондю.

– Потому что! – согнутыми пальцами Вервольф постучал по каске отмычки. – Делай, что тебе говорят!

Пригнувшись, Фондю побежал вперед и, как и велел Гупи, упал в метре от куста. Но даже на таком расстоянии странный куст – да куст ли вообще? – почувствовал присутствие человека и потянулся к нему перемазанными застывшей слизью ветвями.

– Назад!.. Отползай! – прокричал Гупи.

Не поднимаясь с земли, Фондю отполз немного назад.

Куст, вроде бы, успокоился, перестал размахивать ветками. Но все равно что-то в нем Гупи не нравилось. Вот только что именно – не понять.

Гупи переключил инфравизор на ручную настройку и осторожно повернул верньер термочувствительности.

Вот оно!

Убедившись, что ветками до человека не дотянуться, плотоядный куст-мутант, начал выпускать из-под земли корни. Один корешок, будто змейка, уже заползал в рукав куртки растянувшегося на земле Фондю, другой обвивался вокруг лодыжки.

– Вервольф! За мной!

Закинув автомат за спину, Гупи выхватил нож и побежал к отмычке. Не останавливаясь, а лишь слегка притормозив, он двумя взмахами обрубил вцепившиеся в парня корни и, на пару с Вервольфом подхватив Фондю под руки, потащил его к следующему укрытию.

Упав на землю за остовом армейского джипа, Вервольф локтем засадил отмычке по челюсти.

– Ты чего?.. – взвыл от боли Фондю.

– Ничего, – спокойно ответил «грешник». – Было бы чего, вообще бы убил.

– Гад, – едва слышно процедил сквозь зубы отмычка.

– Он, между прочим, тебе жизнь спас, – заметил Гупи.

– Все равно – гад, – уперто повторил Фондю. – И ты тоже гад, Гупи.

– Ага, все мы тут засранцы, – подвел итог дискуссии подоспевший Рикошет. – Муха! Давай следующий ориентир.

– Вон та канава, – указал направление Муха.

– Чистая?

– Ну, я не знаю...

– Я имел в виду, аномалий нет?

– Детектор не показывает... Хотя... – Муха оттянул рукав и подработал настройки детектора аномалий. – В центре какая-то...

– Ну, что там у тебя?

– Не пойму... Вроде как возмущение какое...

– Муха, ты мне умными словами мозги не засирай! Говори конкретно, можно в эту канаву лезть или нельзя?

– Откуда я знаю, – развел руками Муха. – На первый взгляд – все нормально.

– Гупи, ты что думаешь?

– Да какая разница, что я думаю, – пожал плечами сталкер. – Ты командир – тебе и решать.

– Ну... Ты хотя бы болт кинь.

– Да не проблема.

Гупи достал из кармана на животе самый большой болт – пятьдесят пять миллиметров длиной, двенадцать в диаметре – и, размахнувшись, кинул в канаву. Издав характерный всплеск, болт плюхнулся в воду.

– Ну, как?

– Я ничего не заметил.

– Ладно. – Рикошет легонько подтолкнул отмычку в спину. – Пошел, Фондю.

Но парень неожиданно заартачился:

– А почему я?.. Все время я впереди? Пусть теперь кто-нибудь другой первым пойдет.

– Другому нельзя, – серьезно объяснил ему Гупи. – Тебе, братишка, удача покатила. Значит, нужно этим пользоваться. Видно, есть у тебя природное чутье. А другого пусти

вперед, так непременно навернется... Смотри, ты ведь уже всех своих приятелей пережил. И, ежели дальше так пойдет, глядишь, и на наши могилки цветы положишь.

Вряд ли Гупи удалось убедить Фондю. Скорее всего, парень просто понял, что спорить бесполезно. Поправив маску с инфравизором и перехватив автомат, как перед штыковой атакой, Фондю пригнулся и побежал вперед. – Не боишься, что он всех нас перестреляет? – спросил у Рикошета Гупи.

– За что? – искренне удивился «монолитчик».

– Да просто так, ни за что, – усмехнулся Гупи. – У парня нервы на пределе. Вот щас он остановится, развернется и выпустит по нам всю обойму. Такое бывает.

Такое, действительно, случалось. Но на этот раз обошлось.

Добежав до канавы, Фондю плюхнулся в нее так, что стоявшая возле самого дна вода едва через края не выплеснулась, и, извиваясь, как угорь, пополз.

– Давай за ним! – скомандовал Гупи американцам.

Как только Шрек и Гейтс нырнули в канаву, за ними последовали Муха и Рикошет. Но не успели «монолитчики» добежать до канавы, как с другого ее конца раздалась длинная автоматная очередь.

– Ах, мать твою, грязь радиоактивная! – выругался Гупи.

И вместе с Вервольфом, уже не таясь, они побежали к укрытию.

Приглушенно хлопнул одиночный выстрел.

– Снайпер!

Прятаться в канаве больше не имело смысла – пристрелявшись, снайпер не даст даже голову высунуть.

– Вперед!.. Живо!.. – заорал на бегу Гупи. – К дому!

Плечом сбив с ног оказавшего на пути зомби, Гупи выбежал на тротуар.

Взвизгнув, пуля снайпера выбила асфальтовую крошку у него из-под ног.

Только бы успеть... Только бы добежать...

А там – будь что будет.

Головой вперед Гупи нырнул в пустой оконный проем.

Неловко перевернувшись, он ударился плечом о камень. Маска с инфравизором слетела с лица.

Темнота...

Вокруг какая-то возня, ругань...

Выстрел... Еще один...

Очередь...

Голос Вервольфа:

– Кончай палить! Друг друга перебьете!..

Гупи сорвал висевший на кармашке рюкзака фонарик.

Вспыхнувший лучик света тут же выхватил из темноты мертвый оскал черепа. Решив, что это зомби, Гупи ударил его прикладом автомата. Череп разлетелся на мелкие осколки. Видно, покойник пролежал здесь ни один год.

– Выключи фонарь, Гупи!.. Мертвяки на свет, как комары, слетятся!

Сталкер отыскал взглядом слетевшую маску с инфравизором, быстро схватил ее и выключил фонарь.

Пристроив маску на место, Гупи огляделся.

Они находились в большом квадратном помещении, заваленном мусором и обломками мебели. Обои со стен были содраны, паркетный пол местами прожжен до бетона – видно, костер здесь разводили не раз. Но у одной из стен стояло почти целое пианино – только боковая стенка отломана, – а под потолком висела четырехрожковая люстра. И даже один плафон все еще сохранился. Почему-то именно этот плафон, не разбившийся за долгие годы запустения и разрухи, больше всего поразил Гупи.

– Все здесь?.. Целы?

Как ни странно, все были здесь. И все – целы.

У Гупи имелась мыслишка на счет того, как это им удалось. Вполне возможно, «свободный» снайпер позволил им забраться в дом, поскольку знал, что оттуда им уже не выйти. Но вслух об этом Гупи говорить не стал. Зачем? Скоро и так все выяснится.

– Теперь покажите мне того козла, что стрелять начал, – зло процедил сквозь зубы Рикошет.

Да уж, отметил про себя Гупи, разборки устраивать Рикошет мастак... Лучше бы команду тщательнее подбирал.

– Я, – поднял и тут же снова опустил руку Фондю.

– И какого же хрена? – наклонив голову к плечу, поинтересовался Рикошет.

– На меня мертвяк кинулся.

– Мертвяк, значит?

– Ага.

– Один?

– Да.

– А прикладом ударить не догадался?

– Нет, – мотнул опущенной головой Фондю – ну, прямо, школьник, пойманный с рогаткой у разбитого окна. – Я испугался...

– Ладно, – почти дружески хлопнул парня по плечу Рикошет. – Со всяким случается.

Проявленное «монолитчиком» снисхождение удивило разве что только самого Фондю. Остальные понимали, Рикошет не стал устраивать парню выволочку по полной программе только потому, что в самое ближайшее время отмычке предстояло работать, вызывая на себя огонь вражеских снайперов.

– Ну что, ваше слово, товарищ маузер.

Гейтс коротко кивнул, скинул с плеч рюкзак и отстегнул от него длинный кожаный чехол. Присев на корточки, вояка раскатал чехол на полу и быстро, как на учебных занятиях, собрал из уложенных в кармашки деталек бельгийскую снайперскую винтовку «F2022» с компьютеризированным прицелом и модулем управления огнем – оружие профессиональных убийц, а не игрушка для тира. Вставив в винтовку обойму, Гейтс обмотал ремень вокруг правого плеча, поднял винтовку стволом вверх и направился в левое крыло здания.

Пройдя по длинному коридору – обычно такие бывают в гостиницах или общежитиях, – Гейтс заглянул в одну из комнат, осторожно, на корточках подобрался к окну и выглянул наружу. Что-то ему там не понравилось – покачав головой, американец вернулся назад. В следующей комнате на Гейтса кинулся зомби, но вояка только локтем его оттолкнул, предоставив Шреку возможность разобраться с мертвяком. Самому Гейтсу было сейчас не до того – он был собран и сосредоточен на той работе, что ему предстояло выполнить. Быть может, он даже медитировал на прицеле своей винтовки.

Выглянув осторожно из-за края обколотого, будто обкусанного подоконника, Гейтс, судя по всему, остался доволен. Поставив на подоконник распорку, он положил на нее конец винтовочного ствола с большим, длинным глушителем, а сам растянулся на полу. Включив компьютерный прицел, американец принялся внимательно изучать зону обстрела.

– Я, конечно, понимаю, что он профи, – шепотом произнес Вервольф, усаживаясь на корточки возле дверного проема. – Но что-то он очень уж долго возится.

– Снайперская винтовка – это тебе не дробовик, – усмехнулся Гупи.

– Это я тоже понимаю. – «Грешник» достал из кармана сигарету и сунул ее в угол рта. Щелкнул безопасной сталкерской зажигалкой – в глубине металлического цилиндра загорелась крошечная точка «Божьей слезы», – прикурил и выпустил тонкую, бледно-зеленую в системе инфравизора струйку дыма. – Но мы же здесь не на меткость соревнуемся.

Едва заметно шевельнув пальцем, лежащим на цевье винтовки, Гейтс подал знак своему напарнику. Шрек подобрал с пола камешек и кинул его за окно. В ночной тишине, нарушаемой лишь шарканьем ног да короткими стенаниями бесцельно бродящих по улицам зомби, камешек щелкнул об асфальт. Почти одновременно с этим беззвучно дернулась винтовка в руках снайпера.

Гейтс поднялся на ноги и забросил винтовку на плечо.

– Теперь я пойду наверх и сниму снайпера, который сидит на крыше. Мне нужен только Муха, чтобы в какую-нибудь гадость ненароком не вляпаться. Вы идите в конец коридора и ждите у двери. Как только я выстрелю, бегите в дом напротив. Где-то неподалеку должен находиться третий снайпер. Если промедлите, он успеет переместиться и взять вас на прицел.

– А ты как? – спросил американца Рикошет.

– Я дождусь, когда третий снайпер обозначит свое местоположение.

– А, то есть мы у тебя вместо отмычек будем? – Вервольф кинул окурок на пол и раздавил его ногой.

– Можно и так сказать, – Гейтс повернулся спиной и легко побежал вверх по разбитой лестнице без перил.

Следом за ним, косясь на детектор аномалий, затрусил Муха.

Рикошет подошел к двери в конце коридора, чуть приоткрыл ее и осторожно выглянул в щелку.

С другой стороны на него смотрел мутный, с пожелтевшей склерой глаз зомби.

– Вали отсюда! – цыкнул на него Рикошет.

Зомби что-то недовольно проворчал в ответ и, положив ладонь на филенку, попытался открыть дверь.

– Вали, кому сказано.

Поскольку на слова зомби не реагировал, Рикошет вытянул свой большой нож и дважды ткнул им мертвяка в живот. В ответ зомби сильнее навалился плечом на дверь.

– Ах ты, зар-р-раза...

Перехватив рукоятку ножа, Рикошет ткнул острием зомби в глаз. Мертвяк дернул головой назад, и глазное яблоко с отростком красноватого нерва осталось висеть на кончике ножа. Крайне озадаченный такой ситуацией, зомби сунул палец в пустую глазницу.

– Все, чудило! – Рикошет резко взмахнул ножом. Глаз слетел с острия и покатился по тротуару. Медленно повернув голову, зомби посмотрел ему вслед. – Давай, – дернул кончиками пальцев Рикошет. – Иди, подбери, а то вороны склюют.

Словно вняв дельному совету, мертвяк повернулся и пошел за глазом. Он наклонился, чтобы поднять потерянный глаз, но – то ли его подвело отсутствие бинокулярного зрения, то ли координация движений у него была уже не та, что прежде, – потерял равновесие, пошатнулся и мешком брякнулся набок, да так, что правая рука оказалась вывернутой за спину. Если бы речь шла о человеке, то подобную позу можно было бы назвать неестественной. Что казалось неестественным зомби, знал только он один. Опершись рукой о разломанный проросшей травой асфальт, мертвяк начал подниматься. Оказавшись на корточках, он дернул плечом, возвращая вывернутую руку в нормальное положение и, неловко сложив ладонь лодочкой, стал ловить глаз.

Рикошет скосил взгляд на Гупи.

– Ты не знаешь, почему они такие упертые?

– Кто? – не понял сталкер.

– Мертвяки.

– Наверное, потому что у них мозгов нет.

– А при чем тут мозги? – непонимающе сдвинул брови Рикошет.

– Зомби не понимает, когда нужно остановиться... Хотя... Ты тоже этого не понимаешь.

– Чи-и-во?

– Проехали, – примирительно махнул рукой Гупи.

Рикошет снова выглянул на улицу.

Мертвяк, как и прежде, сидел на асфальте и пытался поймать свой глаз.

– Интересно, а он сейчас что-нибудь видит?

– Кто? – переспросил Гупи.

– Глаз зомби, который валяется на мостовой.

– Совсем спятил, – недовольно буркнул Вервольф и потянулся за новой сигаретой.

Но не успел он прикурить, как с улицы раздался стук – короткий, звучный, не похожий ни на один из привычных ночных звуков. Снайперская винтовка ударилась об асфальт прикладом, а затем, упав на бок, звякнула оптической частью.

– Вперед!

Рикошет распахнул дверь и первым выбежал на улицу.

Пробежав мимо тупо уставившегося на него одним глазом зомби, «монолитчик» влетел в подъезд соседнего дома и, чтобы не разбиться о стену узкого тамбура, выставил перед собой руки.

В спину ему ткнулся Вервольф.

Следом за ним в общую кучу втолкнулись Гупи, Фондю и Шрек.

– Ну, как? – обняв за плечи Вервольфа, шепотом спросил Гупи.

– Тесно, – так же тихо ответил «грешник».

Развернувшись, Рикошет боком выскользнул на лестничную площадку первого этажа. И на всякий случай остановился.

Это была самая обычная лестничная площадка стандартного панельного жилого дома, какие строили по всей стране в годы развитого социализма. Перилла и ступени целы. Даже жестяные почтовые ящики с облупившейся краской и слепыми номерами квартир еще висели на стене. Все, вроде, нормально. Но отчего-то Рикошету сделалось не по себе. Странное возникло ощущение. Как будто кто-то невидимый тихо дохнул в темечко.

– Чего застрял? – толкнул «монолитчика» в спину Вервольф.

– Дальше не пойдем, – сдавленно произнес Рикошет. – Надо Муху с Гейтсом дожидаться.

– Понятное дело, надо, – согласился «грешник». – Но давай хоть осмотримся.

– Иди, осматривайся, – Рикошет сделал шаг в сторону, пропуская Вервольфа вперед.

«Грешник» в два прыжка преодолел короткую лесенку. На площадку первого этажа выходили три двери. Одна распахнута, другой вообще нет, третья плотно прикрыта. Вервольф подошел к закрытой двери и толкнул ее ногой. Дверь не открылась. Заперта? Или чем-то завалена изнутри?

– Ну, что? – спросил, не двигаясь с места, Рикошет.

– Дверь не открывается.

Вервольф еще раз, теперь уже как следует, ударил в дверь ногой. Дверь даже не шелохнулась, будто составляла одно целое с косяком.

Гупи поднялся по лестнице, посмотрел на запертую дверь и отошел в сторону.

– Оставь ее, – сказал он Вервольфу.

– А что с ней не так? – поинтересовался «грешник».

– Не знаю... Просто, не трогай...

Бух!

Тяжелый удар обрушился на дверь изнутри.

– Вот черт!

Вервольф отскочил к стене и выставил перед собой дробовик.

– Спокойно! – поднял руку Гупи. – Дверь заперта.

– Так она ж изнутри заперта! – кивнул на проклятую дверь «грешник».

Бух!

Еще один удар.

Да такой, что, кажется, стена пошатнулась.

– Почему изнутри? – спокойно пожал плечами Гупи. – Она просто заперта.

Бух!

Удар уже потише.

– Кто там? За дверью?

– Может, и никого. А может... Почему ты меня об этом спрашиваешь?..

В подъезд вбежали Муха с Гейтсом.

– Живее! Живее! – замахал рукой американец. – Пока «свободные» еще не успели перегруппироваться!.. Муха?

– Уже!

Муха провел по сторонам детектором аномалий.

– Чисто!

В крошечной прихожей на вбитом в стену гвозде висела телогрейка, старая, заношенная, с торчащими из прорех клочьями ваты. На кухне стояли колченогий стол и три ящика, заменявшие табуреты. В углу свалена куча пустых консервных банок и продуктовых упаковок. Рядом на полу чугунная раковина, в которой разводили огонь.

– Здесь кто-то живет, – сказал Вервольф, ни к кому конкретно не обращаясь.

– Может быть, – безразлично пожал плечами Гупи.

– Люди? – спросил Шрек.

– Откуда в Зоне люди? – усмехнулся Рикошет. – Здесь одни уроды.

– А как же мы?

– Ну, мы же здесь не живем... Хотя, мы тоже уроды, если забрались сюда.

Гейтс прошел в комнату, присел на корточки у развороченного взрывом окна, осторожно отвел в сторону болтающийся на одном шурупе кусок оконной рамы, положил винтовку на пол рядом с собой и стал внимательно изучать улицу и соседний дом через специальный снайперский смартвизор. Время от времени он быстро нажимал кнопку на боковой панели управления, отмечая точку, кажущуюся ему потенциально опасной.

Шрек занял место позади своего приятеля.

Фондю сел на пол, привалившись к дверному косяку.

Вервольф положил дробовик на плечо и закурил.

Гупи подумал, что хорошо бы сейчас глотнуть кофе. Кто знает, может быть, в последний раз. Американец уже, как минимум, троих снайперов «Свободы» уложил. А это значит, что теперь местные с ними церемониться точно не станут – пристрелят без разговоров. Или чего похуже придумают. Мужики в Зоне на выдумки горазды.

Рикошет прошелся по комнате, поднял с пола большую пластиковую куклу в грязном порванном платье, с раздавленным туловищем и без одной руки. Посмотрел ей в глаза. Качнул – кукла моргнула в ответ. Когда Рикошет был маленьким, у его соседки по лестничной площадке была похожая кукла. Сейчас таких уже не делают. Нынче детям дарят только уродцев-покемонов и длинноногих «барби» с дебильными лицами и осатаневшими взглядами. Оказывается, мода на детские игрушки так же изменчива, как и на все остальное. На имена, например. Или на сотовые телефоны.

– Надо же, – «монолитчик» подошел к остоу панцирной кровати и не кинул, а аккуратно положил куклу на сетку. – Когда-то здесь люди жили... – он сбросил с плеч рюкзак, поставил его у ножки кровати, а сам, чтобы дать спине отдохнуть, прислонился к стене. – А теперь – одни твари, – грустно закончил сталкер.

И сам задумался – с чего это вдруг снизошло на него такое настроение? Не то меланхолия, не то тоска. Впору блюз затянуть.

«Моя крошка куда-то ушла,

Сигареты оставить забыла,

Боже, на фиг мне «Мерседес-бенц»?

Подари хоть бутылку пива...»

– Отойди от стены.

– Что? – непонимающе глянул на Гупи Рикошет.

– От стенки, говорю, отойди.

Рикошет сделал два шага, обернулся и посмотрел на то место, где только что стоял. Стена как стена. Вроде бы... Обои ободранные. Под обоями – газеты. «Правда» за тысяча девятьсот восемьдесят пятый год.

– Что не так? – Рикошет нервно дернул плечом.

– Все нормально, – сделал успокаивающий жест Гупи. – Только лучше к этой стене близко не подходи... Так, на всякий случай...

– За этой стенкой квартира нехорошая, – добавил Вервольф.

– Что значит, нехорошая? – не понял Рикошет.

– Там какая-то тварь сидит и изнутри в дверь долбит.

– И что?

– Ничего, – Вервольф бросил окурок на пол и раздавил носком ботинка.

Ему надоел пустой разговор.

Гейтс положил смартфон на пол рядом с винтовкой и тоненьким коротким шнурком подключил его к компьютерному прицелу. Теперь все цели, что он отметил, оказались в памяти прицела.

– Ну, и как там? – спросил Рикошет.

– Плохо, – коротко ответил американец. – Одного снайпера я засек. Но есть еще, минимум, семь мест, где может укрыться другой. А то, и не один... В той стороне, куда мы направляемся, – Гейтс взмахом руки указал, куда именно, – расположена площадь. Там есть укрытия – пара разбитых автомобилей, бронетранспортер, поваленный памятник и эта... Как ее... – Американец щелкнул пальцами. – Стенка, куда фотографии вешают.

– Доска почета, – догадался Гупи.

– Именно! – Еще раз щелкнул пальцами Гейтс. – Доска почета!.. Но площадь, наверняка, со всех сторон простреливается снайперами. Там мне одному не управиться. Работать придется всем.

– Ясно, – кивнул Рикошет. – А сейчас-то что делать?

– Сейчас мне нужен помощник, – сказал Гейтс и посмотрел на отмычку.

– Фондю! – окликнул парня Рикошет.

Отмычка испуганно вскинул голову:

– Что?

– Ты что, не слушаешь, о чем говорят?

– Нет, – и даже ни тени смущения в голосе.

Взгляд, должно быть, тоже кристально ясен, вот только не видно его под маской. Вместо глаз – два выпирающих окуляра.

Конченный, отметил про себя Гупи.

– Временно переходишь в прямое подчинение сержанта Билла Гейтса. Ясно?

– Да, – кивнул отмычка.

– Так что ж тогда сидишь?

– А что делать?

– К Гейтсу! Бегом!

Фондю оперся рукой о пол, тяжело, будто старик, поднялся на ноги и подошел к окну.

Гейтс знаком велел ему присесть.

Фондю опустился на четвереньки, подполз поближе и глянул поверх подоконника.

– Ты должен помочь мне найти вражеских снайперов, – сказал, обращаясь к парню, американец. – Согласен?

– А если я скажу «нет»? – на всякий случай поинтересовался Фондю.

– По башке получишь, – спокойно пообещал Вервольф.

– Вот видишь, – улыбнулся американцу Фондю. – Кроме тебя мое мнение больше никого не интересует.

– Ты должен настроиться на работу, – сказал Гейтс. – Тогда сможешь остаться живым.

– А зачем? – безразлично пожал плечами Фондю. – Не здесь, так в другом месте, не сегодня, так завтра... Мы все умрем.

– Конечно, – не стал спорить Гейтс. – Только каждый по-своему, и все в разное время.
– Слушайте, кончайте трепаться, – недовольно вмешался в беседу Рикошет. – Эдак мы до утра не управимся.

– После того как перейдем площадь, легче станет, – уверенно заявил Шрек.

– С чего бы?

– Сталкеры из «Свободы» отстреливают тех, кто идет вглубь зоны. Обратно мало кто возвращается. Поэтому основные их посты должны располагаться на окраине с той стороны, откуда мы пришли, и вокруг площади. Снайперы с окраин, если им не удастся прикончить чужаков, гонят их в сторону площади – там их проще добить. Обычная тактика городского боя, когда задача заключается не в том, чтобы защитить город, а в уничтожении противника. Особенно, если городок небольшой, как этот.

– Смотри, – Гейтс выставил за окно гибкий световод с миниатюрной видеокамерой на конце и показал Фондю маленький экранчик на другом ее конце. – До площади три квартала. Если мы будем, как и прежде, перебираться из дома в дом, сталкеры из «Свободы» успеют подтянуть все свои силы и взять нас в кольцо. Сейчас, как я полагаю, мы находимся на главной линии обороны противника. Здесь больше всего снайперов и обычных стрелков. Убрав тех, что ближе к нам, мы сможем одним рывком преодолеть расстояние до площади...

– А обойти ее нельзя? – спросил Муха.

– Не задавай дурацких вопросов, – ткнул его локтем в бок Рикошет. – Тебе же сказали, кругом полно снайперов.

– Ну, ладно, – обиделся Муха. – А что мы будем делать, когда перейдем площадь?

– Вот, когда перейдем, тогда и спросишь.

– Твоя задача, – продолжил инструктаж Гейтс, – быстро выбраться в окно и добежать вот до этой поваленной телефонной будки, – американец подвигал световодом, ловя в объектив лежащую на боку телефонную будку с откинутой на асфальт дверцей. Такие в советские времена стояли во всех городах. И телефонный звонок из них, между прочим, стоил всего две копейки. Тариф «Советский», без лимита времени, но только по местной линии. – Видишь?.. Как добежишь, сразу падай и залезай в будку.

– И все?

– А что тебе еще нужно? – усмехнулся Вервольф.

– Ладно, – Фондю поправил рюкзак и накинул на шею автоматный ремень. – Я готов.

– Вещи оставь. Автомат – тоже.

– Как же, без автомата? А если зомби?

– У тебя пистолет есть.

Фондю послушно снял рюкзак и отдал его вместе с автоматом Шреку. Американец здоровый, как бык. Ему что один рюкзак тащить, что два – без разницы.

– Ну, я пошел? – Фондю посмотрел на Гейтса через линзы инфравизора.

– Давай, – кивнул снайпер.

Свою маску американец сдвинул на лоб – она ему только мешала с прицелами работать.

Фондю чуть приподнялся, вытянул шею и выглянул за окно. Затем каким-то странным, обезьяньим движением, не поднимаясь во весь рост, запрыгнул на подоконник, выждал пару секунд, спрыгнул по другую его сторону на асфальт и замер.

Держа палец на спусковом крючке винтовки, Гейтс быстро переводил взгляд с одной на другую подозрительную точку, отмеченную на крошечном дисплее компьютерного прицела. Он не пытался угадать, где прячутся вражеские снайперы. Он ждал, когда они проявят себя. И тогда, Гейтс знал это точно, он не оставит им ни единого шанса. По сравнению с ним снайперы из «Свободы» были жалкими любителями.

Фондю встал в полный рост.

В ту же секунду приглушенно хлопнул выстрел.

Отмычка вскрикнул и схватился за простреленное плечо.

– Беги, дурак! – заорал на него Муха.

Ответный выстрел Гейтса уложил снайпера, притаившегося за обвалившейся стеной на лестничной площадке третьего этажа дома напротив. Одна точка на дисплее снайперского прицела погасла.

Выстрел.

Пуля выбила асфальтовую крошку из-под ног бегущего Фондю.

Еще один выстрел.

Фондю, как заяц, уходящий от борзых, прыгнул в сторону, нагнулся, словно собирался нырнуть, и побежал к стене противоположного здания.

Гейтс выстрелил, снял еще одного из стрелявших по Фондю снайперов, быстро развернулся вместе с винтовкой, нашел прицелом другого, выстрелил еще раз и промахнулся.

Вражеский снайпер сориентировался быстрее, чем предполагал Гейтс, – он тут же взял на прицел окно, из которого стрелял американец.

Выстрелили оба одновременно.

Но стрелял «свободный» хуже американца. Его пуля впиалась в подоконник, рядом с ножкой опоры для снайперской винтовки Гейтса. А вот американец во второй раз не промахнулся.

Тем временем Фондю оттолкнулся обеими руками от стены дома, развернулся и побежал к телефонной будке.

Должно быть, он решил, что все уже позади, и больше по нему не станут стрелять, поэтому и бежал медленнее, чем вначале. А может быть, ему уже стало все равно.

Пуля вошла Фондю в грудь, когда он находился всего в двух шагах от телефонной кабинки. Парень вскинул обе руки вверх, как будто приветствуя того, кто его убил. Колени его подогнулись, и он плашмя, лицом вниз упал на асфальт.

– Снайпер у нас на крыше! – крикнул Гейтс.

– Ага! – Вервольф передернул затвор дробовика и побежал к лестнице.

– Осторожней! Не вляпайся! – крикнул вслед ему Гупи.

– Ага! – отозвался уже с лестничной площадки «грешник».

Рикошет выглянул в оконный проем и досадливо цокнул языком.

– Все, кончились отмычки.

– Пошли!

Гейтс подхватил на ладонь левой руки ствол винтовки и первым выпрыгнул за окно.

– Стой! А как же Вервольф!

Сверху раздались три выстрела.

Сначала рядом с Гейтсом упала снайперская винтовка. Затем – тело снайпера.

– Догонит. Ждать нельзя.

Вояка быстро развернулся на месте, проверяя места, где еще могли прятаться снайперы.

– Все, чисто. Пошли.

Шрек кинул автомат отмычки Гупи, а сам подхватил его рюкзак.

Добежав до телефонной будки, Гейтс упал на асфальт, положил винтовку на металлический каркас с болтающимися черными полосами резинового уплотнителя и припал к компьютерному прицелу.

Рядом с ним залегли Шрек, Гупи, Муха и Рикошет.

Муха окинул взглядом мертвое тело Фондю.

– Ботинки у него хорошие. Жалко бросать.

– Доберешься до Монолита, попросишь себе обувную фабрику, – усмехнулся Гупи.

– Зачем мне фабрика? – вполне серьезно отреагировал на замечание stalkера Муха. – А хорошие ботинки не помешают.

– Ну, так сними! – нервно рыкнул Рикошет.

– Неудобно как-то с покойника... Вот если бы он перед смертью сказал, возьми, мол, Муха, мои ботинки...

Рядом с Мухой упал на асфальт Вервольф.

– Тебе ботинки не нужны? – посмотрел на него Муха.

«Грешник» отрицательно мотнул головой.

Гупи было наплевать на Фондю и его ботинки. Так же, как и на Муху с Вервольфом. Его выводила из себя крошечная тьма мертвого города. Нигде не горел ни единый огонек. Даже звезд на небе почему-то не было. Полуразрушенные дома, остовы брошенных автомобилей, развороченный асфальт – инфравизор прорисовывал все в зеленоватых тонах, скрадывая объем предмета, из-за чего мир казался нереальным, будто нарисованным на экране компьютера. А что будет, если снять маску с инфравизором? Может быть, тогда и мир исчезнет? И труп отмычки, сдуру ума решившего стать героем и ради этого в компании уже мертвых приятелей забравшегося туда, куда ни один человек со здоровыми мозгами не полезет? Никогда и ни за какие деньги. И сталкеры из «Монолита» и «Греха» тоже растворятся в пустоте? И американцы, очень хорошо тренированные и слишком уж хорошо знающие русский язык? И останется один только сталкер Гупи. Потому что – так положено. Потому что он – одиночка.

– А куда все мертвяки подевались? – спросил Шрек.

– Спать легли, – хохотнул Вервольф.

– Я серьезно, – не среагировал на шутку американец. – Их же днем полно было. А сейчас... Я двух всего вижу... Да и те – едва живые.

– А может быть, Вервольф прав, – задумчиво произнес Гупи. – Зомби в Дэд-Сити имитируют поведение людей. А ночью люди спят.

– Все, идем дальше, – оторвался от смартивизора Гейтс. – Как только минует перекресток, начнется стрельба. Две засады с левой стороны улицы – второй этаж и чердак, три с правой – третий этаж и крыша. Наша цель – микроавтобус у выхода на площадь. Доберемся до него – будем жить.

– Долго? – спросил Рикошет.

– Что? – не понял Гейтс.

– Жить, спрашиваю, долго будем?

– Это уж как придется.

– Ну, тогда – с богом. Пошли!

Все разом поднялись на ноги и побежали вперед.

Первый выстрел прозвучал прежде, чем они достигли перекрестка. Муха заорал – не то от страха, не то просто сдуру, – и дал длинную очередь по пустым окнам.

Еще один выстрел.

– А, чтоб тебя! – зло выкрикнул Вервольф.

– Попал? – на бегу глянул на «грешника» Рикошет.

– Плечо зацепил.

Возле перекрестка Гейтс притормозил и что-то отрывисто крикнул по-английски.

Шрек выбежал вперед остановился и пригнулся, упершись руками в колени. Гейтс положил винтовку ему на спину, скорректировал компьютерную наводку прицела и выстрелил.

В ответ раздался сдавленный крик.

И – выстрел с противоположной стороны улицы.

Шрек пошатнулся, но устоял на ногах – пуля угодила ему в бок но не пробила бронежилет из полужидкой металлокерамики.

Гейтс тут же развернулся в другую сторону и выстрелил. Провел пальцем левой руки по сенсорной полоске корректора и еще раз нажал на курок.

С крыши упал подстреленный снайпер «свободных».

– Вперед!

На перекрестке Гупи кинулся к углу здания – какое-никакое, а все ж укрытие. За ним – Вервольф с Мухой.

Свернув за угол, Гупи едва не налетел на стоявшего, точно столб, зомби. Сталкер сходу ударил мертвяка прикладом в грудь, но перестарался – зомби оказался старый,

прогнивший настолько, что приклад проломил грудную клетку и застрял, зацепившись за обломок ребра. Бросив автомат, Гупи нырнул, будто уходя от удара, отпрыгнул назад и выхватил пистолеты.

– Ну, ни хрена себе! – изумленно произнес за спиной Гупи Вервольф.

Зомби стоял неподвижно. Из груди у него торчал автомат Гупи. А за спиной застыла толпа таких же, словно парализованных или заснувших на ходу мертвяков.

– Чего они тут делают? – шепотом, будто боясь их разбудить, спросил Муха.

Гупи взглянул назад. В другом конце улицы творилось то же самое.

Гупи посмотрел на детектор жизненных форм – никаких сигналов.

– Муха, твой детектор работает?

– Нет, – «монолитчик» тряхнул прибор, надавил на кнопку автоматического восстановления системы. – Глухо.

Что-то блокировало работу приборов.

– Валить нужно отсюда, – произнес негромко Вервольф. – Ежели все эти твари разом оживут...

Гупи подошел к зомби и ножом выломал мешавшее вытащить автомат ребро. После чего достал из кармана салфетку, тщательно вытер приклад, а скомканную тряпицу кинул в дыру на груди мертвяка.

Муха посмотрел на Рикошета. Командир знаком дал понять, что нужно двигаться дальше, и показал три пальца – на раз, два, три.

Неожиданно зомби, который секунду назад, казалось, был мертвее мертвого, медленно поднял руку, запустил ее себе в грудную клетку, достал брошенную Гупи салфетку, внимательно посмотрел на нее, понюхал и вроде как с укоризной покачал головой. А затем, резко выбросив руку вперед, схватил Гупи за горло.

Гупи воткнул ствол автомата зомби в живот и нажал на курок. Очередь перебила позвоночник мертвяка. Нижняя часть – таз с судорожно дергающимися ногами, – упала на асфальт. Верхняя – повисла на Гупи.

Подскочивший сбоку Вервольф дважды ударил зомби прикладом по голове. Голова отлетела, ударилась о стену и раскололась. Из треснувшего черепа потекла вонючая, пузырящаяся, буро-зеленая жидкость. Туловище упало Вервольфу под ноги, и он, на всякий случай, пару раз пнул его ногой. Гупи с трудом оторвал от горла руку мертвяка. Пальцы с отвалившимися ногтями и облезшей, будто сожженной кислотой кожей, все еще шевелились, словно искали новую жертву.

– Мерзость! – Гупи с отвращением зашвырнул руку в окно.

– Если бы только одна...

В этом Вервольф был прав.

Хороший зомби – расчлененный зомби, любил говаривать сталкер по прозвищу Зомби.

Хороший был сталкер, но плохо кончил. Пошел как-то раз Зомби на Милитари за бирюльками, которые там Серый Еж припрятал. Самого Серого Ежа Синатра на себе вытащил после того, как псевдоамеба ему ноги по коленки обглодала. На радостях, что жив остался, Серый Еж рассказал Синатре, где на Милитари пару контейнеров с бирюльками прикопал. Но Синатра – сталкер серьезный, по особым приказам работает, поэтому идти за кладом Серого Ежа отказался. Тогда Еж на это Зомби подписал. Зомби пошел и не вернулся. Говорят, его потом в группе контролера видели. Хорошая была группа, крепкая: четыре свежих зомби с автоматами, два кровососа и злощастный-презлющий черныбыльский пес – такая команда кого хочешь завалит.

Зомби, которых сейчас видел Гупи, были далеко не первой свежести. В затаканной, драной одежде, а то и вовсе голые, подгнившие, будто объединенные падальщиками, с отвалившимися носами и съехавшими на сторону скальпами, потерявшие конечности, лишившиеся разума и почти полностью утратившие человеческий облик. Отвратительные и мерзкие. Зато их было много. Очень много. Толпа. И вся эта толпа надвигалась на

людей, безмолвно, медленно, но неумолимо, как поток лавы, выплеснувшийся из жерла вулкана. И намерения у них были явно не дружественные.

Раздались выстрелы с другой стороны улицы.

Муха обернулся. Там происходило то же самое – толпа зомби вытесняла людей на перекресток. Под пули снайперов «Свободы».

Сталкеры быстро переглянулись и, не говоря ни слова, рванули во всю мочь в сторону площади. Здесь у них не было ни малейшего шанса остаться в живых, а там – кто его знает.

Они бежали, стараясь держаться ближе к стене дома – так по ним могли стрелять только снайперы, засевшие на противоположной стороне улицы.

Параллельно с ними, по другому тротуару бежали американцы и Рикошет. Временами то Шрек, то Рикошет стреляли на бегу, скорее всего, не целясь, не столько ради того, чтобы урезонить противников, сколько, чтобы самим не потерять кураж. Гейтс выстрелил всего раз. И, уж наверное, не промазал.

Крошка, выбитая пулей снайпера из стены, оцарапала Гупи щеку. Еще несколько – щелкнули по маске. Развернувшись, Гупи выпустил длинную очередь по пустым оконным проемам дома напротив.

Щелкнул ударивший в пустоту боек. Гупи выдернул пустой магазин и ловко, двумя пальцами, перевернул, чтобы вставить в автомат другой, притянутый к первому изолентой.

Снайперская пуля, угодившая в казенник, едва не вырвала автомат из рук сталкера. Выругавшись, Гупи вогнал в автомат обойму и дернул затвор. Какое там! Затворная пружина была сорвана. Но зато Гупи успел заметить окно, из которого стрелял снайпер.

Бросив превратившийся в бесполезную железку автомат, Гупи схватился за пистолеты. – Не, так ты его не достанешь.

Вервольф тоже засек место, где притаился снайпер.

Сдернув с перевязи осколочную гранату, «грешник» подцепил кольцо крючком, вделанным в лямку рюкзака, вырвал чеку и кинул в окно второго этажа.

Грохнуло.

Вервольф осклабился довольно и побежал дальше.

Когда перед ними открылась площадь, Гупи понял, почему им удалось до нее добраться живыми и, по большей части, невредимыми. Гейтс был прав, снайперы не старались их убить, а гнали в заданном направлении.

Небольшая, почти квадратная площадь, с Доской почета, на которой не осталось ни одной фотографии, только выложенное большими буквами слово «СЛАВА», и упавшим, а может быть, и сброшенным с невысокого пьедестала памятником бессмертному Вождю мирового пролетариата, который даже лежа указывал вытянутой рукой в небо, то бишь в пустоту. В былые времена такую площадь можно было увидеть почитай что в каждом небольшом провинциальном городке. Варьировали, да и то исключительно в допустимых пределах, лишь оформление почетной Доски и художественное воплощение образа Вождя. Как правило, площадь располагалась перед входом в здание горсовета или городского отделения партии – нередко это было одно и то же здание, – и служила для торжественных митингов по случаю официальных праздников, выделенных в календарях красным цветом. Эта площадь была заполнена мертвяками. Нет, они не изображали собравшихся на митинг гегемонов. Зомби тупо шарахались из стороны в сторону, натыкались друг на друга, спотыкались, падали, поднимались и снова пытались куда-то идти. И, судя по всему, настроены мертвяки были крайне агрессивно. Порыкивая и повизгивая, они то и дело отвешивали друг другу оплеухи. Иногда кусались. Отдельные твари пытались пинаться, но с разрушенным вестибулярным аппаратом даже на двух-то ногах устоять непросто. Временами кучка зомби набрасывалась на кого-то одного, избранного по непонятному принципу, и буквально раздирала его на куски, после чего на останках начиналось омерзительное в своей кровавой откровенности пиршество

каннибалов. Если бы это были люди, Гупи решил бы, что все они вусмерть пьяны или находятся под воздействием очень сильного наркотика. Но среди зомби алкоголики и наркоманы не водились. Тогда, что же с ними происходит?

Гупи посмотрел назад.

Два потока зомби вытекли на перекресток из боковых улиц и, слившись в один, катились к площади.

– Да, к черту все!

Сдернув с перевязи гранату, Вервольф зубами вырвал чеку.

– Чего ждать-то!..

Вервольф метнул гранату в толпу неиствующих зомби.

Следом тут же полетела другая.

– Держи!

Шрек кинул Гупи автомат Фондю.

Сталкер быстро проверил магазин, передернул затвор, прямо перед собой, веером выпустил всю обойму и, сменив на новую, одновременно с Вервольфом кинулся вперед.

То, что происходило потом, было похоже на безумие.

Не сговариваясь, Вервольф и Гупи решили, что им нужно пробиться к зданию на другой стороне улицы. С невысоким, широким крыльцом и массивными деревянными дверями, на одной из которых даже сохранилась длинная медная ручка, здание казалось самым надежным убежищем как от полчищ озверевших зомби, так и от «свободных» снайперов. Должно быть, в былые времена, до первого выброса, именно в этом доме располагался горком партии или какое другое важное государственное учреждение. В отличие от других, здание неплохо сохранилось. Что самое главное, двери были целы, а окна с выбитыми стеклами все еще забраны фигурными решетками.

Ворвавшись на площадь, небольшая группа людей сразу же превратилась в центр, вокруг которого закрутился безумный водоворот. Каким-то образом все зомби разом узнали о их появлении, и все, даже находившиеся на дальних подступах к месту основного действия, начали двигаться в одном направлении. Гупи и Вервольфу приходилось буквально проламываться через толпу обезумевших мертвецов. Тут главной была четкая согласованность всех действий. Одному не справиться никак, потому что убить мертвяка совсем не просто – он уже мертв. Его можно только на время нейтрализовать, вывести из строя. Но это на открытой местности подстреленный мертвяк упадет и будет какое-то время приходить в себя, медленно восстанавливая жизненные функции, если они у него еще остались. Здесь же толпа наседающих со всех сторон зомби не давала упасть тем, кому достались сталкерские пули. Поэтому, сначала Гупи короткими, скупыми очередями, по два-три выстрела, расстреливал наседавших на них мертвяков, а Вервольф в это время раскидывал и сбивал с ног, тех, кто плохо стоял. Затем «грешник» использовал дробовик по прямому назначению, а Гупи прикладом расчищал путь, одновременно меняя в автомате обойму.

Шрек и Гейтс, сменивший снайперскую винтовку на автоматическую, прикрывали группу от напирających с боков зомби. Рикошет и Муха держали тыл.

Время от времени кто-то кидал вперед, в толпу зомби гранату. Части тел эффектно разлетались по сторонам, но толку от этого было мало.

Это было похоже на кровавую мясорубку. Идти приходилось буквально по телам павших. При этом павшие еще норовили ухватить тебя за ногу, а то и укусить. Кровь и обрывки гнилой плоти летели во все стороны. Тут как раз очень кстати пришлись маски с инфравизорами. Они и глаза защищали, и цвета скрадывали, делая все происходящее не таким уж кроваво-реалистичным. От чего маски инфравизоров защитить не могли, так это от мерзкого зловония, исходящего от множества разлагающихся тел. Нужно было заранее надеть респираторы, но кто ж знал, что все так сложится.

Время не то спрессовалось в тонкую лепешку, не то скаталось в плотный колобок. Гупи казалось, что тупой и бессмысленной бойне не будет конца. А солнце никогда уже не

взойдет над руинами мертвого города. Время измерялось теперь только числом пустых обоев, брошенных на землю. И когда упадет последняя, время остановится. Навсегда. Во всяком случае, для славного парня, каковым считал себя сталкер по прозвищу Гупи.

Глава 11

Гупи не почувствовал ни радости, ни облегчения, когда увидел прямо перед собой разодранную выстрелами филенку тяжелой деревянной двери, к которой они с таким отчаянием прорывались. Он вообще уже не чувствовал ничего, кроме безумной усталости и жуткого отвращения ко всему. К себе – в том числе. Потому что с ног до головы был перемазан гнилой кровью, слизью и нечистотами живых мертвецов. И, должно быть, внешне тоже здорово на них смахивал.

Муха последим перевалил через порог.

Вервольф от живота четырежды выстрелил в прущих следом за ним зомби.

– Давай!

Гупи попытался прихлопнуть дверь. Но несколько мертвяков успели просунуть в сужающийся створ руки.

– Вот же погань!..

Рикошет выхватил мачете и, как заправский фермер сорняки, принялся обрубать конечности со скрюченными пальцами.

Вервольф перезарядил дробовик, и – вовремя. Из коридора, тянувшегося в левое крыло здания, выползли трое мертвяков. «Грешник» прицельно и без удовольствия расстрелял их, как мишени в тире.

Как только дверь встала на предназначенное ей место, вояки привалили ее большим, тяжелым шкафом для документов. Затем подтащили разодранный, с торчащими пружинами диван.

Баррикада вышла не слишком надежная, но и мертвяки особым упорством не отличались. Потолкав дверь и убедившись, что она заперта, зомби переместились к окнам. Видимо, для них важен был визуальный контакт с потенциальной добычей.

– Ну и рожи, – Муха с отвращением плюнул в обезображенные, похожие на хеллоуинские маски лица зомби, толпящихся под окном и просовывающих гнилые руки сквозь прутья решетки.

– Ага, – согласился Вервольф.

И, вытянув руку с дробовиком, нажал на курок.

Мертвяк, которому зарядом картечи снесло полчерепа, в ответ недовольно заворчал.

– Не пали попусту, – осадил «грешника» Гупи. – Настрелялись уж досыта... Скоро каждый патрон считать придется.

– Не напрягайся, Гупи, – уверенно поднял руку Рикошет. – Как только из города выберемся – будут боеприпасы.

– Если выберемся, – уточнил сталкер. – Зачем мы вообще в этот город полезли? Неужели нельзя было обойти?

– Не, – покачал головой Вервольф. – Обойти не получилось бы. С одной стороны – топи непролазные, синюхой заросшие. Туда даже Болотный Доктор не ходит и никому не советует. А дальше, за топиями, отряд химзащиты стоит. Вот их, – «грешник» кивнул на американцев. – Это тебе не русские и не украинцы. Это, понимаешь ли, блок НАТО. Они закурить не спрашивают, потому что им вместо сигарет жвачку антиникотиновую выдают. Я так разумею, они потому и злые, что им из соображений политкорректности курить не позволяют. И нервные – чуть чего, сразу палят.

– Запрет на курение в войсках не имеет никакого отношения к политкорректности, – заметил Гейтс. – Он продиктован исключительно заботой о здоровье личного состава.

– Точно, – кивнул Вервольф. – Это я оговорился. Из соображений политкорректности у вас в армию кривых, хромых и гомиков брать стали.

– Если человек желает служить своей стране, то его физические особенности или сексуальная ориентация не могут стать в этом препятствием.

– Ага, – усмехнулся «грешник». – Будем крепить обороноспособность за счет пидоров и калек.

– Ты говоришь о том, чего не понимаешь, – решил положить конец бессмысленной дискуссии американец.

– Эт-точно, – кивнул Вервольф. – Пидоры – это не по моей части.

– Господи, да о чем вы говорите! – возмущенно всплеснул руками Гупи.

– О пидорах, – ответил Вервольф.

– Я спросил, почему нельзя было город обойти, если знали, что тут снайперы на каждой крыше и зомби обезумевшие? Ну, ладно, с одной стороны болота синюшные, а с другой?

– С другой – территория контролируемая «Грехом», – ответил Вервольф. – И там-то уж точно, можешь мне поверить, для нас уже могилы вырыты.

– Для тебя, – уточнил Гупи.

– Для меня, – не стал спорить «грешник». – Для моего невинно убиенного дружка Сало. И для того, у кого в башке, – Вервольф пальцем постучал по каске Гупи, – план подземных ходов под четвертым энергоблоком. Я внятно объясняю?

– Вполне, – недовольно буркнул Гупи.

Билл Гейтс сел на пол и стал разбирать снайперскую винтовку. Делал он это аккуратно – протирал каждую деталь специальной салфеткой с антистатиком, а затем заворачивал в мягкую фланельку.

– Думаешь, больше не понадобится? – спросил Рикошет.

– Думаю, надо поторопиться, если мы хотим до рассвета выбраться из города, – ответил Гейтс.

Не совсем то, что рассчитывал услышать Рикошет, но, в целом, верно.

Муха присел на корочки возле окна и наклонил голову, пытаясь увидеть небо.

– Вроде бы, светать начинает... Иди отсюда! – отмахнулся он от потянувшегося к нему зомби.

– Нет, рано еще, – покачал головой Вервольф. – Но все равно надо идти.

– Куда? – устало посмотрел на него Гупи.

– Туда, – махнул рукой в конец коридора «грешник».

– Пошли, – опершись на автомат, Гупи поднялся на ноги.

– Помыться бы неплохо, – как бы между прочим заметил Шрек.

– Ага, – криво усмехнулся Рикошет. – А еще зубы почистить и бельишко постирать.

– Насчет помыться, не знаю, а одежду новую достанем, – уверенно пообещал Рикошет.

– Где ж ты все это достать собираешься? – поинтересовался Гупи. – И оружие, и одежду...

– Неподалеку от Ржавого леса есть схрон нашего клана, – объяснил «монолитчик».

– Выходит, своих обворовать собрался, – сделал вывод Гупи.

– Почему обворовать? – Рикошет ничуть не обиделся на нелцеприятное замечание сталкера. – Схрон для того и существует, чтобы каждый, кто о нем знает, мог в случае необходимости воспользоваться.

– Каждый, кто принадлежит к клану, – уточнил Гупи. – А ты, как я понимаю...

– Ничего ты не понимаешь, – резко оборвал его «монолитчик».

Гупи спорить не стал. Тем более, что и тема была ему неинтересна.

Стены коридора в былые времена были облицованы дубовыми панелями, пол выстлан паркетом и, наверняка, прикрыт ковровой дорожкой. Сейчас обо всей этой роскоши напоминали лишь отдельные паркетные доски, намертво прилипшие к полу, так, что с ними не стали связываться те, что выдрали остальные. А вот большие кабинетные двери по обе стороны коридора почти все были на местах. Только дерматин с них ободрали. В кабинетах осталось что-то из старой мебели, в основном, непригодной для дальнейшего

использования, – шкафы с оторванными дверцами, колченогие стулья, большие двухтумбовые столы с выломанными столешницами. В одном из кабинетов на стене даже сохранился портрет последнего генсека в золоченой рамке. Только на лбу у него кто-то написал черным маркером неприличное слово.

В другом кабинете на полу, привалившись спинами к батареям, сидели два зомби. Оба настолько прогнили, что, увидев людей, даже подняться на ноги не смогли, лишь зашипели и хищно потянули к ним руки.

– Если бы я стал зомби, то покончил бы с собой, – сказал, глядя на парочку, Муха.

– Если бы ты стал зомби, то не понимал бы, что с тобой происходит.

Ответ прозвучал из дальнего угла кабинета, прикрытого импровизированной ширмой из двух гардеробных дверей.

Все разом схватились за оружие. Но почему-то никто не выстрелил. Хотя это было бы самым разумным решением – выпустить очередь из автомата, которая прошла бы насквозь тонкие деревянные дверцы, а заодно и того, кто за ними прятался.

– Ну, что? – непонятно, к кому обращаясь, шепотом спросил Муха.

И облизнул кончиком языка пересохшие губы.

Ширма из дверей с грохотом упала на пол.

Взглядам людей предстал стол, на краю которого сидел, низко опустив голову и опираясь руками о край столешницы, некто в долгополом плаще с широким капюшоном, за краями которого не видно было лица.

– Руки подними, – предложил незнакомцу Вервольф.

Из-под капюшона донесся звук, похожий на приглушенный смешок. Незнакомец выпростал из-под плаща и поднял правую руку.

– Другую.

– Другую не могу. Болит.

– Ранен? – спросил сердобольный Муха.

– Нет, просто болит.

– А может, у тебя там пистолет? – маска инфравизора помешала Рикошету изобразить классический недоверчивый прищур.

– Может быть, – ответил незнакомец. – Хочешь проверить?

– Муха!

– А почему я?

– Потому что отмычки кончились, – Рикошет, как всегда, нашел правильный ответ.

– Так что ж, я теперь вместо отмычки?

– А чего его обыскивать, давайте просто пристрелим, – предложил «грешник».

– Он не из «Свободы», – сказал Гупи.

– Ну и что?

– А то, что я знаю, как выбраться из города, – прозвучало из-под капюшона.

Незнакомец поднял голову. Но лица его все равно не было видно. Только темный провал под капюшоном.

– Давай начнем с того, кто ты такой? – спросил Рикошет.

– Я – Журналист.

– Какой еще журналист? – удивился Гейтс.

– Тот самый Журналист? – не мене удивленно переспросил Гупи.

История о Журналисте была одним из устоявшихся мифов Зоны. Мифов, которые в основе своей имели реальную подоплеку. Такие, например, как истории о Болотном Докторе, которого не трогает ни одна тварь, или о сталкере Семячком, сумевшем добраться до Монолита и получившем бессмертие в обмен на согласие умирать по несколько раз на дню.

– Ну да, – кивнул незнакомец, назвавшийся Журналистом. – Тот самый.

О Журналисте рассказывали разное, хотя начинались все истории одинаково. Молодой парень, журналист, пробрался в Зону, чтобы сделать серию сенсационных репортажей.

История о дальнейшей его судьбе сплеталась из слухов и домыслов. Кто-то рассказывал, что журналист добрался до Монолита – по одной из версий, в компании с Семецким, – после чего превратился в полупризрачное существо, обреченное вечно скитаться по Зоне. Другие слышали, что Журналист попал под некое излучение, превратившее его в невиданного мутанта. Третьи были уверены, что Журналист этот стал самым удачливым сталкером в истории Зоны, отыскавшим Переход, который позволяет ему перемещаться между мирами. В общем, говорили разное, но все рассказчики сходились в одном – несмотря на то что Журналист обладает некими мистическими сверхспособностями, он, по сути своей, остался человеком, а значит, ему можно доверять.

– Чем докажешь? – спросил Рикошет.

– Хочешь, журналистское удостоверение покажу?

– Что ты тут делаешь?

– То же, что и вы.

– Мы от мертвяков прячемся.

– Ну, так...

– А эти двое? – Муха стволом ткнул в них на что не годных зомби.

– Эти? – Журналист посмотрел на парочку полусгнивших трупов. – Эти, чтобы не скучно было. Все ж, не одному сидеть.

– Как ты тут оказался?

– Пришел.

– Давно?

– Какая разница.

– И куда теперь?

– Вместе с вами.

– А ты знаешь, куда мы направляемся?

– Конечно.

– Откуда?

– Слухами Зона полнится.

– Кто проболтался?

– Да какая теперь разница.

– Ты не отвечаешь на вопросы.

– Потому что ты не умеешь их задавать.

Рикошет издал странный звук, что-то вроде всхлипа, неразродившегося смешка или подавленного зевка.

– Нам компаньон не нужен.

– Уверен?

«Монолитчик» сделал жест рукой, приглашая всех желающих продолжить разговор с Журналистом. А он свое слово уже сказал.

– Ты действительно знаешь, как выбраться из города? – спросил Гупи.

– Я ведь сюда пришел. Значит, знаю, как вернуться обратно.

– Мы тоже пришли, – вставил Муха.

– Да, но не с той стороны.

– Ты хочешь сказать, что пришел со стороны Припяти?

– Именно. Я знаю расстановку снайперов и смогу провести вас так, чтобы не попасть под огонь.

– А зомби?

– Зомби успокоятся и займутся своими обычными делами ровно через тридцать две минуты.

– С чего бы вдруг?

– Перестанет работать одна из установок «Дятла» в Ржавом лесу.

– Почему мы не чувствуем воздействие Радара?

– Во-первых, зомби более восприимчивы к психотропному воздействию. Во-вторых, их обрабатывают на специально выбранной для этого частоте. Вы ощутите на себе его воздействие, когда окажетесь в Ржавом лесу... Я ведь не ошибся? Вы собираетесь идти к Припяти через Ржавый лес?

– Мне кажется, ты слишком много знаешь, – недовольно буркнул Рикошет.

– Во многом знании много печали.

– То-то, я смотрю, ты такой грустный.

– Так я иду с вами?

– Я уже сказал – нет.

– Что ж...

Журналист положил руку на колено и опустил покрытую капюшоном голову.

– Ты думаешь, мы без тебя не выберемся из города? – с вызовом вскинул подбородок Рикошет.

– Выберетесь, – не поднимая головы, ответил Журналист. – Может быть... Но через Ржавый лес не пройдете. И защитный шлем вам не поможет. Мог бы помочь, если с умом им воспользоваться... Но вы ведь и сами все знаете, чужие советы слушать не хотите.

– Ну, почему же не послушать, – усмехнулся Рикошет. – Ежели совет бесплатный...

– Это раньше тут была страна Советов, – перебил сталкера Журналист. – А теперь все только за наличный расчет.

– И чего же ты хочешь?

– Ты что, совсем тупой? Я же ясно сказал, что иду вместе с вами.

– Куда именно? – спросил Рикошет, полагая, что сделал очень умный ход.

– Все, – безнадежно махнул рукой Журналист. – Разговор окончен.

– Надо взять его.

Реплика Гупи не была адресована кому-то персонально. И, уж точно, не Рикошету. Это была только мысль, высказанная вслух.

Но ее тут же подхватил Муха:

– Конечно! Давай возьмем! – этот уже обращался непосредственно к своему приятелю по клану.

– Э-э! – Рикошет сделал в высшей степени неопределенный жест рукой.

Ясно было, что он уже готов согласиться на предложение Журналиста. Да, какое там, он готов был с самого начала. Но такая уж натура у Рикошета – его непременно приходилось уговаривать, а то и упрашивать сделать то, что ему и самому было нужно.

Гупи давно уже понял, как следует вести себя с «монолитчиком». Но сейчас он не собирался его уговаривать. Зачем? Гупи был уверен, что это поход в никуда. Что все они уже обречены. И пойдет с ними Журналист или нет – дела не меняло. Назад никто не вернется.

– Так что конкретно ты можешь предложить? – лениво, вроде как, с неохотой и без особого интереса спросил у Журналиста Рикошет.

– Принцип действия шлема, который вы собираетесь использовать, чтобы добраться до Радара и отключить его, основан, насколько мне известно, на нейтрализации какого-то одного типа излучения. «Дятел» в Ржавом лесу работает в нескольких режимах попеременно. Обычно два, три, а то и четыре типа пси-излучения накладываются друг на друга. Одновременное воздействие нескольких типов излучения выведет из строя систему автонастройки шлема. И – все, – Журналист поднес собранные в щепоть пальцы к виску и резко раскинул их веером. – Однако существуют непродолжительные периоды, когда «Дятел» работает только в одном диапазоне. Или вообще молчит. Впрочем, молчит он недолго, две-три минуты. За это время не успеешь даже добежать до него. По моим прикидкам, для того чтобы добраться до «Дятла» и отключить его, требуется около пятнадцати минут. Если, конечно, не возникнет никаких форс-мажоров. Для этого можно воспользоваться вашим замечательным шлемом и «окном», когда «Дятел» работает в

одном узкополосном режиме. Такие «окна» возникают два-три раза в сутки и длятся от десяти до двадцати трех минут.

– Откуда ты это знаешь? – спросил недоверчиво Рикошет.

– Я – Журналист, – простой, но исчерпывающий ответ.

– А что, если ты хочешь заманить нас в ловушку?

– Зачем? – усмехнулся Журналист. – Вы сами в нее забрались. Осталось только крышку прихлопнуть.

– А ты?

– А я пытаюсь вас оттуда вытащить.

Журналист неожиданно спрыгнул со стола, выпрямил спину и оказался почти на полголовы выше Шрека – самого высокого в группе. И это, не считая капюшона, который еще добавлял ему роста.

– Ладно, пошли, зомби уже успокоились.

Он прошел мимо Рикошета, жестом руки попросил посторониться занявшего дверной проем Гейтса и вышел в коридор.

Гупи глянул на зомби, сидевших возле батареи. Они, и правда, перестали дергаться и выглядели точно, как мертвецы, которых какой-то кретин откопал и ради шутки приволок в дом.

– Я пойду с ним, – сказал Гупи и направился следом за Журналистом.

– Ну, а вы чего застыли? – посмотрел на остальных Рикошет. – Давайте! Живее! Время не ждет!

Глава 12

Журналист, как и обещал, вывел отряд из города, обойдя все снайперские засады. Лишь на самой окраине издали раздавался выстрел. Такой далекий, что, может, и не по ним вовсе стреляли.

Зато самим сталкерам дважды пришлось пускать в ход оружие, чтобы разогнать слепых собак. Собачьих стай на окраине Дэд-Сити было много, но без поддержки черновильских псов они не представляли серьезной угрозы для группы хорошо вооруженных людей. И, похоже, сами это понимали – в драку не лезли, а только скалились и лаяли издали. Для остротки.

Когда впервые началась стрельба по подошедшим слишком близко собакам, Вервольф глянул на безоружного Журналиста и протянул ему свой автомат, которым сам почти не пользовался.

– Спасибо, но я обхожусь без оружия, – отказался Журналист.

– А как же тогда? – удивился «грешник».

– А как придется.

До встречи с Журналистом, Гупи знал только одного человека, который ходит по Зоне без оружия, – Болотного Доктора. Ну, может быть, еще и Семенский оружием не пользовался, да только его никто не видел живым. А значит...

Да, собственно, ничего это не значило!

Хотя, пожалуй, нет. Это значило, что Гупи жутко интересно, что за тип этот Журналист? Почему он решил затесаться в их компанию? Ведь он, совершенно определенно, ждал их в комнате с двумя мертвяками. А если не их, так кого же еще?.. Неужели он не понимает, что все они смерти ищут? Или именно поэтому?..

В общем, вопросов был ворох, но, в отличие от Рикошета, Гупи прекрасно понимал, что нет никакого смысла задавать их Журналисту. Все равно он скажет только то, что сочтет нужным. А скорее всего, ничего.

Город зомби, слепых собак и снайперов «Свободы» остался позади. А Журналист, как и прежде, уверенно шел впереди группы.

Догнав Гупи, Муха молча показал ему свой детектор.

Только что они прошли между мощным «Разрядником» и средних размеров гравипакетом. Прямо по ходу их движения находилась небольшая «Жарка». Небольшая-то она, может быть, и небольшая, барбекю из человека не сделает, но обожжет так, что мало не покажется. А до Доктора – как до Луны в безлунную ночь. «Жарку» в неактивном состоянии, скрытую в желтой, пожухлой, будто выгоревшей траве, даже через инфравизор почти не разглядеть. Однако детектор четко фиксировал аномалию. Но у Журналиста детектора не было.

Понятное дело, Муха хотел сказать, что, поскольку они уже выбрались из города, наверное, есть смысл остановиться и дожждаться рассвета. Темнота далеко не всегда лучший друг сталкера. Особенно, на незнакомой территории. Гупи сделал успокаивающий жест рукой – ничего, мол, давай посмотрим, насколько умело ориентируется на местности этот Журналист.

Журналист уверенно обошел «Жарку», как будто у него был такой же прибор, как у Мухи. Или же он точно знал, где находится аномалия, что, в общем, было маловероятно – в Зоне ни в чем нельзя быть уверенным. Понять Зону нельзя, любить – невозможно. Так что же остается? Только воспринимать ее такой, какая есть. Говорят, помогает. Только не всем, не всегда и не во всем.

Вскоре начало светать.

Сняв инфравизоры и взглянув на себя, сталкеры смогли воочию убедиться, насколько же непрезентабельно они выглядят. Даже для сталкеров. А уж о том, какое амбре они распространяли вокруг, нечего и говорить. И даже странно было, что Журналист, единственный чистый среди всех, не жаловался на жуткую вонь. То ли он был к ней привычен, то ли вообще не чувствовал.

Отойдя километров на семь от городской черты, они вышли к небольшой речушке с берегами, заросшими мутировавшим камышом, стебли которого ветвились, переплетались между собой и старались повыше выдернуть соцветие-метелку, похожую на переспелый одуванчик. Только вместо пушинок у семян этих «одуванчиков» были на концах крючки. Вляпаешься в такие – потом не вычистишь. А через неделю они прямо на одежде в рост пойдут.

– Здесь можно умыться и немного привести себя в порядок, – Журналист указал на небольшой, глинистый участок берега, на котором не рос зловерный камыш.

– Водица-то, поди, радиоактивная, – не скрывая подозрения, посмотрел на Журналиста Рикошет.

– Не более, чем все остальное вокруг, – спокойно ответил Журналист. – Впрочем, как хотите.

Журналист сел на траву и положил правую руку на коленку. Левая, как и прежде, была скрыта под плащом.

Гейтс присел на корточки на берегу и поднес к воде счетчик Гейгера.

– Фонит немного, – сообщил американец. – Но для Зоны – в пределах нормы.

Сунув прибор в карман, вояка зацепил прозрачную воду пригоршней и плеснул в лицо.

– А, собственно, чего нам терять-то...

Муха скинул с плеч рюкзак и присоединился к американцу.

Дождавшись своей очереди, чтобы присесть на корточки на берегу, Гупи наклонился так, чтобы заглянуть под капюшон, скрывающий лицо Журналиста. Лицо его нового спутника имело вполне человеческие черты, но при этом было совершенно неподвижным и отличалось странной текстурой. В целом выглядело оно так, будто вырезано искусным мастером из куска старого дерева, долго пролежавшего в воде.

Заметив заинтересованный взгляд сталкера, Журналист едва заметно шевельнул кончиками пальцев лежавшей на коленке руки. Что он хотел этим сказать, Гупи не понял, но счел за лучшее отвернуться и заняться делом.

После того как все умылись и хотя бы немного привели в порядок одежду, Журналист поднялся на ноги и, не говоря ни слова, пошел вниз по течению реки.

– Эй! – окликнул его Рикошет. – Ржавый лес в другой стороне!
– А переправа там, – не замедляя шага, Журналист указал туда, куда шел.
– Ну... Речка неглубокая... – на ходу застегивая карабины рюкзака, недовольно проворчал «монолитчик». – Можно и вброд перейти...
– Попробуй, – не оборачиваясь, ответил Журналист.
Рикошет пробовать не стал – и правильно сделал.

Пройдя не более трехсот метров, они вышли к обещанной переправе. Это были три легковые машины, загнанные в речку так, что по крышам их можно перейти на другой берег.

Что еще казалось странным – вокруг не наблюдалось никакой живности. То есть вообще никакой. Даже любопытные кенги, обычно снующие в высокой траве и сующие свои длинные носы куда не следует, и те куда-то попрятались. Впрочем, на эту странность обратил внимание один Гупи. Остальные только радовались тому, что все вокруг тихо и спокойно. И даже то, что с затянутого серыми тучам неба начал накрапывать мелкий, нудный дождик, тоже было хорошо. Почему? Да потому что дождь смывает все следы. А если идет очень долго, то и краски заодно, превращая цветной мир в черно-белый.

Какое-то время Муха еще поглядывал на детектор аномалий, но, убедившись в том, что Журналист лучше прибора чувствует любые ловушки, плюнул на это дело и спрятал детектор в карман рюкзака. Муха давно уже чувствовал, как у него сосет под ложечкой. Надо думать, другие тоже хотели есть. Но почему-то никто не решался сказать, что пора сделать привал и перекусить. Журналист, не ведая усталости, как и прежде, бодро вышагивал впереди. Остальные послушно и молча следовали за ним.

Первым не выдержал Вервольф.

– Слушайте, нельзя же целый день вот так идти и идти! – возмущенно взмахнул свободной от оружия рукой «грешник». – Нужно ж и меру знать!

– Это ты к чему? – не оборачиваясь, спросил Журналист.

– Жрать охота! Вот к чему! – рывкнул голодный и недовольный Вервольф.

– Вот, поднимемся на пригорок, – указал вперед Журналист. – За ним уже Ржавый лес покажется. На краю леса остановимся и лагерь разобьем.

– Зачем лагерь-то? Я только пожрать предлагаю.

– Дальше идти нельзя – «Дятел» не пустит. А удобное для нас «окно» только завтра во второй половине дня появится.

Объяснение было разумным, и спорить никто не стал.

Тем более, что, взойдя на невысокий холм, они действительно увидели Ржавый лес.

Когда-то, очень давно, это был самый настоящий лес. Однако уже после первого взрыва лес начал чахнуть. А после второго в лесу образовалось обширное пятно мощного радиоактивного загрязнения. Большинство растений в лесу погибли. Но те, что выжили, приобрели в результате спонтанных мутаций очень необычные свойства. Теперь на деревьях и редких кустах вместо листьев висели ржавые мочалки. Эти странные представители растительного мира не имели аналогов среди земной фауны. «Ботаники» из научного лагеря, очень любившие ржавые мочалки, говорили, что они представляют собой нечто среднее между грибами, лишайником и водорослями. Не имея корневой системы, ржавые мочалки могли расти где угодно, практически на любой поверхности, на которой им удавалось закрепиться. Даже на бетонных плитах и стальных трубах. Но самая интересная особенность мочалок заключалась в том, что основным источником энергии для них являлась радиация. Именно поэтому ржавые мочалки начали активно разрастаться на месте бывшего леса. И более того, они обзавелись здесь симбионтами. Поселившись на ветвях чудовищно изуродованных радиацией, но все же каким-то образом выживших деревьев, ржавые мочалки стали обеспечивать их энергией, в то время, как деревья снабжали их необходимыми микроэлементами и водой. Вот так и стал этот лес Ржавым. А изобилие мочалок привело к тому, что радиационный уровень в лесу вскоре стал ниже, чем где бы то ни было еще в Зоне. Однако не все было так здорово, как

может показаться. У ржавых мочалок имелось одно очень неприятное свойство – при контакте они выделяли смесь едких кислот, вызывающую болезненные и долго не заживающие ожоги.

– Живых существ в Ржавом лесу нет, – говорил Журналист, пока они шли к лесу. – Я имею в виду именно живых. Нечего им тут делать. А вот мертвяки и зомбированные сталкеры появляются регулярно, как только «Дятел» начинает работать в соответствующем режиме. На всякий случай, имейте в виду, что под воздействием «Дятла» происходит необратимое изменение психики. Так что, если даже увидите знакомого, стреляйте, не раздумывая, иначе он выстрелит первым.

По пути Журналист сломал длинную хворостину, которой, войдя в лес, стал сбивать мешающие пройти мочала. Остальные шли за ним, вытянувшись в колонну.

Далеко в лес Журналист заходить не стал – остановился на первой же небольшой поляне.

– Ну вот, хорошее место.

Пока остальные разгружали свои рюкзаки и пристраивали оружие так, чтобы легко можно было дотянуться, Журналист обошел поляну по кругу, сбил самые длинные бороды мочал и даже пару бревнышек подтащил, чтобы костерок развести. И при этом ни разу не выпростал из-под плаща левую руку. Это заметил все тот же Гупи, краем глаза внимательно наблюдавший за Журналистом. Что-то не в порядке у него было с этой рукой. Но, раз говорить не хочет, значит, никого, кроме него самого, это не касается.

Своего провианта у Журналиста не было, и от предложенной Вервольфом банки бобов с говядиной он не отказался. Дернул кольцо, подождал, пока еда разогреется, снял крышку, поставил банку перед собой и стал есть, держа ложку в руке, а банку придерживая краем ступни.

– Так что у тебя с рукой? – снова приступил к расспросам неумный Рикошет.

– Все в порядке, – глядя в банку ответил Журналист.

– Может, у тебя ее вообще нет? – грубовато и совсем уж не смешно пошутил Вервольф. Журналист и не стал смеяться.

– Может, и нет, – ответил он. – Тебе-то что за дело?

Гупи ел молча. Без настроения. У него закончился кофе. А без кофе – какая ж это еда? Так, одна физиология. Продукт – туда, продукт – сюда... В общем, круговорот веществ в природе – и не более того.

Первые зомби потянулись, когда почти все подзаправились. Один только Муха все еще ковырялся палочками в пакете с лапшой. Мертвяки шли быстро, двумя группами, не обращая внимания на свисающие с веток мочала.

– Знаешь, почему хорошо быть мертвяком? – спросил Вервольф у Шрека.

– Разве это хорошо? – удивился американец.

– Я тебя спрашиваю не хорошо это или плохо, а знаешь ли ты, почему это хорошо?

– Не знаю, – покачал головой Шрек.

– Потому, что тебе уже все по фигу, – выдал дежурную шутку Вервольф. – И сам же рассмеялся.

А вот Шрек, похоже, шутку не понял.

Он поднял винтовку и тщательно прицелился.

– погоди! – остановил его Журналист. – Эти идут в Дэд-Сити. Может, пройдут мимо. Стреляйте только в тех, кто станет проявлять к нам интерес. Вот если зомбированные сталкеры появятся – тех нельзя близко подпускать.

– Слушай, – обратился к Журналисту Вервольф. – А мертвяки сексом занимаются?

– А почему тебя это интересует? – спросил Журналист.

– Ну, так просто, – смутился Вервольф. – Любопытно...

– Просто любопытно? – Журналист даже и не подумал скрывать недоверие.

– Ну, тут дело такое... – Вервольф коснулся пальцами края каски, вроде как поправить хотел. – В общем, один мой дружок... Сало, тот самый, что на растяжку Гупи налетел... В

общем, он мне рассказывал, что как-то раз с одной зомби сексом занимался. Она совсем свежая была, только с дыркой в голове. И, вроде как, сама тоже была не прочь... Это Сало так говорил...

– Подобные действия называются некрофилией, проходят по разряду сексуальных извращений и, между прочим, караются законом, – назидательно заметил Гейтс.

Один из мертвяков отделился от группы и, то и дело вскидывая руки вверх, направился в сторону поляны, на которой обосновались сталкеры.

Вервольф поднял дробовик и одним выстрелом снес мертвяку голову.

Потеряв способность ориентироваться в пространстве, зомби налетел на дерево, упал, да так и остался лежать. Только, как и прежде, время от времени руки вверх вскидывал.

– Ты не прав, Билл, – Вервольф передернул затвор. – Некрофилия – это когда с настоящим покойником. А тут – живой.

– Кто живой? – переспросил Гейтс.

– Мертвец.

– Раз мертвец – значит, некрофилия.

– Слушайте, вам, что, больше поговорить не о чем? – презрительно скривился Муха.

– А о чем? – посмотрел на него «грешник».

– Да из тебя, Вервольф, раньше вообще двух слов не вытянуть. А тут вдруг поговорить потянуло. И не о чем-нибудь, а о сексе с покойниками.

– Ну, значит, настроение у меня такое, – блаженно улыбнулся «грешник» и полез в карман за сигаретой.

– Ну, Вервольф...

– Все нормально, – успокоил Муху Журналист. – Это – «Дятел».

– И что, – Муха с опаской посмотрел на «грешника», – Вервольф совсем свихнуться может?

– Нет, – сделал отрицательный жест рукой Журналист. – На таком расстоянии Радар для человека не опасен. Но некоторые изменения в поведении происходить могут. Кто-то может слышать голоса...

– Серьезно? – вскинул голову Рикошет.

– А ты уже слышишь?

– Ну, вроде того...

– Чьи?

– Не знаю... Да и говорят они неразборчиво.

– Ну, надо же! – в сердцах хлопнул ладонью по коленке Муха. – Попали!

– Тихо! – вскинул руку Гупи. – Идет кто-то!

Все затаились и затихли. Чем хорош Ржавый лес – тем, что просматривается далеко. Свисающие с веток космы ржавого мочала почти не закрывают обзора.

Метрах в пятидесяти от поляны качнулась ветка.

Из-за дерева вышел человек.

Рикошет приложил к глазам бинокль.

– Мать честная... – едва слышно произнес он. – Это ж Живоглот.

– Точно, он, – согласился Муха.

Гейтс поднял винтовку и тщательно прицелился.

– Да ты что! – зло глянул на него Рикошет. – Это ж наш сталкер, из «Монолита»!

– Уже не ваш, – процедил сквозь зубы Журналист. – Стреляй, Гейтс.

– Я тебе выстрелю! – Рикошет прижал ствол винтовки Гейтса к земле.

– Он зомбирован Радаром.

– Да все с ним в порядке!

Сталкер, которого Рикошет назвал Живоглотом, услышал голоса и повернулся в их сторону.

– Эй, Живоглот!.. – приподнявшись, махнул рукой Рикошет. – Ты как тут оказался?

Не поднимая автомат, Живоглот нажал на курок и веером, от пояса, выпустил всю обойму.

Одна пуля чиркнула по каске Рикошета, другая угодила в бронежилет.

– Сдурел, Живоглот! – истерично завопил «монолитчик». – Это ж я! Рикошет!

– Ну, дурак, – вроде как с сочувствием даже покачал головой Журналист.

Он сидел за деревом, привалившись спиной к стволу, и ждал, чем все закончится.

Живоглот перезарядил автомат и снова открыл беспорядочную стрельбу по тому месту, где залег Рикошет.

Как только зомбированный сталкер выдернул из автомата пустую обойму и полез в подсумок за новой, Гейтс приподнялся на одно колено и выстрелил ему точно меж глаз.

– Все.

– Живой? – посмотрел на скрючившегося на земле Рикошета Журналист.

– Вроде, – не очень уверенно ответил тот.

– У дураков свое счастье, – мрачно изрек Журналист.

– Это ты про кого? – насупился Рикошет.

– Не про тебя, – заверил его Журналист.

– Жалко Живоглота, – приподнявшись, Рикошет посмотрел туда, где упал подстреленный сталкер. – Хороший был мужик.

Сказал и как-то странно двинул плечами, будто лопатки хотел вместе свести.

– Вот же... Черт...

Рикошет подхватил валявшийся на земля сучок, засунул его конец под бронежилет и принялся отчаянно скрести спину.

– Что с тобой? – почуял неладное Гупи.

– Не знаю... – Рикошет еще интенсивнее задвигал палкой. – Чешется жутко...

– Давно?

– Да нет...

– Раздевайся.

– Зачем?

– Раздевайся, тебе говорят.

– Да все в порядке.

– Ну, и иди к черту, – отвернулся Гупи.

– Ладно...

Рикошет кинул палку, расстегнул разгрузочный жилет, снял куртку и стянул через голову бронежилет.

– Ох, и не хрена себе! – только и произнес, взглянув на спину Рикошета, Вервольф.

Вся спина «монолитчика» была оплетена паутиной из толстых, едва ли не в палец толщиной, похожих на синие, распухшие вены, вздутий. Странные образования пульсировали, как будто внутри них кто-то двигался. С левой стороны подкожные вздутия перебирались на плечо и, частично, на грудь. И кровоточили в тех местах, где Рикошет скреб их палкой.

– Ну, что там, – вывернув шею, «монолитчик» попытался посмотреть себе на спину.

Муха протянул палец и осторожно надавил на одно из вздутий.

– Ты что, сдурел! – ударил его по руке Гупи.

– По-моему, это какой-то паразит, – не очень уверенно предположил Муха.

– А, по-моему, это то, что уже не лечат, – поставил свой диагноз Вервольф.

– Как ты вообще себя чувствуешь? – спросил Рикошета Шрек.

– Да, нормально, – ответил тот. – Только чешется...

– Еще бы, – мрачно хмыкнул Вервольф. – Чтобы такое – и не чесалось...

– Да что там, в конце-то концов? – воскликнул уже всерьез напуганный Рикошет.

– Тихо, тихо, – успокаивающе похлопал его по плечу Гупи. – Ща во всем разберемся, – он посмотрел на Журналиста. – Что ты об этом думаешь?

– Я согласен с Вервольфом, – ответил тот. – Попробуй вспомнить, где и в какое дерьмо ты вляпался.

– Да не было ничего!

– Ну, значит, ты с этим родился.

– Он к стене спиной прислонился, – вспомнил Гупи.

– К какой стене?

– Ну, там, в Дэд-Сити... Мне сразу она не понравилась, нехорошая квартира.

– Та, из окна которой Гейтс снайперов снимал?

– Нет, та что за стеной. Дверь в которую не открывалась.

– А при чем тут дверь?

– Не знаю... Но это нехорошо.

– А еще кто-то долбил в дверь с другой стороны, – напомнил Вервольф.

– Полтергейст, – сказал Журналист.

– Но, полтергейст-то, вроде бы, не заразный, – не очень уверенно заметил Муха.

– Зато злой, как зараза, – усмехнулся Вервольф.

– Не заразный, но порчу навести может, – сказал Журналист.

– Так, значит, у Рикошета на спине – это порча?

– Не знаю, – покачал головой Журналист. – Но, точно, какая-то гадость.

– Чешется жутко, – снова пожаловался Рикошет.

Гупи тяжело вздохнул и полез в рюкзак.

– Откуда это у тебя? – спросил Гейтс, увидев в руках Гупи диагностическую аптечку-инъектор.

– Оттуда же, откуда у тебя защитный шлем, – вставив в инъектор картридж, сталкер прилепил его на изуродованную безобразными вздутиями спину «монолитчика».

На дисплее замигал зеленый индикатор – идет сбор и обработка данных.

Вервольф с сигаретой в руке присел напротив Рикошета и, задумчиво глядя на него, затаился.

– Что? – нервно дернул подбородком «монолитчик».

– Теперь ты знаешь, что у Монолита просить, – осклабился «грешник».

– А ты?

– А я еще не решил.

– Монолит не спрашивает, чего ты хочешь, – сказал, глядя в сторону, Журналист. – Он выполняет твоё самое сокровенное желание. О котором ты и сам, может быть, не знаешь.

– А... – Вервольф махнул рукой и запустил окурок в кусты.

На дисплее анализатора погас зеленый индикатор. Появилась надпись на английском.

– Чего тут написано? – спросил у Шрека Гупи.

– «Заболевание не диагностировано», – прочитал американец. – «Рекомендовано симптоматическое лечение».

– Ну, ладно, – согласился с таким выводом Гупи и коснулся пальцем окошка ОК.

– Все, песец тебе, Рикошет, – сплюнул в сторону Вервольф. – Даже американская техника отказывается тебя лечить.

– А чо ты лыбишься-то! – сразу схватился за автомат Рикошет.

– Да вот, подумал, обидно, наверное. Ведь, почти уже дошли, а ты залетел. Обидно, а?

– Какое там, дошли, – усмехнувшись, махнул рукой Журналист. – Все самое интересное только начинается.

Гупи вытащил из анализатора использованный картридж и убрал прибор в рюкзак. Тратить картриджи на Рикошета больше не буду, решил для себя Гупи. Ему все равно уже не поможешь, а лекарство и самому может потребоваться. Журналист знает, что говорит.

Глава 13

Ночь прошла спокойно. Только под утро уже завязалась перестрелка с группой зомбированных сталкеров, вышедших на огонек. Было их пять человек. На этот раз никто

знакомых не приметил, поэтому и встретили чужаков слаженным огнем из пяти стволов, сразу уложив двоих. Еще двоих подстрелил Гейтс из снайперской винтовки. Последний куда-то запропастился. Может, был ранен и уполз умирать куда-то под кусты. А может, несмотря на промытые мозги, все же понял, что в данной ситуации лучше ретироваться.

Завтракать сели возле небольшого костерка.

Никакой необходимости в огне не было, но с ним как-то уютнее.

Гупи чувствовал себя совершенно разбитым. Утро без чашки свежесваренного кофе – это не утро, а кризис тяжелого похмелья.

О болезни Рикошета все, будто сговорившись, молчали. Но каждый то и дело поглядывал на «монолитчика». Рикошет не говорил, как он себя чувствует, и про голоса, что слышал вчера, молчал. Но выглядел он заметно хуже, чем накануне. Мало того, что теперь он, почти не преставая, скреб спину, плечи и грудь, синюшные вздутия появились у него на шее и на кистях рук. А лицо сделалось болезненно бледным.

– Когда будет окно? – спросил Шрек у Журналиста.

– В семнадцать двадцать одну, – Журналист кинул в костер пустую консервную банку. – Ровно на восемнадцать минут и сорок две секунды. Потом шарахнет так, что мало не покажется, – он облизал ложку и спрятал ее под плащ. – Кто пойдет?

– В смысле? – удивленно глянул на него Рикошет. – Я думал, ты сам...

– Нет, – решительно отказался от такого предложения Журналист. – Я для этой задачи не подхожу.

– Почему?

– Не подхожу – и все тут. Решайте, кто пойдет. Шлем у вас один?

– Да, – подтвердил Шрек.

– Ну, значит, нужен человек, который, во-первых, умеет быстро бегать, во-вторых, хорошо соображает, в-третьих, умеет ориентироваться в незнакомой ситуации, и, в-четвертых, сможет отключить радар.

– А что тут мочь? – пожал плечами Муха. – Дернул рубильник – и все.

– Ну, может, ты и пойдешь?

– Не, – улыбнувшись, качнул головой Муха. – Я – проводник, а не камикадзе.

– Я пойду, – сказал Шрек. – Я участвовал в тестировании шлема на Янтаре.

– И что это тебе дало? – поинтересовался Гупи.

– Ничего. Но должен же кто-то идти.

– Тогда слушай меня внимательно, – Журналист одной рукой одернул край плаща. – От того места, где ты стартуешь, до входа в бункер с радаром, около пятнадцати минут, если не телиться. Дверь бункера закрыта только на ручник. Повернешь штурвал два раза против часовой и тяни на себя. Ну, можешь еще помолиться, чтобы ничего там не заржавело и не заело. Бункер двухуровневый. Центр управления находится на первом уровне. Не пытайся разобраться, как работает вся система, просто выруби ее. Муха верно подметил, там должен быть аварийный рубильник. Дернул, убедился, что все в порядке и – точка. Сидишь и ждешь нас. Не вздумай по бункеру лазать. На нижнем уровне там псевдогиганты плодятся. Могут и наверх выбраться. Ясно?

– Да, – кивнул Шрек.

– Слушай, Журналист, а от чего работает этот самый «Дятел»? – спросил Вервольф.

– В смысле? – непонимающе посмотрел на него Журналист.

– Ну, если есть рубильник, которым можно радар отключить, значит, должен быть и какой-то источник питания. Логично?

– Логично.

– Ну, вот я и спрашиваю, от какого источника питания кормится этот «Дятел»?

– Не знаю.

– Раньше, наверное, была подводка от АЭС. – Рикошет закинул руку за спину и поскреб ногтями между лопаток. – Может, осталась.

– Подводка-то, может, и осталась, да только АЭС давно уже не работает, – возразил Гейтс. – У «Дятла» должен быть какой-то автономный источник питания.

– Автономный и вечный, – добавил Шрек.

– Так, может, его и отключить нельзя? Или можно, но не аварийным рубильником, а как-то иначе?

– Все может быть, – не стал спорить Журналист.

– И что тогда? – развел руками Муха.

– У тебя есть другие предложения?

– Нет, – затряс головой сталкер.

– Значит, будем делать так, как я сказал.

Тема была исчерпана.

Говорить стало не о чем, и каждый занялся своим делом.

Вервольф снял куртку и заново перевязал рану на плече.

Муха наблюдал за тем, как качаются на ветру мочалки.

Журналист сидел, опустив голову и опершись локтем одной руки о колено. Со стороны могло показаться, что он спит в таком неудобном положении.

Гупи перебирал затвор автомата Фондю. Ему казалось, что при стрельбе автомат порой издавал посторонние звуки. И это было нехорошо.

Рикошет чесался.

Гейтс со Шреком достали защитный шлем и разбирались с ним, тихо переговариваясь по-английски. Шлем был похож на летный. Такой же большой, круглый, с полупрозрачным забралом. Только в области затылка и у висков на нем имелись дополнительные выступы, прикрытые пластиковыми кожухами. И на ремешке, тянущемся от левой щеки, был подвешен миниатюрный пульт управления.

Изредка появлялись зомби. Редко – одиночки. Чаще – группы по восемь-двенадцать мертвяков. Все они тянулись в сторону Дэд-Сити, и почти никто из них не обращал внимания на сталкеров.

Гупи все больше нравилась эта поляна в лесу. Хорошее место, тихое. И на душе спокойно. Так спокойно, как даже в баре у Крыса редко бывает. Сидишь себе, ковыряешь отверткой в затворе и твердо знаешь, ничего с тобой не случится.

То, что то спокойствие иллюзорно, Гупи понял, когда краем глаза заметил мелькнувшую между деревьями белесую фигуру, не похожую ни на мертвяка, ни на сталкера.

Гупи присмотрелся.

Фигура медленно вышла – нет, выплыла! – из-за дерева и замерла, слегка покачиваясь, над землей. Контур фигуры были расплывающиеся, неясные, тело полупрозрачное, как легкий предутренний туман, но лицо, определенно, принадлежавшее молодой девушке, казалось смутно знакомым. И чем дольше всматривался в это лицо Гупи, тем больше убеждался в том, что он его точно когда-то видел. Может быть, очень-очень давно, так давно, что и не вспомнишь даже, но тогда оно было ему очень дорого. Да и сейчас, при одном только взгляде на него, замирало сердце и в области солнечного сплетения возникало ощущение пустоты.

Положив на землю разобранный автомат, Гупи поднялся на ноги.

Фигура метнулась в сторону и скрылась за деревом.

Гупи бросился туда, где видел ее в последний раз.

– Стой! – окликнул его Журналист.

Гупи обернулся.

– Сядь, – спокойно сказал Журналист. – Негоже бывалому сталкеру за призраками гоняться.

– За призраками? – растерянно повторил Гупи.

– «Дятел» заработал в ином режиме, вот и начали мерещиться призраки. Подойдем ближе, их больше станет. Но, это хорошо, – значит, скоро наше «окно».

Гупи почувствовал себя уязвленным. В самом деле, опытный сталкер, а как мальчишка побежал догонять видение. Мог бы и сам догадаться, что это призрак – откуда в Ржавом лесу взялась женщине, да еще со знакомым лицом. С лицом, которое он почти успел забыть.

– А я тоже видел, – сказал Вервольф. – Мужик в драной телогрейке, алкашного вида, верно?

– Верно, – кивнул Гупи.

– Я ждал, когда он поближе подойдет. Понять не мог, кто такой.

Гупи посмотрел на часы.

– Идти не пора?

Сборы много времени не заняли.

Дольше всех возился Рикошет. Пристраивая рюкзак на спину, «монолитчик» кривился и шипел сквозь зубы, но помощи не просил. Что, в общем, было правильно.

Журналист снова шел впереди, указывая дорогу.

Муха даже не стал включать детектор аномалий – пустая трата времени. Ему было интересно, как Журналист выискивает ловушки? Не на глаз же? Будь ты хоть какой наблюдательный, все равно что-нибудь да проглядишь. А это – почти верная смерть. Или же он знал каждое дерево в Ржавом лесу? Почему тогда не захотел сам идти к Радару? Муха попытался обсудить этот вопрос с Гупи, но тот только плечами безразлично пожал.

По мере того как путники углублялись в лес, среди деревьев все чаще возникали плывущие по воздуху призрачные фигуры. Порой это происходило так неожиданно, что сталкеры хватались за оружие.

Что любопытно, видели призраков все, но каждый воспринимал их по-своему. Если одному призрак казался похожим на молодую девушку, другой видел в нем старого деда с бородой. Или знакомого, как правило, погибшего сталкера. Один раз Вервольф даже выстрелил в призрака, возникшего прямо перед ним. И лицо у «грешника» при этом сделалось почти зеленым, будто у мертвяка. Кого уж он там увидел, Вервольф говорить не стал. А никто и не спрашивал.

Пройдя примерно полтора километра, Журналист остановился.

– Все, дальше без защиты нельзя, – сказал он и жестом подозвал Шрека.

Вояка скинул с плеч рюкзак, положил на него автомат и подошел к проводнику.

– Смотри внимательно и запоминай, – Журналист одной рукой приобнял Шрека за плечи. – Первый ориентир – вон то дерево с обломанным суком. Видишь? – вояка утвердительно наклонил голову. – Бежишь сначала прямо на него. Но, не добегая десяти метров резво сворачиваешь влево. Свернешь раньше – угодишь в «Жарку», пробежишь дальше – попадешь в «Разрядник». Свернув, добегаешь до дерева с завернутым штопором стволом. Огибаешь его справа – слышишь, справа! – и движешься дальше прежним курсом. Вскоре увидишь впереди небольшую канаву. Перепрыгивай ее, ничего не бойся. Но вниз лучше не смотри. После канавы твой ориентир – куст, весь мочалом обмотанный. Не ошибешься, он там один такой. Добежав до куста, берешь резко вправо. И, если ты все правильно сделал и добрался до нужного места, то видишь прямо перед собой антенну Радара. После этого чешешь к ней по прямой. Только не влети с разбегу в гравиконцентрат. Он встретится тебе примерно на половине пути. Очень мощный, а потому хорошо заметный. Такое большое, серое, круглое пятно. Кажется, что грунт там на пару сантиметров просел. Все, – Журналист легонько хлопнул американца по плечу. – Запомнил или еще раз повторить?

– Запомнил, – кивнул Шрек. – Но, на всякий случай, повтори.

– Слушай, Гейтс, – обратился Гупи к другому вояке. – Где вы со своим приятелем так хорошо русский выучили?

– На специальных курсах, – ответил американец. – Все военнослужащие перед отправкой в район Зоны обязательно посещают курсы русского языка.

– Да, я знаю, – почесал заросшую щетиной щеку сталкер. – Только вот, как правило, русский лексикон ваших бойцов, с которыми мне доводилось общаться, ограничивался сотней-другой общеупотребимых слов. «Здравствуй», «Спасибо», «Где тут можно пожрать?» и «Сколько стоит эта телка?».

– Наверное, они плохо занимались, – улыбнулся Гейтс.

– Может, и так, – не стал спорить Гупи. – Но все равно странно, что именно двое американских вояк, знающих русский, почти как свой родной язык, оказались в группе сталкеров, отправившихся на поиски Монолита, – сталкер искоса глянул на Гейтса. – Не находишь?

– Что не нахожу? – изобразил непонимание тот.

– Ладно, – махнул рукой Гупи. – Забудь.

– Ладно, – кивнул Гейтс. – Постараюсь.

– Включи свой ПДА, – сказал Журналист Шреку. – Чтобы мы знали, дошел ты или нет. Шрек оттянул рукав, нажал сетевую кнопку и ввел пин-код.

Сразу же вывалилось с полсотни новых сообщений. Из них фильтр выделил семь с информацией о смерти Семенного.

– Это хорошо, – сказал, глянув на дисплей, Рикошет. – Семь – хорошее число, – и принялся яростно скрести ногтями шею.

– Как сделаешь дело, пришлешь сообщение, – Журналист окинул взглядом сталкеров, – вот ему, – указал он на Муху.

– Так мне, значит, тоже?... – «монолитчик» щелкнул пальцем по пристегнутому к запястью ПДА.

– Включай, – кивнул Журналист. – Соберись, – снова обратился он к Шреку. – Три минуты до «окна».

Шрек переступил с ноги на ногу, поправил пояс, подпрыгнул на месте.

– Все в порядке, – похлопал его по плечу Журналист. – Главное – не нервничай... Две минуты.

Шрек надел на голову шлем, застегнул пластиковый ремешок под горлом, щелкнул выключателем на пульте.

– Ну, и как ощущения? – Вервольф махнул рукой, отгоняя повисшего рядом с ним призрака.

– Не мешай, – отмахнулся Журналист. – Минута...

Гупи, присел на корточки, опершись на автомат.

Рядом сел на землю Вервольф, достал сигарету и закурил.

– А что будем делать, если у Шрека ничего не выйдет? – спросил он, глядя не на Гупи, а на змейкой скользящую вверх струйку дыма.

– А что бы вы делали, если бы мы Журналиста не встретили? – спросил в ответ Гупи.

– Мы рассчитывали на шлем, что американцы прихватили. Собственно, из-за него мы их с собой и взяли...

– Пошел!

Гупи запустил таймер на часах.

Шрек сорвался с места и побежал в указанном Журналистом направлении. Точно там, где и следовало, он резко свернул налево, наклонившись, нырнул под ветку с повисшими на ней мочалками, вышел на прежнее направление и исчез за деревьями.

Включив детектор жизненных форм, Муха наблюдал за тем, как движется Шрек, до тех пор, пока тот не исчез с дисплея.

– Хорошо идет, – с нарочитым оптимизмом сообщил Муха, отключив дисплей.

Гупи посмотрел на таймер. С момента появления «окна» прошло около восьми минут.

Вервольф закурил новую сигарету.

«А ведь Журналист даже не смотрел на часы, – подумал Гупи. – Как же он узнал, что «окно» открылось?»

Гупи подошел к Журналисту и встал у него за спиной.

– Он успеет, – не оборачиваясь, уверенно произнес Журналист.

«А если не успеет, придется повернуть назад, – подумал Гупи. – И идти через территорию, контролируемую «Монолитом». Вернее, не идти, а пробиваться с боем. «Монолитчики», в принципе, никого в сторону АЭС не пропускают. А присутствие в группе двух ренегатов из их клана полностью исключает возможность мирных переговоров».

– Он успеет, – повторил Журналист.

Гупи посмотрел на часы.

До закрытия «окна» оставалось чуть больше трех минут.

– Между прочим, завтра должен быть выброс, – сообщил Рикошет.

– Переждем его в бункере, – ответил Журналист.

– У меня был другой план.

– Да?

– Я знаю другой бункер, под Припятью.

– Мы не успеем до него добраться.

– Потому что сутки потеряли.

Рикошет запустил руку под бронежилет и принялся с остервенением скрести живот.

– Да будет тебе, Рикошет, – попытался урезонить приятеля Муха. – Подумаешь, день. Зато, если все пройдет гладко...

– Тебе, может, и подумаешь, – зло оборвал Муху Рикошет.

Гупи понимал, из-за чего бесится Рикошет. «Монолитчик» чувствовал, как неведомая болезнь съедает его изнутри, и, по-видимому, догадывался, что долго не протянет. Единственной его надеждой остаться в живых был Монолит. Хотя сам Гупи на месте Рикошета предпочел бы сдаться военным. Лучше – Объединенной Европе. Или – корейцам. Наши ведь и пристрелить могут, так, на всякий случай, чтобы сразу не подцепить. А иностранцы непременно в спецбольницу отправят, лечить и изучать станут. Они любят всякие странности. И, кстати, правильно делают – если болезнь из Зоны вырвется, а случиться это может хоть завтра, хоть сегодня, – то выживет тот, у кого лекарство наготове будет...

– Все. – Гупи нажал кнопку на таймере, останавливающую отсчет времени. – Время вышло.

– Он дошел, – по-прежнему, не двигаясь с места и ни на кого не глядя, уверенно произнес Журналист.

– Да отстань ты! – отмахнулся Вервольф от привязавшегося к нему призрака невысокого мужичка с лысой головой, небольшой бородкой и хитро так прищуренными глазками.

Гупи, когда он смотрел на призрака, казалось, что у того длинная, спутанная борода и небрежно зачесанные назад вьющиеся волосы.

Что странно, обоим мужик казался смутно знакомым.

Негромко пискнул ПДА на руке Мухи.

– Я в бункере, – прочитал «монолитчик». – Все чисто. Ищу центр управления.

– Дошел-таки! – радостно, но при этом еще и чуточку удивленно, произнес Вервольф.

– Ну, здорово! – с воодушевлением хлопнул в ладоши Гейтс.

Крутившийся неподалеку призрак повторил его жест.

– Осталось только Радар отключить, – напомнил Рикошет.

– Нашел центр управления, – прочитал новое сообщение Муха.

– Молодец! – широко улыбнулся Гейтс.

– А я в него с самого начала верил! – заявил неожиданно Вервольф.

– В Зоне есть три Радара, – вдруг принялся рассуждать вслух Муха.

– Три работающих Радара, – уточнил Журналист.

– Верно, – согласился Муха. – Один – в бункере под Янтарем, второй – здесь, в Ржавом лесу, и третий – на самой атомной станции. Все три работают в автономном режиме. Но ведь кто-то когда-то должен был их построить и запустить. Так?

– Ну и что? – непонимающе пожал плечами Вервольф. – Ну, построили, ну, запустили... Что дальше-то?

– Зачем их строили?

– Да кто ж его теперь разберет! – усмехнувшись, развел руками «грешник». – В свое время чего только не творили. Каналы всякие рыли, горы взрывали... А потом оказалось, что все это на фиг никому не нужно. Так же и с Радарами.

– Нет, – медленно покачал головой Муха. – Кто-то хотел, чтобы они работали. Чтобы продолжали работать, даже когда все рухнет. Иначе бы их отключили. Или, еще проще, – взорвали к чертям собачьим. Чтобы концы в воду.

– Значит, не успели, – Вервольф достал сигарету.

– Тогда не успели – могли потом взорвать, – продолжал гнуть свое Муха. – Можно ведь военных сталкеров послать – эти в своих скафандрах куда хочешь пролезут.

– Нет, – качнул головой Журналист. – Четвертый энергоблок, где Монолит находится, даже для военных сталкеров недоступен. Там радар такой мощный, что любую защиту пробивает.

– Но кто-то ведь доходит.

– Доходит тот, кто верную дорогу выбирает.

– То есть такие, как мы? – уточнил Рикошет.

– Ну, это еще вопрос. – Гупи показалось, или он действительно заметил, как Журналист усмехнулся? Впервые за все время их знакомства. – Ты уверен, что дойдешь?

На этот раз Рикошет счел за лучшее промолчать. Что само по себе уже было странно.

– Зачем ты пошел с нами, если не уверен, что мы дойдем? – спросил Вервольф.

– Других не было, – ответил Журналист. И вдруг резко вскинул голову. – Отключил.

– Отключил, – прочитал новое сообщение Шрека Муха.

Глава 14

От тяжелой стальной двери, прошитой композитными вставками, с запором в виде штурвала, как на подводной лодке, на первый ярус бункера вела узкая металлическая лесенка в шесть ступенек. Стены, выкрашены в грязно-синий цвет. Старая масляная краска местами облупилась, выставив напоказ серый, шершавый бетон. Под потолком горели длинные люминесцентные лампы. Сколько им лет и почему они по сей день не перегорели – одному Люциферу известно. Если, конечно, Зона входит в сферу его непосредственных интересов.

– Вы не поверите, что я тут нашел! – возбужденно заговорил встретивший группу у порога Шрек. – Это бесценные материалы!

– Бесценные – значит, никто за них копейки не даст, – по-своему прокомментировал ситуацию Вервольф.

– Нет, нет, нет! – быстро замахал руками Шрек. – Я имел в виду не продажную стоимость! Это – информация о проекте «О-сознание»! Все три Радара имеют к нему самое непосредственное отношение!..

– Ты проходы на нижний ярус проверил? – перебил американца Журналист.

– Нет, а...

– Ну, так возьми своего приятеля, – Журналист кивнул на Гейтса, – и проверь. Если есть возможность – заблокируйте. Нет – поставьте детекторы движения. И такие, чтобы, случись что, выли, как черти. Я же сказал, на нижнем уровне псевдогиганты гнездятся. Вот весело-то будет, если они нас почуют и вылезут наверх поразвлечься.

– Псевдогигант в этом проходе застрянет, – недоверчиво прищурился Вервольф.

– Взрослый – да. Но с тебя и малыша хватит.

– Ясно, – Шрек кивнул Гейтсу. – Центр управления – прямо по коридору. Сразу увидите – раздвижные застекленные двери.

Гейтс отдал свой рюкзак Мухе, и оба американца свернули в левый проход.

– Ты сказал «гнездовье псевдогигантов», – напомнил Журналисту Гупи. – Это, что ж, выходит они яйца откладывают?

– Нет, это я так сказал. Просто их там очень много, и маленьких, и больших... Хотя, – Журналист через капюшон почесал затылок. – Кто их знает, может быть, и откладывают.

– Ну, если уж даже ты не знаешь... – усмехнулся Вервольф.

– А про Зону никто ничего не знает, – перебил его Журналист. – Только некоторые делают вид, что в чем-то разбираются.

– Вроде тебя?

– Вроде меня... А теперь еще американцы эти...

– А что американцы? – удивился Муха. – Они хорошие ребята.

– Где вы их подхватили?

– В научном лагере.

– Что, вот так прямо пришли и сказали, пошли с нами, мужики?

– Нет... – Муха искоса глянул Рикошета. «Монолитчик» шел, сгибаясь под тяжестью рюкзака, одной рукой опираясь о стену, другой – на автомат, который он держал за ствол. – Их Рикошет нашел.

– Как это, нашел...

Муха снова посмотрел на приятеля. Тот явно не имел желания разговаривать.

– Ему бы лечь, – сказал Гупи, имея в виду Рикошета.

– Ага, – кивнул Муха. – Ща, найдем местечко...

– Нет, – прохрипел Рикошет. – Я со всеми.

– Ну, ладно, – не стал спорить Муха.

Они остановились перед раздвижными дверями, о которых говорил Шрек.

За дверями – большое, просторное помещение с офисными столами без тумб, выставленными по периметру. На каждом столе – плоский компьютерный монитор, пленочная клавиатура, лазерная мышь. Явно, не наследие развитого социализма. Шнуры от мониторов вились вдоль ножек столов и уходили в отверстия в полу. И все. Никакой дополнительной оргтехники – ни принтеров, ни факсов, ни телефонов. Никакой обычной мелочевки – скрепок, карточек, исписанных листов бумаги, авторучек, карандашей. Не говоря уж о фотографиях в рамках и сувенирах, которыми любят захламлять столы программисты и офисные работники. Здесь – армейский порядок. И, к тому же, не показной.

Судя по зеленым огонькам на панелях мониторов, все они подключены к источникам питания и серверу. Два включены. По-видимому, те, с которыми работал Шрек. На один выведена схема управления Радаром. Гупи только краем глаза взглянул и сразу понял, что ему в этом никогда не разобраться. На втором – таблица. То ли график какой, то ли инструкция. Разбираться не было желания. В углу каждого экрана – логотип. Большая буква «О» и надпись «сознание» по кругу. Проект «О-сознание».

Ну и хрен с ним!

Гупи кинул рюкзаки под стол, поставил рядом автоматы, подкатил кресло на колесиках и сел, вытянув ноги. Глаза прикрыл. Счастье – это покой. Когда в груди ослабевает струна, которая, ежели ты в Зоне, все время так туго натянута, что, кажется, вот-вот, тихо тренькнув, оборвется. Еще бы кружку свежесваренного кофе – и блаженству не было б предела.

Внезапно в голову ему пришла удивительная мысль.

Гупи даже привстал от неожиданности.

– Слушайте! Если здесь работали люди, значит, и столовая должна быть!

А в столовой, продолжил он мысленно, непременно должен быть кофе.

– Есть столовая, – кивнул, присаживаясь на свободное кресло, Журналист. – Только она на нижнем уровне. И склад продовольственный, если ты это имеешь в виду, тоже там был.

Гупи беззвучно выругался и снова упал в кресло.

Муха, между тем, помог Рикошету устроиться на полу. Постелил ему одеяло из теплозащитной фольги, сверху другим накрыл. Рикошет был бледнее, чем свежесмытый потолок. Глаза лихорадочно блестят. На лбу испарина. А на щеках и скулах – те же синюшные желваки, что прежде только на спине были. Один вырос так, что почти до переносицы дотянулся. И к доктору не ходи – не жилец. Ладно, лишь бы других не заразил. Хотя Журналист на сей счет, вроде бы, спокоен. Или он только за себя не беспокоится?

– Так, все же, как вы американцев нашли? – вернулся к прежней теме Журналист.

– Они возле нашей учебки крутились, – глядя в потолок, процедил сквозь зубы Рикошет.

– Интересовались, не идет ли кто к АЭС.

– И тебе не показалось это странным. Американские солдаты, при их дисциплинированности...

– Неподалеку от нашей учебки есть сталкерский бар «Уловка 22», – объяснил Муха. – Его барыга по прозвищу Хеллер держит. Туда и «ботаники» из научного лагеря заглядывают, и, случается, вояки.

– А с чего вдруг эти двое америкашек к АЭС собрались?

– Да мне какое дело! – болезненно поморщился Рикошет. – Они шлем защитный притащить обещали. Из-за шлема мы их и взяли!

– Еще они пайков армейских целый рюкзак приволокли, – добавил Вервольф. – И новенькие инфравизоры.

Муха достал пистолет-инъектор, вставил в него пластиковую ампулу и «выстрелил» Рикошету в шею.

«Должно быть, обезболивающее, – подумал Гупи. – Или наркотик. Интересно, сколько еще Рикошет на наркотиках протянет? Сможет завтра на ноги подняться?»

– А чем тебе американцы не нравятся? – спросил Гупи у Журналиста.

– Слишком уж интересуются тем, до чего им не должно быть дела.

– Ну, мало ли... – пожал плечами Гупи. – Люди разные.

– И я о том же, – кивнул Журналист.

«Странно, – подумал Гупи, – он даже в помещении капюшон не скинул».

Почти бесшумно разошлись в стороны стеклянные двери.

– Порядок, – радостно сообщил, войдя в комнату, Шрек. – Два главных прохода на нижний уровень мы перекрыли. Двери крепкие, замки надежные – выдержат.

– В любом случае, услышим, если их выламывать начнут, – добавил Гейтс.

– Есть еще металлическая лесенка, ведущая к каким-то в хлам разнесенным подсобкам. Но там такой узкий проход, что двое человек с трудом разойдутся. Мы там на всякий случай датчик поставили.

– Молодцы, – похвалил вояк Журналист.

Голос у него спокойный, ровный, невыразительный. Безвкусный, как студень на желатине.

– А вода здесь есть? – спросил Муха.

– Вторая дверь направо – туалет, – кивнул Шрек. – Канализация и водопровод, как ни странно, работают. Не знаю, какого качества вода...

– А, какая, к черту, разница, – Муха закинул на плечо ремешки от двух больших фляг и вышел в коридор.

Гейтс посмотрел сначала на Журналиста, сидевшего, низко наклонив голову, затем на Гупи, развалившегося в кресле, раскинув ноги в стороны, на Вервольфа, сидящего на корточках и разбирающего вещи в рюкзаке, и, в самом конце, на лежащего на полу Рикошета.

– Ну, так какие у нас теперь планы?

– У командира спроси, – коротко кивнул в сторону Рикошета Журналист. – Я предлагаю здесь выброс переждать. Место надежное – ни одна тварь не сунется.

– Ладно, – с трудом разлепил спекшиеся губы Рикошет. – Так и сделаем. Если выброс случится завтра до полудня, мы к ночи успеем до моего схрона добраться. Там и заночуем.

– Ну, тогда, время у нас есть.

Шрек плюхнулся в свободное кресло и, оттолкнувшись носками от пола, подкатил к столику с включенным монитором.

Повторив его маневр, Гейтс оказался возле другого столика.

Изредка перебрасываясь короткими фразами на английском, американцы принялись сосредоточенно стучать по клавишам.

Вернулся Муха. Налил в большую металлическую плошку воду и сунул в нее кипятильник.

– Чай кто будет?

– Вот, если бы ты кофе предложил, – мечтательно улыбнулся Гупи.

– Для тебя, Гупи, все, что угодно. Держи.

Муха кинул сталкеру пакетик растворимого кофе. Со сливками и сахаром.

– Это, Муха, не кофе, а странный напиток коричневого цвета. – Пакетик полетел назад. – Вервольф, ты в курсе того, кто пьет растворимый кофе из пакетиков со сливками и сахаром?

– Педики! – моментально среагировал «грешник».

– Ну, может быть, – немного подумав, согласился Гупи. – Муха, у тебя, наверное и, чай в пакетиках?

– А, иди ты, – отмахнулся «монолитчик».

Вервольф заржал, как будто его семеро щекотали. И, загасив окуроч, достал из пачки новую сигарету.

Минут через пятнадцать Гейтс встал и подошел к своему рюкзаку.

– Ты бы не курил здесь, – сказал он, обращаясь к Вервольфу, от нечего делать смолившего одну сигарету за другой.

– Пошел ты, – вяло отмахнулся «грешник».

– Я не о себе, а о нем беспокоюсь, – американец кивнул на лежащего с закрытыми глазами, не то спящего, не то провалившегося в беспамятство, Рикошета.

– А, ему уже все равно, – безнадежно, а может, безразлично махнул рукой Вервольф.

Гейтс благоразумно не стал продолжать спор. Достав из кармашка рюкзака прибор, размером с мобильник, он вернулся на свое место. Подсоединив к прибору разъем с тянущимися от него проводами, он развернул монитор к себе задней крышкой и принялся ловко отвинчивать винты.

– Эй, ты чего это удумал? – окликнул вояку Гупи.

– Хочу подсоединиться к серверу.

– На фиг?

– Чтобы перекачать на переносной носитель имеющуюся информацию, – ответил, не прерывая своего занятия, Гейтс.

– Завязывай с этим.

Гейтс быстро глянул на Гупи поверх монитора и улыбнулся. Очень дружелюбно улыбнулся. Так улыбаться умеют только предатели.

Гупи как бы невзначай взял стоявший неподалеку автомат и положил себе на колени. При этом палец его лег на курок, а ствол, вроде бы сам собой, оказался обращен в сторону Гейтса.

– Я сказал – завязывай. Поставь все винтики на места, разверни монитор обратно. В общем, сделай все, как было.

– А в чем проблема? – непонимающе посмотрел на Гупи Шрек.

– Я много раз имел возможность убедиться в том, что в Зоне умные, как правило, живут гораздо дольше дураков. А отличает одного от другого то, что умный никогда не сует нос, куда не следует.

– Весьма любопытное наблюдение, – с серьезным видом наклонил голову Шрек. – Вот только к нам это какое имеет отношение?

– Ты знаешь, как отключить Радар. Верно?

– Да, – кивнул Шрек.

– Что тебе еще нужно?

– Я пока даже предположить не в силах, какая информация может находиться на главном сервере Радара.

– Тем более. Зачем туда лезть?

Шрек непонимающе развел руками. Посмотрел на замершего в ожидании с отверткой в руке Гейтса, затем – снова на Гупи.

– Быть может, никто до нас еще не подходил так близко к разгадке тайны проекта «О-сознание». Тебе разве не интересно?

– Нет, – качнул стволом автомата Гупи. – Какое это ко мне имеет отношение?

– Быть может, это имеет отношение не только к тебе или ко мне, а ко всем, живущим на этой планете.

– Перебор с патетикой, – усмехнулся Вервольф.

– Мне нет дела до планеты Земля. Спасением мира занимается Джеймс Бонд на пару с Человеком-пауком. А я всего лишь сталкер, ползающий в Зоне, как жук в навозной куче. Главная и единственная моя задача – выжить сегодня и, по возможности, остаться целым завтра. Так что, ребята, сделайте все, как было, а потом, может быть, поговорим.

Вояки переглянулись.

Шрек едва заметно кивнул.

Гейтс пожал плечами и принялся завинчивать винты на мониторе.

Шрек сел в кресло, развернулся спиной к включенному монитору и сложил руки на животе.

– Я слушаю тебя, Гупи.

– Нет, – рот сталкера едва не до ушей растянулся в безобразной ухмылке. – Это я тебя слушаю, Шрек. Если, конечно, тебе есть, что сказать. Какого хрена вы полезли на сервер?

– Тебе известно, что представляет собой проект «О-сознание»? – вопросом на вопрос ответил американец.

– В общем виде, – ответил сталкер.

Гейтс закрутил последний винт и развернул монитор, как полагается. Покрутив в руках портативный информационный накопитель, вояка сунул его в нагрудный карман.

– Есть информация, что причиной взрыва четвертого энергоблока Чернобыльской АЭС стал некий эксперимент, который проводили ученые из закрытого военного института. После того как из зараженной зоны было эвакуировано все население, военные развернулись здесь вовсю. Да ты и сам знаешь, сколько тут вокруг подземных бункеров, брошенных армейских складов и казарм. Те же Радары не сами по себе появились. Их построили, чтобы продолжить исследования. Второй взрыв, судя по всему, был также спровоцирован неудачным экспериментом...

– С чего ты взял, что эксперимент оказался неудачным? – перебил американца Журналист.

– Потому что в результате вокруг Чернобыльской АЭС образовалась та Зона, которую мы сейчас знаем.

– А что, если так и было задумано?

– Что? – растерянно хлопнул ресницами Шрек.

Журналист оперся локтем о колено и чуть подался вперед.

– Ты вот все говоришь о каком-то эксперименте, а сам ведь и понятия не имеешь, что именно он из себя представлял. Быть может, это как раз и была попытка открыть проход в другое измерение, откуда в Зону хлынули те самые существа, которых мы совершенно неправильно и неграмотно называем мутантами. Любой образованный человек, знакомый

с основами молекулярной биологии, знает, что мутация никак не может проявить себя на протяжении жизни одного поколения. Или, к примеру, те же зомби. Их появление никакой мутацией не объяснишь.

– Поэтому-то и важно узнать, чем занимались здесь военные и ученые! – азартно хлопнул в ладоши Шрек.

– Важно – для кого? – тихо спросил Журналист.

– Для всех людей!.. Для человечества!

Журналист хохотнул негромко.

– Слушай, хватит нам тут заливать про человечество. Ты хочешь, чтобы я поверил в то, что, если тебе удастся выбраться из Зоны живым и в кармане у тебя будет лежать накопитель, набитый информацией о проекте «О-сознание», ты первым делом выложишь ее в открытом доступе в Интернете?

– Вопрос некорректен, – натянуто улыбнулся Шрек.

Гейтс поднял ногу и постучал отверткой по каблуку.

– А я бы так и поступил, – подал голос Муха.

– Вот видишь, – указал на него Журналист. – А ты, выходит, собираешься продать информацию о проекте? И уже знаешь кому?

– Деньги поровну! – стукнул кулаком по полу Вервольф.

– Нет-нет! – протестующе замахал рукой Шрек. – Вы все неверно меня поняли! Мы с Биллом не собираемся торговать информацией о проекте «О-сознание»... Но и выложить ее в открытом доступе тоже, согласитесь, было бы глупо.

– Значит?..

– А что это значит? – непонимающе скривил губы Вервольф.

– Пойдите, – поднял руку, призывая всех успокоиться, Гейтс. – Давайте не будем делать скоропалительных выводов. Это пока еще ничего не значит. Но мы имеем возможность получить уникальную информацию, относящуюся к одному из самых закрытых, самых засекреченных научных проектов современности. По сравнению с ним Филадельфийский эксперимент – детские игры в песочнице. К проекту, уже повлекшему за собой катастрофу, масштабы которой до сих пор реально не оценены. Зона, как все мы знаем, продолжает расти. И к чему это может привести? – Гейтс развел руками. – Российские власти не желают делиться информацией о проекте «О-сознание». Подходы к АЭС охраняют военные сталкеры. По официальной версии, они останавливают дураков, лезущих к черту на рога. На самом же деле они охраняют центр Зоны от незваных гостей. Почему? Быть может, потому что проект «О-сознание» все еще не закрыт? И именно там, в центре Зоны, на Чернобыльской АЭС, под грудями радиоактивного мусора зарыта главная тайна прошедшего тысячелетия?.. Кстати, – американец бросил быстрый взгляд на мирно попивающего чаек Муху и отключившегося Рикошета, – есть данные, что сталкерский клан «Монолит» финансируется из того же источника, что и военные сталкеры.

Услышав такое, Муха едва чаем не подавился.

– Ты чего гонишь-то! – заорал он на Гейтса.

– Считаешь, что я не прав? – американец усмехнулся. – Тогда объясни, откуда у «монолитчиков» новое обмундирование, амуниция, оружие?.. У вас даже свои учебные лагеря имеются. Откуда все это? За чей счет?

– За счет клана! – гордо заявил Муха.

– А на чем твой клан деньги зарабатывает? Вон, Гупи артефакты из зоны таскает – тем и живет. А «Монолит» превратил Припять в форпост, дальше которого ни один сталкер не пройдет. А к АЭС только две дороги – либо через Припять, либо через Ржавый лес.

– Да?.. А кто тебе, зараза, деньги платит? Какого черта ты с нами потащился? Просто так, из любопытства? На Монолит поглазеть?.. Экскурсант хренов!

Залпом выпалив все, что хотел, Муха сразу успокоился и снова взялся за кружку с чаем.

– Кто-нибудь в курсе, что это такое? – ногтем постучал по включенному монитору Шрек.

На экране была изображена гистограмма с двумя десятками разноцветных указателей.

– Ну, скажи, если такой умный, – насмешливо скривился Вервольф.

– Это схема работы Радара. Сейчас система полностью отключена. И режим молчания следует подтверждать каждые сорок пять минут. Если очередного подтверждения не последует, Радар снова заработает в автономном режиме. Но, если перевести его в режим ручной работы, то можно, во-первых, расширить радиус охвата настолько, что излучение Радара накроет и Дэд-Сити, и Припять. Во-вторых, можно варьировать типы излучения. Всего одним-двумя легкими касаниями клавиш, я могу вызвать у людей, находящихся в зоне действия Радара, приступ тупой и бессмысленной агрессивности. А могу, наоборот, сделать их умиротворенными и покладистыми. Могу вселить в их души любовь или ненависть, причем не абстрактное чувство, а направленное на какой-то вполне конкретный объект. Могу заставить всех их скинуть штаны и начать заниматься любовью с кем попало. Могу заставить петь песни, ни слов, ни мелодий которых они не знают. То же самое касается и зомби. Эти серенькие кнопки, – Шрек нежно провел кончиками пальцев по краю клавиатуры, – способны превратить человека, нажимающего на них, в господ бога. Единственное ограничение – радиус действия Радара. А теперь представьте, что есть Радар или несколько Радаров, способных накрыть своим излучением целую страну. А то и всю планету... – Шрек выдержал паузу, надеясь, что она поможет каждому в полной мере осознать весь драматизм ситуации. – Управление сознанием людей на расстоянии – вот в чем суть проекта «О-сознание».

– Это ты только сейчас понял? – спросил Вервольф.

– Какое это имеет значение? – нахмурился Шрек.

– Да я просто так спросил, – дернул плечом «грешник». – Мне, собственно, по фигу.

– Что именно? – не понял американец.

– А все, – махнул рукой Вервольф. – Радары, власть, правительство, президент и министр культуры, в особенности. Ты думаешь, я чего ради в Зону залез?.. А он? – «грешник» ткнул дымящейся сигаретой в Гупи. – Или он? – той же указкой – в Муху. – Думаешь, от очень хорошей жизни?.. Это тебе, козел, так хорошо живется, что ради острых ощущений голой жопой на ежа сесть хочется. А мы каждый день боремся за существование. Что по эту сторону кордона, что по другую. Ты бы пожил, буржуй, год хотя бы в моем родном городе, да на той зарплате, что я получал, с матерью старой и сестрой-инвалидом – враз бы всякое желание справедливость искать исчезло б!.. А то, тоже мне... – Вервольф нервно пальцами щелкнул. – Мир он спасти собрался... Говно это, а не мир. И не стоит он того, чтобы его спасти... Понял, что ли?.. А, ну тебя!

Вервольф раздавил сигарету пальцами и зашвырнул ее под стол.

Речь сталкера произвела на американцев впечатление. Не совсем то, на которое он рассчитывал, но произвела. Во всяком случае, снова заговорили они не сразу.

– Я думаю, нам следует спокойно обсудить сложившуюся ситуацию, – медленно начал Гейтс. – Поскольку мы, все-таки, партнеры...

– В общем, так, – хлопнув ладонями по коленкам, бесцеремонно перебил американца Гупи. – Вы, ребята, как я погляжу, плохо понимаете, во что ввязались. Если все вы, – небритым подбородком сталкер обвел присутствующих, исключив из общего круга лишь Журналиста, – добровольно подписались на эту глупость, то меня заставили идти с вами под прицелом автомата. Я знать не знаю, да и знать не хочу, что у каждого из вас на уме и зачем вы тащитесь к АЭС, но моя единственная цель – остаться в живых. Если бы я мог, то повернул бы назад. Но для одного это равносильно самоубийству. Остальные же... – Пауза. Гупи коротко кивнул. – Я так и думал. Остальные окончательно выжили из ума и желают продолжить свой путь. Значит, я вместе со всеми мечтаю добраться до Монолита. Потому что это единственный, хотя и очень сумеречный шанс, не отдать раньше времени душу Черному сталкеру. В отличие от вас, дилетантов, я знаю, как нужно вести себя в

Зоне, чтобы остаться живым. Главное правило – не трогать ничего, о чем не имеешь представления. И сервер этого Радара как раз та самая штука, прикасаться к которой категорически запрещается.

– Но почему? – возмущенно всплеснул руками Шрек.

– Потому что я не знаю, к чему это может привести.

– Я за все отвечаю! – ткнул себя пальцем в грудь Гейтс.

– А кто ты такой? – прищурившись, посмотрел на него Вервольф.

– Резонный вопрос, – согласился с «грешником» Гупи. – Ты здесь оказался случайно, и имя твое «никто». А я ради твоей забавы рисковать своей жизнью не намерен. Это понятно?

– Представь себе, – чуть подавшись вперед, Шрек проникновенно заглянул Гупи в глаза.

– Что если такие же Радары уже работают вне Зоны?

– Ну, судя по тому, что творится в мире... – сталкер задумчиво почесал пальцем за ухом.

– Это могло бы многое объяснить.

Вервольф захохотал так, что подавился табачным дымом и закашлялся.

– Гупи, – с досадой качнул головой Шрек. – Я говорю серьезно...

– Я тоже, – не стал даже слушать его сталкер. – И я самолично пристрелю первого, кто без моего ведома коснется клавиатуры.

– Это просто безумие какое-то! – с досадой всплеснул руками Гейтс.

– Это Зона, приятель, – спокойно ответил ему давно уже молчавший Журналист. – Просто – Зона. Привыкай.

Глава 15

К утру Рикошету стало совсем плохо. Синюшные желваки с плеч и шеи переползли на лицо сталкера, сделав его похожим на уродливую монгольскую маску. Что происходило с его телом, никто не знал – заглядывать под одежду не рискнул даже преданный Муха. Рикошет ничего не мог есть, только пить просил постоянно. Но даже от сладкого чая, которым напоил его Муха, «монолитчика» дважды вывернуло.

– Не жалец, – глянув в его сторону, покачал головой Вервольф.

И прозвучало это даже не как приговор, а как констатация факта. Который никто не собирался оспаривать.

Выброс произошел в начале одиннадцатого – строго по расписанию.

Сначала почудилось будто из-под бетонного пола, из самых глубин Земли, из ее кипящей магмы сердцевины доносится глубокий, низкочастотный рокот. Воспринимался он не слухом, а всем телом, каждой его клеточкой, почувствовавшей вдруг ужас неминуемой гибели. Затем по-настоящему трянуло. Не сильно, но ощутимо. И через помещение будто невидимая волна прокатилась, направленная от центра Зоны к окраине. А может быть, и дальше. И все, кого она коснулась, поняли в этот миг, что ни они сами, ни мир, в котором подобное происходит, уже не станут прежними. Никогда. Реальность, если и не перевернулась с ног на голову, то, уж точно, сильно накренилась. В левую сторону.

С охватившим разум оцепенением нужно было бороться.

Гупи рывком поднялся на ноги.

Стены качнулись и двинулись ему навстречу. Очертания предметов утратили резкость.

Гупи закрыл глаза и медленно сосчитал до десяти.

Кружка кофе сейчас была бы, как никогда, кстати. Но где ж ее возьмешь?

Гупи открыл глаза.

Порядок.

Реальность вернулась в отведенные ей мирозданием рамки.

– Пошли!

Все были уже готовы. Оставалось лишь влезть в лямки рюкзаков и взять оружие.

– А с этим что делать? – кивнул на Рикошета «грешник».

«Монолитчик» сидел, привалившись спиной к стене. Он тяжело, с хрипом дышал, а когда начинал кашлять, изо рта у него летели кровавые брызги. Зараза разъедала его изнутри. Глаза Рикошета были приоткрыты, но по выражению обезображенного лица невозможно было определить, понимает ли он, что происходит вокруг.

– Я бы оставил его, – сказал Гупи, застегивая карабин на груди. – Здесь его, по крайней мере, никто не сожрет.

– Он сможет идти! – Муха схватил пистолет-инъектор, вставил в него сразу три ампулы и всадил тройной заряд Рикошету в шею. – Сможет! Точно!

Гупи с сомнением прикусил губу.

– Давай!

Потянув Рикошета за руку, Муха заставил его подняться.

«Монолитчик» стоял, покачиваясь, опираясь ладонью о стену. Но – стоял.

– Он свалится через десять шагов.

– Его нельзя оставлять. Только он знает, где находится схрон с защитными скафандрами. Без них мы далеко не уйдем.

– Он прав, – кивнул Вервольф. – К схрону должен был вывести нас Рикошет.

– Ну, что ж... – Гупи указал рукой на выход.

Ударив пальцем по клавише, Шрек обнул таймер, отсчитывающий время до перехода Радара в автономный режим работы.

Они вышли в коридор.

С нижнего яруса доносились звуки непонятной возни и временами тяжелые, глухие удары. Как будто кто-то пытался пробить стену тараном, обернутым матрасом.

– Псевдогиганты занервничали, – сказал Журналист. – Почувствовали выброс. Скоро наружу рванут.

На лестнице Рикошет оступился, упал и проехался лицом по ступенькам. Когда Муха поднял его, лицо Рикошета было похоже на кровоточащий кусок отбивной.

– Помоги ему, – кивнул Гупи Шреку.

Американец протиснулся вперед и подхватил «монолитчика» под другую руку.

Гейтсу достались рюкзак, а Вервольфу – автомат Рикошета.

Лес был таким же, как накануне. Ржавым. И еще – сырым. Должно быть, ночью прошел дождь. Мочала висели на деревьях, словно старые, подранные парики со слипшимися от грязи волосами.

То, что Рикошет едва переставлял ноги, замедляло движение отряда. Гупи недовольно скалился. Вервольф нервно курил одну сигарету за другой и вполголоса ругался. Один Журналист оставался невозмутимым. Или только казался таким. Лицо его, как и прежде, было скрыто под капюшоном. Руки он спрятал под плащ. Со стороны он, наверное, казался бесплотной тенью плывущей меж деревьев.

– Тихо как-то... – произнес настороженно Гейтс.

– Выброс, – ответил Журналист. – Все твари рванули в сторону защитного периметра. Через Припять – так ближе.

– Вот когда новая волна монстров до нас докатится, тогда я дробовик на пулемет сменю, – пообещал Вервольф.

– А у тебя есть пулемет? – недоверчиво посмотрел на него Гейтс.

– В схроне, куда нас Рикошет должен отвести, полно оружия, – ответил «грешник». И, покосившись на повисшего на руках у Мухи и Шрека «монолитчика», добавил: – Он обещал.

Спустя какое-то время Вервольф сделал Гупи знак, мол, надо парой слов перекинуться. С глазу на глаз.

Замедлив шаг, Гупи чуть поотстал от основной группы.

Тут же рядом с ним оказался Вервольф.

– Слушай, Гупи, – быстро зашептал «грешник». – Чуешь, кирдык нашей группе? – Гупи наклонил голову, не то соглашаясь с тем, что говорил Вервольф, не то предлагая ему продолжить. – Рикошету каюк – это уже точно. Муха без него – ничто... Нет, он парень хороший, я бы даже сказал, толковый, но – не боец. Согласен? – Гупи снова наклонил голову. – Америкашки хитроваными оказались, у них какие-то свои мыслишки бродят. Я бы на них полагаться не стал. Того и гляди, пулю в спину всадят. За ними глаз да глаз нужен. А Журналист... Слушай, Гупи, я вообще не понимаю, кто он такой и чего ему от нас нужно?

– Ему нужен Монолит, – сказал Гупи.

– Точно? Ты в этом уверен?

– Мы в Зоне, Вервольф, – в чем тут вообще можно быть уверенным?

– Оно, конечно, так... Но Журналист... Сказать честно? Я его боюсь! Даже когда он ко мне спиной, мне кажется, он за мной наблюдает... Аж коленки чесаться начинают.

– Коленки? – посмотрел на «грешника» Гупи.

– Ну да! – определенно кивнул тот.

– И что ты от меня хочешь?

– Ты, Гупи, в Монолит не веришь...

– Не-а, – качнул головой сталкер.

– Но все равно идти придется до конца. Так что давай вместе держаться... Ну, в смысле, друг за дружку... Если что... Ну, ты меня понял!

– Понял, – кивнул Гупи.

– Договорились?

– Да.

– Точно?

– Мне что, перекреститься?

– Все, Гупи, – Вервольф хлопнул сталкера по плечу. – Если выберемся – то вместе.

Сдохнем – так тоже на пару.

– Не, – усмехнулся Гупи. – Мы с тобой не Ромео и Джульетта.

– Это кто еще? – озадаченно нахмурился Вервольф.

– Никогда не слышал? – недоверчиво покосился на него Гупи.

– А что, должен был?

– Ну, не знаю, – Гупи поправил ремень на плече. – Да, в общем, тебе это ни к чему.

– Расскажи, – попросил Вервольф. – Все равно идти долго. Уродов поблизости нет, а ловушки Журналист лучше любого детектора сечет.

В принципе, «грешник» был прав. И Гупи, сначала без особой охоты, но постепенно вытягиваясь, начал рассказывать трагическую историю Веронских любовников.

Вервольф слушал с интересом. А когда Гупи закончил, грустно вздохнул.

– Вот оно как в жизни-то бывает...

Лес закончился внезапно, как будто окраину его вырубili. Подчистую. Шедший на пару шагов впереди других Журналист остановился возле последнего дерева, с ветвей которого свешивались ржавые лохмы мочалок. Прямо перед ним стоял, провалившись в землю по самые оси, старый «ЗИЛ», с прогнившими, разломанными бортами, выбитыми стеклами и продавленной крышей водительской кабины. С другой стороны, впритирку к борту первой машины, стояла другая. Спереди и сзади – тоже машины.

Это было кладбище автомобилей. Почти такое же большое, как на Янтаре. Старые, покореженные временем машины – легковушки, грузовики, джипы – стояли ровными рядами, как оставили их ликвидаторы первой Чернобыльской аварии. Новенькие и отнюдь не дешевые по тем временам машины невозможно было вывезти из зоны отчуждения – день-другой посидев за рулем любой из них, можно было схватить летальную дозу облучения.

Журналист взялся одной рукой за борт машины и легко запрыгнул – почти взлетел – в кузов. Прошелся, поставил ногу на кабину. Посмотрел по сторонам. На северо-востоке,

где сквозь плотную завесу облаков едва пробивалось бледное пятно солнца, у самого горизонта виднелась окраина Припяти. Чтобы добраться до АЭС, нужно идти в другую сторону.

– Куда?

Вопрос Журналиста будто повис в пустоте.

Ответ на него знал только Рикошет. Но страшная, неизвестная болезнь так изуродовала его ротовую полость, что он уже не мог издавать членораздельные звуки. Язык, багровый, распухший, будто у удушенника, вываливался между налитыми кровью, потрескавшимися губами.

Рикошет дернул рукой, за которую поддерживал его Шрек, будто пытался освободиться. Американец отпустил локоть «монолитчика» и сделал шаг в сторону. Рикошет повернулся к Мухе и показал ему сжатую в кулак кисть руки с выставленным, будто ствол пистолета, указательным пальцем. Сообразив, что хочет приятель, Муха протянул ему пистолет-инъектор и пластиковую коробочку аптечки. Зажав инъектор под мышкой, Рикошет поковырялся похожими на сосиски пальцами в аптечке, нашел нужную ампулу, затем еще две и, не закрывая, кинул коробку Мухе. Тот едва успев ее поймать, и тут же присел на корточки, чтобы собрать выпавшие на траву ампулы. Рикошет вставил все три ампулы в инъектор и, одну за другой, ввел их содержимое себе в шею. После третьего нажатия клавиши, он так и остался стоять, покачиваясь, с дозатором, прижатым к шее и полуприкрытыми глазами.

– Заснул или сдох? – спросил негромко Вервольф.

– Если бы сдох, то упал, – ответил Гупи.

– А если бы заснул?

На этот вопрос Гупи не успел ответить.

Рикошет широко раскрыл глаза, оскалил оставшиеся зубы и, выставив руку перед собой, направил указательный палец на «грешника».

– Чего это он? – как будто с испугом даже передернул плечами Вервольф.

Рикошет вскрикнул приглушенно и сдавленно, конвульсивно изогнулся, упал на спину и забился в судорогах.

Муха схватил его за плечи и попытался прижать к земле.

Выпрыгнувший из кузова ЗИЛа Журналист наклонился и двумя пальцами, большим и указательным, обхватил горло «монолитчика», как будто хотел задушить, чтобы облегчить страдания.

– Он умирает, – уверенно произнес Журналист.

– А, черт!

Гупи бросил на траву автомат, сбросил с плеч рюкзак, откинул клапан бокового кармана, достал из него капсулу для опасных материалов и, захватив согнутым мизинцем, уверенным движением свернул с нее крышку. Одним пальцем прижимая крышку к ладони, свободными Гупи подцепил лабораторный дозатор и, осторожно опустив конец с пластиковой насадкой в капсулу, надавил на поршень.

– Давай сюда инъектор! – крикнул он Мухе, завинчивая крышку капсулы.

Не задавая лишних вопросов, «монолитчик» подал Гупи пистолет-инъектор. Гупи открыл приемную ячейку для ампул и перенес в нее из дозатора две капли черной, как глаз ночи, густой, маслянистой жидкости.

– Что это? – спросил Муха.

– Мертвая вода, – Гупи вскочил на ноги, подбежал к уже затихшему Рикошету и прижал инъектор к его левой скуле.

– Ты с ума сошел! – испуганно, а может быть, недоверчиво, посмотрел на Гупи Шрек. – Это его убьет!

– Он уже мертв, – Гупи надавил на поршень. – И держи! – кинул пустой инъектор Мухе.

Тело Рикошета дернулось, изогнулось в спине, будто туго натянутый лук, и приподнялось над землей, опираясь лишь на затылок и пятки. Раскинутые в стороны руки

вцепились в серую траву. Лицо, и без того изуродованное болезнью, исказила гримаса невыносимого страдания. Распухший язык вывалился изо рта, похожий на зажатую гнилыми зубами стоптанную подметку. Из горла «монолитчика» с трудом выдавился хрип – так он испустил последний вздох, – и тело его упало на землю.

Но не прошло и полминуты, как Рикошет неожиданно легко поднялся, сел, скрестив ноги, и посмотрел на окружавших его людей вполне осмысленным взглядом. «Монолитчик» попытался что-то сказать, но ему мешал вывалившийся изо рта язык. Тогда он пальцами зацепил язык в рот, сжал зубы и дернул подбородком, как будто стараясь проглотить застрявший в горле кусок.

– Что... – безобразно распухший язык все же мешал ему, и Рикошет снова поправил его пальцем. – Что это было?

Гупи выдал одну из самых кровожадных своих улыбок и ободряюще хлопнул Рикошета по плечу.

– Ты умер, приятель.

– Дурак, – бросил в сторону Гупи «монолитчик».

Гупи сделал неопределенный жест рукой – как знаешь, мол, – и вернулся к своему рюкзаку.

– Как ты себя чувствуешь? – спросил у приятеля Муха.

– Неплохо... Совсем неплохо... – опершись о Мухино плечо, Рикошет поднялся на ноги.

– Просто отлично... Я теперь могу сам идти.

– Мы только тебя и ждали, – Вервольф довольно бесцеремонно схватил Рикошета за руку и развернул его лицом к кладбищу машин. – Куда идти?

– Автомат дай, – протянул руку Рикошет.

– Зачем он тебе? – Вервольф подцепил ремень висевшего у него на плече автомата большим пальцем, но так и не снял его.

Рикошет провел пальцем под носом.

– Я – сталкер.

– Ты – больной сталкер. Давай. – Вервольф сделал «монолитчику» ручкой. – Дорогу показывай. А мы позаботимся о твоей безопасности.

Рикошет наклонил голову и озадаченно почесал затылок. Затем недоумевающе уставился на оставшийся в пальцах клочок волос.

– Время, приятель, время! – пощелкал пальцами Журналист. – Мы тут не на прогулке. Где схрон? Куда ты собирался нас отвести? Помнишь?

– Помню... – не очень уверенно кивнул Рикошет. – Только... – он потер пальцами висок. – У меня что-то с головой.. Думать тяжело... Будто... Будто...

– Будто с бодуна, – подсказал Вервольф.

– Похоже, – согласился Рикошет.

– Это пройдет, – уверенно заявил «грешник». – Это ты еще от лекарства не отошел.

– Что ты мне вколол? – недобро посмотрел на Муху Рикошет.

– Да... как обычно, – растерянно развел руками тот.

– Слушай, Рикошет, – подойдя сзади, Гупи слегка, самую малость приобнял «монолитчика» за плечи. – Давай сначала схрон найдем, а там уж, на месте, со всем разберемся. Идет?

– Идет, – покорно согласился Рикошет.

– Так куда нам?

– Туда, – «монолитчик» махнул рукой вперед, на другую сторону кладбища машин.

– Что, напрямки? – удивился Вервольф.

– Можно и в обход... Только так дольше.

– А ты, того... Забраться-то на машину сможешь?

– А почему нет?

Рикошет ухватился руками за проломленный борт «ЗИЛа», подтянулся и тяжело, как мешок, свалился в кузов.

– Ну, в целом, неплохо, – одобрительно кивнул Вервольф.

Следом за Рикошетом полезли остальные.

Перебираться с машины на машину оказалось не так уж сложно. Нужно было только приноровиться, поймать верный ритм движения и стараться не наступить на прогнившую доску или, того хуже, на проржавевший лист железа. Среди машин прятались «Разрядники», но Журналист заблаговременно о них предупреждал. Ну, а «Фиолетовую слизь», почему-то облюбовавшую кузова самосвалов и цементовозы, и без того было видно.

Гупи настороженно поглядывал по сторонам – свалки брошенной техники кровососы любят. Судя по грудам мусора и нечистот, да попадающимся временами на глаза высушенным, будто мумии, трупам, здесь они тоже водились. Но сейчас не было видно ни одного. Должно быть, они все, как один, двинулись к защитному периметру, чтобы в очередной раз попытаться прорвать кордон Международных вооруженных сил, отчаянно пытающихся удержать всю эту нечисть в границах Зоны. В рамках, которые вояки сами для нее обозначили. Однако Зона не принимала их правил и постоянно разрасталась вширь. То медленно, почти незаметно выползая за колючую проволоку, то внезапным броском откусывая от мира еще один кусок реальности. И кто скажет, когда это все закончится? Если бы этот вопрос задали Гупи, он бы ответил: «Никогда». Зона будет расти до тех пор, пока весь мир не станет одной большой Зоной. Гупи почему-то был в этом уверен. И, собственно, поэтому ему было наплевать на обреченный мир за колючкой.

Муха поначалу держался рядом с Рикошетом, но, убедившись, что приятелю его помощь не требуется, подобрался поближе к Гупи.

– Что с ним теперь будет? – спросил Муха.

– С кем? – Гупи не притворялся. Оторванный от мыслей о судьбе брэнного мира, он и в самом деле не понял, о ком идет речь.

Муха кивком указал на приятеля. Тот как раз готовился к очередному прыжку с крыши кабины одной машины на другую, а потому опустил на четвереньки – так ему теперь было удобнее.

– А что с ним может случиться, если он уже мертв?

– Но он ходит... Разговаривает...

– Он зомби, Муха. Самый настоящий зомби. Двигательные функции сохраняются надолго, а способность разговаривать он утратит очень скоро. Потом перестанет понимать, что ему говорят... Да что я тебе рассказываю – будто сам не знаешь!

– Это ты сделал из него зомби, – недобро прищурился Муха.

– Я, – не стал отпираться Гупи. – А ты бы что предпочел? Чтобы он окочурился, не доведя нас до схрона?

– Так нельзя, – затряс головой Муха. – Так нельзя поступать с человеком.

– Хочешь, чтобы я тебя утешил? – криво усмехнулся Гупи. – Сказал, что у нас не было выбора?

– Нет, Гупи, нет... Я не о том.

– Так чего же тебе надо?

– Что станет с Рикошетом потом, когда он отведет нас к схрону?

– Ты ему друг?

– Друг.

– Автомат у тебя есть?

– Есть.

– Ну, так снесешь ему очередь башку – и делу конец.

Оступившись, Муха едва не свалился с крыши выкрашенного в защитный цвет «рафика».

Гупи поймал его за шиворот и помог вскарабкаться наверх.

– Я не смогу! Я Рикошета два с лишним года знаю!

– Ну, и ладно.

– Как это, ладно?
– Просто так – ладно. Отпустим его, пусть идет в Дэд-Сити. Там полно таких же, как он,
– найдет себе новых приятелей.

– Ты смеешься или издеваешься?

– Я не пойму, чего тебе надо?

– Я думал... А, ладно. – Муха безнадежно махнул рукой и прибавил шагу, чтобы догнать Рикошета.

– Вот и я говорю – ладно! – крикнул вслед ему Гупи.

На ту же машину, что и Гупи, перепрыгнул Вервольф.

– О чем вы тут?

– А, пустой треп, – безразлично поморщился Гупи.

– А по-моему, Муха готов, – заметил Вервольф. – Зомби-Рикошет его доконал.

– Ну, поглядим, поглядим... – буркнул Гупи и прыгнул на следующую машину.

Ему нравился Муха. И было жаль парня, по глупости ввязавшегося в историю, в которой смерть могла оказаться едва ли не самым лучшим исходом. Во всяком случае, для него. Теперь Гупи в этом не сомневался. Потому что, в отличие от других, догадывался, к какой цели стремился Журналист, взявший группу под свой контроль так, что никто этого не заметил. Он пока что только до Гупи не смог докопаться, потому что сталкер-одиночка был единственным человеком в группе, которому оказалось на все плевать. Абсолютно на все. И ему ничего не было нужно. Только кофе хотелось. Безумно. И это желание забивало все остальные чувства, надежды и стремления.

Рикошет остановился на крыше старенького «Москвича», вплотную подогнанного к непонятно как здесь оказавшемуся длинному рефрижератору без колес. Оттянув угол металлического листа на стенке рефрижератора, «монолитчик» пролез внутрь.

Последним забравшийся внутрь рефрижератора, Гупи увидел, что Рикошет сидит на корточках и, будто собака, ищущая припрятанную кость, раскидывает в стороны мусор.

Гупи настороженно посмотрел по сторонам.

В жестяном коробе царил полумрак – свет проникал лишь через небольшие, размером с ладонь, проржавевшие дыры в крыше. Пахло застоявшейся прелью и еще чем-то кисло-сладким, похожим на запах забытого на столе в жаркий день вишневого киселя.

«Хорошее место для засады, – подумал Гупи. – Достаточно пары гранат, чтобы всех уложить».

Расчистив небольшую площадку, Рикошет поднял тяжелый стальной лист, под которым оказался поблескивающий смазкой люк с автоматическим смарт-замком.

Вот это плохо, решил про себя Гупи. Мозги у Рикошета уже потекли, и, если он забудет хотя бы один ответ на вопрос из тех, что будет задавать ему смарт-замок, его уже никто не откроет.

Цифровой код, активирующий смарт-замок, Рикошет ввел быстро и уверенно. Код был принят, и на загоревшемся дисплее высветился первый вопрос: «Ваше имя».

Рикошет ввел свое имя, что тоже было несложно.

Далее последовала серия вопросов, ответы на которые мог знать только обладатель зарегистрированного имени.

«Девичья фамилия вашей матери?» – «Гутиэрос».

«Ваш любимый кинофильм?» – «Праздник святого Йоргена».

Надо же, удивился Гупи.

«Год, когда вы стали сталкером?»...

Это уже было личным, и Гупи деликатно отвел взгляд в сторону.

Судя по времени, затраченному на то, чтобы открыть замок, вопросов было никак не меньше десяти. И, хвала Черному Сталкеру, Рикошет на все ответил правильно.

Отключив замок, сталкер-зомби повернул рукоятку в центре люка. Четыре стальных штифта, расположенные крестообразно, ушли в предназначенные для них пазы. Еще один поворот рукоятки. Послышалось негромкое шипение – это перекрывались клапаны в

баллонах с газообразным цианидом, который должен был заполнить помещение в случае попытки взлома люка. Еще один поворот – и люк открыт.

– Чего ж это вы там прячете? – озадаченно почесал затылок Вервольф.

– Все, – коротко ответил Рикошет и полез в люк.

Когда голова сталкера-зомби исчезла в люке, к черной дыре подошел Гейтс. Американец встал на колени, посветил вниз фонариком и не заметив ничего подозрительного, спустился следом за Рикошетом.

– А это, часом, не ловушка? – спросил у Мухи Вервольф.

– Нет, это схрон «Монолита», – ответил тот. – Мне приходилось в нем бывать. Только заходили мы с другого конца.

– Как это, с другого конца? – насторожился «грешник».

– Со стороны Припяти, – махнул рукой в сторону города Муха. – Там, внизу, один из переходов старого бункера, наглухо отрезанный от основной системы завалами. И два выхода, ведущие наверх.

Спустившись в бункер следом за Мухой, Гупи увидел проход шириной примерно в два метра, с бетонными стенами и сводчатым потолком. Вдоль стен тянулись черные кабели и трубы. Лампы в сетчатых плафонах под потолком не горели. С одной стороны проход был завален плотно спрессованной землей, обломками бетонных балок, плит и прочим строительным мусором. Другой конец уходил в темноту так далеко, насколько хватало луча фонарика.

Когда все оказались внизу, Рикошет дернул рычаг на стене, и люк наверху захлопнулся.

– Идите очень осторожно, – медленно, будто каждое слово ему приходилось искать в виртуальном словаре, произнес Рикошет. – За мной. След в след. Проход заминирован.

Освещая дорогу фонариком, сталкер-зомби медленно двинулся вперед. Шел он довольно уверенно, но Гупи все равно почувствовал себя спокойнее, когда следом за ним пошел Журналист – сталкер доверял его чутью больше, чем памяти Рикошета, чей мозг уже наверняка был изъеден некрозом.

Пройдя метров сто, они оказались в просторном помещении округлой формы. Прежде из него вели еще два прохода. Но сейчас один был наглухо завален, а другой перекрыт тяжелой стальной дверью.

– Это второй выход? – указав на дверь, спросил Гупи.

Муха молча кивнул.

Рикошет щелкнул выключателем на стене, и под потолком вспыхнул свет. Сталкер-зомби подошел к широкому столу на тяжелых деревянных ножках, сел на табурет, сложил руки перед собой и устало опустил на них голову.

– Ну, это мы здорово попали! – присвистнул Вервольф, окинув взглядом тянущиеся вдоль стен высокие открытые стеллажи.

На полках чего только не было. Оружие и боеприпасы, какое только пожелаешь, серьезное научное оборудование и просто мелкие гаджеты, которые всегда могут пригодиться, баллоны с водой и коробки с сублимированными и консервированными продуктами, простая одежда, научные скафандры и скафандры высокой многоуровневой защиты, какими пользуются военные сталкеры. В общем, не бункер, а сталкерский супермаркет.

Гупи первым делом принялся обшаривать полки с едой.

– Ты что там ищешь? – удивленно посмотрел на него Шрек. – Изголодался в пути?

– Кофе, – коротко ответил сталкер.

– Да откуда тут кофе? – пожал плечами американец.

– А вдруг...

Журналист занял место возле стола, почти в самом центре бетонной камеры. Он стоял, низко опустив покрытую капюшоном голову и спрятав руки под плащ.

– Ну, что. – Вервольф кинул дробовик на стол. – Тут и заночуем?

– Нужно брать оружие с амуницией и уходить, – негромко, но отчетливо, так, что услышали все, произнес Журналист. – И как можно скорее.

– С чего это вдруг? – недовольно посмотрел на него «грешник».

– Мне тут не нравится, – ответил Журналист.

– Мало ли... – эдак неопределенно хмыкнул Вервольф. – Мне, может, тоже многое не по вкусу...

– Речь не о личных пристрастиях, – перебил его Журналист. – Это место таит в себе опасность.

– А по-моему, как раз наоборот, – Гейтс обвел взглядом бетонные своды, подошел к двери и зачем-то хлопнул по ней ладонью. – Мы здесь надежно защищены.

– В самом деле, – поддержал приятеля Шрек. – Иначе ведь под открытым небом ночевать придется.

– Что именно внушает тебе опасение? – спросил у Журналиста Гупи.

Кофе он так и не нашел. Вернее, нашел, но совсем не тот, что ему требовался, – пакетики с растворимым суррогатом.

– Не знаю, – Журналист поднял голову, и Гупи на миг показалось, что он увидел, как блеснули его глаза под краем капюшона. – Но уходить нужно – это точно.

Гупи подошел к стальной двери. Чтобы открыть ее изнутри не требовалось никаких ухищрений – достаточно потянуть рычаг. Дальше срабатывала автоматика, которая открывала дверь и снова запирала ее спустя некоторое время.

– Оружие, еда на три дня, аккумуляторы и батарейки, шесть... – Гупи посмотрел на Журналиста. – Тебе скафандр нужен?

– Нет, – сделал отрицательный жест тот.

– Тогда – пять скафандров высокой защиты. По два кислородных баллона к каждому...

– Слушай, ты чего засуетился? – непонимающе поднял руки Вервольф. – Действительно, собрался идти?

– Да, – Гупи снял с полки и кинул на стол два подсумка с обоями для «калашников».

– На ночь глядя?

– Да.

– И мы даже не поедем здесь? Смотри, – Вервольф указал на микроволновку. – В кои-то веки выпадает такая удача – поесть нормальной, человеческой пищи...

Гупи повернулся к «грешнику» и кинул ему похожий на уложенный парашют пакет со скафандром.

– Мы уходим прямо сейчас.

«Грешник» посмотрел на упаковку со скафандром так, будто не мог понять, каким образом она оказалась у него в руках.

– Ты уверен? – на всякий случай спросил он у Гупи.

– Да, – не оборачиваясь – он в это время перебирал гранаты в ящике, – ответил тот.

– Ну, ладно...

Вервольф присел возле рюкзака, чтобы приторочить к нему укладку со скафандром.

Подбежав к Гупи, Муха дернул его за плечо:

– А как же Рикошет?

– А что – Рикошет? – устало глянул на него Гупи.

– Ты сказал, пять скафандров. Но без Журналиста нас шестеро!

– Рикошету скафандр не нужен.

– Почему?

– Ты что, все еще не понял? – двумя сложенными вместе пальцами Гупи ткнул Муху в лоб. – Рикошет уже не человек! Он – зомби! Живой мертвец! Ему плевать на радиацию и пули!..

– И дальше он с нами не пойдет, – негромко добавил Журналист.

– Почему? – резко повернулся в его сторону Муха.

– Он будет только мешаться. К тому же, зомби порой бывают агрессивны. Ты что, хочешь, чтобы твой бывший друг перегрыз тебе горло?

– Но мы не можем бросить его здесь! – Муха раскинул руки в стороны – он обращался ко всем сразу. – Одного!

– Если хочешь, оставайся с ним, – вполне серьезно предложил Вервольф.

Американцы вообще не глядели на Муху, делая вид, что заняты своими делами – один паковал в рюкзак патроны, другой оценивающе щелкал курками двух пистолетов, решая, какой взять.

– Вы все – уроды, – тихо и зло произнес Муха.

– Абсолютно с тобой согласен, – очень серьезно ответил ему Журналист. – В Зоне только уроды и выживают.

Рикошет, все это время лежавший на столе, медленно поднял голову. Повел по сторонам мутным взглядом. Улыбнулся чему-то своему.

– Жрать охота, – хрипло произнес он.

Муха, не глядя, схватил с полки банку каких-то саморазогревающихся консервов, дернул кольцо, выждал положенные пятнадцать секунд, снял крышку и поставил банку перед Рикошетом. Рядом положил пластиковую ложку.

Рикошет непонимающе покрутил ложку в руке, кинул ее под стол и принялся есть, цепляя пюреобразное содержимое банки тремя сложенными вместе пальцами. Еда из только что разогретой банки горячая настолько, что сразу и в рот не возьмешь. Но Рикошету это не доставляло ни малейшего неудобства. Он ел, вернее жрал, заглатывая все, что попадало в рот. А что не попадало, размазывал по щекам и подбородку.

– Не помню, говорил или нет, – пробубнил он с набитым ртом. – Бункер оборудован охранной системой. Если не отключить ее, сюда явится вооруженный отряд из Припяти. – Сталкер-зомби прекратил жевать, поднял голову, вроде как в задумчивости, посмотрел на потолок и многозначительно добавил: – Ага.

– Что значит «ага»?! – вне себя от возмущения саданул кулаком по столу «грешник». – Ты что, не мог об этом раньше сказать?

– Раньше? – непонимающе посмотрел на него Рикошет.

Вервольф уперся обеими руками в край столешницы и всем корпусом подался вперед.

– Слушай, ты мне мозги не канифоль...

– Оставь его, – протянул руку Журналист. – Он, действительно, не понимает тебя. Необратимые изменения сознания зомби начинаются с потери долгосрочной памяти. Чем раньше он познакомился с тем или иным понятием, тем быстрее его забывает.

– Ага, – вроде бы согласился с Журналистом Рикошет.

При этом он обеими руками держал перед собой опустевшую консервную банку и пытался вылизать ее изнутри языком.

– Муха! – Вервольф зло глянул на другого «монolitчика», будто это он был во всем виноват. – Ты знал про эту охранную систему?

Муха отчаянно затряс головой из стороны в сторону.

– Грязь радиоактивная!.. – «грешник» выбил пустую жестянку из рук Рикошета, схватил его за грудки и вздернул так, что едва не повалил на стол. – Вспоминай, зараза! Где эта долбанная охранная система?..

– Какая система? – глаза Рикошета были пусты, как пересохшие колодцы.

– Брось, Вервольф! – крикнул Гупи, суетно упаковывая рюкзак. – Все равно ничего не добьешься! Уходить надо, пока нас здесь не накрыли!

– Ах ты, прыщ смердящий... – зло процедил сквозь зубы Вервольф. – Сам сдох, так и нас заодно похоронить решил. – «Грешник» с размаху ударил Рикошета кулаком в зубы.

Сталкер-зомби медленно утер кровь с лица и вдруг, выбросив обе руки вперед, вцепился ногтями Вервольфу в лицо.

«Грешник» завопил и отшатнулся назад.

Лицо его было располосовано, будто звериными когтями.

– Ах ты, падаля ходячая!.. – Вервольф схватился за автомат.

– Ты что! – подскочив к «грешнику», Муха ухватился обеими руками за ствол автомата и задрал его к потолку. – Ты же сам начал!..

– Хорош дурковать-то! – рявкнул во всю глотку Гупи. – Ежели кому охота, пусть здесь остается. А я ухожу! – сталкер закинул на спину заметно потяжелевший рюкзак. – Прямо сейчас!..

В дальнем конце прохода, где находился вход в бункер, спрятанный в старом рефрижераторе, раздался приглушенный хлопок. Затем – скрежет металла о металл.

Все замерли, как стояли.

Один только Рикошет, усевшись на стол, принялся обеими ладонями приглаживать волосы на голове.

– Эй! Рикошет! – прокричал из темноты кто-то невидимый. – Попался, молодец! Сам выйдешь или выкуривать тебя придется?

Прижавшись плечом к стене, Вервольф выставил в проход автомат и, нажав на спусковой крючок, выпустил в темноту длинную очередь.

– Да ладно, мужики, кончайте дурить-то! – голос был все тот же, но звучал он теперь недовольно. – Нам нужны только Рикошет и Муха! Остальных отпустим! Обещаю!

– Ага, так я тебе и поверил, – процедил сквозь зубы «грешник».

– Почему, могут отпустить, – возразил негромко Журналист. – Только оружие и харчи отберут.

Рикошет вскинул руку и, непонятно с чего, вдруг гулко ударил кулаком по столу.

Журналист подошел к нему сзади и положил руку на плечо.

– Эй, приятель, – тихо и очень спокойно, обратился он к зомби. – Слышишь? Это за тобой пришли.

– За мной, – Рикошет мотнул головой так, будто хотел ударить лбом колени.

– Это твои друзья.

– Друзья, – повторил он то же самое движение.

– Ну, так иди к ним.

Журналист тихонько подтолкнул Рикошета в спину.

Зомби слез со стола, потоптался на месте, сунул руки глубоко в карманы штанов и пошел. Проходя мимо, помахал рукой «грешнику» и скрылся в темноте.

Можно сказать, что ему повезло – он дошел почти до середины прохода, прежде чем наступил на мину, которая подпрыгнула на полтора метра вверх и разорвалась, разбросав в стороны сотни металлических осколков.

Умер ли Рикошет после этого окончательно?

Трудно сказать.

Как бы там ни было, тело его осталось лежать в заминированном проходе.

К двери второго выхода первым подбежал Гейтс. Рванув рычаг, американец толкнул дверь плечом и вывалился из полумрака подземелья на свет божий. И тут же упал на спину, схлопотав пулю в лоб.

– А не фига было суетиться, – саркастически усмехнулся Вервольф. – «Монолитчики», чай, не дураки и про второй выход тоже знают.

Шрек подполз к мертвому приятелю, прижал пальцы к шее. Стиснул зубы. То ли зло, то ли с обидой.

– Оставь! – прикрикнул на него Гупи.

Шрек непонимающе посмотрел на сталкера.

– Оставь, тебе говорят! – для пущей убедительности Гупи еще и кулак показал.

Шрек прикусил губу.

– Держи! – Гупи кинул вояке смартвизор. – Постарайся рассмотреть, откуда стреляли.

Минуты две Шрек добросовестно изучал окрестности.

Ведущая в бункер дверь, которую столь неудачно распахнул Гейтс, выходила на довольно крутой склон. Должно быть, это был холм или какое другое естественное

возвышение, поросшее рыжеватою с прозеленью травой и редким кустарником с небольшими, пурпурными листьями. Местами склон холма прорезали узкие щели, похожие на окопы, рядом с ними зияли глубокие воронки. Сверху выход из бункера прикрывал широкий бетонный козырек, по бокам дверь также была прикрыта бетонными плитами в человеческий рост. Значит, подстреливший Гейтса снайпер мог прятаться только где-то ниже по склону.

Устав ждать, Гупи подполз к Шреку сзади и дернул за ногу.

– Ну?..

– Не вижу, – качнул головой вояка.

– Приподними своего приятеля, – посоветовал Вервольф. – Пусть он им ручкой помашет.

Шрек надел маску со смартовизором на лицо. Обхватив тело Гейтса одной рукой за пояс, другой – за плечи, он перевалился на спину и потянул труп за собой. Ему удалось почти посадить мертвого Гейтса, когда новая пуля, пробив покойнику щеку, опрокинула его на бетонный пол.

Смартовизор определил примерную траекторию полета пули и указал место, откуда могла вестись стрельба. Прибор не ошибся – легкая, сизая пороховая дымка вилась среди веток куста, за которым прятался снайпер.

– Есть!

– Далеко?

– Метров сто двадцать вниз по склону.

– Докинуть сможешь?

– Гранату? Легко. Только ничего не получится. Они в окопе сидят. По брустверу – кусты. Точно в окоп гранату не кинешь.

– Ну, положим, попадешь, – продолжил невесело Вервольф, – но если хотя бы один выживет, он дождется, когда мы из бункера выйдем, и всех нас из автомата положит.

Гупи поставил на стол научный контейнер, одним движением свернул с него крышку и, наклонив, выкатил через край «Драконий глаз». Артефакт был похож на стеклянный шарик, внутри которого медленно перетекали, сплетаясь в петли и кольца несколько разноцветных несмешивающихся жидкостей. И разбить такой шарик, насколько было известно Гупи, еще никому не удалось. Особенность «Драконьего глаза» заключалась в том, что, оказавшись рядом, он менял, зачастую кардинально, свойства других артефактов. «Ботаник» Стивен из научного лагеря на Янтаре называл «Драконий глаз» катализатором. Но, по мнению Гупи, в данном случае это слово не совсем точно определяло суть процесса.

Отвинтив крышку с капсулы, в которой еще оставалась мертвая вода, Гупи бережно опустил в нее «Драконий глаз» и снова аккуратно закупорил.

– Держи, только очень осторожно, – Гупи протянул капсулу Шреку. – Так, – он вытер освободившуюся руку о штанину. – Хорошенько встряхни и сразу кидай. Секунду-другую промедлишь, и нам всем тут хана. Понял? – Шрек сосредоточенно кивнул. – Точно в окоп можешь не целиться. Достаточно будет, если капсула упадет рядом с ним. Получится?

Шрек приподнял голову, чтобы еще раз оценить ситуацию.

– Без проблем.

– Ну, – Гупи нервно потер руки. – Тогда – давай.

Шрек резко встряхнул капсулу и, приподнявшись на локте, профессионально, как гранату, метнул ее в намеченную цель.

В бункере все замерли, затаив дыхание.

Прошло девять секунд...

Двенадцать...

– Ну, и что там? – спросил Вервольф.

К кому он при этом обращался, к Гупи или Шреку, было неясно. Но ответил ему Шрек.

– Ничего.

– Подними Билла, – посоветовал Гупи.

Шрек, как и в прошлый раз, обхватил покрепче мертвеца и заставил его сесть. Выстрела не последовало.

– Теперь сам встань, – велел американцу «грешник».

– Я что тебе, отмывка? – неприязненно глянул на Вервольфа Шрек.

– Ну, вроде того, – криво усмехнулся «грешник».

– Ладно, пошли! – положил конец грозящей затянуться перепалке Гупи.

Кинув в угол пустой контейнер, сталкер передернул затвор автомата и, перешагнув через мертвого Гейтса, вышел из бункера. Опасение, что сделанная им рукотворная смерть не сработала, все же оставалось, и Гупи был почти готов к удару пули в грудь или промеж глаз. Но – обошлось. Рецепт, прописанный Болотным Доктором, оказался действенным.

– Слушай, а что это было? – спросил Вервольф, покинувший бункер следом за Гупи.

На плече у «грешника» лежал новенький, поблескивающий смазкой «MAG» – ручной пулемет с облегченным стволом бельгийского производства. Вервольф сразу на него глаз положил, как только Рикошет свет в бункере включил.

– «Драконий глаз» в мертвой воде, – ответил на вопрос «грешника» Гупи. – В радиусе десяти метров создает поле, вызывающее мгновенную остановку сердца.

Если Гупи удавалось собрать хоть немного мертвой воды, он всегда относил ее Доктору – был у сталкера перед ним должок. А Доктор в ответ рассказывал Гупи о многих удивительных свойствах этой в высшей степени необычной жидкости. По словам Доктора, с точки зрения химии, это была самая обыкновенная вода. О была совершенно невозможной – с точки зрения общепринятых законов природы.

– Нам в ту сторону, – указал на вершину холма Журналист. – Но лучше пройти понизу, чтобы не попасться на глаза «монолитчикам», что стерегут нас у другого выхода. Обогнем Припять с запада и завтра, если живы будем, выйдем к АЭС.

– А заночуем где? – поинтересовался Вервольф.

– Мне все равно, – ответил Журналист и, боком, вприпрыжку, побежал вниз по склону.

Вервольф достал из кармана сигарету, прикурил от зажигалки, сплюнул в траву и выдал очень короткое и емкое определение всему происходящему:

– Бардак.

Хотя, может быть, он имел в виду что-то совсем иное.

Глава 16

Заночевать пришлось среди сваленных бесформенной грудой бетонных плит и колец. Не слишком удобное место, но другого поблизости не оказалось. Шрек предложил продолжить путь в темноте, поскольку местность была открытая и вляпаться во что-то, по мнению американца, почти невозможно. На него посмотрели, как на идиота, и никто даже не счел нужным как-то отреагировать на столь дурацкую инициативу.

Неподалеку стояли четыре поддона с кирпичами и штабель давно уже промокших, схватившихся и превратившихся в единый монолит мешков с цементным раствором. Откуда посреди поля взялась эта груда строительного материала? Стройки никакой поблизости вроде бы не намечалось. Может быть, везли куда да по дороге решили, что не стоит оно того, плюнули на все да бросили?

Может, и так. А может, совсем иначе. Кому какое дело?

В одном месте на стоящей наклонно плите были видны следы гари – кто-то, когда-то разводил здесь костер. Несколько толстых трубчатых костей с изгрызенными суставами и раздавленный череп – большой, явно не человеческий, говорили о том, что место сие служило пристанищем не только разумным существам, но и плотоядным тварям. Ну, а разбросанное повсюду дерьмо – это уж, как водится, куда ж без него-то. Вся наша жизнь –

дерьмо. Мы к нему с детства приучены. Так что, ничего, нас дерьмом не испугаешь. Лишь бы мечтающих нас сожрать монстров поблизости не было, а остальное – переживем.

Уровень радиации под плитами в семь и две десятых раза превышал фоновый, но оно и понятно – до АЭС рукой подать. По сему поводу, Шрек выдал всем по три противорадиационных таблетки. Журналист тоже взял предложенные ему таблетки, но – Гупи специально проследил, – так и не положил их в рот.

Ночь прошла, можно сказать, спокойно.

Во время дежурства Мухи с Гупи, часа в три пополуночи, под плиты попытались залезть трое невесть откуда взявшихся зомби. Приблудные, должно быть. Не жрать пришли, а тоже укрытие искали. А может, это и вовсе их обычное место ночевки было.

Поначалу Гупи попытался их просто отогнать. Но мертвяки, видно, совсем бестолковые были – тупо мычали и упрямо лезли в уже занятое людьми укрытие. Пришлось им головы поносить. А потом еще вылезать и оттащить трупы подальше – уж больно они смердели. Падальщиков привлечь могли. Ежели стая крыс-мутантов во главе с крысиным волком зайвится мертвячинкой полакомиться, отбиться от них будет не проще, чем от пары голодных кабанов. Которые, кстати, тоже падалью не брезгуют.

Под утро, когда уже начало светать, явился кровосос. Молодой еще и неопытный, он принялся расхаживать кругами вокруг плит, то переходя в режим невидимости, то вновь являя взглядам людей свое уродливое, лоснящееся, будто маслом измазанное, тело.

Хотел ли он таким образом напугать людей, прежде чем напасть, или же сам себя заводил – черт его знает. Стоявшие на часах Шрек и Вервольф не приняли предложенные кровососом правила игры. Вместо того чтобы восхищенно охать или испуганно визжать, глядя на могучего монстра, они взялись за оружие. Шрек позволил кровососу приблизиться на пять-шесть метров и с близкого расстояния, так что ни промахнуться, ни увернуться, засадил ему в грудь из гранатомета. А Вервольф воспользовался случаем опробовать новый ручной пулемет и в упор расстрелял из него корчащуюся на земле тварь.

«Грешник» снял палец со спускового крючка, только когда кровосос перестал дергаться. Опустив ствол пулемета к земле он внимательно посмотрел на расстрелянного в хлам монстра. Затем подцепил носком ботинка и перевернул на бок.

– Слушай, а у него ведь нет этих самых... Как их... Органов размножения.

– Может, ты ему этот орган отстрелил? – усмехнулся Гупи.

Разбуженный стрельбой сталкер посмотрел на небо, глянул на часы и решил, что ложиться спать снова не имеет смысла.

– Не-а, – покачал головой Вервольф. – Если бы что-то было... Так ведь ничего нет.

– Что, вообще ничего? – любопытствовал Муха.

– Вообще, – развел руками «грешник».

– А почему это тебя беспокоит? – спросил Журналист.

– Ну, непорядок, вроде как, – ответил Вервольф. – Должны же они как-то размножаться... А ежели соответствующих штуковин нет, то тогда как?

– Органы размножения кровососов, так же, как и других монстров, могут выглядеть весьма необычно. И располагаться могут в самом неожиданном месте.

– Например?

– Видишь щупальцы вокруг его рта?

– Да.

– Один из них может оказаться тем самым органом, который ты никак не можешь у него найти.

– Серьезно? – недоверчиво прищурился Вервольф.

– Я только высказал предположение. – Журналист выпростал правую руку из-под плаща и плавным движением кисти нарисовал в воздухе восьмерку.

– Во рту, говоришь?..

Вервольф озадаченно почесал затылок. Посмотрел на мертвого кровососа. И что было сил, с невесть откуда взявшейся злостью ударил дохлого монстра ногой.

– У, отродье!

«Грешник» поставил пулемет у плиты, сел на корточки и достал из рюкзака банку консервов.

– Зря ты так, – искоса глянул на него Шрек.

– Чего? – не понял Вервольф.

– Он ведь не виноват, что таким родился, – кивнул в сторону тела кровососа Шрек.

– И что? – снова ничего не понял «грешник».

– Не стоило его унижать. Тем более – мертвого.

Вервольф устался на американца так, будто у того на носу начал расти пейотль. Он был почти уверен, что вот сейчас вояка прожует ложку каши с грибами, весело улыбнется и подмигнет – мол, как я тебя поддел! – он ведь сам саданул в кровососа из гранатомета. Но Шрек продолжал есть с совершенно невозмутимым видом. Из чего Вервольф сделал вывод, что американец тронулся умом. В Зоне такое случается.

«Грешник» посмотрел на Гупи, рассчитывая, что он как-то прокомментирует странные высказывания вояки. Но Гупи было не до того. Он набил полный рот жвачки и старательно пережевывал ее, надеясь таким образом пусть не компенсировать, так хотя бы приглушить страдания организма, лишенного привычной утренней чашки кофе. Прежде Гупи даже и не подозревал, что кофе настолько важен для него. Необходимость выпить чашку-другую свежесваренного кофе, особенно с утра, была сродни зависимости. Только не на биохимическом уровне, как это бывает у наркомана, а на уровне подсознания. Не выпить с утра чашку кофе – все равно, что выйти из дома, не побрившись. Вроде бы, ничего особенного, а кажется, будто все смотрят тебе вслед. С осуждением.

Жвачка не помогала.

Гупи краем глаза посмотрел на Журналиста. Тот сидел на обломке плиты и неторопливо ел лапшу из саморазогревающегося пакета. Или только делал вид, что ест? За все время, что они были вместе, Гупи ни разу не видел, чтобы Журналист попросил у кого-то флягу с водой. Своей у него тоже не было. Так что же, получается, он вообще не пьет?...

Или...

А, ладно!

Гупи выплюнул источающий едкий вкус перечной мяты комок латекса.

Пора было собираться.

Гупи раскрыл пакет, в который был уложен прихваченный на складе «монолитчиков» скафандр высокой защиты, развернул его и тихо присвистнул. Прав был американец – обычному вольному сталкеру такой скафандр ни за какие деньги не достать. А вот «монолитчики», смотри ж ты, где-то надыбали. И не один, а столько, что даже в схрон запахнули.

Да и сам схрон этот казался Гупи все более странным. У каждого сталкерского клана имелись разбросанные по Зоне схроны с запасами провианта, оружия, боеприпасов и прочей жизненно необходимой амуниции. На всякий случай, если вдруг кто-то из клана останется в Зоне один, без оружия, без еды и без средств связи. Но это были небольшие закладки, только чтобы дать шанс до своих добраться. А то, что видел Гупи в схроне «Монолита», здорово смахивало на склад для длительного хранения припасов. Да и какой смысл устраивать схрон с закладкой всего в нескольких часах ходьбы от места основного базирования клана?

Определенно, что-то не так было с этим складом.

Хотя, если принять версию Шрека о том, что «монолитчики» служили тем же хозяевам, что и военные сталкеры, то все очень даже складно получалось: продукты и припасы доставляли на склад военные сталкеры, а пользовались ими «монолитчики». Таким образом обе стороны не афишировали свою связь. Ведь, если военным сталкерам в Зоне было наплевать на все и вся, то «Монолиту» приходилось соблюдать видимость

независимости, дабы не превратиться в таких же изгоев, как «грешники». Да и мелким сошкам из «Монолита», вроде Мухи или того же Рикошета, совсем не обязательно было знать, на какие средства существует их клан.

В общем, схема вырисовывалась красивая. Однако Гупи не имел привычки забивать голову посторонними вопросами. Он пришел на склад, взял, что ему было нужно, и ушел. Остальное его не касалось. Он ведь даже ничего не украл – их привел на склад «монолитчик» Рикошет. И то, что к тому времени Рикошет уже фактически превратился в зомби, ничего не меняло. Главное, он сам открыл замок.

Скафандр военного сталкера оказался просто замечательным. Во всех отношениях. Иначе и не скажешь. Материал, из которого, он был сделан, смахивал на слоеный пирог. Снаружи покрыт слоем полиморфного пластика, гибкого, но по прочности не уступающего композитной металлокерамике, с адаптирующимся нанопокрытием типа «хамелеон». Далее шел слой тончайшей огнеупорной фольги. Изнутри – такой же тонкий слой материала, утилизирующего пот и прочие выделения организма. Говорят, что, если забраться в такой скафандр голышом, то можно не снимать его неделю, не испытывая при этом особого дискомфорта. Между внутренним и внешним покрытиями имелся слой противорадиационной и биологической защиты. Но, пожалуй, самым замечательным было то, что скафандр выполнял еще и защитные функции. За счет встроенных сенсоров и особых полимеров интеллектуальная броня скафандра приобретала свойство изменяемой стойкости, что позволяло в течение нескольких микросекунд повысить уровень защиты в точке удара пули или осколка гранаты. А встроенный экзоскелет повышал физические возможности сталкера.

Когда Гупи надел скафандр и застегнул последний клапан на шее, вокруг его лба обернулся тонкий пластиковый ободок, из которого выползла прозрачная полимерная пленка, плотно прилипшая к такому же ободку на ворота. Голова сталкера оказалась заключенной в круглый, прозрачный шлем с меняющейся светопроводимостью. Теперь только от его желания зависело, дышать ли атмосферным воздухом, пропущенным через многоступенчатую систему фильтров или же подключиться к кислородному баллону.

– Ну что, все готовы? – спросил Гупи, включив внешний динамик.

Для переговоров с партнерами можно было воспользоваться коротковолновым спикером. Но в данном случае этот вариант был неприемлем – Журналист от скафандра отказался. Да и военные сталкеры, окажись они поблизости, могли услышать разговоры по спикеру.

– Непривычно как-то, – Муха похлопал себя по бокам, подпрыгнул на месте. – Но, в целом, удобно.

– Ага, – кивнул Вервольф. И, глянув на сваленные неподалеку полуразложившиеся тела зомби, добавил: – И вони не чувствуешь.

– Да, удобный скафандр, – согласился с остальными Шрек. – Те, что нам выдают, более тяжелые и неуклюжие.

– Куда теперь идем? – спросил Журналист. – К четвертому энергоблоку?

– Не-е, – осклабился в довольной ухмылке Вервольф. – На станцию пускай дураки лезут. У нас свой путь.

– Так куда же?

– К западу от станции есть старый оборонительный рубеж. Окопы, капониры, ДЗОТы... Все как полагается...

– Знаю это место, – кивнул Журналист.

И пошел вперед.

Вервольф недовольно посмотрел ему вслед – он только начал рассказывать историю. Но Журналист шел, не оглядываясь. Длинные полы его плаща широко разлетались на ветру и будто стелились по низкой голубоватой траве, похожей на тимьян. Остальным ничего не оставалось, как только следовать за ним.

– Мы сегодня до места доберемся? – догнав Журналиста, спросил Муха.

– Доберемся, – коротко кивнул тот. – Если ничего не случится.

Поскольку шли они по открытой местности и поблизости не было видно никаких тварей, Вервольф решил продолжить так некстати оборванную историю.

– Ну, так вот. Говорят, сразу после Второго Взрыва, когда радиоактивный фон был высокий, а монстров и ловушек еще не так много, в ту сторону народ попер. По большей части, гражданский – сталкеров профессиональных тогда еще не было. Ходили слухи... Ну, вы и сами знаете, какие слухи тогда ходили. Каждый, понятное дело, хотел свой кусок счастья урвать. Вот и поперли в Зону, как стадо баранов. Те, что по дороге не окоchuрились, уже радовались, когда увидели впереди трубы станции. И тут-то по ним и саданули из всех стволов... Прикидываете, вся линия обороны была устроена так, чтобы остановить тех, кто к АЭС пойдет, а не тех, кто оттуда полезет.

– Ну, тогда еще, наверное, никто не знал, что из эпицентра взрыва появятся монстры, – высказал предположение Муха.

– Зато уже тогда предпринимались серьезные меры, чтобы не допустить в центр Зоны посторонних, – заметил Шрек.

– Оборону там вэвэшники держали. Людей они немало положили. Но и их самих первая же волна кровососов смела. В клочья разорвали...

– Это только легенда, – сказал, не оборачиваясь, Журналист.

– Да? – Вервольф, казалось, был обижен тем, что поведенную им трагическую историю не восприняли всерьез. – А откуда же там тогда окопы с капонирами?

– Ты не хуже меня знаешь, что там находятся входы в подземные коммуникации. Во всяком случае, они там были. До тех пор, пока военные, покидая Зону, не взорвали их. Но никакого массового расстрела гражданских не было. Да и быть не могло. По той простой причине, что еще до Второго Взрыва вокруг АЭС существовала зона отчуждения, обнесенная колючей проволокой и военными блокпостами. Охраняли ее тогда не так строго, как сейчас, но, все же, ни о каких массовых набегах в Зону и речи быть не могло.

– Все-то ты знаешь, – недовольно проворчал «грешник».

– Я – Журналист.

– Журналист... Одно название только, что Журналист. А я – Вервольф. И что с того?

– Может быть, твоя звериная сущность тебе покоя не дает?.. Ты по следу ходить умеешь?

– Это смотря какой след, – уклонился от прямого ответа Вервольф.

– Ты нас поведешь к Монолиту? – напрямую спросил Журналист.

– А тебе не все равно? – недовольно прищурился Вервольф.

– Я должен знать, кого спасать в первую очередь, если вдруг нарвемся на патруль... Осторожно, справа гравипакет... Стоп!

Журналист замер на месте, как будто налетел на невидимую стену.

Гупи присел на корточки и поднял автомат.

Муха попытался втянуть голову в плечи, но шлем помешал.

– Что? – шепотом спросил Вервольф.

– Среди нас есть саперы?

– А что?

– Кажется, мы влетели на минное поле.

– Так что ж ты!..

– А что я? Противопехотные мины – не моя специализация.

Журналист указал на три тонких проволочных усика, высовывающихся из-под земли возле носка его левой ноги.

«Точно, – подумал Гупи, – мы слишком доверились этому парню. Решили, что, если он аномалии за версту чует, то и все остальные ловушки обойдет».

– Откуда здесь минное поле? – недовольно проворчал Вервольф. – Может, мина-то всего одна?

– Зачем ставить одну мину в чистом поле? – резонно заметил Шрек.

– Откуда мне знать! – махнул рукой Вервольф. – А на фиг здесь минное поле?

Ему никто не ответил.

– Так что делать будем? – спросил, обращаясь ко всем сразу, «грешник».

– Подождем, – сказал Журналист и сел на траву.

– Чего ждать-то?

Журналист молча указал вперед.

Из чахлой рощицы на самой кромке горизонта выходили существа, при одном только упоминании которых рука всякого сталкера машинально тянулась к оружию. Помимо всем известных кровососов, плоти, чернобыльских псов и псевдогигантов были там еще и твари, видеть которых ни Гупи, ни Вервольфу, не говоря уж об остальных, прежде не доводилось. Штук шесть или семь контролеров, затесавшихся в общую толпу, вели себя крайне странно – вертели по сторонам издалека кажущимися едва ли не квадратными головами и не то возмущенно, не то растерянно размахивали огромными ручищами.

– Их сводит с ума присутствие рядом большого числа других существ. И других контролеров, – сказал, как будто отвечая на незадаанный вопрос Гупи, Журналист. – Они сейчас едва ли не самые беспомощные творения Зоны. Им еще нужно научиться чувствовать и управлять своей силой.

– А химера?

Гупи сам никогда не видел химеру, ни живую, ни мертвую, но опознать ее оказалось несложно – она мало чем отличалась от мифологического существа, давшего ей название.

– Химера – удивительное создание, – откликнулся Журналист. – Оно наделено незаурядным умом, феноменальным чутьем, ментальной силой и при этом жестокое, хладнокровное и беспощадное. В отличие от того же кровососа, химера может убить не потому, что хочет есть, а просто так, ради забавы.

Будто подчиняясь чьей-то воле, чудовища двигались от центра Зоны к заградительному кордону. И было их не меньше сотни. То еще зрелище – парад уродов, каждый из которых способен разорвать тебя в клочья.

– И чего мы ждем-то? – Вервольф схватил Журналиста за плечо. Но тот даже не посмотрел на него. – Когда все эти умные и злобные твари придут сюда и сожрут нас?

– Умные-то они, может быть, и умные, – задумчиво произнес Журналист. – Вот только пока еще они не знают, что такое противопехотная мина. И тут же, будто в подтверждение его слов, из-под ноги шагнувшего чуть впереди других псевдогиганта вылетел огненный клубок и на расстоянии полутора метров от земли разорвался ослепительной вспышкой, рассыпавшейся градом стальных осколков. Псевдогигант, взревев, опрокинулся на спину, забил по земле короткими конечностями-обрубками, смешно и беспомощно, будто велосипедист, накручивающий педали, замахал в воздухе длинными, мускулистыми лапами. Находившийся слева от него кровосос был сражен наповал. Позже, когда в его организме пройдет процесс регенерации, он, может быть, еще и поднимется на ноги, но пока монстр лежал, будто труп. Плоть, находившаяся по другую сторону от псевдогиганта, также получила заряд осколков в бок. Отчаянно визжа, она боком, боком, запрыгала в сторону, пока под ее лапой не сдетонировала другая мина.

И после этого – началось!

Твари тупо и настойчиво перли вперед, будто это была психическая атака, а мины взрывались одна за другой, сбивая с ног тех, кто покрупней, а мелочь, вроде чернобыльских псов и плоти, так и вовсе разнося в клочья.

Вой и визг, будто застывшие в воздухе.

Кровь и ошметки плоти, разлетающиеся во все стороны.

Солнце, неожиданно выглянувшее из-за туч и залившее поле кровавой бойни добрым, радостным светом.

Даже Вервольф, которого, казалось, вообще ничем пронять невозможно, и тот, глядя на то, что творилось перед ними, неприязненно морщился.

– Ну вот, – искоса глянул на него Журналист. – А ты говорил, что мина одна.

– Ну, пусть не одна, – Вервольф переступил с ноги на ногу – смущенно, а может быть, просто застоялся. – Все равно – кто и какого хрена их тут понаставил?

– А тебе никогда не хотелось знать, что было, когда ничего не было? – спросил Гупи.

– В каком смысле? – переспросил «грешник».

– Когда-то давно, до начала времен, еще до Большого Взрыва нашей Вселенной не существовало. Так?

– Так, – легко согласился с таким утверждением Вервольф.

– Не было ни времени, ни материи. Так?

– Так, – Вервольф начал чувствовать подвох, но пока еще не догадывался, в чем он заключается.

– Не было вообще ничего. Так?

– Ну... Наверно, – куда менее уверенно согласился «грешник».

– Была сингулярность, – пришел на помощь Вервольфу американец.

– Нет, Шрек, ты нас не путай, – помахал рукой Гупи. – Сингулярность возникла в момент Большого Взрыва. А до него не было ничего. Вообще – ни-че-го!

– А что же тогда было? – вконец растерялся Вервольф.

– Вот в этом-то и заключается вопрос. – Гупи хотел эффектно щелкнуть пальцами, но в перчатках у него это не вышло.

– О! Смотрите! Смотрите, как полетел! – указал на отброшенного взрывом кровососа Муха.

Вервольф посмотрел на «монолитчика», как на идиота.

Муха зачарованно наблюдал за тем, как взрываются мины под движущимися по минному полю монстрами. Казалось, он вот-вот восторженно захлопает в ладоши, словно ребенок, дождавшийся очередного залпа праздничного фейерверка.

Вервольф перевел взгляд на Гупи и многозначительно постучал пальцем по шлему.

Гупи согласно кивнул.

– Ладно, а мины тут при чем? – спросил, возвращаясь к прежней теме, Вервольф.

– Ни при чем, – будто за что-то извиняясь, развел руками Гупи.

– Вообще? – недоверчиво прищурился «грешник».

– Абсолютно, – подтвердил Гупи.

– Чего же ты тогда об этом заговорил?

– Просто так. Все равно ведь стоим и ничего не делаем.

Прущие напрямик через минное поле монстры прошли примерно половину пути до безопасной зоны. Но и осталось их при этом меньше половины. Пара псевдогигантов, три кровососа и один контролер ковыляли позади остальных, приволакивая раненые конечности. А за ними, не торопясь, мягко переступая с лапки на лапку и изящно помахивая длинным хвостом, двигалась химера. Она явно не старалась вырваться вперед. Видно, уже сообразила, что для того, чтобы остаться в живых, нужно идти по проторенному другими пути. Умница, тварь.

Шрек поднял винтовку, тщательно прицелился в химеру и выстрелил. Но за миг до того, как он нажал на курок, химера стрельнула взглядом в его сторону, злобно зашипела и прыгнула в сторону. Пуля зарылась в землю.

Шрек выстрелил еще раз. И снова химера успела увернуться.

– Не трать попусту патроны, – усмехнулся Журналист. – Химера обладает способностью предугадывать действия другого существа. Ты скорее попадешь в нее, если станешь палить не целясь, наугад.

– Пускай живет пока, – Шрек опустил ствол винтовки к земле. – Красивая, дрянь.

– Красивая, – согласился Муха.

Монстры, что оставались в живых, уже не двигались вперед единым фронтом, а начали разбредаться в стороны. Как будто каждый из них решил самостоятельно искать путь к спасению.

– Ну, вот, теперь и нам можно идти, – опершись рукой о землю, Журналист тяжело поднялся на ноги. Казалось, он страшно устал. Хотя, с чего бы? Или на его плечи давил груз прожитых лет? – Ну, так кто пойдет первым?

Шрек задумчиво посмотрел в спину уходившему куда-то влево кровососу. У монстра кровоточил бок, но ступал он по минному полю довольно уверенно. До тех пор, пока не напоролся на мину.

– А может, ну его? – предложил вояка. – Стороной обойдем?

– Какой? – саркастически усмехнулся Журналист.

– Тогда пусть Муха идет вперед! – в приказном тоне заявил Вервольф.

– Почему я? – удивленно оглянулся на «грешника» Муха.

– Потому что у тебя полно всяких приборов.

– Миноискателя у меня нет.

– Подстрой какой-нибудь другой.

– Подстрой сам, если такой умный!

– Ладно, ладно, успокойтесь! – примирительно поднял руки Гупи. – Муха, иди сюда.

Сталкер подошел к тому месту, где Журналист заметил первую мину и присел возле нее на корточки.

– Ну? – приблизился к нему «монолитчик».

– Смотри, контактные усики мины очень хорошо видны...

– Когда знаешь, где они. А так, поди, рассмотри их среди травы!

– Если внимательно смотреть...

– Да не пойду я первым!

– Боишься? – спокойно спросил Журналист.

– Боюсь, – честно признался Муха.

– Ну, вот и хорошо. Если боишься, значит, будешь внимательно смотреть себе под ноги. Главное – не торопись. Нам пройти-то всего метров тридцать. А дальше – все монстры уже разминировали.

Гупи был уверен, что разговоры Журналиста ни к чему не приведут, и Муху придется под прицелом автоматов гнать вперед по минному полю. Вервольф так и вовсе склонялся к мнению, что «монолитчика» лучше прямо сейчас пристрелить, иначе он может всех угробить. Что думал Шрек, никто не знал – американец держал свое мнение при себе.

Но Муха, неожиданно для всех, сказал:

– Ну, ладно, – закинул автомат на плечо и осторожно переступил через первую мину.

Гупи показал Журналисту большой палец – в знак восхищения.

Журналист в ответ сделал легкое движение правой рукой – мол, ничего особенного, – и пошел следом за Мухой.

Муха прошел метров двадцать, уверенно обозначив местоположение шести мин. Но, все равно, это была чистая лотерея. И, в конце концов, он вытянул не тот билет.

– Стой! – крикнул у него за спиной Журналист.

Муха замер на полушаге.

– Что? – прохрипел он, как будто горло ему сдавила невидимая костлявая рука.

– Что? – спросил шедший позади Журналиста Гупи.

– Он наступил на мину.

– И что теперь? – в один голос спросили Гупи и Муха.

– Как только он с нее сойдет, сработает детонатор. Мина подпрыгнет метра на полтора вверх и взорвется.

– Это понятно, – кивнул Гупи. – Как с Мухой-то быть?

– Не знаю, – безразлично дернул плечом Журналист.

Он сделал три осторожных шага в сторону и запрыгнул на труп посеченной осколками плоти. Затем еще три шага – и оказался рядом со здоровенным чернымбыльским псом с выпотрошенным брюхом. Дальше начиналась безопасная зона.

Лежавший неподалеку от него кровосос, оперся руками о землю и начал медленно подниматься.

Журналист подошел к нему и хлестко ударил ногой по морде.

Кровосос опрокинулся на спину и захрипел. Длинные, когтистые пальцы его медленно сжимались в кулаки и разжимались. Сжимались и разжимались. Будто и не живое существо это было вовсе, а часть уродливого, бессмысленного механизма.

Гупи обошел напряженно замершего на месте Муху и, стараясь ступать по следам Журналиста, подошел к агонизирующему кровососу. Скинув с плеча автомат, он передернул затвор и почти в упор всадил две пули кровососу в голову. Так. На всякий случай.

Следующим выбрался из опасной зоны Вервольф.

– Извини, Муха...

Шрек кончиками пальцев быстро коснулся плеча «монолитчика» и последовал за остальными.

– Эй!.. Пойдите!.. – потерянно развел руками Муха. – А как же я?.. Вы что?.. Хотите меня оставить?..

– А что ты предлагаешь? – со свойственной ему прямоотой спросил Вервольф.

– Но я же стою на mine! – в отчаянии всплеснул руками Муха.

– Вот именно.

– Вы должны мне помочь!..

– Как?

– Ну... Мину можно разминировать!

– Нет, – с сожалением качнул головой Шрек. – Если задет контактный провод, прыгающую мину уже невозможно обезвредить.

– Да?..

Муха, казалось, был уверен, что его разыгрывают. Глупая, конечно, шутка, но все лучше, чем правда о том, что жить тебе осталось ровно столько, сколько ты сможешь простоять на месте, не двигаясь.

– Да, – кивнул Шрек.

– К тому же, среди нас нет сапера, – добавил Вервольф.

– А мне что делать? – снова взмахнул руками Муха.

Вопрос остался без ответа.

– Ладно, пошли, – сказал Журналист.

И быстро зашагал вперед, переступая через останки подорвавшихся на минах монстров. За ним – остальные.

– Эй!.. Пойдите!.. – отчаянно закричал Муха. – Сволочи!.. Твари!.. Подонки!.. Да что б вам всем сдохнуть раньше меня!..

Длинная автоматная очередь уложила всех на землю.

Вервольф ткнулся лицевым щитком шлема в развороченное нутро плоти – омерзительно! – выругался что есть мочи, перевернулся на спину, приподнявшись на локте, выдернул из-под мышки дробовик и, не целясь, выстрелил в перезаряжающего автомат Муху.

«Грешник» и сам не мог сказать наверняка, попал или нет. Быть может, увидев направленный на него ствол, Муха инстинктивно сделал шаг назад. Или только дернулся в сторону. Как бы там ни было, он сошел с контактного провода мины. Выскочив из-под земли, «попрыгунья» взлетела вверх и превратилась в ослепительный огненный шар.

Опершись о ствол пулемета, который, падая, он кинул рядом с собой, Вервольф поднялся на ноги и посмотрел на распластавшегося на земле Муху.

– Готов?.. – произнес он не очень уверенно.

– Должно быть... – глянул в ту же сторону Шрек. – Не шевелится.

– А если и жив, что, нам его теперь на себе тащить? – ладонью в перчатке Гупи попытался счистить налипшую на скафандр грязь и кровь. – К черту!

– Мудрое решение, – одобрительно кивнул Журналист.
– Не мудрое, но разумное, – уточнил Гупи.
– Согласен, – еще раз кивнул Журналист.
– Отличный скафандр! – браво хлопнул себя по плечу Вервольф. – Мне, по крайней мере, три пули в спину угодили! И – хоть бы что!
– В меня он тоже, вроде, попал, – Шрек повернул голову, как будто хотел взглянуть себе на спину и убедиться, что там нет входного пулевого отверстия.
– Только не особенно надейтесь на свои скафандры, если встретимся с военными сталкерами, – сказал Журналист. – У них пули особые. Такая пуля за счет особой траектории полета не пробивает броню, а как бы ввинчивается в нее, протискиваясь между слоями.
– Да ты что? – не то дурачась, не то всерьез удивился Вервольф. – Поубивал бы гадов, что такую хрень придумывают!

Глава 17

Четверо – не отряд уже, а то, что от него осталось, – поднялись на невысокий холм.

Перед ними расстилалась поросшая бурьяном равнина, пересеченная наискосок узкой, изломанной полоской измельчавшей, заросшей мутировавшим камышом и осотом речушки. Почти у самого горизонта, будто пальцы, поднятые в зловещем предостережении, указывали в небо полосатые трубы Чернобыльской АЭС. А совсем недалеко, среди зарослей лопухов, одичавшего хрена и поднявшейся едва ли не в человеческий рост вездесущей полыни виднелись бетонные короба капониров и ДЗОТов, к которым и вел отряд Журналист.

Казалось, цель близка. Но оставалась одна проблема, видимая даже невооруженным глазом, – монстры. Десятки монстров, уродливейшие из самых уродливых порождений Зоны, умные, хитрые, кровожадные и не знающие пощады убийцы. Казалось, все они только затем и собрались на узком пространстве между ведущим к капонирам окопом и холмом, на котором стояли люди, чтобы не дать им пройти. Они даже не пытались атаковать, лишь тупо стояли, порывая, время от времени хищно и нервно переступали с лапы на лапу и пялились на людей. Будто были уверены, что те непременно сами к ним спустятся. А ежели так, чего ж суетиться-то понапрасну?

Вервольф скинул с плеча пулемет, дернул затвор, положил ствол на левое предплечье, подкинул и ухватисто цапнул пальцами.

– Ну что, мужики, двинули?

– А что ж, все равно деваться некуда...

И они двинули.

По-настоящему.

По-серьезному.

По-мужицки.

Как могут только сталкеры, которым уже нечего терять, кроме своих никчемных жизней.

Впереди шел «грешник», поливая монстров свинцом из работающего безостановочно пулемета. Позади него двигался Журналист, который в нужный момент передавал Вервольфу новую коробку с патронами. На то, чтобы перезарядить пулемет, у Вервольфа уходило четыре-пять секунд. Запоздай он хоть раз на две-три секунды, и кровожадные твари разорвали бы «грешника» в клочья, а обломки замечательного скафандра лишь похрустывали бы у них на зубах. Вервольф только посмеивался, глядя на оскаленные морды, будто выставляющие напоказ желтые клыки и синюшные, извивающиеся языки с клочьями пены по краям. Чего ему не хватало в этот момент, так это возможности провести согнутой рукой по взмокшему лбу и затянуться зажатой в зубах сигаретой.

Гупи и Шрек сдерживали натиск по флангам. Если Вервольфу нужно было переть вперед, как мощному тарану, то им приходилось работать едва ли не филигранно, выбирая и отстреливая наиболее опасных тварей, готовых атаковать.

Очередь...

Перезарядить...

Кинуть в подствольник гранату...

Дернуть спусковой крючок...

Очередь...

Граната...

И не забыть, что с опущенным лицевым щитком кольцо зубами не вырвешь – нужно цеплять его за крючок на плече...

Еще одна граната...

Очередь...

Перезарядить...

Подствольник...

А-аа-ахххх!!!!

Первым на дно окопа скатился Вервольф.

Развернулся, дал очередь в морду сунувшемуся за ним кровососу.

Откатился в сторону, когда прямо на него прыгнул Журналист.

Поднялся на ноги. Огляделся.

Журналист, Гупи, Шрек – все тут.

А вот нырнувшая в окоп тварь, похожая на крылатого змея с рахитичными ножками, – явно лишняя.

Ее уложил Шрек очередью из винтовки.

– Вперед!

С пулеметом наперевес Вервольф побежал вдоль окопа.

Глубина – в человеческий рост. Стенки укреплены бетонными балками. На каждой десятой – наклеенный черной масляной краской номер. Номера изменялись от меньшего к большему – значит, они двигались в нужном направлении. Вход в бункер, из которого уже можно попасть в систему подземных ходов, находился возле балки с номером «девяносто шесть». «Грешник» знал об этом, но не спешил поделиться информацией с другими. Поскольку знание, как известно, сила. А порой и лишние минуты жизни.

Возле балки «тридцать четыре» Гупи скинул прыгнувшего на него сверху пса и, не останавливаясь, на бегу перерезал ему глотку. Если бы не скафандр, пес первым добрался бы до горла сталкера.

Возле балки «пятьдесят шесть» окоп почти под прямым углом повернул направо. Первым, что увидел Вервольф за поворотом, оказалась пулеметная огневая точка, укрепленная снизу ярко-зелеными пластиковыми ящиками, а поверх них – мешками с песком. «Грешник» еще успел подумать, что и ящики, и мешки выглядят подозрительно новыми. Но окончательно оформиться и как-то повлиять на дальнейшие действия сталкера эта мысль не успела.

Над верхним рядом мешков поднялась человеческая фигура, облаченная в такой же защитный скафандр с маскировочным покрытием «хамелеон», почти сливающимся с окружающим пространством. Лицевое забрало прикрыто зеркальным светофильтром, так что лица не видно. Слева на груди эмблема – две скрещенные молнии и ядерный «гриб» над ними – и, чуть ниже, число «четырнадцать».

Очередь из автомата военного сталкера швырнула Вервольфа на стену окопа. Он оперся о стену локтем, поднял пулеметный ствол и нажал на гашетку. Пули распорили несколько мешков во втором ряду. Бежавший следом за «грешником» Шрек сорвал с пояса гранату, выдернул чеку и кинул ее за стенку из мешков.

Военный сталкер нырнул в укрытие.

Вслед ему Шрек послал еще одну гранату.

Секунда...

Другая...

Третья...

Ни одна из гранат не разорвалась. Что, наверное, трудно назвать совпадением.

Над верхним рядом мешков выросли сразу двое военных сталкеров.

Одна автоматная очередь прошла по стенке окопа, к которой прижимался Вервольф. Другая взрыла землю в том месте, где секунду назад стоял Журналист, который очень вовремя и удивительно ловко, запрыгнул на бруствер окопа.

– Назад! – крикнул Гупи.

Пригибаясь и инстинктивно прикрывая голову согнутой рукой, сталкер попятился за угол.

В голове крутилась нелепая мысль – удастся ли ему выбраться отсюда живым? Ее догоняла другая – а если удастся, что делать и куда идти? Без Вервольфа вход в бункер не отыскать.

Примерно в тот же момент, когда в голове Гупи зародилась еще одна, наиглупейшая идея – вернуться и попытаться вытащить раненого, но, быть может, еще живого «грешника» из-под огня, произошло нечто совершенно невообразимое. Нечто такое, во что потом, вспоминая, сам не веришь, хотя и видел все своими глазами.

Журналист метнулся по брустверу, снова спрыгнул в окоп и кинулся к пулеметному гнезду. Он двигался невообразимо быстро. Настолько быстро, что силуэт его, казалось, размазывался в воздухе. Как будто он сам опережал свой зрительный образ. Должно быть, зрелище это и на военных сталкеров произвело впечатление, потому что на секунду они прекратили стрелять. Всего на одну-единственную секунду. А в следующую секунду Журналист выбросил перед собой правую руку с растопыренными и слегка согнутыми, как будто они сжимали невидимый шар, пальцами, и какая-то неведомая сила отбросила военных сталкеров к стенке окопа. Не успели они прийти в себя, как Журналист запрыгнул на сложенную из мешков стенку и выпростал из-под плаща левую конечность. Именно так – конечность, потому что назвать это рукой было невозможно. Больше всего левая конечность Журналиста напоминала переднюю лапу богомола, которой тот хватает жертву. Журналист – или кто он там был? – резко распрямил в локте эту непропорционально огромную, тяжелую конечность, и одним коротким кистевым движением, будто взмахом косы, снес головы обоим военным сталкерам.

– Мать божья, – с благоговейным трепетом прошептал Шрек.

– И не говори, – так же тихо отозвался Гупи. – В дерьме по уши.

– Кто? – обернувшись, глянул на него Шрек.

– Мы, кто же еще.

Журналист спрыгнул с мешков и подбежал к всеми забытому Вервольфу, лежавшему на дне окопа и уже не подававшему признаков жизни. Скафандр на груди «Грешника» был вспорот автоматной очередью. Однако биодатчик на шее все еще фиксировал незначительные признаки жизни – в пределах от десяти до четырнадцати процентов от оптимума.

Присев на корточки, Журналист быстро освободил голову Вервольфа от шлема. Затем до пояса стянул с него скафандр.

Достаточно было даже непрофессионального взгляда на развороченную пулями грудь Вервольфа, чтобы понять, что он уже не жилец.

Журналист обхватил пальцами правой руки – левая снова была спрятана под плащом, – горло Вервольфа, как будто собирался задушить его, чтобы избавить от страданий. Но вместо того, чтобы тихо скончаться, «грешник» широко раскрыл глаза и закашлялся, отплевываясь кровью.

– Гупи! Давай свой иньектор! – крикнул Журналист.

Сталкер скинул с плеч рюкзак, достал из бокового кармана позаимствованный у «ботаников» инъектор, вставил в него новый картридж и кинул Журналисту.

Тот поймал инъектор и шлепком прилепил его к груди «грешника».

Шрек поднял ствол винтовки и навел его на Журналиста.

– Кто ты такой?

– Я Журналист, – он даже не взглянул на вояку.

– Какой ты, к дьяволу, Журналист!

Эту реплику американца Журналист оставил без ответа.

На дисплее инъектора высветилась надпись: «Повреждения внутренних органов, несовместимые с жизнью. Варианты действий: 1 – Эвтаназия (рекомендуется); 2 – Тотальная анестезия; 3 – Временное восстановление некоторых жизненных функций». Журналист надавил пальцем на кнопку с цифрой «три».

Вервольф закашлялся, выплюнул сгусток крови и задышал ровнее. Он даже попытался приподняться на локте, но Журналист не позволил ему это сделать.

– Лежи, лежи, – успокаивающе произнес он.

– Подстрелили... – тяжело, с досадой прохрипел Вервольф.

– Со всяким случается.

– Остальные?..

– Остальные целы.

– Ч-ч-черт...

– Э-эй! – Шрек помахал стволом винтовки перед лицом Журналиста. – Ты не ответил на мой вопрос.

Тот быстро глянул на него:

– Разве?

– Кто ты такой?

– Тебе не все равно?

– Нет.

– Тогда подумай о том, что в скафандры военных сталкеров были встроены такие же биодатчики, как и в твой. Только сигналы их поступают на штабной сервер. И сейчас сюда, проверить, что произошло, направляется взвод военных сталкеров. Как тебе такой ответ?

– Сталкеры – люди...

– Которые прикончат тебя прежде, чем ты успеешь представиться. Впрочем, если хочешь, можешь их дождаться. Я не против.

Вервольф снова попытался подняться.

– Нам нужно идти...

Гупи выстрелом сбил присевшую на бруствер окопа горгулью.

– Далеко еще? – спросил Журналист.

– Нет... Не очень...

– Где?

– Я покажу...

– Если ты потеряешь сознание...

– Я покажу!.. Сам... – Вервольф харкнул кровью. – Вы же, суки, меня тут бросите... Как Муху...

– А тебе не все равно, где помирать-то?

– Э, нет... – Вервольф попытался усмехнуться, но снова закашлялся. Кровавая пена запузырилась у него на губах. – Монолит... Монолит не даст мне сдохнуть... Он, сука, у меня в долгу... В долгу... Сука...

– Чего он несет? – непонимающе посмотрел на Журналиста Гупи.

– А, какая разница!

Журналист поднялся на ноги и легко, будто мешок с отрубями, закинул «грешника» на плечо.

– Ну, как? Удобно?

– Хреново...

– Смотри, место не прозевай.

– Иди, зараза... Иди... Я долго не протяну... Мне...

Вервольф сделал глубокий вдох и едва не захлебнулся собственной кровью.

Глаза «грешника» закатились.

– Вервольф! – подскочив к Журналисту сзади, Гупи с размаху ударил «грешника» по щеке. – Смотри на меня, Вервольф!.. Слышишь! – он с оттяжкой ударил умирающего по другой щеке. – Не вздумай сдохнуть, гад!

Вервольф дернул головой и посмотрел на Гупи вполне осмысленно.

– Гупи... Ты везучий...

– Пошли!

Гупи толкнул Журналиста в спину. И тот, придерживая тело «грешника» одной рукой, а другую, уродливую конечность, пряча под плащом, затрусил вдоль окопа.

– Кто?.. Черт... – Шрек тряхнул головой. Стволom винтовки указал на спину Журналиста. – Что он такое?

– Излом, – коротко ответил Гупи.

– Не понял? – тихо переспросил вояка.

– Так его называют – Излом.

– Кто он? Монстр? Мутант?..

– Черт его знает, – пожал плечами Гупи. – Факт то, что раньше он был человеком. А потом... Что-то с ним произошло. То ли Зона его так перекутила, то ли... Не знаю.

– Он один такой?

– Да вряд ли... Наверное, еще есть... Мне об Изломах Болотный Доктор рассказывал. Один из них к нему даже лечиться приходил.

– И что же твой Доктор говорил?

– Говорил, что, если специально станешь искать Излома, то ни в жизнь не найдешь. Зато, если ты ему будешь нужен, он тебя за любым деревом подкараулить может. Любая тварь в Зоне предпочитает не связываться с Изломом, а обойти его стороной. Может, монстры потому и не донимали нас особо по дороге, что с нами Излом шел. Видал, как он военных сталкеров по стенке размазал перед тем, как кочаны им снес? Это, дружище, называется, психокинетика. А еще он хороший телепат и владеет навыками внушения. Клевый наборчик, да?

– А доверять ему можно?

– Ты у него самого спроси, – кивнул на шагающего впереди Журналиста Гупи. – Чего стесняешься? Думаешь, он наш разговор не слышит?.. Да ему и слушать не надо. Я же сказал, Излом – телепат.

– А по твоему мнению?

– А по моему мнению, в Зоне никому доверять нельзя. И я тебе, дружище, это не в первый раз говорю...

– Стой... Стой... – задержался повисший на плече Журналиста Вервольф. – Вот она... Вот!.. Девяносто шестая балка...

– И чем же она лучше других? – непонимающе посмотрел по сторонам Шрек.

Все тот же окоп, укрепленный бетонными балками, пластиковыми ящиками и мешками с песком. Нет даже намека на обещанный вход в бункер. Но на балке, действительно, был проставлен номер «девяносто шесть».

– Здесь... Здесь... – надсадно хрипел Вервольф. – Вход в бункер... Его бюреры прорыли... Они падалью питаются... а трупов здесь прежде много было... много... Дыру потом военные... сталкеры завалили... Тут он, у девяносто...

Речь «грешника» превратилась в нечленораздельное бульканье и хрип.

Придерживая одной рукой, Журналист скинул Вервольфа с плеча и посадил у стенки окопа.

«Грешник» сидел, завалившись набок. Глаза закрыты. Из уголка рта струйкой вытекает кровь. Единственным признаком еще теплящейся в изуродованном теле жизни было то, что он медленно сжимал, разжимал и снова сжимал пальцы лежащей на бедре левой руки.

– Так ты умеешь читать мысли? – держа Журналиста на прицеле, спросил Шрек.

Ничего не ответив, даже не взглянув в сторону дюже любопытного вояки, Журналист подошел к балке с номером «девяносто шесть» и начал выламывать из стены окопа плотно слежавшиеся мешки. Поставив автомат рядом так, чтоб рукой можно дотянуться, Гупи принялся разрушать укрепление по другую сторону балки. Оба работали сосредоточенно и упорно. У Журналиста дело шло живее, хотя и орудовал он одной рукой. Но вход в заваленный землей бункер нашел Гупи. Повезло.

Отвалив мешок из третьего ряда, сталкер почувствовал, как рука провалилась в пустоту. Гупи скинул вниз еще один мешок и тогда уже увидел край темнеющей дыры.

– Есть! – радостно воскликнул Гупи и с удвоенной энергией принялся разрушать стену. Журналист помогал, оттаскивая в сторону мешавшиеся под ногам мешки.

Как только лаз расширился настолько, что в него стало можно пролезть, Гупи просунул голову и правую руку в дыру и включил фонарик.

Это оказался старый, заброшенный бункер. Должно быть, с конца прошлого века в него не заглядывал никто, кроме бюреров, повсюду оставляющих кучи нечистот и груды старого, грязного, омерзительно воняющего тряпья. Помимо спальни и сортира у бюреров тут был еще и обеденный зал – по полу разбросаны обглоданные человеческие кости и расколотые черепа. В свое время бункер и все, что в нем находилось, кто-то навеки решил похоронить под землей, замуровав двери и бойницы бетоном. Но, видно, прав был Вервольф, случилась здесь когда-то бойня, после чего остались груды трупов. За ними-то и явились падальщики-бюреры, расковырявшие ради такого дела одну из запечатанных бойниц.

Протиснувшись через узкую щель, Гупи скатился на неровный бетонный пол.

Дух в бункере стоял еще тот, потяжелее, чем на космической станции с интернациональным экипажем на борту после шести месяцев полета. На непривычного человека действовал все равно, что иприт – если сразу не убивал, то уж точно, с ног валил. По счастью, Гупи не пришлось ощутить это на себе – спасла мощная, многоступенчатая система фильтров, через которую отравленный воздух поступал в скафандр.

Поднявшись на ноги, Гупи провел фонариком по сторонам. Металлическая дверь, ведущая в подземные коммуникации, по которым им предстояло пройти, была не просто сломана, а вместе с петлями вырвана из стены. Должно быть, дверь вышибла психокинетическая кувалда толпы бюреров, жаждущих мяса с душком.

Интересная получалась история. Много лет назад военные, занимавшиеся черт знает чем в зоне отчуждения вокруг взорвавшейся в восемьдесят шестом Чернобыльской атомной электростанции, спровоцировали второй взрыв. О природе которого до сих пор спорят «ботаники», не имеющие доступа к секретным материалам. Те же, кто знал, что произошло, предпочли убраться, замуровав все входы в запутанную, словно лабиринт Минотавра, систему подземных ходов, ведущую, не иначе как, в саму преисподнюю. Работа была выполнена, но на скорую руку, кое-как. Тогда все делали в спешке. Едва ли не в панике. Бежали, сжигая за собой мосты. И пряча концы в воду. Знали ли эти беглецы о существовании бюреров, обладающих психокинетическими способностями? Перед этими трупоедами, если только они почуют вонь разлагающейся падали, ни одна стена не устоит. Бюреры сначала взломали дверь в бункер, а затем пробили ход наружу. В окоп, заполненный трупами. Чьими? Бюрерам это, надо полагать, было все равно. Военные, завалившие вход в бункер мешками с песком, явно не знали, куда ведет этот ход. Иначе бы они весь бункер залили бетоном. Хотя доставить в центр Зоны свежий, не схватившийся бетон все равно, что в космос его запустить. Золотой получился бы бункер. И все равно – сделали бы. На всякое секретное дерьмо у нас денег хватает. И вот теперь пришел сюда сталкер-одиночка Гупи. Не по своей воле пришел. А все равно придется ему

теперь лезть под землю, чтобы попытаться найти путь к самому сердцу Зоны. Зачем? А черт его знает! Просто не было для него другого пути. А жить, ох, как хотелось. Хотя и непонятно, почему. Можно подумать, в его жизни было хоть что-то хорошее...

Кстати, откуда Вервольф узнал о девяносто шестой балке, рядом с которой находится путь в потаенный бункер? Вопрос. Сам «грешник» об этом ничего не говорил. Значит, так и останется это загадкой на веки веков. На которую никто не сможет дать ответа. Ведь даже Излом, именующий себя Журналистом, не знал об этом лазе. А сам Вервольф, надо полагать, уже отдал свою забубенную душу Черному сталкеру. Его приятель Сало – еще раньше.

Все эти мысли промелькнули в сознании Гупи за тот короткий отрезок времени, что потребовался Шреку для того, чтобы следом за сталкером забраться в бункер. Тряхнув головой, вояка зачем-то постучал рукой по шлему и отошел в угол. Гупи верно расценил занятую Шреком позицию – оттуда он держал под прицелом забирающегося в бункер Журналиста. А Излом не только сам в бункер залез, но еще и мертвое тело Вервольфа втащил.

– Зачем? – спросил Шрек.

Журналист повернулся, посмотрел на направленный в его сторону ствол, матово отсвечивающий в свете узкого лучика подствольного фонарика.

– Бюрерам презент.

– Бюрерам? – непонимание в голосе Шрека.

– Они пададь любят.

– Ты хочешь скормить бюрерам Вервольфа?

– Нет. Его труп.

– Подонок!

Палец Шрека так и плясал на спусковом крючке.

Журналист выпрямился и даже чуть прогнулся назад в спине. Пола его плаща немного отошла в сторону и из-под нее, как будто невзначай, сама собой, показалась уродливо-огромная кисть левой руки.

– Тебе нужен предлог, чтобы выстрелить в меня?

Шрек дернул предохранитель и вскинул винтовку на плечо.

– Вот так, – произнес Журналист спокойно, почти безразлично и, уж точно, без вызова или желания зацепить.

Излому было абсолютно безразлично, что думает о нем Шрек. Во-первых, он точно знал, что жить американцу осталось недолго. Во всяком случае, из подземных коммуникаций, куда они собирались спуститься, Шрек уже точно не выберется. Во-вторых, для него не имело никакого значения то, что вояка вооружен автоматической винтовкой и отлично умеет с ней управляться. Излом был быстрее и сильнее американца. И, что самое главное, знал все его действия наперед. Можно сказать, Излом был практически неуязвим. Хотя сам Журналист это определение не любил.

Он подошел к выломанной двери и глянул через порог. За дверью находилась широкая площадка, сваренная из рифленого швеллера в два пальца толщиной, с высокими перилами по краям. Справа к площадке примыкала шахта автоматического подъемника. Влево она тянулась вдоль стены метров на десять и заканчивалась уходящей круто вниз лесенкой. Внизу царил непроглядный мрак. Но обладающий идеальным ночным зрением Излом определил, что до дна метров десять. Присутствия бюреров он пока не чувствовал. Но в том, что впереди ждет встреча с обитающими под землей мутантами, Журналист не сомневался. Собравшись в стаю, бюреры могли наброситься даже на Излома. Поэтому лучше при встрече их задобрить. И тут как нельзя кстати пришелся труп так и не обретшего свою мечту «грешника».

– Ты хотя бы знаешь, зачем он шел к Монолиту? – услышал у себя за спиной Журналист.

Он медленно развернулся и оперся спиной о перила.

– Знаю. Я все знаю. Знаю, зачем ты идешь туда. И он, – Излом кивнул на Гупи.

– Серьезно? – удивился сталкер. – А я не знаю.

Шрек опустил голову и посмотрел на труп Вервольфа.

– Хочешь знать, что за мечта у него была? – спросил Журналист.

– Мы должны похоронить его, – угрюмо произнес в ответ Шрек.

– Вместе с мечтой?

– Иди ты...

– Его мечты воняли, как нестиранные носки.

– Он человеком был!

– Ты в этом уверен? – слегка наклонил голову к плечу Излом. Шрек промолчал. – Хочешь, дам тебе совет?.. Бесплатный?.. Не говори о том, чего не знаешь. Понял?

Гупи слушал перепалку Шрека с Журналистом, не имея ни малейшего желания принимать сторону одной из сторон. У него была своя собственная сторона – третья. Сталкер переводил усталый взгляд с одного спорщика на другого и потихоньку потягивал питательную смесь из краника, расположенного внутри шлема. Не сказать, что вкусно, зато полезно.

– Гупи!

Сталкер едва не подавился от неожиданности.

– Чего тебе? – удивленно глянул он на Журналиста.

– Идем?

– Идем.

– Ну, так теперь тебе дорогу указывать.

– Сейчас, – Гупи прикрыл глаза и сосредоточился. – Секундочку...

Он вспомнил свой схрон... Костер... Кофейник... И запах только что сваренного кофе... Удивительный, волшебный, дурмнящий, зовущий за собой и обещающий самое изысканное из всех наслаждений... Стоп! Не в ту сторону! О кофе сейчас лучше не думать, все равно его нет. И в ближайшее время не будет... Бюрер. Раненый бюрер, влетевший в схрон и едва не свалившийся в костер... Сломанный ПДА... Микрочип... Включенный дисплей...

– Все, – Гупи резко тряхнул головой. – Я знаю, куда идти.

– Прощу! – Журналист сделал приглашающий жест в сторону лестницы.

А сам подошел к трупу «грешника», взял его одной рукой за пояс, легко поднял и закинул на плечо.

– Все равно его сожрут, даже если мы оставим его здесь, – сказал Гупи, заметив, каким взглядом смотрит на Излома Шрек.

– Гупи, – с тоской посмотрел на сталкера вояка. – Я думал, хотя бы ты понимаешь, что значит быть человеком.

– Может, и понимаю, – слегка пожал плечами Гупи. – Только сейчас мне не до этого. Он вышел на площадку за дверью и включил мощный ручной фонарь с круглым рефлектором. Широкий луч, почти не рассеиваясь, пробивал темноту на глубину метров в пять. Дойдя до конца площадки, Гупи стал медленно спускаться. Лестница была крутой с очень узкими ступеньками. Того и гляди – оступишься и не покатишься даже, а полетишь вниз. Чтобы не случилось такого конфуза, Гупи зажал автомат под мышкой, взял в ту же руку фонарь, а свободной рукой ухватился за круглый металлический поручень. Наверное, поручень был холодный и грязный, но через перчатку Гупи этого не чувствовал.

Следом за ним спускался Журналист.

Замыкал шествие Шрек.

Лестница трижды, изогнувшись, поменяла направление на противоположное, прежде, чем они спустились до самого дна колодца.

Бетонный пол, бетонные стены, три полукруглые бетонные арки проходов, ведущих в разные стороны. Что может быть скучнее серого бетона, выкрашенного грязно-синей

масляной краской, которая местами облупилась, облезла, болталась неопрятными лохмотьями. Будто какому-то огромному зверю вздумалось поточить о стену коготочки. Прямо под лестницей стоял выпотрошенный жестяной шкаф, из которого торчал оборванный жгут разноцветных проводов, тройка шлейфов и черный, извивающийся анакондой силовой кабель. Что это был за прибор, теперь и не угадаешь.

– Туда, – фонарным лучом указал в левый проход Гупи.

– Ты уверен? – Шрек ткнул пальцем на череп с двумя перекрещивающимися костями, намалеванный на стене рядом с проходом, в который собирался войти сталкер.

– Дурак ты, Шрек, – только и сказал на это Гупи.

У него не было ни малейшего желания рассказывать американцу русскую сказку про витязя на распутье и объяснять, что какой выбор ни сделаешь, в какую сторону ни пойдешь, все равно придется чем-то пожертвовать.

Глава 18

– Ты чувствуешь бюреров? – спросил у Излома Гупи.

По дисплею детектора жизненных формплыли размытые, бесформенные пятна. Должно быть, бетонные стены и низкий, сводчатый потолок смазывали показания датчика.

– Они здесь, – ответил Журналист.

– Где? – нервно оглянулся назад шедший замыкающим Шрек.

Ширина прохода лишь двоим позволяла идти рядом. И этими двумя оказались Гупи и Журналист.

– За стенами. Под полом. Везде.

Гупи готов был поклясться, что услышал, как недовольно засопел американец. Должно быть, решил, что его снова подначивают. А между тем Журналист говорил чистую правду. В Зоне не было такого подземелья, в котором ни обосновалось бы семейство-другое бюреров. А семейка этих тварей, плодящихся, как кошки, могла насчитывать от полутора до трех десятков только взрослых особей. Они были повсюду. Как крысы. И вопрос заключался лишь в том, захотят ли бюреры сами себя показать или предпочтут отсидеться в своих вонючих углах. Поведение бюреров было непредсказуемым. Вернее, никто даже не пытался предугадать их действия. Что же касается Гупи, то он, не колеблясь ни секунды, отдавал предпочтение второму варианту. Ну их на фиг, этих бюреров. Лучше с ними не связываться. Вдруг их местная семейка окажется столь многочисленной, что одного Вервольфа им покажется маловато.

Сталкер на ходу сунул в боковой карман рюкзака бесполезный детектор.

Они уже более двух часов шли по запутанным подземным переходам. Все было одно и то же – неровные, бетонные стены, выкрашенные масляной краской, оплетенные проволочной сеткой, полукруглые плафоны под потолком, прячущие давно и, видимо, навсегда погасшие лампы, ползущие по стенам кабели и трубы. Можно было идти час, год, неделю и вдруг, скользнув случайно лучом света по стене или потолку, испугаться, того что ты так и не сдвинулся с места ни на шаг.

Коридор мог раздвоиться. А то и разделиться на три, четыре совершенно одинаковых прохода. Или просто резко свернуть в сторону. Те, кто пользовался когда-то этой запутанной системой подземных ходов, ставили возле каждой развилки или поворота небольшие пиктограммки. Тот же череп с костями, который путники уже видели при входе. Или – значок биологической опасности. Наиболее часто встречающимся был знак радиационной опасности. Но попадались и совершенно удивительные, ни на что не похожие значки, смысл которых так и остался загадкой. К примеру, что может означать знак в виде гипнотической спирали? Или – вписанный в вертикально вытянутый овал кельтский крест? Или – кружок с палочками, похожий не то на стилизованное изображение шлема астронавта с антеннами, не то, на голову муравья с усиками?

Интерес эти знаки вызывали только у Шрека. Американец внимательно изучал их, а затем, отключив внешнюю связь, что-то наговаривал на встроенный в шлем диктофон.

– Все зло от таких, как он, – кивнул в сторону американца Журналист. – Сначала они что-то придумывают и прячут от других куда подальше. В сейф. Или в подвал. Потом сами пугаются того, что сделали, и прячут еще глубже. Под землю. Или в зараженную радиацией зону. Чтобы никто не узнал, что же они натворили. Но появляются другие, которым непременно нужно выведать чужие секреты. Они начинают совать носы, куда не следуют. Разрывать то, чего вообще трогать не стоит. Ты думаешь, они хотят знать правду? Какое там! Раскопав чужой секрет, они тут же снова похоронят его под спудом. Только теперь это будет уже их тайна. К которой потянутся новые профессиональные ловцы чужих секретов.

– Так ты полагаешь, Шрек работает на спецслужбу? – спросил Гупи, не смущаясь того, что американец тоже его слышит.

А чего, собственно, ему таиться? Он не задал этот вопрос самому Шреку только потому, что был уверен, вояка на него не ответит. Или соврет. Что скорее всего. А на фиг ему нужно чужое вранье?

– Я не полагаю, я знаю это, – усмехнулся Журналист.

– ЦРУ?

– Да какое там!.. Цереушники по сравнению с нашим приятелем – дети малые. Макс Шрек – кстати, это его настоящее имя, – работает на контору так глубоко законспирированную, что они даже название себе придумывать не стали. Чтобы не всплыло невзначай где-нибудь. Они называют себя просто СС – «секретная служба».

– И чего же парню из СС понадобилось в центре Зоны?

– То же, что и всем нам – Монолит.

– Зачем?

– А он и сам не знает. Ему дали задание – он его выполняет. Кроме Монолита его интересует все, что связано с проектом «О-сознание». Дурак – вместо того, чтобы тащиться незнамо куда и главное – зачем? Ну, что он тут увидит? Голые стены? Бюроеров? – лучше бы у меня спросил. Я бы ему про этот проект столько рассказал, что ему в родной СС за такую информацию орден бы дали. А может быть, даже позволили президенту ручку пожать. Вот, мол, господин президент, стоит перед вами лейтенант Макс Шрек, оказавший неоценимую услугу родине на поприще борьбы с международным терроризмом!

– А при чем тут терроризм?

– Ну, так, для пущей важности. Для американцев борьба с терроризмом все равно, что для Троцкого революция – смысл не в результате, а в самом процессе.

– И ты бы вот так взял и рассказал? Все о проекте «О-сознание»?

– Не знаю, – Излом подкинул труп Вервольфа на плече и перехватил его поудобнее. – По ситуации.

После того как открылась его истинная сущность, Журналист стал гораздо разговорчивее и общительнее, чем прежде. Возможно, потому что ему больше нечего было скрывать. Шрек же, напротив, сделался угрюмым и молчаливым. Он не знал, как вести себя в новой ситуации. В СС ему на сей счет никаких инструкций не давали. Поскольку не верили в то, что их агент, подготовленный к самым суровым испытаниям и даже пыткам, как физическим так и моральным, может вот так запросто провалиться. Хотя, следует ли считать случившееся провалом? Ведь сейчас он был как никогда близок к выполнению поставленной перед ним задачи.

На очередной развилке Гупи свернул налево. Рядом с проходом, в который они вошли, была изображена стилизованная фигурка бегущего человека. Странно. Куда он бежал? Или, лучше спросить, от кого?

– Откуда ты знаешь про проект «О-сознание»? – спросил Гупи.

– Я – Журналист. Моя работа – собирать информацию.

- Так ты, действительно, тот самый Журналист, о котором все говорят?
- Тот самый, – кивнул Излом.
- А как же тебя угораздило Изломом стать?
- Залез туда, куда не следует.
- И где ж это место такое?
- Да здесь же, неподалеку. В Зоне. Я хотел через саркофаг к Монолиту пролезть.
- Один шел?
- С Семенским.
- И что?
- Не получилось.
- Зачем же снова идешь?
- Ну, ежели Зона меня изуродовала, так, может, она же меня и снова человеком сделает.
- А каково оно?
- Что?
- Быть Изломом?
- Поначалу даже забавно. Наслаждаешься силой, способностями, которых нет у простых смертных. Я вижу то, что не видит обычный человек, чувствую то, что он не сумеет даже вообразить. Не говоря уж о телепатических и психокинетических возможностях. Потом я почувствовал, что следом за физическими во мне начинаются другие перемены. Стала меняться психика, начало трансформироваться сознание. Мое мировосприятие становится другим. По-видимому, если не удастся обратить этот процесс вспять, скоро во мне вообще не останется ничего человеческого. Я окончательно превращусь в одного из монстров Зоны.
- Ты бессмертен?
- Пока не знаю.

Коридоры, по которым они шли, различались лишь маркировочной полосой, шириной в ладонь, тянущейся по стене на уровне плеча. Черная, белая, красная, зеленая... Иногда – две полосы, тянущиеся параллельно. Три и более – никогда. Возможно, это была своеобразная опознавательная система, помогавшая ориентироваться в бесконечном лабиринте переходов. Еще они видели двери. Тяжелые, металлические, с написанными по трафарету номерами и буквенными кодами. Или – легкие, раздвижные, с пластиковыми окнами, как в больничных палатах. Одни – распахнуты, другие – плотно закрыты. Журналист чувствовал огромное желание Шрека узнать, что скрывается за этими дверями. Будь его воля, американец заглянул бы в каждую из комнат. Но двигало им не простое человеческое любопытство. И не страсть исследователя непознанного. А только чувство долга. Когда Излом понял, в чем тут дело, он не мог решить, глупо это или смешно. А может, и то, и другое сразу? Сам Журналист четко придерживался сталкерского правила – следуй за тем, кто тебя ведет. Шаг в сторону от маршрута может оказаться последним. Сейчас группу вел Гупи. Который не проявлял видимого интереса к тому, что находилось за дверями.

То и дело им попадались на глаза следы, оставленные бюрерами. Обрывки тряпок, в которые подземные карлики укутывали свои уродливые тела, кучки помета, аккуратно и тщательно обглоданные кости, несколько расплюснутых в блин консервных банок. Последнее было особенно характерно для бюреров. Обладая зачатками разума, подземные карлики понимали, что консервные банки являются вместилищем для еды. Но открыть банку, вставив в нужное место ключ и повернув его несколько раз или, того проще, потянув за кольцо, они почему-то не догадывались. Поэтому, если в руки бюрера попадала консервная банка, он, после нескольких бесплодных попыток открыть ее, принимался со всей своей дурацкой силой, колотить банкой об стену. Или по полу – это уж, как придется. До тех пор, пока на банке не лопался шов – чтобы через образовавшуюся дырку высосать содержимое. Но самих уродливых карликов они пока еще не встретили. Быть может, бюреры таились в глубинах заброшенных катакомб. Или

же до поры до времени не показывались пришельцам на глаза. Тихонько наблюдали за ними со стороны. Присматривались. Принюхивались. В молчании и темноте затевали какую-нибудь гнусь. Или их останавливало то, что одним из чужаков оказался Излом?

– Что ты будешь делать, когда мы придем на место? – спросил Гупи у Шрека.

– К Монолиту? – уточнил американец.

– Не знаю. Я не верю в Монолит. Я веду вас к месту, указанному на плане.

– Монолит существует, – уверенно заявил Журналист.

– Ты его видел?

– Нет. Но я ощущал его присутствие. То, как он воздействует на меня.

– Что это было? – спросил Шрек.

– Это трудно описать словами... Это... Как будто твой разум становится частицей другого, очень мощного сознания... Нет, не так. Ты чувствуешь, что вливаешься в могучий поток сознания, который... У которого совершенно иные, непонятные тебе цели... Не просто непонятные, а недоступные твоему восприятию. До тех пор, пока ты полностью не растворишься в том, что готово тебя принять... При этом ты испытываешь очень странные чувства. Страх... Неосознанный, первобытный, полуживотный ужас, на уровне инстинкта самосохранения, от того, что ты ощущаешь присутствие рядом с собой чего-то настолько огромного, что ты неспособен охватить это взором, и настолько чуждого, что ты не в силах это осмыслить. И одновременно – сумасшедшую радость... Ты едва не захлебываешься от восторга, от того, что тебе удалось... Нет, тебе было дозволено прикоснуться к, быть может, величайшей тайне...

Журналист запнулся и умолк.

Начатая фраза осталась незаконченной.

– Патетика, – коротко и ясно высказал свое мнение Гупи.

– Согласен, – не стал спорить Журналист. – Но как сформулировать это иначе?.. Слова – лишь бледный след того восторга и ужаса, что таит в себе Монолит.

– Ага, – в задумчивости кивнул Гупи. – Выходит, Монолит – это реально существующий объект.

– Или же некий образ, порождаемый сознанием того, кто оказывается вблизи Монолита, – добавил Журналист.

– Так все же, образ или объект?

– Почему «или»? Может быть, и образ, и объект.

– То есть человек, оказавшийся возле Монолита, видит не то, что существует в реальности?

– Я не знаю.

– А ты? – покосился Гупи на американца. – Что в твоей СС говорят о Монолите?

– Я оперативник, а не аналитик, – с неохотой отозвался Шрек. Он бы предпочел вообще ничего не говорить, но ситуация требовала поддерживать хотя бы видимость добрых отношений. От этого зависело выполнение задания. – Мне поручено собрать информацию об объекте, именуемом «Монолит».

– И как ты собираешься это делать?

– Что?

– Собирать информацию?

– Смотреть, слушать... Чувствовать.

– И никаких желаний?

– Я не хочу об этом говорить.

– А хочешь, я скажу, почему ты согласился выполнить это задание? – предложил Излом.

– Нет.

– Гупи все правильно поймет. Я уверен...

– Нет!

– Оставь его, – махнул рукой сталкер. – Я, в свою очередь, ничего не хочу об этом знать.

– А я не ради тебя стараюсь. Шреку самому нужно выговориться. Если не вскрыть нарыв, может и некроз начаться. Я вот тебе все про него расскажу, он на меня наорет, и на душе у него сразу же полегчает.

– Лекарь хренов, – мрачно буркнул за спиной Журналиста Шрек. – Сначала исцели себя.

Американец шел следом за Журналистом и неотрывно, будто замороженный наблюдал за мерно раскачивающимися из стороны в сторону руками лежавшего на плече у Излома Вервольфа. Будто это была гипнотическая спираль. И если очень-очень долго в нее всматриваться, то можно переместиться на иной уровень реальности. Где «грешник» жив. И Муха, и Рикошет, и Гейтс – тоже. И даже те трое парней, которых сталкеры называли отмычками, тоже живы. И нет кровососов и зомби. Нет Зоны. Есть только трава – настоящая, зеленая трава! – и чистое, голубое небо... Руки мертвого «грешника» качаются и качаются, туда-сюда, туда-сюда... Время уходит... Время жизни... Его жизни... Поднял бы он, что ли, голову!..

– Слушай, – решил сменить тему Гупи, которому, на самом деле, было совершенно неинтересно, что за камень лежит за пазухой у сильно секретного американца. – Ежели ты мысли читать умеешь, значит, можешь и план этих катакомб у меня из головы скопировать?

– Скопировать – могу. Воспользоваться – нет.

– А в чем проблема?

– Опытный чертежник легко, не задумываясь даже над тем, что он делает, перерисует схему устройства авиационного двигателя. Но, не обладая специальными знаниями, он вряд ли сможет объяснить, как этот двигатель работает. И, уж подавно, не сумеет сам его собрать.

– Вот оно как, – Гупи озадаченно прикусил верхнюю губу.

Прежде он даже не задумывался о том, что обладает какими-то уникальными способностями. Скорее даже наоборот, ему порой мешало, раздражало и даже злило то, что все, абсолютно все, что он видел, слышал или ощущал, каждый момент его жизни в мельчайших подробностях намертво врезался в память. Увы, жизнь не настолько прекрасная штука, чтобы возникало желание помнить каждый ее миг. О чем-то хочется позабыть, что-то хочется приукрасить, а что-то – так и просто навсегда вымарать из прошлого. И память обычного человека легко справляется с ретушированием практически любых событий, в соответствии с пожеланиями заказчика. У Гупи с этим были проблемы. Большие, серьезные проблемы. Может, попросить у Монолита, чтобы научил забывать?..

– Ничего не получится, – прервал ход его мыслей Журналист.

– Что? – не сразу понял, о чем речь, Гупи.

– Монолит выполняет только самые сокровенные желания.

– Ну, а может, я только об этом всю жизнь и мечтал.

– Да без разницы, всю жизнь или только десять минут. Главное – что сокровенное. То, без чего тебе жизнь не мила.

– Монолит был создан в ходе работ над проектом «О-сознание»? – решился наконец задать интересующий его вопрос Шрек.

– Ну, наверняка этого никто не знает... Из тех, с кем у тебя есть возможность поговорить. У меня на этот счет есть своя теория.

– Расскажи.

Изображая раздумье, Журналист ответил не сразу. На самом деле, ему тоже хотелось поделиться с кем-нибудь выводами, которые он сделал, анализируя и сопоставляя имевшиеся у него данные. Тем более он был уверен, что американец никому не успеет рассказать о том, что услышит. Излом будто видел фирменные часики «Макс Шрек», ведущие обратный отсчет. И времени на них оставалось совсем немного. Фактически, вояка был обречен. Излом не мог сказать, как именно он погибнет, но в том, что произойдет это очень скоро, ни секунды не сомневался.

Ну, а Гупи...

Гупи – это особая статья. По которой полагается...

– Ну, ладно, – Журналист в очередной раз подтянул тело Вервольфа за ремень, чтобы удобнее лежало на плече. – Проект «О-сознание», которым военные начали заниматься на Чернобыльской АЭС еще до первой аварии, включал в себя несколько направлений. Но все они так или иначе упирались в одну задачу – контролируемое воздействие на психику человека. Существует версия, что причиной аварии тысяча девятьсот восемьдесят шестого года послужило вышедшее из-под контроля испытание по массовому воздействию на психику людей на волновом уровне. Скорее всего, это был простенький прототип одного из радаров, что работают сейчас в Зоне. Сгенерированные опытной моделью радара «волны счастья» были направлены на Припять, но случайно зацепили и саму станцию. Четвертый энергоблок. В результате обслуживающие его инженеры ощутили такой безумный прилив уверенности в собственных силах, что решили провести эксперимент с реактором, на который вряд ли бы отважились, находясь в трезвом уме и здравой памяти.

После того как аварию ликвидировали, вокруг Чернобыльской АЭС была создана так называемая зона отчуждения. Что предоставило военным практически неограниченную свободу и избавило от ненужных свидетелей. Ну, в самом деле, какой идиот из госчиновников согласится войти в состав комиссии, отправляющейся с инспекцией в зараженную радиацией Чернобыльскую зону. А тех, кто все же решался на подобный шаг, еще на подходах к АЭС обрабатывали «волнами страха». Чтобы, значит, не лезли, куда не следует.

Я видел много секретных документов, брошенных или забытых во время панического бегства из Зоны после второго взрыва. И на основании их подготовил ряд материалов. Ни один из которых не был опубликован. Направленные в редакции статьи исчезали вместе с приложенными документами, подтверждающими достоверность изложенных в них сведений. Кто-то до сих пор продолжает прикрывать тех, кто хозяйничал в Зоне. А у меня ведь были взрывные материалы! О экспериментах, когда под воздействие направленного через спутник излучения радара попадал целый населенный пункт, в котором начиналась массовая паника. Или – история подопытного, превратившегося в маньяка-убийцу. О том, как местные Франкенштейны пытались сделать суперсолдат из доставляемых в Зону заключенных. О том, как разработки ученых из Зоны использовались на выборах различных уровней с целью получения желаемых результатов. И ведь срабатывало! Кто в первую очередь с бюллетенями в руках бежал к избирательным урнам? Пенсионеры. Политологи объясняли это старой советской привычкой добросовестно ходить на выборы и исправно голосовать за того, на кого покажут пальцем. На самом же деле, старики и пожилые люди оказались наиболее подверженными воздействию так называемых «ментальных блоков», широко используемых в предвыборный период.

Апофеозом всего стала попытка воздействовать на ноосферу Земли, с тем чтобы единым нажатием кнопки можно было подчинить себе все население планеты. И мироздание не выдержало такого надругательства. Что-то треснуло, сломалось в самой его основе. А результатом стало то, что мы сейчас имеем, – Зона, кишущая монстрами, аномалиями, артефактами и еще черт знает чем. Это вам, господа, не пикник на обочине, а, если пользоваться теми же аналогиями, общественный сортир.

– А при чем тут Монолит? – спросил Гупи.

– Вот! Тут мы подходим к самому интересному! О периоде после второго взрыва АЭС практически никаких документов не сохранилось. Во всяком случае, мне они не попадались. Это вполне объяснимо – не до бумаг тогда было. Те, кто хоть что-то еще соображал, старались как-то выправить ситуацию. Поэтому все, что я теперь буду рассказывать, является исключительно плодом моих измышлений. Которые, как мне кажется, недалеко от истины.

Вариант первый. Монолит – это та самая система, с помощью которой пытались воздействовать на ноосферу. У пожарных есть специальный термин – обратная тяга. Если открыть дверь в закрытое помещение, в котором огонь выжиг практически весь кислород,

пламя устремится в открытый проем. По всей видимости, нечто подобное произошло и в нашем случае. Ноосфера взяла Монолит под свой контроль и через него нанесла удар в обратную сторону – в область вечного мрака...

– Прости, куда? – перебил Гупи.

– Образно выражаясь, были открыты врата в ад.

– Это сделала ноосфера?

– Посредством Монолита.

– Зачем?

– Не знаю... Может быть, для того, чтобы покарать нас за скудоумие?

– Между прочим, Чернобыльская АЭС стоит на линии аномального геомагнитного напряжения, – сообщил Шрек.

– Верно, – кивнул Журналист. – В результате, мы получили одну большую аномальную зону. В которой продолжают работать установки, неизвестно кем и как контролируемые.

– Ну, ладно, Монолит открыл врата в ад. Но почему все считают, что он может исполнять желания?

– Не Монолит сам по себе, а ноосфера, воздействующая через него на объекты. Монолит, словно линза, фокусирует единое информационное поле Земли.

– А, ну это многое объясняет, – кивнул Гупи.

И не поймешь, то ли он действительно все понял, то ли ему просто было на все наплевать.

– А второй вариант? – напомнил Шрек.

– Монолит может являться неким сверхмощным артефактом, вытолкнутым сквозь дыру в пространстве, через которую лезут монстры. Монолит же удерживает эту дыру открытой, как распорка. В этом случае он также фокусирует вокруг себя высокие энергетические поля.

– А что, если взорвать этот самый Монолит к чертовой матери! – со всей последней прямоотой предложил Гупи.

– Ну, для начала, до него еще нужно дойти, – резонно заметил Журналист.

– Ладно, дойдем, недалеко осталось. Выбьем эту хренову распорку, и вся любовь! Дыра закроется – и Зоне конец!

– Примерно так же рассуждали те, кто решил поиграться с ноосферой, – сказал Шрек. – Прежде чем что-то предпринимать, нужно предусмотреть и оценить все возможные последствия.

– Тут я с товарищем американцем согласен, – кивнул Журналист.

– А разве может произойти что-нибудь хуже, чем то, что творится сейчас? – искренне удивился Гупи.

– Ну, например, может оказаться, что Монолит это некий сдерживающий фактор, уничтожение которого спровоцирует еще более мощный прорыв иной реальности в наш мир.

– Так ведь Зона и без того постоянно расползается, будто тесто из квашни.

– Другой вариант – кто сказал, что Монолит вообще можно уничтожить с помощью взрыва? – задал вполне закономерный вопрос Шрек.

– А вот это уже существенное возражение! – согласился Гупи.

Внезапно Излом остановился и поднял руку.

– Тихо!

Гупи машинально сделал еще шаг вперед.

Журналист схватил его за плечо.

– Бюреры, – произнес он негромко.

– Ну, что ж, когда-то они должны были появиться.

Гупи коснулся большим пальцем планки предохранителя автомата, чтобы убедиться, что она стоит в положении автоматической стрельбы.

– Много?

– Да.

Журналист даже не счел нужным уточнить, насколько много. Значит, понял Гупи, очень много.

– Далеко?

– Метров сто.

– Впереди площадка, на которой сходятся четыре прохода.

– Вот-вот, они на ней и собрались.

– Может, гранатами закидать? – предложил Шрек.

– Ну, дурак, – с сочувствием покачал головой сталкер. – Чему только вас в вашей СС учат?

– А что? Если они все в одном месте...

– Во-первых, не факт, что все. Во-вторых, мы уже говорили сегодня о том, что бюреры – сильные психокинетики.

– Ну?..

– Гну! Толковый бюрер даже пули отводить в сторону умеет. А гранату тебе назад любой их пацан отфутболит.

На это Шрек ничего не ответил. Но Гупи и без того понял, что американец почувствовал себя полным идиотом. Ладно – полезно. Лучше быть дураком, чем мертвым.

– Попробуем договориться, – Журналист откинул назад полу плаща, прикрывающую его видоизмененную, похожую на лапу гигантского насекомого конечность, и, отодвинув Гупи плечом, пошел вперед.

Гупи выставил на фонаре красный светофильтр – бюреры не любят яркий свет и не стоит их попусту раздражать.

Сначала сталкер увидел светящиеся в темноте глаза. В отсветах красного фонаря они казались белесыми. Их было много. Очень много. Так много, что, казалось, это огромная, перепутанная елочная гирлянда, все огоньки в которой почему-то одного цвета. Подойдя ближе, Гупи увидел, что вся площадка, на которую выходили четыре прохода – круглая, чуть больше десяти метров в диаметре, – до отказа забита бюрерами. Как будто они собрались здесь в ожидании представления, которое никак нельзя пропустить. Подземные карлики сидели на полу, поджав ноги, одетые в жуткие обноски, а то и просто закутанные в драное тряпье. Лица их были похожи на сморщенную кожицу запеченных яблок. Губастые рты рассекали физиономии от уха до уха. Расплющенных носов почти не видно. Маленькие, пороссячи глазки, отлично видящие во тьме, прятались среди складок кожи под гипертрофированными надбровными дугами. Возраст или половую принадлежность бюреров определить проблематично. Почти невозможно. Низкорослые уродцы сидели и ждали. Словно им было что-то обещано.

Что именно?

И кем?

Не доходя пяти метров до края площадки, Журналист остановился и поднял повыше свою здоровенную клешню. Видно, хотел, чтобы бюреры ее как следует рассмотрели. Трудно сказать, произвело ли сие действие какое-то впечатление на бюреров, – они и без того знали, что перед ними Излом. Выждав с минуту, Журналист стянул с плеча безжизненное тело Вервольфа и положил его на вытянутые руки. И так, держа тело перед собой, медленно двинулся вперед. Гупи думал, что, подойдя к бюрерам вплотную, Журналист положит Вервольфа на пол. Однако с приближением Излома плотная толпа бюреров стала раздаваться в стороны. Они не поднимались на ноги, не ползли по полу, они вообще не совершали никаких видимых движений. Тела их, будто сами собой, плавно и медленно смещались в стороны, освобождая Излому проход.

– Они левитируют, – шепотом произнес за спиной у Гупи Шрек.

– Может быть, – безучастно отозвался сталкер.

Его интересовало не то, каким образом перемещаются сидящие на полу бюреры, а как они сами станут пробираться сквозь толпу жутких карликов к проходу, расположенному по другую сторону оккупированной уродцами площадки.

Журналист, между тем, оказался в самом центре толпы. Бюреры не пытались его остановить, но и как-то по-особому не приветствовали его появление. Они раздавались в стороны, открывая Излому проход, и точно так же смыкали ряды у него за спиной. И все. Никакой реакции на явление чужака.

– Они смотрят на нас, – снова зашептал за спиной у Гупи американец.

– Я вижу, – тихо ответил сталкер.

Бюреры, сидевшие с краю, действительно, неотрывно смотрели на людей. Судя по всему, они были готовы в любой миг нанести массированный психокинетический удар. Что их сдерживало до сих пор? Одно лишь присутствие Излома?

– Я слышал, бюреры понимают наш язык и сами могут говорить, – прошептал Шрек.

– Я тоже слышал. Я даже видел бюрера, который таскал дрова Болотному Доктору.

– Так, может, стоит с ними поговорить?

Гупи обернулся. Но блеклые, красноватые отсветы и два пластиковых забрала помешали ему рассмотреть выражение лица американца.

– О чем?

– О чем? – переспросил Шрек.

– О чем ты собираешься с ними говорить?

– Ну... Не знаю. Главное установить контакт...

– Главное не спровоцировать нападение. Я так полагаю, они не испытывают по отношению к нам никаких чувств. Ни злости, ни ненависти. И, уж точно, никакой любви. Мы для них – всего лишь ходячая еда.

– Почему же они сразу не набросились на нас?

– Ну, дружище, ты ведь тоже, наверное, не пытаешься сожрать всякую овцу, что оказывается рядом с тобой.

– Я не ем сырое мясо.

– А бюреры предпочитают сырое, но с тухлинкой... Но это не значит, что в отношении нас у них нет гастрономических планов.

Излом остановился и что-то громко крикнул на непонятном языке. Слова были короткие, рубленые, насыщенные шипящими согласными. В ответ бюреры заворчали. А может, зачавкали. В любом случае издаваемые ими звуки не были похожи на членораздельную речь. Что они означали, агрессию или умиротворенность, можно было только гадать.

Излом произнес еще несколько слов на том же, чуждом любому обитателю Земли языке и бросил труп «грешника» перед собой. Двое бюреров едва успели отскочить в сторону. Излом поднял вверх уродливую левую конечность, как белый флаг парламентаря, и медленно попятился назад.

В толпе бюреров возникло странное движение – будто волны одна за другой прокатились. Те, что находились ближе к центру, стали подниматься на ноги. Остальные, левитируя, начали подтягиваться к ним ближе.

Журналист обернулся, нашел взглядом Гупи и сделал жест человеческой рукой: куда?

Гупи указал на противоположный проход. Журналист недовольно дернул подбородком и начал смещаться в сторону. Теперь он пытался выбраться из толпы бюреров так, чтобы встретиться с Гупи и Шреком возле левого прохода. Двигаться Журналисту было непросто, поскольку бюреры уже не уступали ему дорогу, как прежде. Когда он осторожно отодвигал ногой одного из них, карлик недовольно рычал, скалился и даже вскидывал руки, готовясь нанести психокинетический удар. Но, видно, Излом все же внушал им некое уважение. А может быть, страх. Как бы там ни было, дальше демонстрации угрозы дело не шло. Пока не шло.

Гупи первым ступил на узкую полосу открытого пространства возле стены. И тотчас же на него обернулись двое находившихся поблизости уродливых карликов. Один злобно зашипел, другой поднял сжатую в кулак руку.

– Тихо... Тихо... – Гупи погрозил шипящему стволу автомата. – Иди... А то все без тебя сожрут.

Карлик будто понял его – посмотрел в ту сторону, где уже началось кровавое пиршество и, забыв о сталкере, активно заработал руками, пробираясь вперед. За ним рванул тот, что грозил Гупи кулаком. Бюрер, которого он бесцеремонно оттолкнул в сторону, схватил ловкача за лохмотья на спине и отшвырнул назад. Но ловкач и не думал сдаваться и снова дернулся вперед. Но тут уже двое недовольных такой прытью бюреров преградили ему путь. Среди уродливых карликов возникла свара. В ход пошли не только кулаки и зубы, но и психокинетика – то один, то другой бюрер вдруг с криком взлетал вверх, будто наподданный ногой мяч.

Пользуясь тем, что на него никто больше не обращает на него внимания, Гупи быстро двинулся к левому проходу. Следом за ним – Шрек. Американец шел боком, держа винтовку перед собой. Как будто она смогла бы защитить его, вздумайся вдруг бюрерам попробовать, какой он на вкус.

– Ты только представь себе, как тут воняет! – сказал Гупи.

Шрек в ответ только поморщился – что за дурацкая сталкерская привычка, тратить нервы на всякую мерзость и гнусь?

Добравшись до левого прохода, Гупи посветил в него фонариком. Повсюду, насколько хватало блеклого луча фонарика, навалены кучи тряпья и мусора, среди которых копошились уродливые малыши. Должно быть, именно здесь находилась берлога бюреров. «Вот, сюда бы можно было кинуть гранату, – подумал Гупи. – Только зачем?»

Сталкер отыскал взглядом Журналиста. Толпа бюреров засасывала его, как тряпина, сковывая движения и затягивая, затягивая вниз. Посмотрев на Гупи, Излом махнул рукой в сторону прохода, который был им нужен.

Двигайтесь, я догоню – так истолковал жест Излома Гупи.

Хорошо – они двинулись.

Но не успел Гупи и трех шагов сделать, как на него бросился бюрер. И, судя по вскинутым вверх рукам, намерения у него были вполне серьезные. Стрелять было нельзя. Гупи нырнул вниз и метнулся в сторону, надеясь уйти с линии атаки. Но бюрер заметил его движение и успел изменить направление удара. Будто тяжелая бетонная балка ударила Гупи в плечо и отбросила к стене.

Стрелять было нельзя...

Нельзя!

Гупи хотел это прокричать: «Нельзя!» – но не успел.

Тан!.. Тан!.. Тан!..

Отрывисто закашляла автоматическая винтовка в руках у Шрека.

Бюрер, в которого он целился, отвел в стороны почти все пули. Лишь одна слегка оцарапала ему плечо. Но остальные ведь не ушли в пустоту! Они угодили в других подземных карликов. Двое упали. Зато остальные – десять? пятнадцать? – развернулись в сторону выстрелов и разом вскинули руки.

Шрек успел выпустить пол-обоймы, прежде чем винтовку выбили у него из рук. Вояка выхватил из набедренной кобуры пистолет, но и он тут же вылетел из руки и, тупо стукнувшись о стену, упал на бетонный пол.

«Идиот несчастный», – подумал о Шреке Гупи. Если агент СС пришел сюда, чтобы увидеть светопреставление, то сейчас оно начнется. И его место – в первом ряду. Ну, а Гупи все еще надеялся остаться в живых.

Надеялся?

Ну, а почему бы нет!..

Гупи ударил прикладом в лицо подскочившего к нему бюрера и рванул ко второму проходу.

Бежать было недалеко, но бюреры все время путались под ногами. Дважды Гупи ощутил психокинетическое воздействие. Первый удар невидимого кулака пришелся в спину и, по счастью, прошел вскользь. Зато второй был нанесен прямым в грудь. И с такой силой, что у Гупи на миг в глазах потемнело. Если бы не защита скафандра, тут бы ему, точно, пришел конец – сломанные ребра сложились бы, как на шарнирах, и пронзили легкие и сердце.

Ну, нет! Сталкер не собирался сдаваться! Жизнь, конечно, штука паршивая. А жизнь сталкера так и вовсе почти ничего не стоит. Не дороже бирюлек, что таскает он из Зоны. Но сдохнуть – оно ведь всегда успеется. Поэтому в любой, даже самой безнадежной ситуации, надо стараться остаться в живых. Хотя бы для того, чтобы потом снова начать думать о смерти. Как самурай.

Гупи вдруг сообразил, что в руке у него фонарь, свет которого все еще приглушен красным светофильтром. Сталкер щелкнул переключателем, и сразу трое бюреров, задумавшие остановить его, но угодившие под луч яркого света, с испуганным визгом метнулись во тьму.

Путь был свободен. Но вдруг – сталкер глазам не поверил! – проход с арочным сводом, до которого оставалось всего-то несколько шагов, начала закрывать кирпичная стена. Ряд за рядом, кирпич к кирпичу – стена быстро поднималась вверх, как будто два невидимых каменщика, стоя по разные ее стороны, соревновались в ловкости и скорости.

Красные обожженные кирпичи – на боку одного гвоздем процарапано «ДМБ-18», – серые, влажно поблескивающие полосы раствора...

Гупи подумал не о том, что этой стены просто не могло быть. Хотя бы потому, что ей неоткуда взяться – не могла же она, в самом деле, материализоваться из воздуха! Гупи подумал, что раствор еще не успел схватиться, а значит, если он с разбега как следует ударит в нее плечом, то стена, может быть, рухнет. На бегу махнув фонарем, чтобы отогнать от стены бюреров, Гупи сгруппировался, выставил вперед левое плечо и в последнем прыжке впечатал его в стену.

Он был готов к боли, но не к тому, что, пролетев сквозь призрачную кладку, ударится шлемом о вполне реальную бетонную стену и кубарем покатится по полу прохода.

На какой-то миг Гупи потерял ориентацию в пространстве и даже выронил из руки фонарик. Который, тем не менее, остался при нем, поскольку был пристегнут к кольцу на рукаве скафандра.

Оттолкнувшись спиной от стены, Гупи встал на ноги, поймал в одну руку фонарь, в другую – автомат и развернулся назад.

Вернуться, чтобы попытаться спасти Шрека? Ну, уж нет! Очень глупая мысль. Даже если американец еще жив, в чем, нужно сказать, Гупи очень сильно сомневался, спасти его должны командос из СС, а не несчастный сталкер, который и сам-то непонятно почему все еще цел. Ну, а Журналист, который к тому же и Излом, сам мастак выкручиваться из гнилых раскладов. Гупи посмотрел назад лишь с тем, чтобы оценить обстановку.

Ничего нового он там не узрел. Все те же низкорослые уродцы-бюреры, которые, размахивая руками – видно, создавали психокинетическое поле, чтобы защитить себя от пуль, – бежали следом за ним. И самым разумным в такой ситуации было развернуться и бежать в другую сторону.

Что Гупи и сделал.

Только бежал он уже не от бюреров, а от огненного шквала, катившегося за ним по коридору.

Это было поистине что-то невообразимое и абсолютно необъяснимое. Похуже, чем возникшая прямо из воздуха кирпичная стенка. Гупи видел, как в центре площадки, где мерзкие низкорослые твари доедали останки Вервольфа, взорвался огромный, ярко-

оранжевый огненный шар. Как будто какой-то идиот щелкнул зажигалкой в наполненном газом помещении. Огонь мгновенно сожрал не успевших ничего понять бюреров и пылающими клубами ворвался в боковые проходы.

Гупи бежал от него не потому, что надеялся спастись – это только в кино герои бегут быстрее взрывной волны, – а потому что инстинкт гнал его вперед. Если за тобой гонятся – значит, нужно убегать. С этим не поспоришь.

И он бежал.

Бежал, что есть духу.

Бросив фонарик и автомат.

Бежал до тех пор, пока огненный шквал не ударил его в спину.

Волна обезумевшего пламени подхватила сталкера, перевернула и потащила за собой.

В бездну.

В выжженную адским огнем пустоту.

В небытие.

Глава 19

Темно.

Темно и страшно.

Страшно до жути.

До дрожи под коленками.

Страшно, поскольку не помнишь, что произошло. Не знаешь, где находишься. Не понимаешь, что нужно делать.

Где-то вдали – блеклое, расплывшееся пятно света.

Что это?

Выход из преисподней?

Гупи поднял руку, чтобы провести ладонью по лицу. Так можно попытаться вернуться в реальность – начать осознавать себя как физическую величину, имеющую массу и объем.

Пальцы уперлись во что-то твердое.

Пластиковое забрало шлема.

Точно!

На нем защитный скафандр военного сталкера.

Так, уже хорошо...

Его накрыл огненный шквал.

А потом...

Никакого «потом» уже не было.

Ну, что ж, теперь, по крайней мере, ясно, почему так темно, – он потерял фонарь.

А тихо? Почему так тихо?..

Вырубилась акустическая система шлема?

Возможно...

Затянутыми в тонкую перчатку пальцами Гупи подцепил клапан на груди, под которым находилась панель с настройками основных функций скафандра.

Зашипела отодранная «липучка».

Так, отлично. Звук есть. Он ничего не слышит просто потому что вокруг царит безмолвие.

Вопрос – хорошо это или плохо?

Пока неясно.

Гупи протянул руку в сторону.

Пальцы коснулись стены.

– Очухался?

Тусклое пятно света неожиданно ярко вспыхнуло и метнулось к лицу сталкера.

Гупи машинально вскинул руку, чтобы прикрыть глаза ладонью, но этого и не требовалось – автоматика прикрыла забрало светофильтром.

Ну вот, еще одна задачка решилась сама собой. Пятно света, казавшееся Гупи невообразимо далекой тенью пасмурного дня, оказалось упершимся в стенку лучом его фонаря, лежавшего на полу. Теперь же фонарь держал в руке Излом.

– Держи. – Журналист сунул фонарь сталкеру.

Гупи добавил яркости и посветил по сторонам.

Надо же, это была вовсе не преисподняя. И даже не преддверье ада. Это был все тот же коридор, по которому Гупи бежал, когда его накрыл огненный вал. Ну, или какой-то другой, очень на него похожий... Да, скорее всего, другой. На стенах и потолке нет следов гари, и даже краска не облупилась.

Гупи оперся руками о пол и сел поудобнее.

Как ни странно, чувствовал он себя вполне сносно. Только виски и затылок ломило от боли. В скафандре имелась встроенная аптечка, но Гупи не любил использовать медикаментозные препараты без особой на то нужды.

– Где мы?

– Все там же, в катакомбах.

– Это я понимаю, – кивнул Гупи. – Где именно?

– В ста метрах от площадки, где бюреры съели Вервольфа.

– Да ну? – сделал вид, что удивился, Гупи.

По большому счету, ему было просто все равно.

– Я видел взрыв... Море огня... Решил, что все, кирдык.

– Это Монолит.

– Что?

– Заработал Монолит.

– Ах, вот оно как... Выходит, и стена тоже...

– Что за стена?

– Мне показалось, что передо мной выросла стена.

– Бетонная?

– Кирпичная... Есть разница?

– Не знаю, я просто так спросил.

– Значит, ты не видел ни взрыва, ни стены?..

– Я видел другое, но тоже не слишком приятное.

– А бюреры?

– Разбежались по норам. Их, похоже, накрыло сильнее, чем нас.

– Чем накрыло? – не понял Гупи.

– Волной пси-излучения... А может, у них психика менее устойчивая?

– У кого? – Гупи самому становилось противно от того, как туго он соображает.

– У бюреров.

– Ну... Может быть... Что с американцем?

– Не знаю, я его не искал. Как накатило, я за тобой побежал... Ты так резко припустился, что я боялся не поспеть за тобой.

– Еще бы. – Гупи провел ладонью по лицевому щитку шлема, – как будто усталость с лица стер. – Мы оттуда пришли? – сталкер махнул фонарем направо.

– Оттуда, – указал в противоположную сторону Журналист.

Гупи поднялся на ноги и посветил фонарем вдоль прохода. Серый пол, грязные стены, тянущиеся вдоль них кабели.. И больше ничего.

Сталкер помигал фонариком.

– Думаешь, американец жив? – спросил он у Журналиста.

– Не думаю, – ответил тот. – Психокинетический удар проникает сквозь активную защиту скафандра.

– Я в курсе, – потер ушибленное плечо Гупи.

Он снова помигал фонарем. Подождал немного. Махнул рукой.

– Без толку.

– Пошли дальше?

– Пошли.

Луч света скользит по стенам. Мусор похрустывает под ногами.

Поворот налево.

Еще раз – налево.

Направо.

Прямо.

И вдруг – шлеп, шлеп, шлеп...

Гупи посветил вниз, под ноги.

Вода. По щиколотку. Темная, непрозрачная.

И, что самое гнусное, быстро прибывает.

– Что за черт?.. – Гупи с досадой выругался.

– О чем ты? – непонимающе глянул на сталкера Журналист.

– Вода.

– Вода?

– Ну, да...

Гупи переместил луч фонаря чуть влево. Полы плаща Журналиста уже плавали в воде, поднявшейся до колен.

– Эдак, нам скоро плыть придется...

Вода завораживала сталкера. Как будто звала к себе. На нее хотелось смотреть, и смотреть, и смотреть... Она хранила в себе мысли и чувства всех тех, кто когда-то нырнул в нее, чтобы больше уже никогда не появиться на поверхности. И если встать на колени и опустить голову... Нет, сначала нужно снять шлем...

– Гупи! – Журналист схватил сталкера за руку, которой тот потянулся к застежке шлема. Крепко. – Смори на меня!.. Слышишь! Смотри мне в глаза!

Гупи медленно повернул голову.

В голове у него звучали чьи-то голоса. Десятки... Сотни голосов. Он отчетливо слышал каждый, хотя и не мог понять, что именно они говорят. Да и нужно ли это?.. К чему?..

– Смотри мне в глаза, Гупи!

Ага... Ага...

Прежде лицо Журналиста казалось сталкеру похожим на маску, вырезанную из дерева. Теперь это точно была маска. Только из нефрита. С сапфирово-голубыми, нереальными, будто светящимися изнутри глазами.

Отблески от скользящего по воде луча...

– Гупи!.. Ты слышишь меня, Гупи?..

– Слышу...

– Это все Монолит!.. Понимаешь?.. Монолит!

– При чем тут Монолит? – Гупи опустил взгляд. Вода поднялась до пояса. Гупи в скафандре, так что ему все равно. А вот Журналист промок. – Мы скоро утонем... Или ты умеешь дышать под водой?

– Смотри на меня, Гупи!

– Смотрю.

– Никакой воды нет!

– Как же...

– Не опускай взгляд! Смотри мне в глаза!.. Это все Монолит! Мы уже близко!

Гупи усмехнулся.

– Ты серьезно так думаешь?

– Я это знаю!

– Но мы по пояс в воде...

– Не смотри вниз!.. Ты должен поверить мне... Слышишь, Гупи! Вода – это лишь иллюзия. Такая же, как стена, которую ты видел. Как огненный смерч... Ты веришь мне?.. Веришь?

Гупи задумался.

В самом деле, он уже видел то, чего не было на самом деле.

В самом деле, они уже рядом с Монолитом.

В самом деле, Журналисту незачем его обманывать...

Вроде бы...

– Да. Верю.

– Точно?

– Абсолютно.

– Теперь посмотри вниз.

Гупи опустил взгляд.

Ну, надо же!

Воды не было. И полы плаща у Журналиста были сухие.

Хотя, с другой стороны, это ведь тоже могло быть иллюзией.

А на самом деле вода уже поднялась до горла...

Но, если невозможно отделить реальность от иллюзии, лучше выбрать то, что разумнее. Бритва Оккама. Пусть будет сухо.

Пол, и в самом деле, оказался сухим.

Воды нет. И никогда не было.

– Это – Монолит, – Журналист отпустил руку Гупи.

– Так что ж теперь?.. – сталкер эдак неопределенно помахал рукой в воздухе.

– Не знаю, – честно признался Излом.

На стенке прохода, по которому они шли, появились новые отметки. Примерно через каждые пятьдесят шагов – короткая вертикальная линия и под ней косой крест. А в воздухе начали кружить светлячки. Большие. Размером с майских жуков. И с разноцветными огнями.

Или это тоже был обман?

– Так в прошлый раз, вместе с Семецким, ты дошел до Монолита? – спросил Гупи.

– Может, и дошел... – ответил Излом. – Не помню.

– То есть в какой-то момент ты отключился?

– Вроде того.

– А потом что?

– Потом... Помню, как вылезал из черного пластикового мешка на молнии. В такие трупы укладывают... Потом шел куда-то через лес... Едва не налетел на патруль... Чувствовал себя погано. Голова разламывалась от боли. Внутри, казалось, все органы поменялись местами и выполняли не свои функции. Но самым отвратным было ощущение раздвоения сознания. Как будто я находился в двух местах одновременно – в лесу и в большой комнате, заваленной человеческими телами, от которых тянутся не то провода, не то трубки какие-то... В общем, бредятина полная. Не знаю, как долго я пробыл в таком состоянии. В конце концов меня подобрал какой-то сталкер и отвел к местному барыге. А к тому как раз, мне на счастье, Доктор заглянул, по каким-то своим делам. Он и прихватил меня к себе в дом на болоте. Без него я бы, наверное, не оклемался. Он же и средство дал, которое не позволяло мне окончательно в монстра превратиться. Но предупредил, что со временем оно перестанет действовать. И тогда решай, говорит, сам, как знаешь. Либо становись чистым Изломом, либо убей себя. Больше я тебе, говорит, ничем помочь не могу... И вот еще что. Татуировка у меня после этого появилась.

Журналист оттянул рукав правой руки, и Гупи увидел вьевшиеся под кожу на запястье буквы «S.T.A.L.K.E.R.».

– Выходит, Зона тебя пометила, – не то в шутку, не то всерьез сказал Гупи.

– Выходит, что так, – кивнул Журналист. – Поэтому и надеюсь, что в этот раз Монолит меня к себе подпустит.

– Что-то все это очень путано, – покачал головой Гупи.

– Что именно?

– Все. Зона, Монолит, дыра в пространстве, мутанты, монстры, артефакты, подземные лабиринты, военные эксперименты... Все свалено в одну кучу. Как в плохом кино. Или... Гупи умолк, не закончив фразу. Усмехнулся какой-то своей мысли.

– Что «или»? – спросил Журналист.

– Да нет, глупость, – махнул фонарем Гупи.

– Ладно, говори!

Майские светляки из туннеля исчезли. Зато появились белесые призраки, безмолвно скользящие под сводчатым потолком. Точно такие, каких в мультфильмах рисуют – в длинных, развевающихся саванах и с неясными, расплывающимися чертами лица.

– Я подумал, что все здесь, в Зоне, выглядит так, будто кто-то нарочно это подстроил. Чтобы нам, сталкерам, постоянно приходилось решать какие-то задачки из учебника по выживанию. И это здорово смахивает – ты только не смейся – на постановку реалити-шоу. Ну, вроде как, мы тут за жизнь свою боремся, а кто-то по телеку на нас смотрит и от хохота давится.

– А почему мы сами не знаем, что являемся участниками шоу?

– Ну, кто-то, возможно, и знает, и специально остальным подыгрывает. А главным участникам мозги промыли, чтобы они ничего о своей прежней жизни не помнили. Это оговорено условиями контракта.

– И смерть тоже оговорена в контракте?

– Может быть... А может, это только иллюзия... Спецэффекты... – Гупи отмахнулся от пролетевшего рядом призрака. – Ты только не думай, что я совсем свихнулся.

– Я не думаю...

С диким ревом из темноты выскочил кабан. Глаза горят, клыки, как ятаганы, изо рта пена валит. Монстр – да и только. Здоровенный, загривком едва плафоны с потолка не сшибает.

Гупи и Журналист прижались к стене. Чисто рефлекторно.

Призрачный кабан пронесся мимо них и растаял во тьме.

– Спецэффекты, мать их...

– Далеко еще? – спросил Журналист.

– А что? – искоса глянул на него Гупи.

Не верь никому – закон Зоны.

Тем более – Излому. Кто знает, сколько человеческого в нем случилось? Может, лишь прикидывается человеком. А сам только и ждет, когда Гупи его к Монолиту выведет. Чтобы снести ему там башку, как тем военным сталкерам, в окопе.

– Ломает меня, – с неохотой признался Журналист.

– Это как же так? – удивился Гупи. – Как нарка без дозы?

– Ну, наверное, вроде того, – процедил сквозь зубы Излом. – Горит все внутри... И голова...

– Что – голова?

– Ну, вроде как, не в порядке.

– Болит или соображает плохо?

– И то, и другое... И мысли все время...

– Это разве плохо, что мысли?

– Плохо, когда мысли чужие. И не знаешь, откуда они пришли.

– А о чем мысли-то?

– О судьбах человечества.

– Да ну!

– Не знаю я!.. Попробуй, разберись в чужих мыслях!

- Ладно...
- Да, не скажи...
- Я хотел сказать, потерпи. Уже недалеко.

На очередной развилке Гупи свернул в проход, рядом с которым был нарисован большой глаз, тупо уставившийся в пустоту. Прежде такой знак им не встречался.

- Я уже видел такой, – указал на глаз Журналист.
- Ага, я тоже, – кивнул Гупи. – На американских деньгах.
- Нет. На двери в четвертом энергоблоке.
- А что за дверью?
- Не помню.

Гупи остановился возле закрепленной на стене металлической лестницы.

- Дурной знак.
- Ты веришь в приметы?
- Приметы – это одно. А знаки – совсем другое. В приметы можно и не верить. А вот знаки нужно примечать. Знаки многое сказать могут. Верный путь указать. Или от беды уберечь. Глаз – это дурной знак. И к гадалке ходить незачем.
- А что, есть другой путь?
- Ну, если и есть, то мне он неизвестен.
- Так чего ж мы тут стоим?
- Так пришли.

Гупи положил ладонь на лестничную перекладину и посветил фонарем вверх. Метрах в пяти над головой луч света уперся в рифленую крышку люка.

- Там Монолит? – посмотрел туда же, что и сталкер, Излом. – Ты уверен?
- Я не знаю, что там наверху, – покачал головой сталкер. – Но это то самое место, которое было обозначено на плане. Так, что...

Гупи умолк на полуслове и в некоторой растерянности посмотрел по сторонам.

- Что-то не так? – насторожился Журналист.
- Все исчезло, – зачарованно развел руками Гупи.
- В каком смысле «все»?
- Все! – повторил тот же самый жест сталкер. – Я больше не вижу ни гигантских светляков, ни привидений, ни психоделических слизней, ползающих по стенам и оставляющих за собой радужные узоры... Я даже не слышу колокольцев, что последнее время звучали у меня в голове... Странно...

– Это значит, мы действительно пришли, – Журналист почему-то перешел на полусшепот. – Мы находимся под Монолитом – в мертвой зоне, которую не покрывает его излучение.

- Как сбоку от пулеметного гнезда, – сравнил Гупи.
- Точно, – кивнул Журналист.

И вдруг – улыбнулся. Впервые за все то время, что они были вместе. Почти по-настоящему. По-человечески.

Гупи снова посмотрел вверх.

- Кто первый?
- Если позволишь, я.
- Прошу, – сталкер сделал шаг в сторону.

Журналист взялся за металлические перекладины и стал быстро-быстро карабкаться вверх.

Добравшись до люка, он попытался осторожно приоткрыть его. Крышка не сдвинулась с места. Излом поднялся на одну перекладину выше и уперся в крышку плечом.

- Не выходит? – спросил, глядя на него снизу вверх, Гупи.
- Заперто, – с досадой ответил Журналист.

А почему, собственно, они надеялись, что дверь, ведущая в святая святых Зоны, окажется гостеприимно распахнутой? С другой стороны, пройти черт знает через что и

упереться в запертую дверь в двух шагах от цели – в этом присутствовала злая ирония. И если бы это случилось с кем-то другим, Гупи, быть может, даже посмеялся бы. Но сейчас ему было не до смеха.

– Слезай.

– Что? – глянул на него сверху Журналист.

– Слезай, говорю! – махнул рукой Гупи.

Излом послушно спустился вниз.

А Гупи скинул с плеч рюкзак и забрался наверх.

Излом знал многие секреты Зоны, о которых сталкер даже не подозревал. Он за версту чувял аномалии. Другие монстры и мутанты предпочитали обходить его стороной, опасаясь психокинетического удара и гипертрофированной левой руки. Но, чтобы замки взламывать, – тут нужна не сила, а ловкость. И самые общие познания в элементарной механике.

Перво-наперво Гупи так же, как Излом, попытался приподнять крышку люка. Чтобы убедиться, насколько плотно она стоит на своем месте. Крышка даже на волос с места не сдвинулась. Хорошо. Гупи не очень-то на это и рассчитывал. Достав нож, сталкер проверил острием все щели. Крышка была подогнана плотно, так, что лезвие не просунешь. Посыпавшиеся вниз чешуйки ржавчины означали, что люком давно не пользовались. Быть может, о его существовании вообще забыли. Замечательно. Скорее всего, люк запирался на широкий, тяжелый засов, расположенный с противоположной стороны. До него, понятное дело, не добраться. А вот две металлические петли, также покрытые слоем ржавчины, были на виду. И что с ними можно сделать? У Гупи на сей счет имелись свои соображения.

Гупи спустился вниз, присел на корточки возле рюкзака и принялся перебирать его содержимое.

Журналист молча наблюдал за ним. Понимал, что сейчас к сталкеру не стоит приставать к расспросам.

Наконец Гупи нашел то, что нужно. Узкий металлический футляр, внутри которого – широкий пластиковый дозатор. Гупи сунул дозатор в петлю на груди, повесил на шею автомат и снова полез наверх. Там он сорвал с дозатора защитный колпачок и принялся осторожно, чтобы не капало вниз, смазывать петли люка густой, желто-зеленой, опалесцирующей пастой. Нанеся пасту густым, ровным слоем, Гупи закрыл дозатор и: «Держи!» – Кинул вниз Журналисту.

В дозаторе находилось то, что сталкеры называли «Разрывом». Странное вещество, небольшие лужицы которого появлялись сразу после выброса в сырых, сумрачных углах. Рядом с лужицей «Разрыва» непременно ошивался полтергейст. Что за связь существовала между ними, никто не знал, но именно из-за присутствия полтергейста добыча «Разрыва» превращалась в занятие далеко не безопасное. Поэтому немногие сталкеры брались добыть «Разрыв», хотя заказы на него поступали постоянно, да и платили щедро. Уникальная особенность «Разрыва» заключалась в том, что вещество это, по химическому составу не являющееся кислотой, способно было уничтожить любое неорганическое соединение, оставаясь совершенно безвредным для органики. Поэтому и дозаторы, в которые собирали «Разрыв», изнутри были покрыты специальной полимерной углеводородной пленкой. В лагере «ботаников» Гупи как-то краем уха слышал, что «Разрыв» не вступает в химическую реакцию с уничтожаемым веществом, а каким-то совершенно непонятным образом разрывает в нем все межмолекулярные связи, что приводит к полной деструкции вещества. «Разрыв», находившийся в дозаторе, Гупи собрал еще в прошлую ходку, для Кугеля. Да так и не донес. Оказалось – на удачу.

– Ну? – нетерпеливо переступил с ноги на ногу Журналист.

Гупи посмотрел на петли. Та часть, что он смазал «Разрывом», будто срезали ножовкой. Даже металл на месте среза поблескивал. Если как следует ударить по крышке, штыри вылетят. Непременно вылетят.

Гупи перехватил автомат – приклад зажат под мышкой, ладонь на рукоятке, палец на спусковом крючке. Сгруппировался, поднял левую руку и слегка надавил на крышку люка ладонью. Стальной, рифленый квадрат чуть приподнялся. Отлично! Знать бы еще, что там, наверху. На всякий случай Гупи сделал поярче и пошире луч подствольного фонарика.

Все. Готов.

Последний взгляд вниз.

Журналист смотрит на него, запрокинув голову. Странно, что при этом капюшон не падает на спину.

Ладно.

Гупи переместил левую руку поближе к петлям. Поднялся еще на одну ступеньку. Подпер крышку люка плечом.

Глубокий вдох...

И – резкий выдох!

Крышка люка отлетела в сторону и приглушенно грохнула, упав на залитый каким-то синтетическим покрытием пол. Звякнул упавший вниз металлический штырь.

Гупи выпрыгнул из люка, перехватил обеими руками автомат.

Помещение освещено. Свет неяркий, но его достаточно, чтобы все как следует рассмотреть. Прямоугольник, размером со школьный класс. Дверь в дальнем конце. Открытые стойки с приборами по стенам. Распределительные щиты. Посреди комнаты два длинных стола – горизонтальные плоскости на тонких ножках – с подключенными компьютерными терминалами. Провода оплетают ножки и уходят в отверстия в полу. Очень похоже на то, что они видели в бункере в Ржавом лесу.

Поначалу Гупи показалось, что в комнате никого нет. Он даже поднял палец, чтобы поставить автомат на предохранитель. Человека он увидел, только когда тот выглянул из-за большого, плоского монитора. От Гупи до него было метра четыре.

– Не двигайся! – вскинул автомат сталкер.

Человек показал пустые руки. Он не поднял их над головой, а развел в стороны. Так что теперь из-за монитора высовывались голова и две кисти рук с растопыренными пальцами.

Из люка выбрался Журналист. Кинул на пол рюкзак Гупи.

– Кто это? – указал стволом автомата на незнакомца Гупи.

– Не знаю.

Журналист поднял за край крышку люка и аккуратно пристроил ее на прежнее место, прикрыв зияющую в полу дырку.

Человек молча смотрел на пришельцев. На лице – никаких эмоций. А ведь мог же хотя бы удивиться. На вид ему лет шестьдесят, а то и больше. Лицо помятое, кожа в морщинах и пигментных пятнах. Мешки под глазами. Длинные, седые, давно не мытые волосы неаккуратно зачесаны назад.

– Почему он без скафандра? – спросил Гупи.

– Здесь нет радиации, – ответил Журналист.

Гупи скосил взгляд на показатель счетчика Гейгера, отображавшийся на внутренней стороне забрала. В самом деле, радиационный фон в норме.

Сталкер дернул застежку. Шлем аккуратно свернулся и убрался в обод на воротнике.

Воздух в помещении был свежий и прохладный – должно быть, работал кондиционер.

– Ну, что будем делать? – Гупи посмотрел на Журналиста. – Устроим допрос или пойдем Монолит искать?

– Вы из службы технической поддержки? – медленно произнес незнакомец.

Голос у него был хриловатый, слегка надтреснутый – казалось, будто два человека говорят в унисон.

– А что, похоже? – усмехнулся Гупи.

– Что у вас с лицом? – спросил седой.

– В каком смысле? – непонимающе сдвинул брови сталкер.

– Ваш рот. Он непропорционально огромен. Как будто кто-то намеренно изуродовал вас.
– Слушай, я сюда пришел не для того, чтобы ты мою улыбку критиковал, – скривил кровожадную физиономию Гупи.

– Я понимаю, – едва заметно наклонил голову седой. – И все же, должен сказать, что никогда прежде мне не доводилось...

– Иди ты к черту! – перебил Гупи.

Лицо седого дернулось. Черты его сделались более жесткими. Взгляд – колючим.

– Ты чо на старика орешь, фуфел! Хорошего обращения не понимаешь? Так я могу тебе по-другому объяснить. Коротко. В рожу или по рогам?..

Неожиданная реплика сама собой оборвалась.

Лицо седого вновь стало немного другим. Более мягким, спокойным. Почти умиротворенным. Уголки губ чуть приподнялись вверх. Всепрощающая улыбка Будды.

– Извините, пожалуйста. Это был спонтанный выплеск негативных эмоций. Надеюсь, более подобное не повторится. Но, если вдруг... Заранее прошу у вас прощения.

Гупи бросил вопросительный взгляд на Журналиста.

Тот непонимающе пожал плечами.

Седой медленно опустил руки и положил их ладонями на стол.

– Собственно... – Гупи в нерешительности прикусил верхнюю губу. – С кем имеем честь?..

– Я – Главный, – представился седой.

– Да? – приподняв левую бровь, Гупи изобразил удивление. – Главный в чем?

Сталкер начал медленно смещаться в сторону, чтобы изменить точку обзора. У него вдруг появилось подозрение, что у этого странного типа на коленях может лежать оружие.

– Просто Главный, – ответил седой.

– Это имя такое? Или род занятия?

– Это определение моей сущности.

– Весьма... – Не зная, что к этому добавить, Гупи кивнул. – Весьма и весьма.

Он наконец смог увидеть Главного сбоку. Оружия у него не было. Он сидел на круглом вращающемся столике, упершись в пол кончиками пальцев босых ног. Из одежды на нем был только старый, затасканный, с оторванным карманом лабораторный халат. И, похоже, что под халатом больше ничего не было.

– Ты здесь один? – спросил Журналист.

– Можно и так сказать, – весьма неопределенно ответил Главный.

– А можно как-то иначе?

– Можно сказать, что здесь присутствуют ментальные сущности всех тех, кто участвовал и продолжает участвовать в работе с Монолитом.

– Они все в тебе! – догадался Журналист.

– Нет, – сделал отрицательный жест рукой Главный. – Они существуют сами по себе. Я лишь аккумулирую их по мере надобности и помогаю осуществлять физический контакт с материальным миром. – Голос седого снова изменился и зазвучал звонко и пафосно: – Да, друзья мои! Материальная сущность по-прежнему является главной составляющей этого мира! И нам, увы, приходится с этим мириться! – Главный кашлянул в кулак. – Извините.

– И давно ты здесь? – спросил Гупи.

– Очень давно, – утвердительно наклонил голову Главный. – И знаете, – голос его понизился до доверительного полусшепота. – Я очень... Нет, я чертовски устал!

Сказав это, он внезапно стукнул кулаком по столу.

– Чем же ты тут занимаешься? – поинтересовался Журналист.

– Осуществляю функции контроля и наблюдения, – Главный широким жестом руки обвел комнату вместе с многочисленными приборами, стоящими на открытых полках. – Кроме того, остальные нуждаются в моей помощи.

– Остальные?

– Те, кто в данный момент участвуют в работе с Монолитом.

– Так, значит, здесь есть другие люди?

– Конечно!

– Много?

– Секундочку. – Главный нажал клавишу растянутой перед ним на столе пленочной клавиатуры. – В данный момент семьдесят два человека. Этого мало, поэтому я очень рад, что вы пришли.

– Мы по другому делу.

– Не важно. Главное, вы пришли.

– Ты сказал, что семидесяти двух человек мало, – напомнил Журналист. – Мало для чего?

– Для того, чтобы Монолит выполнял все свои функции, требуется не менее восьмидесяти четырех пиров. Лучше – девяносто два. Чтобы имелся резерв.

– Кто такие пиры?

– Те, кто связаны.

– С работой Монолита?

– Ну, да.

– Так, значит, это инженеры? Техники?

– Я бы так не сказал, – озадаченно наклонил голову к плечу Главный. – Это – пиры! – седой развел руки в стороны, мол, ну что к этому еще можно добавить. – Они вовлечены в процесс!

– Где все они прячутся?

– Они не прячутся. Они работают. Там. – Главный повел небритым подбородком в сторону. – За стеной.

– А охрана здесь есть? – поинтересовался Гупи.

– Зачем? – удивился Главный.

– Значит, – направил на него указательный палец сталкер, – нет?

– Нет, – подтвердил Главный.

– Ну вот и ладно, – улыбнулся одной из самых кровожадных своих улыбок Гупи. – Нам только это и нужно было узнать. Будь здоров, Главный!

– Вы уже уходите? – лицо седого обиженно вытянулось. – А я надеялся, мы еще поговорим... В смысле, так, как обычно разговаривают между собой простые люди... Честно говоря, здесь ужасно одиноко. Если бы нашелся тот, кто согласился бы занять мое место, я сам с радостью стал бы пиром... Правда, правда! Можете мне поверить! Я уже сейчас вам завидую!..

– Мы не собираемся становиться пирами, – Гупи подошел к седому сзади и ободряюще похлопал его по плечу. – Кем бы они ни были. Я не сомневаюсь, что все вы тут выполняете очень важную и чертовски ответственную работу. Но мы пришли сюда только за тем, чтобы взглянуть на Монолит.

– Ну да, ну да, – быстро закивал Главный. – Все, кто приходит сюда, полагают, что сделали это по собственному выбору. На самом деле это Монолит призвал их... Да, да, не смейтесь! Вы слышали зов Монолита, а потому и отправились в путь.

– Меня сюда привели, можно сказать, под дулом автомата, – заметил Гупи. – И Монолит здесь совершенно ни при чем. Мне лишь хочется верить, что с его помощью мы сумеем выбраться отсюда.

– Сумеете, – убежденно кивнул Главный. – Непременно сумеете!.. И все же, я должен разочаровать вас. Даже если вас, как вы утверждаете, привели сюда силой, все равно это было лишь исполнением воли Монолита.

– Нас было семь человек.

– Те, кто не дошел, исполняли волю Монолита, но сами не были ему нужны.

– В самом деле, смотри, как все сложилось, – Журналист медленно прошелся вдоль стола, щелкнул пальцем по выключенному монитору. – Я присоединился к вам по пути. А

ты – единственный из всей группы, кто не хотел идти к Монолиту и тем не менее нашел его.

– Ну и что? – пожал плечами сталкер. – Если вы тут собираетесь создать культ Монолита – да на здоровье! Можете поклоняться ему как новому воплощению Христа, Магомета и Иеговы вместе взятых! Можете даже устраивать религиозные жертвоприношения. Только меня в это даже не пытайтесь втянуть. Я атеист в четвертом поколении. Для меня Монолит – это тупая машина. И ежели каким-то образом она поможет мне выбраться отсюда, я буду благодарить за это не ее, а ее создателей. И знаешь что, Журналист...

– Речь не о божественной сути машины, – перебил Гупи Излом. – А о том, в какой степени она способна влиять на то, что происходит вокруг. Если ей был нужен ты, то, черт возьми, она разыграла дьявольски хитроумную комбинацию для того, чтобы затаскать тебя сюда.

– Ну и черт с ней!

– А что, если ее влияние распространяется и за пределы Зоны?..

– И – что? Ты хочешь спасти мир?

– Мы можем отключить Монолит.

– Ты сам говорил, что это может привести к катастрофе.

– Да, но так же это может вернуть все на свои места.

– Что именно?

– Я не знаю...

– Ты пришел сюда для того, чтобы снова стать человеком. Так?.. Или у тебя уже другие планы?

– Я хочу разобраться...

– Ты в своем уме! – Гупи стукнул прикладом автомата по столу.

Главный приподнялся с табурета, на котором сидел, и выставил перед собой руки, то ли, чтобы призвать Гупи проявить сдержанность, то ли чтобы подхватить, если что-то вдруг слетит со стола.

– С чем?.. Или, может быть, лучше спросить, с кем ты намерен разобраться? С теми козлами, что не стали публиковать твои статьи?.. Да и правильно сделали, что не стали!

– Почему? – удивленно посмотрел на Гупи седой.

– Потому что всем, по большому счету, наплевать на то, что здесь происходит, – неожиданно спокойно ответил Гупи. – Потому что, если бы это кому-то было нужно, то здесь давно бы навели порядок. Значит, либо тех, кто обладает силой и властью, все это устраивает, либо с этим уже ничего невозможно сделать... Ну? – кивнул сталкер Главному. – Я не прав?

– Я не знаю, – растерянно развел руками тот. – Честно говоря, я вообще не очень понял, о чем вы говорили.

– Ну, и хрен с ним, – махнул рукой Гупи. – В общем, так, – снова обратился он к Журналисту, – если ты собираешься тут порядок наводить, вот тебе приятель и помощник, – он указал на седого. – А я пойду гляну, что это за штука такая, Монолит.

– Я могу вас проводить, – предложил Главный. – Обоих.

– Серьезно? – недоверчиво прищурился Гупи.

– Конечно, – седой посмотрел на руки, как будто хотел удостовериться, что они чистые, и провел ладонями по жирным волосам, ото лба к затылку. – Без меня вы тут все равно не разберетесь.

– Если ты думаешь, что сможешь убедить меня остаться...

– Сие меня не колышет!

Главный оперся ладонями о край стола и поднялся на ноги. Тяжело поднялся, с трудом. Будто не вставал с табурета много дней. Хотя, кто его знает, может, так оно и было?

Встал. Одернул полы халата. Посмотрел на сталкера. На Излома. Взял со стола серую прямоугольную коробку, размером со школьный пенал.

– Ну, идем?

– А это что? – указав на «пенал», поинтересовался Гупи.

– Это? – Главный повернул коробку так, чтобы сталкеру стали видны кнопки на одной из ее плоскостей. – Это, хе-хе, братишка, пульт дистанционного, хе-хе, управления. Гупи уже привык к тому, что манера седого обращаться к собеседнику постоянно меняется. Но на этот раз интонации его голоса были настолько мерзко-ехидными, что сталкер невольно поморщился.

– Понял, что пульт, не дурак. Чем ты им управлять собираешься?

Главный словно и не услышал вопрос сталкера. Наклонив голову, он похлопал себя по карманам, как будто сигареты искал или проверял, не забыл ли ключи. Пожевал губу. Рукой махнул.

– А, ладно...

– Я спросил...

– А? – резко, будто испугавшись чего, вскинул голову седой.

– Я про пульт спросил, – понизил голос Гупи. – От чего он?

– От всего.

Главный направил пульт на дверь и нажал кнопку. Дверь плавно откатилась в сторону.

– Видал! – с гордостью посмотрел на сталкера Главный.

За дверью находился коридор. Тускло освещенный. Узкий. С выложенными розовым кафелем стенами.

Гупи молча кивнул.

– Ладно. – Главный сунул пульт в нагрудный карман с надорванным углом. – Пошли. И направился к двери.

Медленно. Еле переставляя негнущиеся ноги.

– Слушай, Главный, а дыру, из которой монстры лезут, ты можешь показать? – спросил, следуя за провожатым Гупи.

– Не-а, – мотнул головой седой.

– Почему?

– Потому что нет никакой дыры.

– А откуда же монстры?

– Какие монстры?

– Ну, всякие... Кровососы, контролеры, псевдогиганты... Химеры.

– Да почему я знаю...

– Слушай, а, может, у тебя тут кофе есть?

Главный обернулся и с тоской посмотрел на сталкера.

– Совсем спятил, родной.

Глава 20

Гупи шел по коридору следом за Главным.

Рядом двигалась его тень.

Тень то отставала, то обгоняла сталкера. То вдруг начинала подавать какие-то знаки. Как будто старалась предостеречь, предупредить о чем-то. А может быть, наоборот, выражала свое полное одобрение и восторг? Гупи был не силен в разгадывании языка жестов. А говорить тень не умела.

По правую руку от сталкера, низко опустив голову и спрятав руки под полы плаща, шел Журналист. Или, все же, Излом?

И он почему-то не отбрасывал тени.

Или неправильным было то, что следом за сталкером бежала его тень?

– Почему у тебя нет тени?

– Не знаю... А должна быть?

– Наверное... У меня есть. Хочешь, я вас познакомлю?

– Нет, – мотнул головой Излом.

Откуда-то очень издали доносились звуки музыки.

Гупи прислушался.

Играл ситар.

Гупи вытянул руку в сторону и провел пальцем по розовому кафелю.

Следом за пальцем потянулся светящийся след, расплывающийся психоделическими цветными разводами в ядовито-кислотных тонах.

Ситар зазвучал громче.

К нему присоединилась легкая дробь пальцев, уверенно бегающих по туго натянутой коже бонгов.

– Тебе не кажется это странным? – спросил Гупи у Журналиста.

Прежде чем ответить, тот решил конкретизировать:

– Что именно?

– Все! – дал конкретный ответ Гупи.

– В какой-то мере, – весьма неопределенно ответил Журналист.

– Мы дошли до самого центра Зоны. И что мы здесь видим – грязного, полууголого и, на мой взгляд, не вполне вменяемого старика, который, видишь ли, всем тут управляет. И не как-нибудь, а без особых затей – с помощью допотопного пульта дистанционного управления. Как тебе это нравится?

– Мне без разницы.

– Не знаю, как ты, но я совсем не это рассчитывал здесь увидеть.

– А что же тогда?

– Что-нибудь другое.

– Например?

– Инопланетян. Нацистских преступников. Пришельцев из будущего. Вампиров в латексе. Обратней в косухах. Яйцеголовых мутантов... – Гупи внезапно осекся. Сталкеру показалось, что ковыляющий впереди Главный повернул голову назад, как будто она у него была на шарнире, и весело подмигнул ему. – Слушай, Журналист, тебе не кажется, что наш провожатый похож на Эйнштейна?

– Скорее уж на Карла Маркса.

– Оч-чень может быть, – подумав, согласился Гупи. – Если бы Маркс полгода не мыл свою шевелюру и обкорнал овечьими ножницами бороду.

– Главный! – окликнул седого Журналист. – Куда мы направляемся?

Главный обернулся – на этот раз, как полагается, – и глянул на Излома через плечо.

– Для начала хочу показать вам пиров.

– Вампиров? – удивился Журналист.

– Нет. Просто – пиров. Вам.

– А... Вампиров тут, выходит, нет?

– Увы, – на ходу с сожалением развел руками Главный.

– Так ты ж говорил, что они за стеной! – вспомнил Гупи.

– Верно, – кивнул Главный.

– А мы уже минут двадцать идем по этому коридору! И ни одной двери!

– Разве? – удивился или только сделал вид, что удивился, Главный.

Остановившись, он с укоризной посмотрел на Гупи.

– Так надо было раньше сказать.

После чего сделал шаг к облицованной кафелем стене и, дернув за ручку, распахнул обитую черным дерматином дверь с табличкой «Пирь». Которой секунду назад здесь не было.

За дверью царил темнота. Главный вытащил из кармана пульт, близоруко щурясь, поднес его к глазам, провел пальцем по кнопкам и, отыскав нужную, нажал. Под потолком вспыхнули мощные бестеневые лампы. Гупи даже показалось, что он услышал приглушенный хлопок, когда ослепительно-яркий поток света упал вниз.

Они находились в очень большом, можно сказать, огромном помещении без стен. Только пол и потолок. Как это может быть, Гупи не понимал. Да и не стремился понять. Не до того было.

Все пространство вокруг заставлено узкими кроватями без спинок. Да и не кровати это вовсе, а странные лежаки, похожие на анатомические столы. Большинство из них заняты неподвижно лежащими телами, накрытыми белоснежными, хрусткими, едва не ломающимися на сгибах простынями. Из-под простыней торчали голые пятки с бирками, прицепленными к большим пальцам – как в морге. Руки вытянуты вдоль тел поверх покрывал. Головы людей – или, все же, тел? – закрыты решетчатыми колпаками, отдаленно напоминающими маски фехтовальщиков. От масок вверх, к потолку тянулись разноцветные кабели и шланги. Еще несколько трубок выходили из аккуратно сделанных разрезов на покрывающих тела простынях.

– Это пиры, – сказал Главный. – Они обеспечивают работу системы, которую вы называете Монолитом.

– Они живы? – спросил Журналист.

– Ну-у... – Главный запрокинул голову и грязными ногтями поскреб заросшую седой щетиной шею. – Смотря в каком смысле.

– Обалдеть можно! – криво усмехнулся Гупи. – Человек либо жив, либо мертв. И никакого другого смысла в этом нет.

– Хотите я докажу вам обратное?

– Ну?

– Вы согласны с тем, что полуживой это то же самое, что и полумертвый?

Гупи озадаченно почесал кончик носа. Он чувствовал, что в вопросе седого кроется какой-то подвох.

– Согласен, – ответил за него Журналист.

– Вот! – радостно хлопнув в ладоши, Главный указал на Излома пальцем. – А как нам известно из элементарной математики, если половины неких величин равны между собой, значит, равны и целые величины. То есть мертвый эквивалентен живому.

– Ну, что ты несешь? – недовольно скривился Гупи. – Чушь какая-то!

– Разве? – растерянно почесал щеку Главный. – А мне это казалось забавным.

– Сам придумал?

– Нет. Когда я бы студентом...

– Все! – Журналист показал Главному открытую ладонь. – Мы посмотрели на пиров, теперь хотим увидеть Монолит.

– А вам разве не интересно?..

– Нет!

– Даже если...

– Даже! Если!

– Ну, что ж, следуйте за мной.

Главный взмахнул пультом, будто волшебной палочкой, и свет погас.

И в тот же миг они снова оказались в коридоре с розовым кафелем. Не вышли через дверь, а именно оказались.

– Как долго человек служит пиром? – спросил Гупи.

– По-разному, – сделал неопределенный жест рукой Главный. – Среди тех, кого вы видели, есть еще те, с помощью которых запускали Монолит. Но время от времени кому-то требуется замена.

– И где же ты ее находишь?

– Не я, а Монолит. Новый пир сам приходит сюда, когда в нем возникает необходимость. Как пришли вы.

– Я уже сказал, мы пришли не за тем, чтобы стать пирами.

– Да, я помню, – кивнул Главный.

– Монолит находится выше? – пальцем указал на потолок Журналист. – Там куда тянутся провода от пиров?

– Да, – подтвердил Главный. – Прямо над залом с пирами.

– Значит, сейчас мы направляемся к лестнице?

– Нет, – качнул головой Главный.

– Нам же нужно подняться наверх.

– Мы уже наверху.

– Разве?

– Конечно.

Главный остановился, повернулся лицом к стене и пальцем нарисовал на ней вертикальный прямоугольник размером с дверь.

– Вы уже решили, что именно хотите? – обернувшись, спросил он у гостей.

И улыбнулся, как добрый волшебник.

– Я слышал... – Журналист быстро провел языком по внезапно пересохшим губам. – Монолит исполняет не все желания, а только самые заветные.

– Конечно. – Степенно наклонил голову Главный. При этом он сделал жест, как будто хотел огладить рукой окладистую бороду, которой у него не было. – Самые заветные, я бы даже сказал, – он воздел к потолку указательный палец, – сокровенные! Именно так – сокровенные желания! О которых вы, быть может, и сами не подозреваете! Но! – Еще один взлет эрегированного указательного пальца к потолку. – Это все равно ваши желания. Ваши! И, если вы как следует сосредоточитесь, если заглянете в самые потаенные уголки своих душ, вы сумеете их отыскать. А если вам это удастся, то весь процесс пройдет намного проще. И безболезненнее.

– Никогда не думал, что исполнение желаний может быть связано с болью, – усмехнулся Гупи.

– О! – махнул на него рукой Главный. – Вы даже и не подозреваете, о чем порой мечтают люди!

– Ладно, зато я точно знаю, чего хочу.

Гупи толкнул нарисованную Главным дверь.

И тотчас же стены и потолок разлетелись в стороны.

Готовясь к самому худшему, сталкер сделал глубокий вдох и – едва не задохнулся от восторга. Сердце его дало сбой. А в душе все как будто перевернулось.

Они оказались в огромном зале, залитом бледно-розовым светом. Откуда-то из серебристого марева лилась негромкая музыка. В ней не было ни ритма, ни гармонии, а лишь завораживающее переплетение звуков, плавно перетекающих один в другой. В воздухе витали ни с чем не сравнимые ароматы, вызывающие то чудные воспоминания, то странные желания, то чувство абсолютного, нереального счастья.

Посреди зала стоял Монолит – огромный, в три человеческих роста, черный кристалл. Абсолютно черный. Непроницаемый. Вещь в себе. Но почему-то при взгляде на него Гупи захотелось нырнуть в непроглядный мрак Монолита. Чтобы утонуть. Чтобы раствориться в нем. Чтобы стать неразделимым с тем, что он собой олицетворял.

– Здорово, да?..

Хриловатый голос Главного прозвучал, как явный диссонанс тому, что окружало сталкера. Поэтому Гупи снял с плеча автомат и передернул затвор. Чтобы пристрелить наглого старика.

Но его опередил Журналист.

Выбросив гипертрофированную левую конечность, Излом схватил Главного, разорвал надвое, будто бумажного человечка, и отшвырнул останки в разные стороны.

Сталкер поставил автомат на предохранитель, одобрительно улыбнулся Излому и сделал шаг к Монолиту.

– Нет, ребята, здесь не все так просто!

Главный, живой и невредимый, вынырнул из тумана прямо перед Гупи.

Не заморачиваясь вопросом, как седому удалось уцелеть после экзекуции, учиненной ему Журналистом, Гупи просто поднял автомат и почти в упор разрядил в Главного пол-обоймы.

Излом показал сталкеру большой палец.

И оба они еще на один шаг приблизились к Монолиту.

К осуществлению своей мечты.

– Ну, ладно, Излом, – услышал у себя за спиной Гупи. – Но от тебя, сталкер, я такой подлости не ожидал.

Гупи достал гранату, выдернул из нее чеку и, не оборачиваясь, кинул назад.

Даже грохот взрыва не смог перекрыть негромкий, психоделический нотный перебор.

– Ну, все, хватит!

Главный выбежал вперед, направил на Монолит вытянутую руку, в которой у него был зажат пульт, и нажал кнопку.

Все исчезло.

Все – разом.

Они стояли посреди грязной, захламленной комнаты – обрезки проводов, обрывки шлангов, раздавленные диски, пластиковые обломки корпусов, картонная упаковка еды из фаст-фудов, – посреди которой возвышалось нечто громоздкое, здорово смахивающее на старый, покореженный, много раз отремонтированный, паяный и латанный автоклав. Или на прибор из лаборатории Франкенштейна, с помощью которого он оживлял мертвецов.

Кстати, и мертвецы в наличии имелись. На полу лежало десятка полтора тел, находящихся на различных стадиях разложения. Дух в помещении стоял соответствующий.

– Эй, старик! – Излом выбросил вперед огромную руку и схватил Главного за шею. – Что это значит? Где Монолит?

– А, вот он, – усмехнувшись, указал на «автоклав» Главный.

Он сделал быстрое, неуловимое движение, и рука Журналиста повисла в пустоте.

Главный провел пальцами по шее, как будто проверял, на месте ли галстук.

– Это – Монолит? – указал стволом автомата на «автоклав» Гупи.

– Он самый, – уверенно кивнул Главный.

– Тот же, что мы видели до этого?

– Конечно. Я всего лишь на время отключил его. Чтобы продемонстрировать вам иную сторону реальности.

– А это? – взглядом указал на мертвецов Гупи. – Тоже пиры?

– Нет. Это те, что пришли к Монолиту сами. Не повинуюсь его зову, а лишь из праздного любопытства.

– И что с ними произошло?

– Они умерли.

– Тоже сами?

– Быть может, они именно за этим сюда и шли?

– Я слышал, что неосознанное стремление к смерти заложено в самой человеческой натуре.

– Сдохнуть можно где угодно. Необязательно идти для этого к Монолиту.

– Э, нет! – помахал рукой Главный. – Здесь они умерли счастливыми! Уверенные в том, что исполнилось их самое заветное желание!

Гупи подошел к «автоклаву» и заглянул в круглое окошко из толстого стекла. Как на подводной лодке. Внутри странного агрегата медленно пузырилась густая, грязно-желтая жидкость. Гупи показалось, что жидкость неоднородна. И, верно, то, что вначале выглядело, как шматок вязкой слизи, начало приобретать вполне определенные черты. Одновременно с этим объект перемещался к окошку, в которое смотрел Гупи. В тот момент, когда он приблизился к самому стеклу, Гупи понял, что это лицо. Человеческое лицо. Более того – его собственное лицо. Только обезображенное так, что не сразу

узнаешь. Как будто полубезумный художник решил с помощью своего умения превратить сталкера в жуткого монстра.

Чудище за стеклом клацнуло зубами и откусило себе язык.

Гупи невольно отшатнулся назад.

– Не понравилось? – участливо поинтересовался Главный.

Гупи отыскал взглядом Журналиста.

Излом стоял, упершись лбом в стену.

– Ну, и что мы теперь будем делать? – спросил его сталкер.

Он чувствовал не злость, а зудящее, словно комариный укус, раздражение из-за того, что все настолько глупо закончилось.

Хотя, если подумать, как иначе могла закончиться вся эта глупая история?

– Не знаю, – глухо отозвался Излом.

– Ну, ладно...

Гупи выхватил из кобуры пистолет, передернул затвор и направил его Главному между глаз.

Ему почему-то совершенно не показалось странным, что на нем теперь уже не скафандр военного сталкера, а куртка и штаны защитных цветов. И рюкзак с автоматом куда-то исчезли.

– Эй-эй! Полегче! – приподняв руки, седой помахал кончиками пальцев. – Не горячись. Ты уже пытался меня застрелить.

– Может, стоит еще раз попробовать? – сказал Гупи и нажал на курок.

Пуля вошла точно между бровей Главного и вышла в районе затылка, выбив осколок черепной кости. Главный упал на спину и картинно забился в судорогах. На губах у него запузырилась пена. А глаз то и дело хитро косил в сторону Гупи.

Минуты через две ему это надоело. Он поднялся на ноги, вытер губы краем халата и насмешливо погрозил сталкеру пальцем.

– В следующий раз, прежде чем что-то сделать, подумай... Как следует подумай... Ага?..

– Ага, – машинально кивнул Гупи.

– В таком случае, перейдем к главному номеру нашей программы!

Главный, будто конференсье на арене цирка, объявляющий парад-алле, вскинул обе руки вверх. В правой, точно дирижерская палочка, у него был зажат пульт управления Всем-На-Свете.

Хитро улыбнувшись, Главный надавил кнопку.

Они оказались на цветочной поляне. Что это были за цветы, Гупи не знал – с ботаникой у него вечно были нелады, – но все они были большие, очень красивые и источали дурманивший аромат. Над головой, так близко, что, кажется, протяни руку и достанешь, по ровной голубой лазури плыли похожие на белоснежные хлопья облака. Солнца на небе не было – источником света и тепла служил черный, как космический мрак, и восхитительный, как проблеск утренней зари, парящий в облаках Монолит. Границ у поляны не было, но Гупи почему-то был уверен, что куда бы он ни пошел, он непременно вернется назад, в то же самое место. Да ему и не хотелось никуда идти. Сталкер расстегнул две верхние пуговицы куртки и провел ладонью по груди. Никогда в жизни ему еще не было так хорошо. Откуда-то лилась медленная, тягучая музыка, похожая на ту, что Гупи слышал в коридоре, но более осмысленная. Она не просто заполняла собой пространство, а, растворяясь в сознании, становилась частью его самого.

– Где мы? – спросил Гупи у Главного.

– Все там же, – загадочно улыбнулся смотритель Монолита.

Внешность Главного также претерпела значительные изменения. Он уже не казался таким худым и изможденным, как прежде. Подбородок его был чисто выбрит, а волосы аккуратно подстрижены и зачесаны назад. Одет он был в бледно-голубой балахон с открытым воротом, широкими рукавами и длинными полами, едва не до пят.

– А Журналист? – Гупи посмотрел по сторонам. Местность вокруг открытая, спрятаться Излому негде. – Где он?

– Он получил то, что хотел, – ответил Главный.

– Он стал человеком?

– Не знаю. Но, – Главный лукаво прищурился, – смею предположить, вы с ним больше никогда не встретитесь.

– Почему?

– Потому что у каждого свой ад.

– Ад? – На всякий случай Гупи еще раз придирчиво осмотрел окрестности. – Ты называешь это адом?

– А как ты себе представляешь ад?

– Ну-у...

Гупи замялся. Глупо было рассказывать о кипящей смоле, раскаленных сковородах и чертях с вилами. Но, что поделать, если при слове «ад» именно эта картина возникала в сознании сталкера?

– Ад – это вечные страдания, – наконец нашел выход из ситуации Гупи.

– Страдания могут быть не только физические. Ты не слыхал о людях, которые имеют все, что только можно пожелать, и при этом отчаянно страдают?

– Почему?

– Потому что им больше нечего желать.

– Мне бы их страдания, – саркастически усмехнулся Гупи.

Главный очень серьезно посмотрел в глаза сталкера, тяжело вздохнул и с сожалением покачал головой.

– Боюсь, что именно это ты и получил.

– Э, нет! – помахал пальцем Гупи. – Я знаю, чего еще хочу!..

– Конечно! – быстро кивнул Главный. – Ты еще не видел самого главного! Сюда, пожалуйста!

Смотритель Монолита развернулся вполоборота и сделал приглашающий жест рукой.

Поднявшись по трем широким деревянным ступенькам, Гупи оказался на просторной тенистой веранде с резными створками, увитыми плющом, и изящными столбиками, оплетенными ветвями дикого винограда. На веранде стояли два невысоких круглых столика. Рядом с ними – широкие плетеные кресла. А чуть в стороне – роскошная жаровня с поддоном, наполненным крупным речным песком. Слева на перекладинке висят турки, десятка два, а то и больше. Все ручной работы, украшенные чеканкой, с резными деревянными ручками. Рядом в шкафчике – бумажные пакеты с написанными от руки бирками. Все это – кофе. Десятки сортов. От самых простых до элитных и даже экзотических. В шкафчике побольше – кофейная посуда.

– А здесь, – Главный распахнул стеклянные дверцы следующего шкафчика, – сахар, сливки, соль и специи. Имбирь, тмин, кориандр, корица... В общем, полный простор для творчества, – седой повернулся и посмотрел на Гупи. – Ну как? Что теперь скажешь, сталкер?

– Восхитительно, – негромко, вполголоса произнес Гупи. – Это именно то, о чем я мечтал.

– Ну, а я что говорил!

Главный хлопнул в ладоши и исчез.

Гупи взял средних размеров турку с кабаньей головой, налил в нее воду и четким, отработанным движением погрузил до половины в раскаленный песок жаровни. Затем всыпал немного кофейных зерен из пакета с биркой «Гибор Спешиал» в тяжелую кофемолку с черной, изогнутой ручкой.

Чуть позже, сидя в кресле с источающей умопомрачительный аромат чашечкой свежесваренного кофе в руке, Гупи аккуратно перебирал в памяти все, что с ним случилось за последние несколько дней. Он хотел понять, когда реальность начала

распадаться и уступать место иллюзии? В тот момент, когда он впервые увидел Монолит? Или раньше, когда он встретился со старым, неопрятно одетым человеком, именовавшим себя Главным? Или еще раньше, когда, спасаясь от бюреров, он увидел несуществующую стену? Или?..

Чем глубже в прошлое уходил в своих воспоминаниях Гупи, тем дальше отодвигалась планка, отделявшая реальность от иллюзии. Верить нельзя было ничему. Обман таился повсюду. Даже его появление на свет было событием, о котором он знал лишь понаслышке, с чужих слов.

В конце концов Гупи пришел к выводу, что реальности, как таковой, не существует вовсе.

Его это не сильно расстроило.

Допив кофе, Гупи положил руки на колени и расслабленно откинулся на спинку кресла.

Прохладный ветерок приятно обдувал лицо. Где-то невдалеке медленные, тягучие звуки органа неторопливо выписывали пока только самые общие черты знаменитой музыкальной темы. Им вторил тихий звон невидимых хрустальных колокольцев.

Сбылось то, о чем мечтал сталкер, ползая на животе в вонючей, кровавой грязи Зоны. И ему, действительно, больше ничего не хотелось.

Когда Гупи понял это, он перегнулся через подлокотник, опустил руку и поднял лежавший на полу автомат. Сняв оружие с предохранителя, он передернул затвор, прижал приклад к плетеному сиденью, приставил ствол к подбородку и нажал на курок.